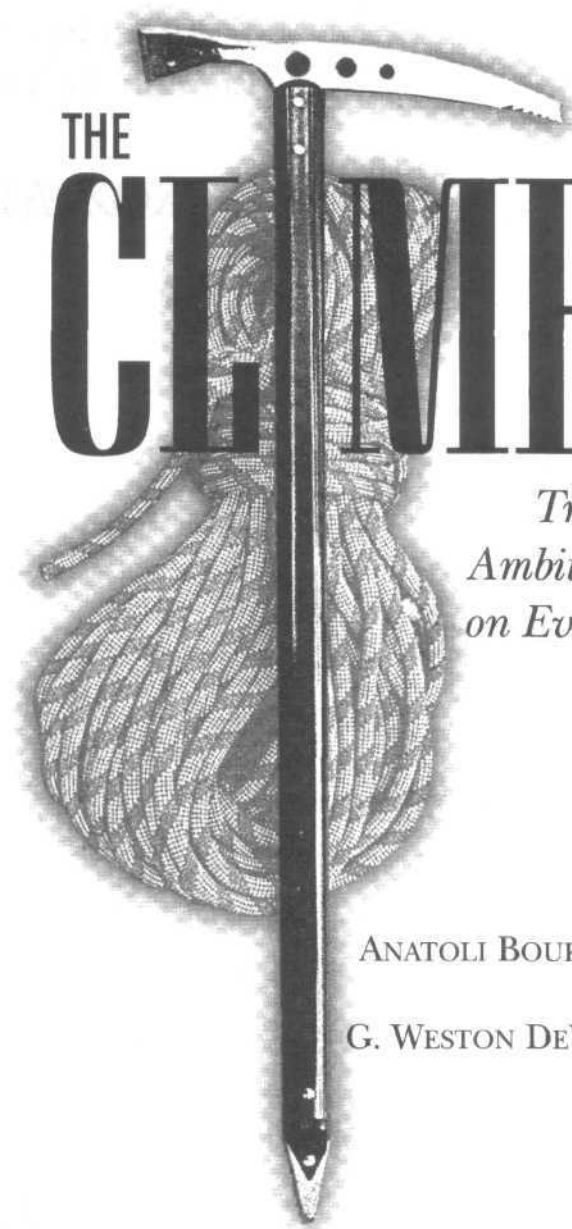

А.Н.БУКРЕЕВ Г.В.ДеУОЛТ

ВОСХОЖДЕНИЕ

THE
CLIMB

*Tragic
Ambitions
on Everest*

ANATOLI BOUKREEV
and
G. WESTON DEWALT

St. Martin's Griffin New York

Анатолий Букреев
Г. Вестон Де Уолт

ВОСХОЖДЕНИЕ

Перевод с английского Петра Сергеева

ВАСК • МЦНМО
МОСКВА, 2002

ББК 75.82
Б 90

Букреев А. Н., Г. Вестон Де Уолт

Б 90 Восхождение: Перев. с англ. — М.: МЦНМО, 2002. — 376 с, 16 с. ил.
ISBN 5-94057-039-9

Книга посвящена трагическим событиям 1996 г. на Эвересте: это скорбная, исполненная героизма история гибели пяти альпинистов на высочайшей вершине мира. Уникальная спасательная операция, описанная в книге, не имеет аналогов в истории мирового альпинизма.

«Восхождение» — свидетельство одного из главных участников экспедиции — выдающегося русского альпиниста Анатолия Букреева, который подробно, день за днем, описывает ход событий, пытается разобраться в причинах трагедии. Сам Анатолий Букреев, вскоре после написания книги, трагически погиб в лавине при восхождении на Аннапурну 25 декабря 1997 года, через 1,5 года после описываемых событий.

Фотография на обложке *В. Неворотина*

Карты и схемы нарисованы специально для русского издания
С. Макцкевичем

Copyright © 1997 by Anatoli Boukreev and G.Weston DeWalt

© БАСК, Перевод на русский язык 2002

© LWylie, В. Седельников, В. Неворотин

ISBN 0-312-20637-2 (англ.) Фотографии, 2002

ISBN 5-94057-039-9 (рус.) © С. Макцкевич. Карты и схемы, 2002

*Горы имеют власть звать нас в свои края
Там навсегда остались лежать наши с вами друзья
Тянутся к высоте люди большой души
Не забывают тех, кто не пришел с вершин...*

Анатолий Букреев

Издание книги «Восхождение» посвящается памяти

Анатолия Букреева
Владимира Башкирова
Дмитрия Соболева
Ясуко Намбы
Нгаванга Топше
Скотта Фишера
Энди Харриса
Дуга Хансена
Брюса Хирода
Роба Холла
Чен Ю Яна
Лопсанга Янгбу

Авторы особенно признательны за помощь, оказанную им

Алексом Дэвисом
Ервандом Ильинским
Терри Ле Мончек
Симоном Моро
Гарри Нептуном
Бобом Пэлэсом
Дианой Тейлор
Линдой Уайли
Бетти Уальд
Джен и Ширли Фишерами
Дженни Фишер
Ринатом Хайбуллиным

От издателей

Да не смеет никто судить Икара
за его безумный полет, как не смеет
судить и Солнца, растопившего ему
крылья.

Даниил Андреев

Так уж получилось, что наша работа последние двенадцать лет постоянно связана с людьми неординарными: руководителями альпинистских, полярных, яхтенных, парашютных экспедиций, сильными спортсменами, одиночными путешественниками. Помогая таким людям, невольно становишься соучастником их рискованных проектов. Многие стали нашими друзьями.

В память о погибших друзьях Анатолии Букрееве и Владимире Башкирове мы решили перевести и издать эту книгу в России.

Сергей и Владимир Богдановы
фирма «БАСК»

Предисловие переводчика

Переводные издания на альпинистскую тематику выходят у нас нечасто. Тем более символично появление в России такой книги, как «Восхождение». Среди множества изданий, опубликованных на Западе и теперь выходящих у нас, «Восхождение» стоит особняком.

Дело в том, что одним из соавторов и главным героем книги является наш соотечественник Анатолий Букреев — один из лучших высотных альпинистов двадцатого века. Так причудливо сложилась жизнь, что книгу ему пришлось писать по-английски. Вынужденный изъясняться на чужом языке, Букреев полностью сконцентрировался на точности изложения фактов, не слишком заботясь об изысканности стиля. При переводе мы постарались сохранить его манеру повествования. Как и в оригинальном издании, слова Анатолия в книге выделены курсивом.

Помимо полного перевода книги «Восхождение» в настоящем издании содержатся также воспоминания друзей Анатолия Букреева, написанные ими специально по этому случаю.

В заключение нашего краткого предисловия хотелось бы отметить тех, кто помог появлению «Восхождения» на русском языке. Прежде всего, это Владимир Богданов, друг Анатолия Букреева и руководитель компании БАСК — лидера среди российских производителей альпинистской экипировки. Без его инициативы и поддержки публикация «Восхождения» была бы просто невозможна. Мы особенно благодарны замечательному литературному редактору книги Полине Кузнецовой и Степану Макцкевичу, создавшему все иллюстрации и схемы для русского издания. С большим участием отнесся к идее публикации «Восхождения» на русском языке Иван Ященко, который организовал подготовку книги к печати.

Хочется также поблагодарить всех членов нашего альпинистского сообщества, оказавших большую помощь при переводе «Восхождения», в особенности Вадима Бешанова (Харьков), Алексея Дмитренко (Лимасол), Рината Хайбуллина (Алма-Ата) и Сергея Шibaева (Санкт-Петербург).

Петр Сергеев

Предисловие к русскому изданию

Книга Анатолия Букреева — это полотно трагических событий весны 1996 года на юго-восточном гребне величайшей горы мира Событий, во время которых к вершине, лоя окно в погоде, рванулось сразу несколько групп восходителей. Высшей точки достигло 27 человек, но на спуске пятеро исчезли в буре, а еще двое получили сильнейшие обморожения. Событий, вошедших в историю мирового альпинизма как пример и безответственных решений, и беспримерного героизма Событий, где переплелись судьбы миллионерши и почтового служащего; где умирающий альпинист по спутниковому телефону прощается со своей беременной женой и выбирает с ней имя будущему ребенку; где в живых остается тот, кто 12 часов пролежал под снегом и льдом, брошенный своими партнерами.

«Восхождение» — свидетельство не просто очевидца, но одного из главных участников этих событий.

Статистика восхождений на вершину Эвереста говорит о том, что покорить его всегда было непросто. С 20-х годов двадцатого века в Непал направлялись экспедиции с тоннами груза, укомплектованные альпинистской командой в два-три десятка человек. Восхождение на гору напоминало осаду средневекового замка, в предместье которого разбивается лагерь и неделя за неделей осаждающие вновь и вновь атакуют стены и отвесы, пробиваясь сквозь туман и пургу.

С момента, когда Хиллари и Тенцинг впервые достигли пиковой точки высотного полюса Земли в 1953 году, и до конца 90-х гг. вершины достиг 1161 человек. Погиб 151, если считать со дня первого восхождения на вершину, и 175 — с учетом самых первых попыток. Статистика такова, что примерно каждый пятый навсегда остается на склонах гиганта

Зачастую это люди, отдавшие искусству горвосхождений многие годы жизни, прошедшие долгими путями от вершин Альп к гигантским гималайским взлетам. В том, 1996-м, году вершины Эвереста достигло 98 альпинистов, но «рекордной» стала и другая цифра — 15 восходителей оставили на горе свои жизни.

На смену брезентовым штормовкам и сизалевым веревкам пришли гортексовые куртки и синтетические волокна, но суть, в общем-то, осталась той же: работа на пределе, в атмосфере, где кислорода на треть меньше, чем внизу, в долине.

Совершенствовалось снаряжение, менялась психология восходителей. В мире практически не осталось белых пятен, и то, что еще вчера казалось не-

доступным, сегодня воспринимается как обыденное, и через неделю в ленте новостей вытесняется новыми событиями. Но на вершину Эвереста, как и 50 лет назад, можно попасть только своими ногами. Шаг за шагом. Проявляя незаурядное терпение, волю и мужество.

Конечно, чем плод недоступнее, тем он слаще. В 1985 г. техасский миллионер Дик Басс оплачивает услуги гидов-проводников и с их помощью поднимается на вершину Эвереста. Мысль о том, что купить можно и восхождение, окончательно утверждается на Западе в начале 90-х. Появляются коммерческие экспедиции, которые обязуются сделать все для того, чтобы клиент попал на вершину. Они берут на себя организацию экспедиции, доставку участников в базовый лагерь, организацию пути и промежуточных лагерей, сопровождение клиента и его подстраховку на всем пути вверх и вниз. Клиент идет с кислородным аппаратом, и все это удовольствие, вырастая в цене, на сегодняшний момент достигает 50 000~65 000 долларов.

Но ни за какие деньги невозможно купить погоду, ветер, снег. Клиенту гарантируют услуги и помощь, но не достижение вершины. И пункта о благополучном возвращении нет в этих договорах. Стихия гор такова, что самые опытные и умелые порой не в силах противостоять ей. Об этом свидетельствуют судьбы многих «звезд» альпинизма, да и автора этой книги — тоже...

Именно в такую коммерческую экспедицию в качестве гида был приглашен Анатолий Букреев.

Анатолий родился в 1958 г. в Челябинской области. Однако много лет он прожил в совхозе «Горный садовод» под Талгаром и после развала СССР остался в Казахстане, приняв гражданство республики. В горы Анатолий попадает 16-летним юношей и уже через десять лет становится одним из сильнейших высотников страны. Первым восьмимысячником Букреева становится третья вершина мира — Канченджанга. В процессе подготовки Толя неизменно занимает первые места в отборочных «гонках», быстрее всех претендентов поднимаясь и на Эльбрус, и на пик Коммунизма. Тогда же за 14 часов он поднимается на вершину пика Ленина.

15 апреля 1989 г в группе Валерия Хрищатого он без кислорода поднимается на Среднюю вершину Канченджанги (8 478 м), а чуть позже с группой Сергея Бершова проходит траверс всех вершин массива. Этот, по тем временам беспрецедентный, траверс (с выходом из лагеря на «7 200») занял у группы всего три дня.

Кандидат в мастера спорта Букреев становится Заслуженным мастером спорта и Мастером спорта международного класса. Ему вручен орден «За личное мужество».

Но звездами на погонах альпиниста всегда были лишь достигнутые ими вершины.

Май 1990 г. Сразу два восхождения на Мак-Кинли. Сначала — в составе группы по пути Кассина, потом десятичасовое соло по западному ребру. Чуть позже взят Эль-Капитан, а еще позже — скоростные соло на пики Победы и Хан-Тенгри.

Весна 1991. Дхаулагери по западной стене. 10 мая на вершину выходят участники экспедиции Казахстана Букреев, Моисеев, Сувига, Целишев, Хайбуллин, а тремя днями позже — группа Хришатого.

Осень 1991. В составе питерской экспедиции на вершину Эвереста через Южное седло Анатолий без кислорода поднимается в связке с еще одним легендарным представителем советского альпинизма — Владимиром Балыбердиным

1994. Скоростное соло-восхождение на Макалу. 46 часов на подъеме и спуск в базовый лагерь¹.

В конце 90-х Букреев все еще возглавлял список альпинистов СНГ с 18 **подъемами** на восьмитысячники. Это:

- четыре восхождения на Эверест (1991, 1995, 1996, 1997),
- два восхождения на Дхаулагери (1991, 1995 — за 17 часов от базового лагеря),
- два восхождения на Лхоцзе (1996 — за 21 час от базового лагеря, 1997),
- два восхождения на Макалу (1994, 1994 — дважды в течение месяца),
- **Манаслу (1995),**
Канченджанга (1989),
- К-2(1993),
Чо-Ойю (1996 — соло на пятые сутки со дня прибытия в базовый лагерь),
- Шиша-Пангма(1996),
Бруд-пик (1997 — соло за 36 часов из базового лагеря),
Гашербрум (1997 — соло с «5 800» до вершины за 9 с половиной часов).

Последние два года его жизни были очень напряженными и тяжелыми. Он покорил 8(!) восьмитысячников. Пережил смерть матери и отца. Ушли друзья — Владимир Балыбердин, Владимир Башкиров; к последнему Анатолий относился с особенным уважением и любовью.

Девятнадцатая экспедиция в Гималаи, в 1997-м, на Аннапурну стала для Анатолия последней. 27 декабря вместе со своим другом, высотным киноопе-

• Данные из сборника «Восхождения. Хроника восхождений в Гималаях и Карокооруме в 1982-1997 гг.» — М.: Издание И. В. Балабанова, 1998.

ратором Дмитрием Соболевым он был сметен лавиной на высоте 6000 м. Несмотря на усилия друзей, тела не были найдены. Так закончилась жизнь великого Букреева...

* * *

Ночь, темнота, вой пурги, ужасающий холод и люди, которые где-то рядом. Их нужно спасать, им нужен кислород, горячий чай, опорное плечо, путеводный фонарь... Что бы ты делал, читатель, на этом восьмимысячном «Титанике»? Кого бы сажал в шлюпки?..

Букреев решал эту задачу в течение двух суток. Он нашел выход практически для всех своих подопечных.

Казалось бы, все ясно. Но тут...

Подробности роковых событий в ярком и эмоциональном репортаже Джона Кракауэра первым публикует популярный американский журнал «Аутсайд». Кракауэр — альпинист и публицист этого издания — с целью описания восхождения на Эверест по заданию редакции шел к вершине в параллельной группе Роба Холла. В ту ночь эта группа потеряла четырех альпинистов, в том числе и самого Холла

Несмотря на то, что Кракауэр был непосредственным очевидцем событий, после восхождения он обстоятельно беседовал и с самим Букреевым, и с его партнерами по восхождению. Однако интерпретация воспоминаний восходителей получилась весьма своеобразной. Отдавая дань горовосходительским талантам Букреева, Кракауэр описал его как излишне прямолинейного человека, не сумевшего оценить ситуацию, растерявшегося, проявившего безответственность, действовавшего, в основном, в своих интересах. Претензии Кракауэра строились, в основном, на том обстоятельстве, что Букреев первым из всей группы спустился с вершины в штурмовой лагерь, оставив клиентов и остальных гидов позади себя. Заметим, что талантливо написанный репортаж (а впоследствии и книга) Кракауэра произвел на публику большое впечатление.

Остается только гадать, почему Кракауэр оставил в тени серьезные промахи руководителей групп Роба Холла и Скотта Фишера, недостойное поведение шерпов и некоторых из партнеров по злополучному восхождению. Возможно, потому Джон и переложил всю вину на Букреева, что сам ту ужасную ночь провел в спальнике, восстанавливая силы после спуска с вершины.

Далеко не все были согласны с оценкой корреспондента «Аутсайд». В мае 1997 г. на страницах известнейшего издания «Уолл Стрит Джорнал» альпинист и писатель Гален Ровелл, комментируя ситуацию, писал: «Пока господин

Кракауэр спокойно спал, а никто из гидов, клиентов или шерпов не нашел в себе мужества покинуть лагерь, Букреев в одиночку несколько раз выходил наверх. Ночью, на восьмикилометровой высоте, он шел сквозь бушевавшую снежную бурю и спас троих альпинистов, уже стоявших на краю смерти... Кракауэр лишь вскользь упоминает о проведенной Букреевым уникальной спасательной операции. Сделанное им не имеет аналогов в истории мирового альпинизма Человек, которого многие называют "тигром Гималаев", сразу после восхождения без кислорода на высшую точку планеты без всякой помощи несколько часов подряд спасал замерзающих альпинистов... Говорить, что ему повезло — значит недооценивать совершенного им. Это был настоящий подвиг».

И словно подтверждая оценку Галена, Палата представителей Конгресса США выносит публичную благодарность лично Анатолию Букрееву.

Букреев, тяжело переживавший события трагической ночи, встретил публикацию в «Аутсайде» с недоумением и даже растерянностью. Это был удар в спину.

Об одном из сильнейших высотников мира было написано примерно в таком духе: «Когда ситуация (*на вершине* — С. Ш.) стала угрожающей, русский припустил оттуда со всех ног». Кракауэр в лучших традициях «желтой» прессы беззастенчиво передергивал факты и делал это сознательно, пытаясь уже для личной выгоды выжать все из скандальной истории.

Букреев написал письмо редактору журнала «Аутсайд», в котором объяснял причины и обстоятельства своего поведения в те роковые часы. Но оно не было опубликовано. Тем временем Кракауэр выпустил «В разреженном воздухе» — книгу об эверестовских событиях. Она разошлась многотысячным тиражом в нескольких странах мира (700 000 только в США).

И тогда вместе с писателем Вестоном Де Уолтом было написано «Восхождение».

Мы читаем ее только сейчас, пять лет спустя. Все-таки — читаем...

* * *

Букреев называл себя приверженцем и выходцем русской школы альпинизма. Что же «проходят» в этой школе сейчас?

Средний возраст лучших восходителей страны приближается к 45-летней отметке. Очень многое изменилось с тех пор, как эти люди встали на горную тропу. Система, некогда подпитываемая профсоюзными деньгами, канула

в лету, горы — в прямом, а не переносном смысле — стали дороже. Зато ярко смогли проявиться таланты тех, кто прежде мог бы всю жизнь дожидаться очереди в сборную на пути в Гималаи.

Традиционны имена и неизменна география.

Великолепен проект «Русский путь — стены мира» Александра Одинцова из Петербурга, седьмой год совершающего с командой восхождения на выдающиеся стены мира Потрясаючи соло Валерия Бабанова Мощны аккорды екатеринбургских альпинистов, где сверкает целая плеяда «звездных» имен. Всегда силен Красноярск. Кипит жизнь в Приморье, Кузбассе, Магнитке. Буквально за несколько месяцев до выхода этой книги представляющие новое поколение московские альпинисты совершили первое российское восхождение на Серро-Торре (Патагония) — одну из самых труднодостижимых вершин планеты.

Проблемы с посещением горных районов Средней Азии и Кавказа, возникшие в середине 90-х гг. и связанные с напряженной обстановкой в этих регионах, российские восходители компенсировали вниманием к ранее неосвоенным районам. Так, красноярцы осваивают Ергаки. Интенсивнее стало посещение Алтая, Саян, Хибин.

Можно было написать отдельную главу о том, что произошло в нашем альпинизме после гибели Анатолия Букреева. Но в заключение скажу только о последнем, минувшем 2001 году.

Он стал весьма удачным для российских альпинистов. Увенчалась успехом пятилетняя эпопея покорения последней не взятой человеком вершины, превышающей восьмитысячную отметку.

Первовосходителями на «русский восьмитысячник» Лхоцзе Средняя (8 413 м) стали Сергей Тимофеев (43 года), Алексей Болотов (37), Евгений Виноградский (51) из Екатеринбурга и красноярец Петр Кузнецов (42). Выйдя из лагеря на Южном седле 23 мая 2001 г. в 8 часов утра, они достигли вершины в 15:00, после чего благополучно спустились к палаткам.

Эту вершину российские альпинисты пытались штурмовать с 1997-го года Тогда непогода не позволила пройти дальше Главной вершины, а от больших перегрузок на спуске умер лидер экспедиции Владимир Башкиров. В 1998-м была предпринята следующая попытка — со стороны Лхоцзе-Шар. Но дальше Шара не «покатило». Весной 2000-го года российско-грузинская команда опять пыталась пробиться через Лхоцзе-Главную, и опять непогода остановила альпинистов на той же главной вершине. Четвертую — и опять безрезультатную — попытку совершила экспедиция МЧС России осенью 2000 года

В марте 2001 года в Непал выехала пятая экспедиция. Ее организатором стал профессиональный кинорежиссер, участник нескольких экспедиций москвич Виктор Козлов. В команду вошли екатеринбуржцы: заслуженный мастер спорта СССР Евгений Виноградский, мастера спорта Сергей Тимофеев, Алексей Болотов, Юрий Ермачек, Николай Жилин; москвичи, заслуженные мастера спорта Николай Черный, Василий Елагин, мастера спорта Владимир Яночкин, Виктор Володин, заслуженный мастер спорта из Ростова Юрий Кошеленко и сибиряки, мастера спорта Петр Кузнецов (Красноярск) и Глеб Соколов (Новосибирск).

Вслед за первой четверкой 24 мая на вершину вышли Глеб Соколов и Юрий Кошеленко. Последними на Лхоцзе Среднюю поднялись Владимир Яночкин и Виктор Володин.

Другим признанием успехов россиян стало вручение международного приза «Золотой Ледоруб-2001» — за лучшее восхождение года. Валерий Бабанов в третьей попытке наконец взял свое — 12 января 2002 г. «Золотой ледоруб-2001» присужден ему. Это второе «золото» российских альпинистов за 11 лет вручения приза. Первыми были екатеринбуржцы с Южной стеной Макалу в 1997-м. Валерий же с 1999 года каждый сезон совершает свои потрясающие соло, номинируемые на «Золотой ледоруб». После Гран-Жораса и Кангтеги, Меру была самым лучшим образом оценена высокочтимым жюри. Радует и то, что за последние восемь лет вручения приза российские восходители — постоянные номинанты конкурса, причем с 1998 г. на конкурс приглашается не менее двух российских команд.

* * *

Соломенные волосы, голубые глаза на загорелом худощавом лице — Анатолий Букреев останется в нашей памяти красивым, сильным, мужественным человеком. Восходителем с большой буквы.

Сергей Шibaев,
редактор журнала «ЭКС.
Путешествия. Приключения.
Экстрем»,
член Правления Федерации
альпинизма России

В знак благодарности

В этом кратком предисловии авторы хотели бы выразить благодарность всем, кто помог нам в работе над книгой — прежде всего, участникам экспедиции «Горного безумия». Мы признательны и тем нашим помощникам, кто предпочел остаться неназванным.

Многие люди внесли свой вклад в освещение тех трагических событий и помогли нам рассказать о них в книге, которую вы сейчас держите в руках. В их числе Рейна Агтас, Кевин Куней, Чарльз Рамсбург, Мишель Закхайм, Боб Пэлэс, Чарли Мейс, Перри Уильямсон, Гарри Нептун, Лаура Браун, Мишель ди Лоренцо, Тодд Скиннер, Джек Роббинс, Дэвид Шенк, Алекс Бирс, Элиот Робинсон, Флер Грин, Кристиан Беквис, Анна Крчик, доктор Роджер Миллер, Бетти Уальд, Сью Ферон и Грег Глейд.

Один из авторов, Вестон де Уолт, выражает особую признательность экс-президенту Американского альпинистского клуба (а ныне — главному редактору альпинистского ежегодника «Accidents in North America Mountaineering») Джеду Уильямсону за постоянную и активную поддержку нашей работы.

Большую помощь нам оказали переводчицы Наталья Лаговская и Барбара Постон, которые вместе с нами прошли весь путь от первой страницы книги до последней.

Огромный вклад внесла в создание нашей книги Терри Ле Мончек, которая выступала то в роли неутомимого журналиста, то в роли беспристрастного свидетеля. Без ее энтузиазма нам вряд ли удалось бы завершить свою работу.

Особую благодарность за веру в успех и проявленное терпение мы хотим выразить Кэтлин Андерсон.

Мы искренне признательны редактору издательства «Мартин Пресс» Георгу Витту, который помог нам преодолеть весь тернистый путь от написания книги до ее публикации.

Мы глубоко благодарны нашему общему другу Линде Уайли за ее гостеприимство, великодушие и рассудительность, которые не раз выручали нас в самых трудных ситуациях.

От автора

Через пять дней после трагических событий мая 1996 года девять участников экспедиции «Горного безумия» собрались в базовом лагере под Эверестом, чтобы вместе вспомнить о пережитом и поделиться своими мыслями. Все сказанное было записано на магнитофонную пленку. В процессе работы над книгой мы неоднократно обращались к этим записям, уточняя детали и цитируя слова участников. Анатолий Букреев, также участвовавший в «разборе восхождения», выражает благодарность всем своим собеседникам. Откровенность альпинистов, их стремление быть объективными делают данную запись одним из главных документальных свидетельств той трагедии. В нашей книге мы неоднократно цитируем слова участников; такие фрагменты выделены знаком *.

Пролог

«Кладовыми снега» называли эти горы в древней Индии. Именно так переводится слово «Гималаи» с санскрита. В 1996-м году кладовые эти оказались переполненными — слишком много снега выпало накануне очередного альпинистского сезона.

Вечером 10-го мая 1996-го года жестокий ураган обрушился на Эверест. Вблизи вершины непогода затянулась на десять с лишним часов. Двадцать три человека оказались застигнутыми врасплох на южных склонах величественной горы. Сквозь снег и ветер, сбивавший с ног, пытались они вслепую прорваться к лагерю. Их единственной целью было выжить.

Из-за сильнейшей метели участники оказались запертыми в «зоне смерти», расположенной на более чем восьмикилометровой высоте, где недостаток кислорода и сильный холод быстро расправляются со всем живым.

Снег валил с такой силой, что невозможно было что-либо разглядеть уже на расстоянии вытянутой руки. Но люди все равно не сдавались. Иногда им удавалось воспользоваться перильными веревками, закрепленными на маршруте для большей безопасности. Кислород в баллонах закончился, и из-за наступившей гипоксии сознание альпинистов притупилось. Потерявшие всякую чувствительность руки и ноги едва сгибались. Даже если участникам повезет, и они дойдут до лагеря — кто знает, что их ждет? Очень может быть, что они станут инвалидами. Казалось, что в темноте, под завывание ветра, люди вели негласный торг со смертью. «Тебе нужны мои пальцы? Забери их, только оставь мне жизнь».

Внизу, в том самом лагере, куда они так стремились, русский гид спешил выйти к ним на помощь. То угрожая, то умоляя, он обходил все палатки одну за другой, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто вышел бы вместе с ним наверх, на помощь к попавшим в беду.

В итоге Анатолий Николаевич Букреев принял решение, которое многие потом назовут самоубийственным. Он решил отправиться наверх в одиночку. Пойти навстречу бешено хлеставшему по лицу снежному крошеву, навстречу ураганному ветру. Чтобы получить представления о реве урагана, по словам одного из участников, нужно представить себе, что «над вами вагон за вагоном проносится товарный поезд». Тем не менее, Букреев вышел на спасение погибающих, и то, что произошло потом, американский альпинист и писатель Гален Ровелл впоследствии назвал «одной из наиболее выдающихся спасательных операций».

Через две недели после драматических событий на Эвересте Букреев вылетел из Катманду в Денвер (штат Колорадо), затем, встретившись с друзьями, он отправился в Санта Фе (штат Нью-Мексико). Там он, наконец, смог отдохнуть после всего, что ему довелось пережить. Вскоре после его приезда состоялась наша первая встреча. Дело в том, что за несколько месяцев до этого я по просьбе нашего общего друга приобрел для Анатолия фотоаппарат и переслал его в базовый лагерь под Эверестом. 28-го мая 1996-го года мы в первый раз увиделись друг с другом.

Я видел фотографии Анатолия, сделанные до трагедии на Эвересте. Художавый, подтянутый, с доверчивой улыбкой — таким я себе его представлял. Когда я вошел в дом, он медленно поднялся с кресла, чтобы поприветствовать меня. Я увидел усталые ввалившиеся глаза, почерневшие губы и кончик носа (следы обморожений) и взгляд, отстраненный от всего окружающего. Казалось, я видел перед собой лишь его телесную оболочку, а дух находился в другом, недоступном для меня месте.

Его вид напомнил мне что-то до боли знакомое... Да, это было во время войны в Мозамбике. Такое же отсутствующее выражение было у русского солдата¹, сидевшего на броне БТР с автоматом Калашникова в руках. Легким движением затвора он предотвратил мою попытку сфотографировать его. Это был не самый приятный момент в моей жизни: меня встревожила тогда даже не та естественность, с которой он обращался с оружием, а полная отрешенность на его лице.

Мы постепенно разговорились. Мои попытки вспомнить русский язык, который я изучал в институте, оказались безуспешными, и поэтому Толя перешел на английский. Он говорил спокойно и вполне ясно, хотя и избегал сложных грамматических конструкций. Тема было все та же — Эверест. Анатолию хотелось разобраться, что же произошло тогда на горе.

Мы встретились с ним на следующий день, а потом еще через день. Мне рассказали, что Толе постоянно снились тревожные сны о горах. В этих снах он все время пытался принести кислород пострадавшим альпинистам, но никак не мог до них добраться. От самого Анатолия я об этом не слышал, он говорил лишь о том, что в действительности происходило в те майские дни на Эвересте. В рассказе не было литературных красот или интригующего сюжета. Для замерзающего на такой высоте человека простая чашка горячего чая приобретает цену жизни, а красивые слова не стоят ничего.

Видимо, речь идет о гражданской войне в Мозамбике в середине 70-х годов (*прим. перев.*).

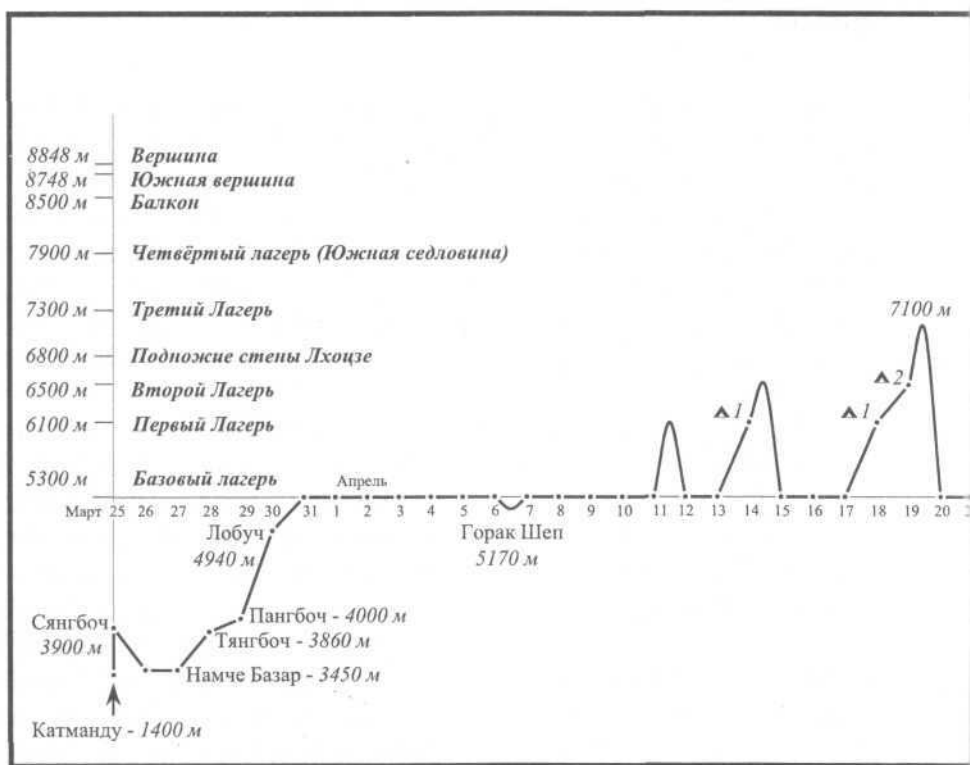
Я высоко оценил искренность Анатолия. Он охотно отвечал на мои вопросы, которых со временем становилось все больше. Мы начали записывать наши разговоры на магнитофонную пленку.

3 июня 1996-го года мы с Анатолием решили начать совместную работу над книгой, которую вы сейчас держите в руках. Мы согласились работать вместе, причем я собирался выяснить мнение других участников экспедиции. Букрееву эта идея понравилась. Он понимал, что видел лишь часть произошедшего, и ему самому было интересно узнать, к каким же выводам мы в конце концов придем.

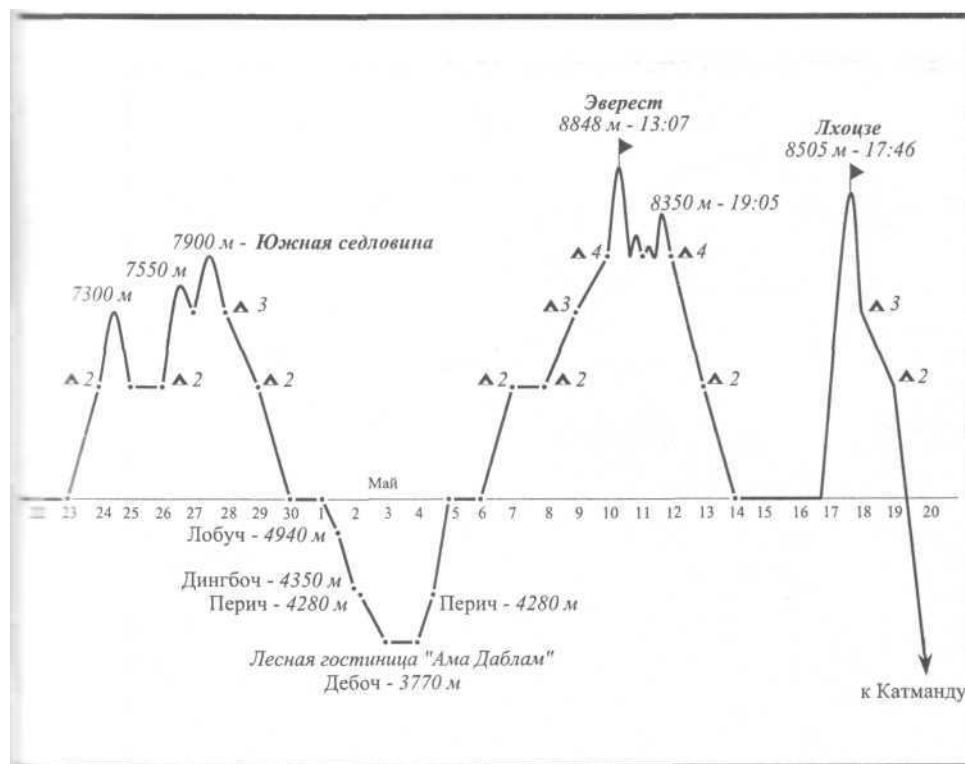
13 января, после заключения контракта с издательством «Мартин Пресс», мы приступили к интенсивной работе над книгой, включавшей в себя многочисленные интервью и обработку всех материалов. Со своей стороны, Букреев представил все имевшиеся у него личные и экспедиционные записи, письма, заметки, воспоминания. За этот период Анатолий снова набрал десять килограммов веса, потерянные во время гималайской экспедиции; улыбка вновь стала появляться на его лице. Я тем временем много ездил, встречался с разными людьми. Я опрашивал оставшихся в живых участников событий 1996-го года, а также друзей тех альпинистов, с которыми поговорить уже никогда не удастся. С помощью профессиональных переводчиков и наших друзей, собрав множество документальных материалов и свидетельств очевидцев, мы представляем вам историю этого восхождения.

Санта Фе,
штат Нью-Мексико

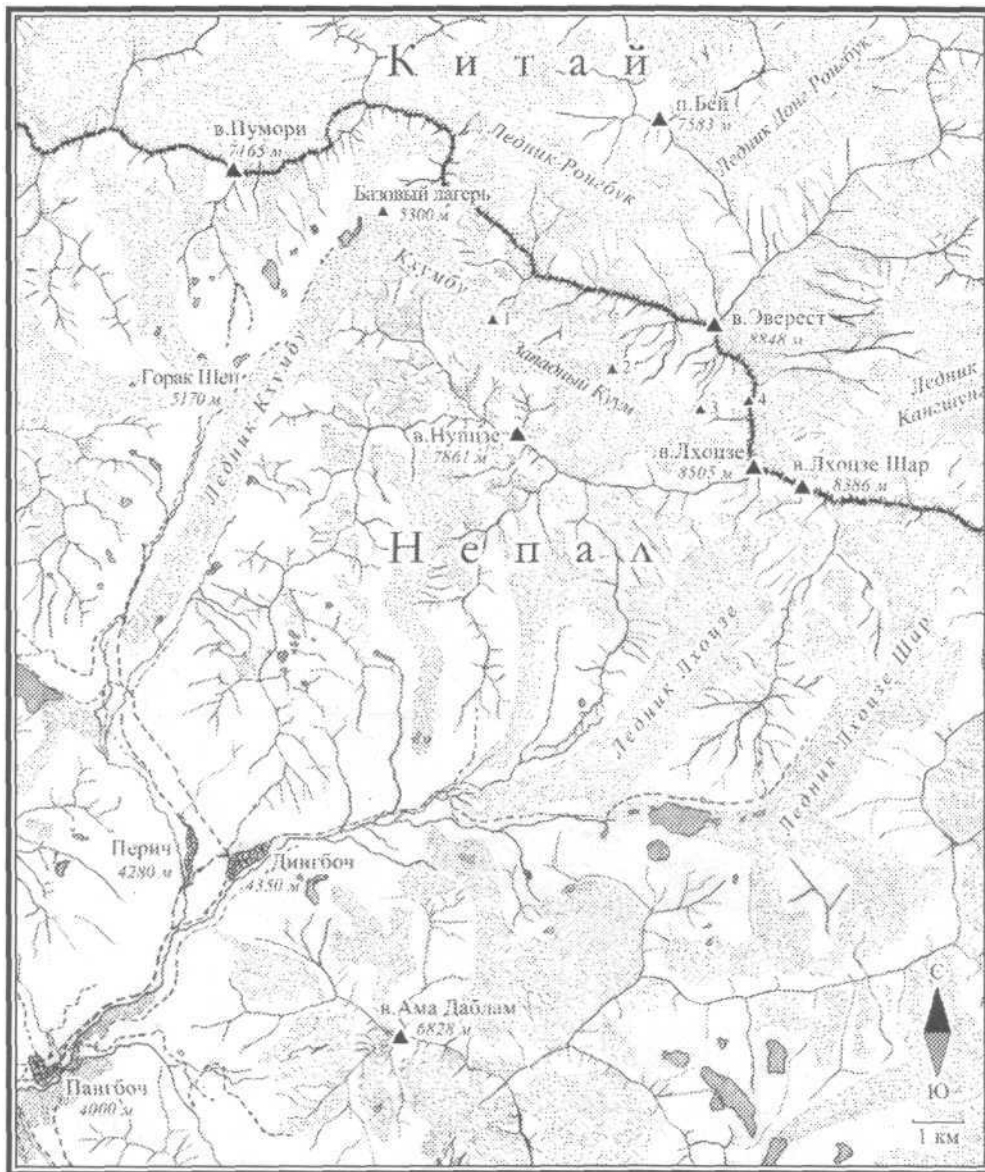
Г. Вестон Де Уолт

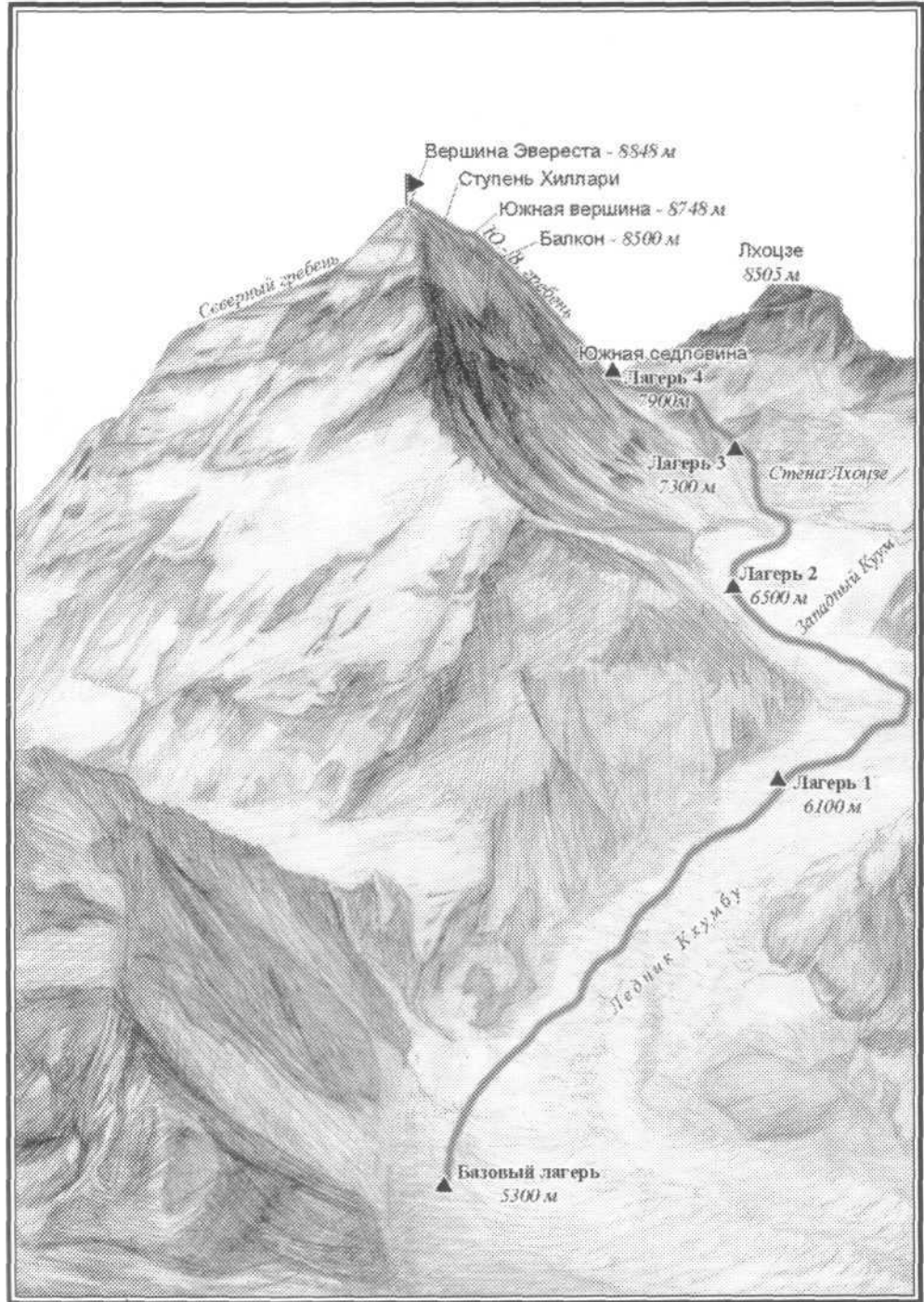

25 марта	Катманду—Сянгбоч— Намче Базар
26 марта	Намче Базар
27 марта	Намче Базар — Тянгбоч
28 марта	Тянгбоч — Пангбоч
29 марта	Пангбоч — Лобуч
30 марта	Лобуч— Базовый лагерь
31 марта	Базовый лагерь
1 апреля	Базовый лагерь
2 апреля	Базовый лагерь
3 апреля	Базовый лагерь
4 апреля	Базовый лагерь
5 апреля	Базовый лагерь
6 апреля	Базовый лагерь — Горак Шеп — Базовый лагерь
7 апреля	Базовый лагерь
8 апреля	Базовый лагерь (прибытие участников)
9 апреля	Базовый лагерь
10 апреля	Базовый лагерь
11 апреля	Базовый лагерь — ледник Кхумбу — Первый лагерь — Базовый лагерь
12 апреля	Базовый лагерь
13 апреля	Базовый лагерь — Первый лагерь
14 апреля	Первый лагерь — Второй лагерь — Базовый лагерь
15 апреля	Базовый лагерь
16 апреля	Базовый лагерь
17 апреля	Базовый лагерь — Первый лагерь
18 апреля	Первый лагерь — Второй лагерь
19 апреля	Второй лагерь (перила до 7 100 м) — Базовый лагерь
20 апреля	Базовый лагерь
21 апреля	Базовый лагерь
22 апреля	Базовый лагерь

23 апреля	Базовый лагерь — Второй лагерь
24 апреля	Второй лагерь — 7 300 м — Второй лагерь
25 апреля	Второй лагерь (отдых)
26 апреля	Второй лагерь — Третий лагерь — 7 550 м — Третий лагерь
27 апреля	Третий лагерь — Четвёртый лагерь — Южная седловина — Третий лагерь
28 апреля	Третий лагерь — Второй лагерь (помогая Фишеру спустить Круза)
29 апреля	Второй лагерь — Базовый лагерь (вместе с Крузом и Гаммельгард)
30 апреля	Базовый лагерь
1 мая	Базовый лагерь — Дингбоч
2 мая	Дингбоч — Перич — Лесная гостиница «Ама Даблам» — Дебоч
3 мая	Дебоч
4 мая	Дебоч — Базовый лагерь
5 мая	Базовый лагерь
6 мая	Базовый лагерь — Второй лагерь
7 мая	Второй лагерь
8 мая	Второй лагерь — Третий лагерь
9 мая	Третий лагерь — Четвёртый лагерь — Южная седловина
10 мая	Четвёртый лагерь — Вершина — Возвращение в четвёртый лагерь (спасательные рейды)
11 мая	Четвёртый лагерь — 8 350 м (попытка спасения Фишера)
12 мая	Четвёртый лагерь — Второй лагерь
13 мая	Второй лагерь — Базовый лагерь
14 мая	Базовый лагерь
15 мая	Базовый лагерь (разбор восхождения)
16 мая	Базовый лагерь — Выход на штурм Лхоцзе в 20:30
17 мая	Вершина Лхоцзе — Третий лагерь
18 мая	Третий лагерь — Второй лагерь
19 мая	Второй лагерь — Базовый лагерь — ночной спуск в Сянгбоч
20 мая	Сянгбоч — Катманду (на вертолёт)

ВОСХОЖДЕНИЕ

Глава 1

ГОРНОЕ БЕЗУМИЕ

Ками Нору все стоял и не мог отвести взгляд от ночного неба. Звезда. Еще вчера ее здесь не было.

Каждую следующую ночь он выходил и снова смотрел на небо. Звезда не стояла на месте. Наконец пришел день, когда звезда, совершив свой путь, исчезла, оставив лишь багровую полосу на черном небосводе. Потом и та растаяла в ночном небе, таком близком и таком холодном.

Так начинался весенний гималайский сезон в марте 1996 года.

Ками Нору был шерпой и жизнь свою проводил в горах. Сагибы¹ называли звезду кометой и дали ей странное имя Гекутак, но он-то знал, что, как ее не назови, хорошего в ней мало. Жизнь шерпов, этого горного народа, расселившегося от Тибета до Непала, оказалась неразрывно связанной с судьбой многочисленных гималайских экспедиций. Зарабатывая на жизнь, шерпы работают поварами, погонщиками яков или носильщиками у приезжающих альпинистов. Некоторые выбирают более опасную, но и более доходную работу — идут в высотные носильщики. Им предстоит сопровождать иностранных альпинистов на высоте и участвовать наравне с ними в этом безумном противостоянии — опыт и выносливость против враждебной окружающей среды, в которой долго не может находиться ничто живое. Со времени первой экспедиции в 1921 году более 140 восходителей не вернулось со склонов Эвереста. Более 50 из них — шерпы. Поэтому шерпы бдительно следят за всем, что, по их мнению, нарушает привычный ход вещей в природе.

Ками Нору был «новый шерпа» — один из тех, кто сменил традиционную тканую одежду и плетеные сандалии на гортексовую² куртку и пластиковые ботинки и отправился в горы зарабатывать деньги. В свои тридцать с небольшим Ками был главой семейства, отцом троих детей и уже опытным высотником. В 1996 году, как и во все последние годы, шотландская компания «Гималайские гиды» вновь пригласила его на работу сирдаром (начальником шерпов) в экспедицию на Эверест.

«Белый человек», европеец (*прим. перев.*).

² Gore-Tex — современная мембранная технология, позволяющая изготавливать одежду, в которой можно комфортно чувствовать себя в самых неблагоприятных погодных условиях. Одежда из гортекса стоит очень дорого (*прим. перев.*).

«Ну, что ты там видишь? — спросил бородатый и широколицый Генри Тодд, похлопывая Ками Нору по плечу. — Что за звезда такая?» «Мы не знаем, — ответил шерпа — Точно не знаем, но нам она не нравится».

Что-то пробормотав, Генри отошел в сторону. Бывший профессиональный рэгбист, теперь этот пятидесятилетний англичанин возглавлял «Гималайских гидов». У него была хорошая репутация — ни одного смертельного случая за долгие годы. У подобного успеха было много составляющих: и деловая хватка Тодда, и выгодный союз с Ками Нору, и, конечно, везение, без которого в Гималаях не обойтись.

Весной 1995 года «Гималайские гиды» организовали коммерческую экспедицию по восхождению на Эверест с северной, тибетской стороны. Успех был неоспорим — восемь участников достигли вершины. Это, конечно, придало Генри и Ками Нору уверенности, но в самонадеянность они не впали. Теперь, в марте 1996-го, оба с тревогой думали о предстоящем сезоне.

«Шерпы считают, что комета — плохое предзнаменование», — размышлял Тодд' «Да, они суеверны, но мне она тоже не по душе. Знающие люди говорят, что все это не просто так».

У Генри Тодда хватало проблем и помимо всей этой звездной неразберихи. Был уже конец марта, а снег на тропе еще не растаял, и караван яков не мог подняться на высоту 5 300 метров, в базовый лагерь. Только шерпы-носильщики могли пробираться наверх по узкой, заваленной снегом тропе. Но проблемы это не решало — для проведения экспедиции необходимо было огромное количество снаряжения и продуктов, и только яки могли втащить наверх такую тяжесть. Под угрозу была поставлена судьба всего мероприятия. Тодда мучила мысль: а что если тропа и дальше останется непроходимой? Дело в том, что на Эвересте просвет в погоде часто бывает недолгим, а на смену ему приходит затяжной муссон. Если запоздать с завозом снаряжения в базовый лагерь, то благоприятный момент для штурма может быть упущен, и тогда все труды пойдут прахом.

Не зная, что их ждет впереди, Тодд и Ками Нору решили по мере сил подготавливаться к возможным неприятностям. Так, Генри Тодд первый послал в базовый лагерь из Катманду, где он дожидался таянья снега, несколько ящиков виски. Их подарил Тодду один из его прежних клиентов. Еще раз напомнив носильщикам, как аккуратно надо обращаться с этим грузом, Тодд отправил шерпов в базовый лагерь. Он уже предчувствовал те ночи, когда глоток спиртного поможет отвлечься от тяжелых мыслей. Ками Нору к виски был равнодушен и к восхождению готовился по-другому.

На высоте 4 000 метров, на одной из огромных террас на склоне Эвереста расположена небольшая деревня Пангбоч, через которую проходит основной путь к базовому лагерю. Там, в доме шерпы Ками Нору совершался обряд пуджи. Ками Нору благодарил горы и молил благословить его на новое восхождение. На рассвете в просторной комнате второго этажа пятеро буддистских монахов в темно-красных и голубых одеждах сидели на полу, образуя круг. Чуть поодаль, тоже кругом, стояли Ками Нору и другие шерпы из Пангбоха, которым предстояло отправиться на Эверест. Ставни были наглухо закрыты, и только свечи из ячьего жира мерцали, наполняя комнату неясным призрачным светом. Грубые дощатые полы были выстланы красно-синими тибетскими коврами; от тлеющих углей исходил сладковатый запах благовоний.

Монотонные буддистские напевы отражались от стен, потолка и вновь возвращались к шерпам, каждым звуком принося им спокойствие и уверенность в том, что теперь они под надежной защитой и ничто не сможет помешать их благополучному возвращению. Когда прозвучало и затихло последнее благословение пуджи, шерпы, связавшие свою судьбу с Эверестом, получили талисманы в дорогу. Это была ниточка красного или голубого цвета, которую каждый из них надел на шею.

Теперь — в путь. Снег на тропе почти растаял; настало время шерпам подниматься в базовый лагерь и дожидаться там прихода своих экспедиций. Получая от двух с половиной до пятидесяти долларов в день, они должны были заниматься установкой лагеря, поднимать наверх грузы, а также готовить еду и обслуживать восходителей, которые все прибывали и прибывали под Эверест.

В начале 80-х все обитатели базового лагеря без труда могли поместиться в одном вагоне метро. Теперь для них было бы мало и целого поезда. В 1996 году более четырехсот человек поднялись по тропе наверх. Обилие палаток, толпы людей — происходящее было похоже на рок-фестиваль. По словам одного альпиниста, «все это напоминало цирк, только вот клоунов было многовато». Складывалось впечатление, что многие из обитателей базового лагеря попали сюда случайно.

Множество шуток и насмешек выпало на долю тайваньской экспедиции под руководством Макалу Го. За шутками, однако, скрывалась тревога — квалификация этой команды, ее способность успешно вернуться с горы вызывали большие сомнения. «С ямайскими хоккеистами и то, наверное, безопасней идти в гору, чем с этими тайваньскими альпинистами», — говорили о них в базовом лагере. Помимо тайваньцев, наверх поднялась и экспедиция газеты «Санди Таймс» из Йоханнесбурга, которую напутствовал сам Нельсон Мандела. Истории о неопытности ее участников обошли весь лагерь. Не раз высказыва-

лось и недоверие к их руководителю — стойкому, но вспыльчивому Яну Вудалу.

Известный американский альпинист Эд Вистурс, в свои тридцать семь уже не раз побывавший на Эвересте, заметил, что в лагере «слишком много людей, которым здесь не место». На этот раз Эд совмещал обязанности гида и оператора в коммерческой ИМАКС-экспедиции, ее возглавлял американский альпинист и режиссер Дэвид Бришер. На время экспедиции были запланированы съемки широкоформатного фильма, который должен был выйти на экраны в 1998 году. Бюджет проекта был рекордным; никогда еще документальная лента о горах не стоила так дорого. Предназначенный для просмотра в лучших кинозалах с панорамными экранами и самой современной акустикой, фильм должен был возвести зрителя на «крышу мира» не отрывая от мягкого кресла.

Сорокалетний Бришер был в Гималаях чем-то вроде легенды. Он лучше чем кто бы то ни было сумел разглядеть в Эвересте золотую жилу для своего бизнеса, уступив в этом разве что самому сэру Эдмунду Хиллари (Хиллари вместе с шерпой Норгеем Тенцингом первым поднялся на высшую точку планеты в 1953 г.). Деятельность в горах приносила Бришеру основную часть годового дохода. В 1985 году он отличился тем, что привел на вершину техасского бизнесмена и миллионера Дика Басса. Басс, которому было уже 55 лет, стал старейшим покорителем Эвереста. Многие считают, что именно это событие оказалось переломным в истории восхождений на главную вершину Земли. Преуспевающие любители приключений сразу обратили внимание на успех Басса. «Если в 55 лет за определенную плату можно покорить Эверест, то и мне стоит попробовать». Коммерческие экспедиции начали ориентироваться на богатых клиентов, способных платить большие деньги за большие горы. Если раньше предпринимались усилия для получения спонсорской поддержки от государства или крупных корпораций, то теперь охота шла за отдельными людьми, которые вместе с некоторыми альпинистскими навыками имели бы и приличные деньги и могли «купить» экспедицию. В результате была заключена своеобразная сделка между альпинистами-профессионалами и опытными любителями: и те, и другие хотели покорять высочайшие вершины и были нужны друг другу.

Еще не дойдя до базового лагеря, ИМАКС-экспедиция Бришера успела произвести впечатление на местных жителей. Оказавшись в Пангбоче, несколько ее участников зашли в ресторанчик рядом с домом Ками Нору. Заказав чай, они категорически отказались от местной еды и принялись доставать припасы из своих рюкзаков. «Пижоны», — с неодобрением прокомментировал их поведение один бывалый альпинист.

Рядом с ИМАКС-экспедицией разбили свой лагерь «Гималайские гиды» Генри Тодда и еще несколько экспедиций, которые тоже привели в горы платных клиентов. Среди этих «охотников за баксами» (так за глаза прозвал их один историк альпинизма на Эвересте) были и «Консультанты по приключениям» под руководством новозеландца Роба Холла.

Представительный, чем-то напоминавший Линкольна, Роб казался гораздо старше своих тридцати пяти лет. В нем чувствовалась сила и уверенность. В 1990 году его компания впервые привела экспедицию на Эверест. С тех пор он успел побить все рекорды, возведя на вершину тридцать девять человек (включая персонал экспедиции). Рекламные объявления его компании кочевали из номера в номер международных альпинистских журналов. Они отличались большим размером, напористым стилем, но отнюдь не скромностью. Одно из них, появившееся в печати в начале 1995 года, гласило: «100%-ный успех! Сообщите нам свой адрес, и мы вышлем вам наш бесплатный цветной буклет». В этом году о ста процентах речь уже не шла — в мае 1995-го при штурме вершины Роб повернул свою экспедицию назад. Снег наверху оказался очень глубоким, темп продвижения сильно упал — идти дальше было невозможно. В тот раз никто из клиентов не поднялся на Эверест.

В 1996 году Роб Холл снова был в Гималаях и рвался в бой, полный решимости вернуть себе место среди победителей. Бизнес требовал вершин, а не отступлений. Психологическое напряжение усугублялось еще и тем, что появился новый конкурент.

Им оказался Скотт Фишер. Ростом метр девяносто пять, с длинными вьющимися волосами и правильными чертами лица, он словно сошел с рекламного плаката. Скотт жил в Западном Сиэтле, а свою работу в туристической компании «Горное безумие» долгие годы воспринимал как нечто второстепенное. Он был альпинистом и хотел совершать восхождения по всему земному шару. С помощью «Горного безумия» он мог себе это позволить.

Скотт как нельзя лучше подходил для своей компании. Альпинизмом он начал заниматься в 14 лет. Позже он окончил школу гидов в штате Вайоминг, приобретя репутацию отличного тренера по скалолазанию и альпинизму. Кроме того, он был известен и как высококвалифицированный горный гид, имея в своем активе немало удачных восхождений.

Улыбчивый и обаятельный, он обладал огромной притягательной силой. Ему не составляло труда привлечь клиентов, заинтересовать их, и под его влиянием люди охотно выписывали чеки и принимались паковать рюкзаки. Словом, Фишер казался сильным соперником, если не считать отсутствия опыта в организации коммерческих экспедиций.

Решение стать «охотником за баксами» пришло к Фишеру само собой. Так говорит об этом один из его компаньонов: «Мне кажется, что, узнав об успехе Роба Холла, он подумал: "А чем, собственно, я хуже?" При чем, он сделал это без всякого вызова, не из желания кого-то опередить. Просто он сказал себе: «Ведь я классный альпинист, почему бы и мне не попробовать? Я тоже наберу клиентов и поведу их в Гималаи. И, как и Роб, хорошо на этом заработаю».

Карен Дикинсон, в то время главный менеджер «Горного безумия», рассказывала: «Решение компании об отправке экспедиции на Эверест было требованием времени. Наши клиенты проявляли интерес к высотному альпинизму, и если бы нам нечего было им предложить, мы бы их просто потеряли. А так, в случае благоприятного исхода, у компании появилось бы новое выгодное направление. Так что, бесспорно, у нас была большая финансовая заинтересованность. Хотя, конечно, в случае неудачи мы могли все потерять. Ставки были высоки».

Фишер очень нуждался в большом вознаграждении, которое ждало его в случае успеха экспедиции. Он подумывал о том, что ему пора изменить свою жизнь. Карен Дикинсон так говорила о Скотте: «Не так давно ему исполнилось сорок, и дела его наконец-то пошли так, как ему хотелось... Он взошел на К-2³, покорил Эверест. За ним закрепилась репутация гида, которому сопутствует успех... Фишер даже сказал однажды, что в будущем ему бы не хотелось отправляться на Эверест самому; куда разумнее было бы нанять для этой цели других».

Казалось бы, это всего лишь набросок будущих планов, да и разговор Фишера с Дикинсон был почти случайным. Но люди, хорошо знавшие Скотта Фишера, могли догадаться, сколь серьезен он был в своих намерениях. Став старше, Скотт по-новому взглянул на мир. Его личная жизнь, работа в компании, общественный имидж — все подлежало пересмотру.

Компания «Горное безумие» была основана Фишером еще в начале 80-х, и никогда еще работа в ней не приносила ему стабильного дохода. Жизнью для него был альпинизм, а работа лишь давала возможность жить. Его фирма никогда не была среди лидеров коммерческого туризма, оставаясь мало кому известной. Успех на Эвересте мог все изменить. Если бы удалось набрать достаточно клиентов за ту же цену, что и у Холла (65 тысяч долларов), и грамотно организовать восхождение, то появились бы и деньги на устройство жизни по-новому.

³ Второй по высоте (8 611 м) восьмитысячник, расположенный в горной системе Каракорум в Пакистане. Считается самым сложным (при восхождении по классическим маршрутам) и опасным из всех восьмитысячников (*прим. перев.*).

Успеху предприятия мешала, в частности, малая известность Фишера «на международном уровне». Его деятельность слабо освещалась в прессе, в то время как другие высотники буквально не сходили со страниц альпинистских журналов и рекламных проспектов. По мере того, как он все больше сживался с ролью руководителя экспедиции, его личная альпинистская карьера отходила на второй план. Как заметил один из его друзей, Скотту стало казаться, что «пресса до сих пор уделяла ему до несправедливости мало внимания. Его имя по-прежнему было мало кому знакомо. А Скотту хотелось, чтобы его знали в лицо».

Как ни странно, по мнению многих из его окружения, еще одной проблемой для Скотта стал его имидж. Да, конечно, профессиональный альпинист, опытный инструктор и гид, хороший фотограф — все это таю Но с другой стороны, слишком уж смел и слишком безрассуден. Кому-то эти качества могли понравиться, но только не состоятельным клиентам и богатым спонсорам. Для них он был слишком «рисковым». Успешная экспедиция на Эверест, широко освещенная в прессе, могла исправить ситуацию.

В своем офисе в Западном Сиэтле Дикинсон, Фишер и сотрудники компании принялись за раскрутку нового проекта Сотни рекламных проспектов были напечатаны и разосланы потенциальным клиентам. Эти черно-белые шедевры своим незатейливым оформлением напоминали не то руководство по пользованию стиральной машиной, не то инструкцию к холодильнику. Не в силах соперничать с лоском и стилем рекламной кампании Роба Холла, «Горное безумие» главную роль уделило тексту: «В 1996-м году участники нашей команды поднимутся на высшую точку планеты... Мы разобьем цепь высотных лагерей (один за другим). Наши гиды и высотные шерпы проведут перила*, снабдят высотные лагеря всем необходимым, будут вести участников за собой на всех этапах штурма вершины. Участники будут нести легкие рюкзаки, чтобы сберечь силы для восхождения».

Нельзя сказать, что известие о вступлении Скотта Фишера в «большую игру» сильно обрадовало его конкурентов. Легкость, с которой Скотт вел дела, его участие в снаряжении экспедиций в самые отдаленные районы Африки, Южной Америки и Азии уже привлекали к нему клиентов с самых разных концов земли. В случае успеха Фишера в Гималаях Роб Холл оказался бы в непростом положении — ведь большинство клиентов приезжало к нему из Америки, а Скотт Фишер был как раз американцем.

В альпинизме так называются жестко закрепленные горизонтальные или вертикальные веревки, по которым участники передвигаются, пристегнувшись к ним карабином или специальным зажимом (*прим. перев.*).

* * *

Желая привлечь внимание общественности как к себе, так и к своей экспедиции, Фишер с удвоенным рвением взялся за прессу. И почти сразу ему подвернулся подходящий случай.

Журнал «Аутсайд» — лидер среди американских изданий, посвященных тематике путешествий и приключений, — принял решение направить своего журналиста в экспедицию на Эверест. Это был Джон Кракауэр, альпинист из Сиэтла, автор нескольких бестселлеров. Теперь от него ждали новой сногшибательной статьи, на этот раз об Эвересте. «Аутсайд» был готов оплатить участие Кракауэра в команде Фишера, но журнал требовал для себя скидки, и немалой.

Если бы «Горному безумию» удалось заполучить такого известного журналиста, перед компанией открылись бы новые широкие возможности. Понимая это, компания со всей энергией принялась за «обработку» руководства журнала. Неутомимая Карен Дикинсон предлагала самые разные условия сделки и взаимовыгодные договоренности. Как сказал один из деловых партнеров Фишера, «она (Карен Дикинсон) просто терроризировала редакцию своими бесконечными звонками и предложениями».

Переговоры продвигались успешно, и Фишер был очень заинтересован в этом сотрудничестве. В обмен на приличную скидку для «Аутсайда», «Горное безумие» получало право на размещение в журнале своей рекламы и, главное, отчет о своей экспедиции — статью самого Кракауэра с множеством красочных фотографий. Кракауэр тоже был воодушевлен происходящим. Он сказал одному из сотрудников Фишера: «Я хочу идти со Скоттом. Его альпинисты лучше, чем в других командах. К тому же Скотт тоже из Сиэтла и сам по себе очень яркая личность».

Фишер полагал, что «Аутсайд» — как раз то, что им нужно. Журнал был в основном рассчитан на читателей с хорошим достатком, поэтому отчет об экспедиции мог привлечь внимание состоятельных любителей приключений, готовых платить по «высотным» расценкам. Дикинсон вспоминала: «Довольно долго мы были уверены, что Джон пойдет с нами... Мы забронировали для него место в экспедиции и вели напряженные переговоры с "Аутсайдом" об условиях сделки — какая ее часть может быть оплачена рекламой, а какая — просто банковским чеком».

Впрочем, один из сотрудников «Горного безумия» рассказывал, что «они ("Аутсайд") все время что-то выторговывали у Карен и хотели, видимо, чтобы наша компания отдала это место даже не по себестоимости, а еще дешевле —

так, чтобы "Горному безумию" пришлось еще и платить за это восхождение из своего кармана. Но все имеет свои границы!.. Тогда редакция "Аутсайда" обратилась к Холлу, и тот согласился на меньшую сумму». В результате «Аутсайд» в последний момент передумал и купил для Кракауэра место в экспедиции Холла

Представитель журнала, объясняя это решение, утверждал, что «Консультанты по приключениям» были выбраны «не только по финансовым соображениям. У Холла был значительно больший опыт руководства высокогорными экспедициями; он гарантировал большую безопасность при восхождении. Кроме того, по мнению Джона Кракауэра, система обеспечения кислородом у Холла была лучше».

Узнав об этом, Фишер просто пришел в ярость. «Чего еще ждать от газетчиков, это же такое дерьмо». Один из его друзей вспоминает его возмущенную реакцию: «Он считал, что "Аутсайд" просто надул его, украв эту идею и всю занявшись ею... Они узнали все подробности у Карен (Дикинсон), а потом из-за лишней тысячи — не знаю точно, но выгадали они явно немного — переметнулись к Холлу».

Но вскоре, словно в компенсацию за неудачу с Кракауэром, появилась новая возможность, не хуже прежней. «Горному безумию» удалось заполучить к себе в экспедицию Сэнди Хилл Питтман, чьи статьи выходили в таких популярных изданиях, как «Аллюр» и «Конде Наст Трэвеллер». Питтман было сорок лет. Она сумела покорить высочайшие горы на шести из семи континентов. Но ее манил Эверест. Дважды она пыталась взойти на него (одна из этих попыток была в составе ИМАКС-экспедиции Бришера), но всякий раз она была вынуждена возвращаться, так и не дойдя до вершины.

Питтман была настоящей находкой для «Горного безумия». У нее было больше высотного опыта, чем у Кракауэра. Она заключила контракт с Интернет-агентством, согласно которому ежедневно должна была отсылать к ним на сайт новости об экспедиции⁵. Если бы Фишер помог Сэнди покорить Эверест, то ему была гарантирована известность поп-звезды. Но вместе с тем Скотт понимал, что теперь он просто обязан дотащить ее до вершины.

«Мне кажется, он воспринимал Питтман как подарок судьбы; благодаря ей у него появился редкий шанс, — рассказывал приятель Скотта — Если бы восхождение состоялось... Она бы писала о нем, говорила о нем, принесла бы ему удачу и известность. Но в случае провала Фишеру пришлось бы туго. Я живо представляю себе, как Питтман рассказывала бы всем: "Всею виной Скотт

⁵ Адрес сайта был www.nbc.com/everest, но после выхода нашей книги (ее американского издания) вся информация оттуда была удалена.

Фишер, один только он. Я могла подняться, но он мне не дал этого сделать. Я покорила бы Эверест, если бы не он"».

* * *

Чтобы успешно довести свою группу до вершины, Фишер нанял трех гидов. Из рекламной литературы потенциальные клиенты могли узнать о них подробнее: Назир Сабир из Пакистана, опытнейший гид, покоривший несколько восьмитысячников; Нил Бейдлман, авиационный инженер из Колорадо, совмещавший серьезные занятия альпинизмом с бегом на сверхдлинные дистанции, и Анатолий Букреев.

Анатолий Букреев, которому тогда было тридцать восемь лет, жил в Алматы. Этот русский альпинист был одним из лучших высотников во всем мире. К весне 1996 года он уже покорил семь самых сложных восьмитысячников⁶, некоторые неоднократно. На каждый из них он поднимался без кислорода. Все это, равно как и беспрецедентные скоростные восхождения Анатолия, говорило о его уникальных способностях.

⁶ Всего в мире есть четырнадцать восьмитысячников. Восемь из них расположены в Гималаях, а остальные шесть — в Каракоруме.

Глава 2

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЭВЕРЕСТ

Хотя в «послужных списках» Фишера и Букреева можно было найти одни и те же вершины, встретиться на маршруте им не довелось. Друг о друге они узнали от своего общего знакомого — легендарного русского альпиниста Владимира Балыбердина. Анатолий Букреев был наслышан об общительном и дружелюбном американце, который в 1992 году участвовал в русско-американской экспедиции и покорил «безжалостную гору» К-2. Фишер — о странном русском, которого даже призыв на афганскую войну не смог оторвать от любимого дела — Анатолий и в армии продолжал заниматься альпинизмом. Рассказы о выносливости Букреева и его скоростных восхождениях поражали воображение.

В мае 1994-го Фишер и Букреев наконец встретились.

Мы впервые увиделись на банкете в Катманду — Роб Холл отмечал удачное восхождение своей экспедиции на Эверест. Там было человек шестьдесят — альпинисты, шерпы и просто друзья, которые собрались отпраздновать закрытие весеннего сезона в Непале. У высотников свой очень тесный мирок, где почти все друг с другом знакомы. Но с Холлом и Фишером мы тогда встретились в первый раз.

Я только что вернулся из коммерческой экспедиции на Макалу (8 463 м), которую вел мой друг Тор Кайзер из Колорадо. Результаты были так себе — только трое из нас, включая Нила Бейдлмана из Аспена (штат Колорадо) и меня, поднялись на вершину. Для Скотта же этот сезон был исключительно удачным. Наконец-то (с третьей попытки) ему удалось взойти на Эверест. Скотту было чем гордиться, особенно если учесть, что это было бескислородное¹ восхождение.

Скотт выглядел как настоящий американец — у него была совершенно голливудская внешность. Высокий, красивый, с широкой улыбкой и открытым лицом, он притягивал к себе людей.

Полагаю, что у Скотта были большие возможности как у высотника. Мне посчастливилось совершать восхождения вместе со многими знамени-

¹ В высотном альпинизме так называют восхождения, совершенные без использования вспомогательного кислорода {прим. перев.}.

тыми альпинистами, и Скотт был наравне с лучшими из них. Конечно, ему не хватало известности, но я очень уважал его — его и другого американца, Эда Вистурса. Эд, с которым мы познакомились в 1992-м году, покорил без кислорода девять из четырнадцати восьмитысячников. Я считал его лучшим американским высотником.

* * *

Второй раз судьба свела Букреева и Фишера в октябре 95-го, и опять в Катманду. Букреев тогда лихорадочно искал способ продолжать свою альпинистскую карьеру, а Фишер вел затянувшиеся переговоры с непальским министерством туризма. Ему необходимо было получить официальное разрешение² взойти на Эверест.

Годом раньше казахстанская команда пригласила Анатолия в запланированную на осень 1995-го экспедицию на Манаслу (8162 м). Восхождение предполагалось посвятить памяти альпинистов из Казахстана, погибших при штурме этой вершины в 1990 году. Букреев, в замыслах которого было покорение всех восьмитысячников, никогда не был на Манаслу, и потому с радостью согласился. Он стал тренироваться, и тренировался просто фанатично.

Казахстан, как и другие республики бывшего СССР, переживал не лучшие времена, и деньги на альпинистские программы достать было очень сложно. Поэтому Букреев ничуть не удивился, когда Ерванд Ильинский, руководитель будущей экспедиции, сообщил, что нужных средств найти не удалось, и восхождение откладывается до весны 1996-го года.

О том, что экспедиция отменяется, я узнал перед самым отлетом в Непал. Что мне оставалось делать? Я высотник, и мое будущее было там, в Тималаях. Зачем мне сидеть в Алма-Ате? Если бы я остался в Казахстане, дожидаясь, когда повезет в следующий раз, то с альпинистской карьерой можно было бы распрощаться. Поэтому я все же полетел в Катманду, надеясь устроиться гидом или присоединиться к одной из экспедиций на восьмитысячник.

Когда я прибыл в Непал, вакансий на место гида не оказалось. К счастью, я встретился со своими грузинскими друзьями, с которыми раньше ходил на Памир и Тянь-Шань.

² По законам королевства Непал для восхождения на основные вершины альпинисты должны получить специальное разрешение, которое выдается на жестких условиях и требует уплаты высокого Королевского сбора (*прим. перев.*).

Грузинская команда, в отличие от казахской, проблем с деньгами не испытывала и запланировала восхождение на Дхаулагири (8 167 м). Соблазн пополнить в свою команду столь опытного и сильного участника был велик. Поэтому Анатолия пригласили участвовать в экспедиции, но за свой счет: он сам должен был оплатить все свои расходы и внести долю за официальное разрешение. С распадом Советского Союза времена «дружбы народов» и «братской взаимопомощи» закончились и уступили место холодным расчетам. Несмотря на крайнюю ограниченность в средствах, Букреев согласился.

Грузинская команда опасалась, что участие такого сильного альпиниста как Букреев может быть неправильно истолковано и занижит их собственные спортивные достижения. Было решено, что вместе они идут только до заключительного штурма, а дальше поднимаются независимо друг от друга. В случае успешного восхождения грузинам не хотелось быть обязанными русскому, да еще из Казахстана. Тут дело было даже не в соперничестве (бесспорно, распространённом явлении в высотном альпинизме), а в национальной политике новоиспечённых государств.

8 октября 1995 года Букреев в одиночку и без использования кислорода поднялся на вершину Дхаулагири. Сам того не желая, он установил мировой рекорд — восхождение заняло всего 17 часов 15 минут.

* * *

Вернувшись в Катманду 20 октября, Анатолий сразу занялся делами — ему предстояло продолжить переговоры с Генри Тоддом из «Гималайских гидов». Тодд предложил ему работу, и Букреев обдумывал свои условия. Он уже сотрудничал с Тоддом. Во время прошлогодней экспедиции «Гималайских гидов» на Эверест (по северному маршруту) Тодд повредил спину, и пока он лежал в базовом лагере, именно Букреев взял на себя руководство группой и повел ее к вершине. Успех, достигнутый тогда, подстегивал «Гималайских гидов» воспользоваться услугами Анатолия и в этот раз. В сезоне 1996-го года Тодд планировал экспедицию на Эверест уже с другой стороны, по юго-восточному ребру. Это был наиболее популярный путь к вершине.

Однажды утром я шел по району Тамел и случайно оказался на улице, до отказа загроможденной застрявшим в пробке транспортом. Велорикши, носильщики, грузовики — все мешалось в этой жуткой неразберихе. И вдруг сквозь крики и пронзительный вой клаксонов я услышал свое имя. «Толя,

Толя», — кричали мне из легковой машины и весело махали руками. Да это же алмаатинцы! Я поспешил к ним. Они только что прилетели в Катманду и были в отличном настроении. Каким-то чудом экспедиция на Манаслу все же состоялась — ребятам подбросили денег, и было решено пойти на вершину в декабре 95-го, а не весной 96-го. Для меня это было вдвойне радостно: во-первых, мы-таки идем в горы! Во-вторых, у меня освобождалась весна, и мне становилось проще строить планы на предстоящий сезон. И буквально через несколько дней я встретил Скотта.

Я шел к себе в гостиницу, когда в тесноте торговых рядов заметил его. Я не был уверен, что он меня помнит, но все же его окликнул. Он обернулся и тут же заулыбался, узнав меня. «Анатолий, привет! Как дела? Хочешь пива?» Мы зашли в ресторанчик рядом с непальским министерством туризма, где у Скотта была назначена встреча. Сидя за столиком, мы принялись вспоминать все, что случилось с нами с момента прошлой встречи. За это время Скотт провел успешную экспедицию на Броуд-пик (8 047 м) в Пакистане, а сейчас у него был самый разгар переговоров по поводу официального разрешения на экспедицию к Эвересту. «Цены просто немыслимые! — возмущался он. — По десять тысяч с каждого участника. Неслыханная наглость!» Скотт уже заключил контракты с несколькими клиентами, и оставалось только получить разрешение.

Организуя экспедицию на Эверест, Фишер отчасти блефовал. Он агитировал будущих клиентов, еще не имея разрешения на восхождение — практика, почти общепринятая в коммерческих экспедициях. «Да, нам приходилось рисковать, — рассказывает Карен Дикинсон. — Годом раньше мы собирались повести экспедицию на Эверест, но не сумели договориться с властями. Тогда мы от своих планов отказались, а потом, как часто бывает, разрешение нам все-таки дали. Был уже конец января, и заново начинать приготовления не имело смысла. Тем временем наши конкуренты, все без исключения главшие, что разрешение у них на руках, с успехом провели свои экспедиции. Поэтому в 96-м мы сказали: "Конечно, конечно, разрешение у нас уже есть", хотя получили его только в феврале».

Скотт поинтересовался, что я делал в Катманду. Я рассказал, что совсем недавно во второй раз поднялся на Дхаулагири. «Работал гидом?» — спросил Скотт. «Да, нет, просто так. Из спортивного интереса, — ответил я. — Появилась возможность присоединиться к грузинской экспедиции и совершить скоростное восхождение. Вот я и пошел». Скотт даже не сразу

понял. «Так ты что — не вел платных клиентов?» — спросил он, улыбаясь. Этот вопрос попал в точку: с деньгами у меня было плохо. В бывшем Советском Союзе с государственной поддержкой альпинизма было покончено. Скотт, как и я, знал о гибели нашего общего друга Владимира Балыбердина — чтобы заработать на жизнь, он стал заниматься частным извозом и погиб в автокатастрофе-».

Мне не хотелось жаловаться на трудные времена, и я предпочел сменить тему. «Через месяц я собираюсь с казахстанской командой на Манаслу. Пойдешь с нами?» Скотт сначала замер, а потом, когда понял, что я совершенно серьезен, громко расхохотался. «Как я тебе завидую», — сказал он, имея в виду мои «некоммерческие» восхождения.

Скотту было отлично известно, что ни один американец еще не поднимался на Манаслу. «Ты стал бы первым», — уговаривал я его. Он внимательно взглянул на меня, в глазах его был интерес: «Толя, ты знаешь, я бы очень хотел, но я сейчас ужасно занят. К маю я должен закончить все приготовления к экспедиции на Эверест, у меня еще есть работа на Килиманджаро. Конечно, мне хотелось бы пойти с вами... Но я слишком занят».

В Сиэтле Фишера ждали любящая жена Дженни и двое детей, в гардеробе пылился его парадный костюм, а сам Скотт был на другом конце света. Работа в «Горном безумии» требовала постоянных разъездов, и он все реже бывал дома. Он едва успевал сменить пиджак на пуховку, измученный постоянными придирками пограничников и таможни. «Почти при каждом перелете его досматривали со всей тщательностью, — рассказывает Карен. — Его длинные волосы, серьга в ухе и невообразимый маршрут вызывали подозрения. Только представьте: Таиланд, Непал, а потом Африка. Пограничников можно было понять».

Я попытался вырвать его из этого бешеного ритма, уговаривал сходить на вершину просто для себя, для альпинизма. «Уверен, что у нас получится, — убеждал я Скотта. — Собралась сильная команда, а с тобой она будет еще сильнее. Пойдем с нами!» Я видел, что ему очень хотелось принять это предложение. Скотт разрывался между работой и любовью к горам. «Пойми, я же не сам по себе. У меня работа, у меня есть обязательства, семья..» — отвечал он. Эта ситуация была мне хорошо знакома. Крайне сложно

Балыбердин действительно в ту роковую ночь подвозил по пути пассажиров, но это не было его основным занятием — к тому времени, как и большинство альпинистов, он зарабатывал на жизнь промышленным альпинизмом и работой в горах (прим. перев.).

продолжать свою альпинистскую карьеру, так или иначе не занимаясь бизнесом. Но все же... Все же я был разочарован, когда Скотт сказал «нет».

При разговоре Фишер часто поглядывал на часы. На назначенную в министерстве туризма встречу нельзя было опаздывать, это расценили бы как неуважение. Хорошие отношения с местными бюрократами были для альпинистов залогом успеха. Никто не мог подняться на гору без их разрешения.

Перед уходом Скотт предложил мне на следующий день позавтракать вместе в отеле «Манат», где он остановился. «Нам нужно кое-что обсудить», — сказал он.

Букреев и сам хотел еще раз повидаться с Фишером. Анатолий был в курсе того, что Скотт расширяет деятельность своей компании, ищет новые направления, и не хотел упускать свой шанс. Годы, прошедшие со времени развала Советского Союза, дались Букрееву тяжело. Советский альпинизм был фактически уничтожен. Альпинисты из поколения Букреева, часто лучшие в мире, стояли на грани нищеты. Амбиции были забыты, когда стало нечем кормить семью. Высотникам приходилось работать прислугой на высокогорных курортах, учить кататься на горных лыжах детей бандитов и коррумпированных чиновников—лишь бы заработать на кусок хлеба.

Когда закончилась государственная поддержка альпинизма, Букреев на своем опыте испытал, что такое отчаяние и унижение. В 1994-м году, после успешного восхождения на Макалу, Нил Бейдлман и остальные американские участники экспедиции уже летели домой, а тем временем Анатолий в самом дешевом отеле распродал свое альпинистское снаряжение, чтобы набрать денег на билет до Алма-Аты. После экспедиции он заметил, что несмотря на все испытания, прибавил в весе. Американские участники похудели (некоторые на девять-десять килограммов), но только не Анатолий — настолько отличалась еда в экспедиции от того, чем ему приходилось довольствоваться дома. В те несчастливые дни ему казалось, что как альпинист он обречен. Да и сейчас двла шли не сильно лучше.

Мне хотелось рассказать Скотту, какие перспективы скрыты в казахских горах. Все доступно — приходи и бери. На этих горах выросло не одно поколение советских альпинистов; там было много интересных маршрутов. Да, С инфраструктурой дело обстояло неважно, гостиниц было мало, но

в стране вновь стали появляться деньги. Я был уверен, что Скотт с его опытом и энергией мог многое изменить.

Полдень следующего дня застал Фишера и Букреева склонившимися над картой Казахстана. Рядом с недопитыми чашками кофе на столе лежали описания Тянь-Шаня и Памира, которые Букреев принес с собой. Фишер явно казался заинтересованным, задавал много уточняющих вопросов. Неожиданно Скотт резко сменил тему и заговорил об Эвересте. Он хотел, чтобы Анатолий поделился своим опытом. Высотники всегда в курсе происходящего на Гималаях, и Фишер, разумеется, знал об успехе прошлогодней экспедиции Генри Тодда, в которой в качестве гида участвовал и Букреев. В тот раз из семи восходителей, которых Букреев привел на Эверест, трое были первыми: первый датчанин, первый бразилец и первый уроженец Уэльса, покорившие высшую точку планеты.

Скотт много говорил об Эвересте; потом мы стали обсуждать специфику работы высотного гида. Фишера интересовал не только Эверест, в его планах было покорение всех восьмитысячников. Скотт серьезно задумывался о проведении коммерческой экспедиции на К-2. «Американцев эта вершина по-настоящему очень интересует, — сказал он. — Мне понадобятся хорошие гиды, человек шесть. Возможно, это будут русские, ведь работа опасная. Немногие американцы согласятся на такие условия».

Вершина К-2, хотя и «всего лишь» вторая по высоте, считается самой опасной из восьмитысячников. Она имеет форму пирамиды, и при восхождении требуется серьезное лазанье по ее граням, что крайне тяжело и рискованно на такой высоте. Маршруты на К-2 очень сложны, и попытки штурма часто заканчивались трагедией. Скотт знал об этом лучше других: он сам принимал участие в одном из самых драматических восхождений на К-2.

В августе 1992-го глубокой ночью Фишер спускался с вершины, пробиваясь сквозь бушующую метель. Истощенный, с поврежденным плечом, он с трудом тащил на себе уже неподвижного Гарри Болла. У этого новозеландского альпиниста (компаньона Роба Холла) случился отек легких, и самостоятельно передвигаться он не мог. Фишер тогда спас ему жизнь⁴.

Через несколько месяцев после спасательной операции на К-2 Гарри Болл погиб на Дхаулагири при схожих обстоятельствах.

«Эверест не сильно отличается от К-2, — сказала тогда Скотту. — Ты же сам знаешь: на такой высоте у тебя нет права на ошибку. Для восхождения нужны хорошая погода и большое везенье. Тебе понадобятся высококвалифицированные гиды, профессиональные альпинисты, умеющие работать на высоте, знающие гору. Клиенты? Придется их как следует отбирать — они должны быть в состоянии отвечать за себя на такой высоте, выносить большие трудности. Это не Монблан, в котором нет и пяти тысяч. При покорении такой высоты действуют другие правила. Твоя задача — воспитать в людях способность к самоконтролю, ты не можешь все время держать их за руку. Опасно считать, что вести клиентов на Эверест и, к примеру, на Мак-Кинли⁵ — вещи одного порядка». Скотт очень внимательно слушал, а потом поразил меня своим предложением: «Мне нужен лидер. Опытный, такой, как ты. Идем со мной на Эверест. А потом можно пойти с русской командой на К-2 и на Тянь-Шань. Что скажешь?»

«У нас есть такая пословица, — сказала, — коней на переправе не меняют». Дело в том, что я получил предварительное приглашение от Генри Тодда из «Гималайских гидов», который тоже планировал (если наберет клиентов и получит разрешение) экспедицию на Эверест с непальской стороны. Скотт улыбнулся: «Сколько обещал тебе Тодд?» Я сказал. «Ты еще не связан никакими обязательствами», — сказал Скотт и назвал сумму, почти вдвое превышавшую ту, которую предлагал Тодд.

Для Букреева это было очень заманчивое предложение. Перед ним открылись большие перспективы. Анатолий знал наверняка, что Фишер сможет грамотно организовать экспедицию; еще больше он доверял ему как альпинисту. К тому же Нил Бейдлман, один из гидов Фишера, был другом Букреева. Анатолий помог ему в 1994-м году покорить первый его восьмитысячник (Макалу), он очень уважал Бейдлмана за решительность, которую тот проявил тогда. Нил был феноменально вынослив. Конечно, здесь сказывалось его спортивная подготовка — он был марафонцем, специалистом по сверхдлинным дистанциям. Впрочем, на высоте требования другие, чем в марафоне, а опыта покорения Эвереста у Бейдлмана не было.

Я не хотел отказываться от предложения Скотта, но решиться на него прямо сейчас не мог. Вместо этого я запросил у Скотта на пять тысяч долларов больше, рассудив, что если он согласится, то мне будет легче

⁵ Самая высокая гора (6 193 м) в Северной Америке. Отличается сложными климатическими условиями (прим. перев.).

объяснить Тодду свой отказ. Скотт отставил в сторону чашку, внимательно посмотрел на меня, словно не понимая услышанного, и сказал: «Так дело не пойдет. Не пойдет».

«Хорошо», — ответил я и, честно говоря, уже решил, что на этом разговор закончен. Буду работать с Тоддом, как и в прошлом году. Но Скотт добавил: «Ты все-таки подумай над тем, что я тебе сказал», — и встал из-за стола. Ему было пора идти в министерство туризма. Уходя, он обернулся и спросил: «Так как насчет завтрака? В девять? Хорошо. И подумай как следует».

Следующим утром Букреев пришел в «Майк Брекфаст» даже чуть раньше девяти. Этот ресторан был весьма популярен среди американских альпинистов (и не только альпинистов), оказавшихся в Катманду. Их, истосковавшихся по привычной еде, влекли сюда вкусные блины и хороший кофе.

Найдя свободный столик, Букреев повторил про себя английские фразы, заготовленные для этой встречи. Анатолий решил принять предложение Фишера без дополнительных пяти тысяч. Он не собирался гнаться за лишними деньгами, ему было гораздо важнее работать с «Горным безумием». Это сотрудничество могло принести большую пользу, но, не начавшись сейчас, оно могло не состояться вовсе. Прошло полчаса, час, а Фишера все не было. Расплатившись, Букреев собрался уходить, решив, что Фишер передумал.

Закончив завтрак, я рассчитывался с официантом, когда в дверях появился Скотт в сопровождении Тапы. Тапа был сотрудником «Трекинга в Гималаях» и отвечал за снабжение экспедиции «Торного безумия» в Непале. Как всегда улыбаясь, Скотт подошел ко мне, поздоровался и, прежде чем я успел произнести хоть слово, спросил: «Ну так ты идешь со мной на Эверест?» Желая его подразнить, я ответил: «А ты платишь, сколько я сказал?» «Да», — твердо заявил Скотт.

Решение было принято. Тапа, Фишер и Букреев принялись за подробное обсуждение предстоящей экспедиции. В тот момент Фишера более всего занимала проблема кислорода. Он слышал о недавно появившемся санкт-петербургском предприятии «Поиск», которое производило неплохое кислородное оборудование. Титановые баллоны, выпускаемые «Поиском», весили как минимум на полкилограмма меньше обычных. Фишер хотел максимально облегчить снаряжение клиентов, поэтому более легкие кислородные баллоны оказались бы очень кстати. У Букреева были связи в Санкт-Петербурге, и было

решено, что по возвращении с Манаслу он займется переговорами с «Поиском».

Через несколько дней мы встретились со Скоттом в гостинице, где остановились мои грузинские друзья. Там я показал ему уральские высотные палатки, с которыми их команда ходила на Дхаулагири. Хорошо сделанные, они выдержали проверку сильным ветром на большой высоте. Скотт купил себе одну и попросил меня раздобыть еще несколько, выполненных с учетом его требований. Мы решили, что палатки, как и кислородные баллоны, я постараюсь купить в России.

Букреев и Фишер расстались довольные друг другом. Впервые за многие годы Анатолию досталось хорошее место и приличный заработок. К тому же, Скотт выплатил ему аванс; теперь можно было не продавать свой любимый ледовый инструмент, чтобы набрать денег на билет. У Фишера были не меньшие основания считать себя в выигрыше. К услугам его клиентов был один из сильнейших гималайских гидов. Скотт позднее объяснял друзьям, что пригласил Букреева на работу из довольно специфических соображений: «Если мы куда влипнем, с нами будет Толя, чтобы нас оттуда вытащить».

Карен вспоминает, как радовался Фишер, переманив к себе Букреева: «Скотт сказал: "С нами наверху будет Анатолий — более сильного альпиниста и пожелать нельзя. Кто знает, что с нами может случиться?"»

Глава 3

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Я был благодарен Скотту за его приглашение. Мне было по душе работать с ним, и я надеялся, что и после экспедиции наше сотрудничество не закончится. Эверест... Многие мои друзья-альпинисты теперь не смели и думать о нем. Их заветным мечтам не суждено было сбыться из-за развала Советского Союза. Государственная поддержка альпинизма закончилась, и многие высотники так и не смогли вернуться в горы. Я вспоминал о тех, кто прославил наш альпинизм. О тех, кто совершал ставшие легендарными подвиги, — иногда ценой собственной жизни. Горько было сознавать, что их героизм принесен в жертву тому, что сейчас тихо умирало само собой.

В начале ноября Букреев вместе с казахстанской командой продолжил подготовку к восхождению на Манаслу. После совершенного месяцем раньше восхождения на Дхаулагири Букреев был вымотан как физически, так и морально и, тем не менее, целиком сконцентрировался на новой экспедиции. Все высотные восхождения всегда сопряжены с большим риском, и предстоящее покорение Манаслу не было исключением. Сложность ситуации усугублялась суровыми зимними условиями, а также молодостью и неопытностью некоторых участников экспедиции. Однако Букреева это не пугало: он полагался на опыт более старших альпинистов, вместе с которыми в 1989-м году он совершил траверс Канченджанги (8 586 м). Впоследствии Букреев скажет: «То, что кажется концом дороги, на самом деле — начало следующей, более трудной и длинной». Дорога на Манаслу едва не оказалась для Анатолия последней.

Заклучив контракт с Букреевым, Фишер отправился в Данию. Теперь его главной задачей было набрать команду, которую весной можно было бы повести на Эверест. В Копенгагене Скотт собирался встретиться со своей хорошей знакомой Лин Гаммельгард. Лин было 34 года; она занималась медициной, юриспруденцией и очень любила альпинизм. Со Скоттом Лин встретила в 1991 году в Гималаях, и с тех пор они регулярно переписывались. В своих письмах они писали друг другу о том, что их волновало: Скотт делился честолюбивыми планами на будущее, Лин рассказывала о своей жизни, устремлениях, интересе к альпинизму.

«С тех пор как мы встретились в 1991 году, — вспоминает Гаммельгард, — мы все время надеялись вместе сходить в горы либо здесь, в Европе, либо

в Америке, на Аляске. И наконец, в 1995-м году представился подходящий случай».

Фишер предложил Гаммельгард пойти вместе с ним в экспедицию на Брод-пик и покорить свой первый восьмитысячник. Но за время, прошедшее с их первой встречи, Гаммельгард решила больше не ходить на большие горы. С возрастом она стала по-новому смотреть на жизнь; приехав в Пакистан, она попыталась объяснить это Фишеру.

«Я поняла, что настало время прощаться с альпинизмом, — сказала Лин. — Мне хотелось иметь семью, детей, вести спокойную жизнь, а не ходить и дальше по горам».

Вместе с основным составом экспедиции Гаммельгард дошла до базового лагеря под Брод-пик и там объявила о своем решении Скотту. «Для меня это был переломный момент. Я решила, что пойду с ними только до базового лагеря, а там посмотрю, хватит ли у меня сил отказаться от остального. В общем, это было взвешенное решение. Я взрослый человек; пришла пора становиться мудрее».

Гаммельгард твердо стояла на своем. «Но потом Скотт спросил меня, не хочу ли я пойти с ним на Эверест весной 96-го года». Без малейших колебаний Лин ответила; «Да!» Еще ни одна скандинавская женщина не поднималась на эту вершину, и Гаммельгард стала бы первой. Она мечтала об этом годами, и потому решила, что этого восхождения ей не избежать.

«Я отправилась домой, в Данию. Я не слишком серьезно отнеслась к предложению Скотта, все зависело от того, как у него пойдут дела на Брод-пик. Если Скотт не взойдет на вершину, то и говорить не о чем. Поэтому я выжидала до тех пор, пока не узнала, что покорение прошло успешно. Тогда я начала искать спонсоров».

Фишер очень хотел видеть Гаммельгард в составе участников и предложил ей свою помощь в добывании средств. «Это была утомительная работа, — рассказывала Лин. — Непрерывные звонки по телефону, переписка, «раскручивание» своей кандидатуры, работа над имиджем в прессе и поиск спонсоров — по восемь-десять часов в день. Чтобы набрать необходимую сумму, приходилось тщательно продумывать общение и взаимодействие со средствами массовой информации».

В прошлый раз Фишер взял с Гаммельгард денег меньше положенного и был готов помочь ей и сейчас. Выглядел Скотт плохо. «На январь 1996-го у него была запланирована длительная экспедиция на Килиманджаро, — вспоминала Лин, — и все время после возвращения из Африки вплоть до экспедиции на Эверест у него было расписано по минутам. Слишком плотный график ра-

боты. То, как он выглядел, потрясло меня — Скотт был крайне истощен. И продолжал изнурять себя. Он был ослаблен, болен, в конце концов... Когда видишь своего друга в таком состоянии, пытаешься ему помочь. Я говорила ему: "Ты должен отдохнуть, тебе это просто необходимо. Полгода или даже год; тебе нужно восстановиться". Но не так-то просто убедить взрослого человека. Он все время рвался вперед, очень многое брал на себя. И пока ему удавалось с этим справляться, ведь он был необычайно сильным, и физически, и морально».

Гаммельгард знала, что Скотт и сам пытался умерить свой пыл. После изнурительной экспедиции на Бруд-пик он ей написал: «Я должен научиться смирению. Я должен научиться смирять себя хотя бы для того, чтобы выжить».

В плохом самочувствии Скотта, по мнению Лин, во многом были виноваты окружающие: они хотели видеть в нем героя, и ему ничего не оставалось, кроме как соответствовать этому образу. «В Пакистане, во время похода к Бруд-пик, меня поразило отношение к нему других участников. Он был для них чем-то вроде сказочного великана, всемогущего и не знающего страха. Они отказывались видеть в нем человека, оставить ему право на слабость, на ошибки. Поразительная слепота. Я все думала: "Почему они ничего не видят? Что это — американская болезнь?" Компаньоны Скотта по бизнесу тоже никогда его не останавливали, не советовали успокоиться и передохнуть. Он был нужен им, чтобы делать деньги. Конечно, Скотт сам стал играть по этим правилам. Взрослый человек должен сам за себя отвечать».

* * *

6-го декабря я и еще девять казахстанцев поднялись по склону Манаслу до высоты 6 800 м. Здесь мы провели невероятно холодную ночь — температура воздуха опускалась до -40°C . На следующий день мы достигли 7 400 м, и там, на площадке из плотно слежавшегося снега, разбили свой четвертый, самый высокий, лагерь. Отсюда должен был начаться штурм вершины. Ночную непогоду, когда ветер доходил до 60 миль в час, мы пережидали в двух четырехместных палатках. В каждую набилось по пять человек. В эту ночь даже в палатке воздух выше -20°C так и не прогрелся.

На следующее утро альпинисты встали в четыре утра и начали готовиться к штурму, надеясь выйти не позже пяти часов. Теснота затрудняла сборы, и

выход на вершину затягивался — поэтому решили стартовать по очереди. Однако было уже шесть утра, когда первые альпинисты начали подниматься по снежно-ледовому склону к вершинному гребню с нависающими карнизами. Между 10 и 11:30 утра восемь альпинистов взойшли на вершину. Двое оставшихся — Михаил Михайлов и Дмитрий Греков — слишком устали и были вынуждены повернуть, не дойдя до вершины.

К двум часам дня восемь альпинистов, побывавших на вершине, спустились в четвертый лагерь. Там нас уже ждали Михаил Михайлов и Дмитрий Греков, которые вернулись раньше. Мы немного передохнули, согрелись и пошли дальше. Во время спуска к третьему лагерю я заметил, что многие из наших участников шли очень медленно и тяжело. Сказывалось длительное пребывание на высоте при таком холоде. К шести вечера восемь альпинистов были в третьем лагере, а Михайлов и Греков куда-то запропастились. Наверху, в четвертом лагере, они выглядели неплохо и вместе с нами готовились к спуску, но до третьего лагеря не дошли. Было уже темно. К нам поступали радиосообщения из базового лагеря, но полностью ситуации они не проясняли.

Затем нам передали, что, едва мы начали спускаться, наблюдателям из базового лагеря удалось в бинокли и телеобъективы разглядеть двух альпинистов, сидящих на крутом снежном склоне под четвертым лагерем. Должно быть, они переоценили свои силы и вскоре после старта в изнеможении остановились.

Получив сообщение о двух пропавших, мы с молодым казахским альпинистом Шафкатом Татаулиным отправились наверх, так и не успев согреться или выпить горячего чая. К прочим неблагоприятным условиям добавилась темнота. Мы боялись, что батарейки в наших налобных фонарях разрядятся прежде, чем мы успеем найти наших товарищей, и потому свет включали только изредка. Наконец, спустя три часа, мы нашли их сидящими на льду. У одного из них соскочили кошки¹, и ему не хватило сил надеть их заново. Подняв ребят на ноги, я связался с ними одной веревкой. Мы с Шафкатом начали спускать их вниз, пробиваясь сквозь ночную тьму и дикий мороз. Температура тогда была примерно такой же, как в ночь перед восхождением.

¹ Кошки — овалы металлические пластины, сделанные из хромомолибденовой или другой стали, с загнутыми по краям острыми шипами-зубьями. Они прикрепляются к подошвам альпинистских ботинок для безопасного передвижения по льду и снегу. Кошки — непременный атрибут высотных восхождений.

Чуть выше третьего лагеря Букреев и Гатаулин встретились с двумя казахстанскими альпинистами, которые вышли к ним навстречу на свет фонарей и принесли в термосах чай. Завидев лагерь, Михайлов и Греков расслабились и с радостью принялись за горячий чай. Тепло, близость спасительных палаток ослабили внимание, и один из альпинистов, потеряв равновесие, соскользнул вниз. Тут же за ним последовал второй, а потом и Букреев вылетел на пятнадцатиметровый ледяной склон, обрывающийся гигантской стеной Макалу.

Рывком меня оторвало от ледоруба, которым я подстраховывал эту двойку, и потащило вниз. Мы пролетели метров двадцать, прежде чем нас задержала веревка — перед тем, как пить чай, я сделал станцию² и закрепил свой конец веревки. Никто из нас серьезно не пострадал, но я ухитрился потерять при падении свои рукавицы. За те пятнадцать минут, которые оставались до третьего лагеря, я успел обморозить руки, к счастью, без серьезных последствий.

Потом Букреев скажет: «В жизни мало удачи. Ее не хватает на всех — в тот раз мне досталась чужая».

* * *

Целые и невредимые, без серьезных травм и обморожений, казахстанцы и Букреев вернулись в Катманду. Букреев немедленно встретился с Тапой из «Трекинга в Гималаях», отвечавшим за снабжение экспедиции Фишера. За те несколько недель, пока Анатолий был на Макалу, на его имя пришло множество факсов от «Горного безумия». Фишер хотел, чтобы Букреев как можно раньше принялся за переговоры по поводу закупки кислородного оборудования. Кроме того, нужно было заказать на Урале палатки.

Два восхождения на восьмитысячники, совершенные одно за другим, порядком измотали Анатолия. К тому же он сильно соскучился по матери и знал, что и она тоскует — прошел только год со смерти его отца. Поэтому прежде всего он отправился домой, в Казахстан. После краткого отдыха, едва успев отметить с друзьями Новый Год, Букреев поехал в Россию заниматься делами.

Серым морозным днем Анатолий оказался в Санкт-Петербурге. Отыскивая дорогу к заводу «Поиск», Букреев не мог отделаться от мысли, что ему

² Станция (страховки) — специально организованное место, где можно закрепить веревку. Станция может быть сделана как на естественном рельефе (например, через скальный выступ), так и с помощью искусственных приспособлений (крючья, ледобуры и т. п.).

необыкновенно повезло. Он знал, как сложно приезжим, особенно из бывших советских республик, найти хорошую работу в столичных городах. Букреев был русским по национальности, но родиной своей считал Казахстан и любил в шутку называть себя «нацменьшинством». И сейчас он был рад, что ему не нужно ломать голову, как заработать себе на жизнь.

Букреев энергично принялся за дело, но к 29-му января сделка все еще не была заключена. Возникли непредвиденные сложности, и переговоры зашли в тупик. Администрация завода заявила, что Генри Тодд из «Гималайских гидов» монополизировал кислородный рынок. Он заключил с «Поиском» соглашение, согласно которому становился единственным официальным распространителем их продукции. Особенно обидным для Букреева было то, что именно он вывел Генри на «Поиск» годом раньше, когда работал в его экспедиции.

У Букреева и Дикинсон возникли серьезные затруднения. (Карен Дикинсон временно взяла на себя руководство компании, пока Фишер был в Африке.) В конце марта клиенты-участники экспедиции должны были прибыть в Катманду; в начале мая надо было выходить на штурм вершины. Для восхождения был необходим кислород, а у «Горного безумия» пока что его не было ни грамма

Раздосадованный «монопольной политикой» Тодда, Букреев предложил Дикинсон обратиться к другому поставщику кислорода — московскому заводу «Звезда». Анатолий знал, что покупка там обойдется дешевле.

Представители «Поиска», боясь упустить хорошего покупателя, связались с Тоддом по телефону. Тодд пришел в ярость: «Я не люблю, когда мне ставят условия. Решение буду принимать я».

Букреев связался со «Звездой», но не оставлял и переговоров с «Поиском». Если бы «Поиск» смягчил позицию и пошел на сделку, Букреев сэкономил бы для «Горного безумия» почти треть от той суммы, которую запрашивал Тодд. Причем и самому Анатолию досталась бы в этом случае небольшая комиссия.

Далеко от России, в Сиэтле, Дикинсон срочно оформляла себе новый паспорт. Если сделка с «Поиском» состоится, то платить придется наличными и сразу. Поэтому Карен собиралась лететь в Санкт-Петербург с чемоданом, набитым долларами.

Предпочтения Фишера легко угадывались. Он хотел, чтобы кислородные баллоны весили как можно меньше. Это увеличивало шансы клиентов достичь вершины, ведь на высоте вес имеет решающее значение. Тогда «Горное безумие» разработало компромиссный план. У Тодда будет куплена только часть кислорода, а именно ровно столько, сколько потребуется клиентам при заключительном штурме. А кислород для продвижения на меньших высотах, равно

как и кислород для шерпов, «Горное безумие» закупит у «Звезды». Четырехлитровые баллоны, изготавливаемые «Звездой», были существенно тяжелее трехлитровых, которые предлагал «Поиск».

Об этом предложении рассказали Тодду- Тодд колебался: «Я знал, что у Скотта семь пятниц на неделе, поэтому у меня не было никакой уверенности». Представители «Поиска» заседали на Тодда: «Генри, так ты договорился с "Горным безумием"? Ты заключил сделку?» Тодд заверил их, что все в порядке. Руководство «Поиска» переживало по поводу возможной потери крупного покупателя, а Букреев тем временем продолжал настаивать на варианте со «Звездой». И тут Тодд пошел ва-банк. Он позвонил Дикинсон и потребовал окончательных объяснений.

«Я спросил ее, в чем дело. Она стала было оправдываться, но я ее оборвал: «Неужели вы еще не поняли: продукцию "Поиска" продаю я. Я и никто другой. Без моего разрешения они вам ничего не продадут, ничего. Причем, учтите, отдельно кислород не продается, он идет в комплекте с масками и регуляторами. Либо вы покупаете все, либо... Сами знаете, мне не настолько нужны деньги. В случае отказа я выхожу из игры». «Анатолий утверждает, что может добиться сделки на лучших условиях»,—Дикинсон продолжала защищать интересы компании. Тодд начал терять терпение: «Решайте сами — условия сделки вам предъявлены. Либо вы подписываете факс, который я сейчас вышлю, либо навсегда забудем об этом».

«Горное безумие» капитулировало. Контракт был подписан, сделка состоялась. Дикинсон отменила полет в Россию. «Анатолий очень старался. Он сделал все, что мог. Но... Боюсь, мы начали слишком поздно. Генри Тодд нас перехитрил. На войне и в любви все средства хороши. Так же и здесь. Этот раунд остался за ним».

Следует отметить, что несмотря на кажущийся накал страстей, это были самые обычные коммерческие переговоры. Каждая из сторон занималась привычной рутинной работой, и эмоций при этом тратилось не больше, чем при покупке поддержанного автомобиля где-нибудь в Филадельфии, Манчестере или Осаке. Каждому хочется получить больше, а исход битвы будет написан на банковском чеке.

Дикинсон сообщила Букрееву окончательные размеры заказа: «У Генри Тодда следует купить: 55 трехлитровых кислородных баллонов (завод "Поиск"), 54 четырехлитровых ("Звезда"), а также 14 регуляторов и 14 кислородных масок». В последствии эти цифры станут причиной ожесточенных споров, и многие сочтут запас кислорода у экспедиции «Горного безумия» недостаточным.

Девятого февраля Фишер наконец вернулся в офис своей фирмы и тут же послал факс Букрееву. Скотт еще раз подчеркнул, сколь важная роль отведена Анатолию в предстоящей экспедиции: «Я очень рад, что ты идешь с нами на Эверест. Вместе мы добьемся необыкновенных результатов. Я уверен, что нашу экспедицию ожидает потрясающий успех. Если все пройдет хорошо в этот раз, то мы пойдем на другие вершины, поведем туда экспедиции. Согласен?» Но помимо этих дружеских и любезных слов, были и другие: «Возможно, это ложные слухи, но от своих датских друзей я узнал, что ты собираешься вести Мишеля Йоргенсена на Лхоцзе. Толя, я плачу тебе большие деньги не для того, чтобы ты шабашил на Лхоцзе. Условия нашего контракта распространяются на весь сезон. Если ты кого и поведешь на Лхоцзе, то только клиентов "Горного безумия"».

Мишель Йоргенсен участвовал в экспедиции Генри Тодда в 1995-м году и с помощью Букреева стал первым датчанином, покорившим Эверест. Они с Анатолием действительно поговаривали о Лхоцзе, но конкретных планов у них пока не было. У Букреева и в мыслях не было решать что-то втайне от Фишера; он собирался связаться с ним, как только тот вернется из экспедиции на Килиманджаро. Зная, что Фишер вместе с Робом Холлом, Эдом Вистурсом и другими альпинистами собирается идти на Манаслу, Анатолий предполагал, что в это время будет предоставлен самому себе. Но у Фишера было другое мнение.

Он как всегда хотел достичь компромисса, который устроил бы всех, и предложил Букрееву еще одну сделку. Скотт полагал, что экспедиция могла заинтересовать некоторых его клиентов. «Как ты относишься к такому предложению? — писал он Букрееву. — Ты поведешь на Лхоцзе нашу группу, а мы платим тебе 3 000 долларов плюс стоимость официального разрешения. Если Йоргенсен захочет присоединиться, пусть обращается непосредственно в "Горное безумие". Желая кончить дело миром, Букреев сообщил о своем согласии и назвал имена двух альпинистов, которых он мог бы уговорить пойти на Лхоцзе. Дилетант в коммерческих вопросах, Букреев чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег. Тем сильнее желал он вновь очутиться в родной стихии — в горах. Все знали, что там он почти не ошибается.

Глава 4

КЛИЕНТЫ

К 29-му февраля 1996-го года в списке «Горного безумия» значилось восемь клиентов. В своем письме к ним Фишер писал так: «Похоже, у нас будет отличная альпинистская команда Я в восторге. Каждый из вас хорош сам по себе, но главное — наши участники отлично подходят друг другу».

Лин Гаммельгард тоже зачислили в состав, хотя с тех пор, как Фишер покинул Данию, она так и не сумела собрать нужной суммы. Скотт, которому очень хотелось, чтобы Лин пошла с ними, ободрил ее: «Не волнуйся. Я за то, чтобы ты была в списке, а с остальным мы как-нибудь разберемся».

Никто из клиентов «Горного безумия», кроме Сэнди Хилл Питтман, не выплатил полной суммы в 65 тысяч долларов. Что касается Питтман, то, как вспоминает Дикинсон, «она заплатила за участие в треккинге¹ ее отца, за переноску шерпами ее коммуникационного оборудования, за бесчисленное множество мелочей, так что в итоге она выложила куда больше положенных 65 тысяч».

Остальные шесть клиентов по-разному оплатили свое участие в экспедиции. Среди них оказались и состоятельные люди, и те, для кого начальная сумма была просто неподъемной. Высотная квалификация участников тоже была различной, хотя каждый из них был по-своему и опытен, и талантлив.

Среди своих клиентов Фишер с особенным вниманием относился к Питу Шенингу из Ботхелла (штат Вашингтон). Если бы в свои шестьдесят восемь Пит сумел подняться на вершину, то стал бы старейшим покорителем Эвереста. Он был человеком-легендой, и Фишер не мог не преклоняться перед ним.

10-го августа 1953-го года Шенинг в составе американской команды участвовал в завершающем штурме вершины К-2, на тот момент еще никем не покоренной. Американцам тогда пришлось повернуть назад. Причина была самая благородная — спасение товарища. У одного из альпинистов в сосудах ноги образовался тромб, возникла опасность для жизни и требовалась срочная медицинская помощь. Группа отказалась от восхождения и начала спуск. Была сильная метель, и все шли в одной связке. Шенинг спускался последним, страдая от травмированного альпиниста. На ледовом склоне один из американцев,

¹ Треккинг — поход, обычно по горной местности, когда основную часть грузов несут специальные носильщики, а группу сопровождает квалифицированный гид (*прим. перев.*).

сильно обморозивший себе руки, поскользнулся и сорвался вниз. Один за другим были сдернуты и другие четверо, затем пришла очередь Шенинга. Пит быстро забил свой ледоруб в щель между льдом и камнем, перекинул веревку через плечо и ослабил рывок. Грамотно организованная страховка позволила предотвратить трагедию. К этому моменту первый в связке был уже на 45 метров ниже Шенинга. Пит сделал все «как по учебнику», и эта спасательная операция была признана одной из лучших в истории альпинизма, Фишер по своему опыту знал, что такое суровый нрав К-2, и поэтому испытывал огромное уважение к Шенингу. Скотт отзывался о нем, как об исключительно волевым человеке и очень сильном альпинисте. «Я уверен, что он может подняться на Эверест», — говорил Фишер.

Вместе с Питом в экспедицию отправлялся его племянник, тридцативосьмилетний Клев Шенинг из Сиэтла. Как альпинист, Клев не шел ни в какое сравнение со своим дядей — он не покорил ни одного восьмитысячника. В прошлом он был горнолыжником, призером национальных соревнований по скоростному спуску, он и сейчас был в отличной спортивной форме. Все свободное время он проводил, лазая по Каскадным горам². «Здоров, как бык», — сказал о нем Фишер.

Далее в списке значились Мартин Адамс, Шарлотта Фокс и Тим Мадсен — все трое из Колорадо. Они оказались среди участников, поддавшихся на уговоры Нила Бейдлмана — одного из гидов «Горного безумия». Бейдлман, по словам Дикинсона, не имел опыта работы на большой высоте; он «в качестве гида не поднимался ни на Эверест, ни на другие по-настоящему высокие горы». Поэтому и оплата его услуг сводилась к компенсации расходов, связанных с восхождением, и предоставлением комиссии за каждого приведенного им клиента³.

Бейдлман энергично взялся за вербовку клиентов. Мартин Адамс вспоминал, что Нил всячески расхваливал ему это восхождение.

Прежде Мартин Адамс, которому в тот момент было 47 лет долго и успешно работал на Уолл-Стрит, специализируясь на торговле облигациями. Затем он отошел от дел и всерьез занялся альпинизмом. Мартин участвовал в экспедициях по многим классическим маршрутам в Альпах и Скалистых горах, восходил на Аконкагуа⁴, Мак-Кинли и Килиманджаро, но ни разу не поднимался на восьмитысячник. В мае 1993-го он предпринял попытку восхожде-

² Горы в США и Канаде; входят в систему Кордильер Северной Америки (*прим. перев.*).

³ Такая практика общепринята в отношении гидов, которым еще предстоит утвердиться в этом звании. Так начинал свой путь гида и Букреев.

⁴ Аконкагуа (6 960 м) — высшая точка Южной Америки (*прим. перев.*).

ния на Броуд пик, но на высоте 7 000 метров был вынужден повернуть назад. В 1994-м году, в той самой экспедиции, когда Букреев помог Бейдлману подняться на Макалу, Адамс дошел до 7 400 метров.

В выборе экспедиции Мартин Адамс главное значение придавал квалификации гидов. Узнав о том, что Фишер заключил контракт с Букреевым, он решил идти на Эверест с «Горным безумием». После переговоров он добился для себя снижения цены до 52 тысяч долларов. «Мне нравилось, как работал Толя. Он никогда не докучал клиентам, и если что и говорил, то всегда прямо и по делу. Он просто был самим собой, не то, что другие, которые из кожи вон лезли, развлекая всех своей болтовней». Мартин собирался не на увеселительную прогулку. Он отлично осознавал, какие опасности ждут его на высоте, и тем больше доверял он опыту и рассудительности Букреева. «Именно на это я положился, подписывая чек. Я понимал, что с появлением Толи мои шансы дойти до вершины значительно повышались».

Шарлотта Фокс жила в одном городе с Бейдлманом и поддерживала с ним дружеские отношения. По своей квалификации она была просто находкой для «Горного безумия». Шарлотта покорила два восьмитысячника и поднялась на все вершины выше 14 000 футов⁵ — таких в родном Колорадо было сорок четыре. Ей было тридцать восемь лет, она была спокойна и непритязательна, хорошо входила в коллектив. Фишер высоко оценивал возможности Шарлотты; ее участие в экспедиции не предвещало особых хлопот. Она сама знала, как позаботиться о себе в горах.

Фокс записалась в экспедицию вместе со своим другом — тридцатитрехлетним Тимом Мадсенем. Тим, как и Шарлотта, работал спасателем на популярных горнолыжных трассах в Колорадо. У Мадсена не было высотного опыта, однако он был в отличной форме и к тому же активно занимался альпинизмом на меньших высотах. Понимая, что к Эвересту надо готовиться, Фокс и Мадсен, приступили к интенсивным тренировкам в канадских Скалистых Горах.

Восьмым по счету в списке участников был сорокапятiletний стоматолог Дейл Круз. Уже больше двадцати лет он дружил с Фишером. Круз (по прозвищу «Крейсер»⁶) первым записался в экспедицию и поэтому получил хорошую скидку. По словам Дикинсон, он предоставил начальный капитал, столь необходимый для успеха всякого нового дела «Дейл стоял у истоков нашей экспедиции. Еще за полтора года до ее начала он выплатил свою сумму и сказал:

⁵ Около 4 300 м (*прим. перев.*).

⁶ В английском языке фамилия Kruse (Круз) звучанием напоминает Cruiser (крейсер) (*прим. перев.*).

"Забирайте деньги и пускайте их в *дело*". Конечно, Дейл заплатил значительно меньше остальных участников, ведь, он фактически стал нашим партнером, помог нам встать на ноги».

* * *

Восемь клиентов в первой же экспедиции — неплохой результат для новичков на Эвересте, но Фишер хотел большего. В своем письме участникам от 29 февраля он просил: «Если вам станет известно еще о каком-нибудь потенциальном кандидате, пусть даже это произойдет в самую последнюю минуту, немедленно дайте мне знать».

Когда редакция журнала «Аутсайд» отказалась от первоначальной договоренности и решила заключить контракт с Робом Холлом, в составе участников образовалась вакансия, которую Скотту очень хотелось заполнить. От того, удастся ли найти еще одного клиента за полную сумму, существенно зависел бюджет всей экспедиции. Более того, только с появлением этих дополнительных 65 тысяч Фишер мог надеяться хоть на какую-то прибыль от всего предприятия. С приближением даты отъезда гора счетов на столе у Дикинсон все росла. Одна лишь покупка кислорода у Генри Тодда обошлась более, чем в 30000 долларов. Но ни Фишер, ни Дикинсон не питали иллюзий — вероятность появления нового клиента менее чем за месяц до начала экспедиции была практически равна нулю. Поэтому разумней было заняться текущим балансом компании и положиться на удачу.

* * *

Клиенты пребывали в твердой уверенности, что все идет как нельзя лучше. Адамс делился своими впечатлениями: «Участники нашей команды были подготовлены не хуже, чем весьма сильные альпинисты из двух моих предыдущих экспедиций в Гималаи». Гаммельгард тоже осталась довольна выбором «Горного безумия», но за одним исключением. Ее первой реакцией при знакомстве с составом экспедиции было сомнение: «А выдержу ли я наравне с ними? Они такие подготовленные, такие опытные...».

Исключением же, с точки зрения Лин, был Дейл Круз. «Он участвовал в экспедиции Фишера в 1995-м году и не поднялся на вершину. Я знала, что Дейл не выносил высоты. Да, он был очень сильным человеком, но совершенно не переносил высоту. Ему сразу же становилось плохо... Будь он честен

перед собой, то давно бы признал, что ходить на большие горы для него не имело смысла. Уже на высоте 4000 метров у него начинались неприятности со здоровьем». Размышляя над тем, почему Фишер все же взял его, Гаммельгард сказала: «Скотт всегда был таким. Отличный парень, который никому ни в чем не отказывал. Да и деньги ему были нужны... Будь я на его месте, я бы Круза не взяла. Я бы проявила настоящую заботу о нем и сказала: "Нет, ты не пойдешь. Я пожертвую нашей дружбой ради твоего же спасения"»⁷.

Генри Тодд из «Гималайских гидов» рассказывал, что некоторые организаторы коммерческих экспедиций часто зачисляют в состав клиентов, которые по своему физическому состоянию заведомо не могут дойти до вершины. Глазом не моргнув, эти руководители присваивают себе большие деньги, прекрасно понимая, что никаких шансов у их подопечных нет. С негодованием говорил Тодд об одном таком американце: «Для него это обычное дело. За последние два года он не поднял на Эверест ни одного человека!»

Однако к решению Скотта взять с собой Круза Тодд отнесся куда более мягко. «Дело в том, что никогда не знаешь, кто будет хорошо идти на высоте, а кто нет. Лучшие альпинисты могут не справиться, а самые слабые и плохо подготовленные — взойти на вершину. В моих экспедициях подобное случилось не раз и не два. Был участник, о котором я думал, что если кто и не сможет подняться, то это будет он. На вершину этот участник просто взбежал. А с другим мне казалось, что тут дело верное, я был готов внести его в список покоривших вершину еще до старта. А он не смог. Это было в экспедиции с участием Букреева в 1995-м году. Самый сильный из клиентов не смог подняться, а самый слабый оказался на вершине раньше Толи». «Но, — добавил Тодд, приглашая заведомо слабых клиентов, мы рискуем погубить и их, и всех остальных. Мы просто обязаны брать наверх только тех, кто действительно может взойти на вершину. У нас нет права на ошибку!»

⁷ Фишер, который был более склонен полагаться на опыт, был не столь категоричен в отношении Круза. К тому же у Скотта был другой взгляд на альпинизм — вершина не самоцель; восхождение на меньшие высоты — тоже достижение.

Глава 5

ПУТЬ К ЭВЕРЕСТУ

13 марта Букреев вылетел из Алма-Аты в Дели и 15 мая добрался до Катманду. Столица Непала вызвала у Букреева смешанные чувства. Конечно, прибытие сюда всегда праздник. Здесь уже ощущается дыхание гор, отсюда начинается путь вверх. Однако слишком уж сильно изменился Катманду за последние годы. Перемены были не в лучшую сторону: еще недавно это был крошечный островок цивилизации, оторванный от большого мира, теперь же Катманду превратился в шумный полумиллионный город. Столь быстрый рост стал причиной новых проблем.

Воздух в Катманду загрязнен не только выхлопами машин, но и множеством бактерий, которые переносились в салонах самолетов со всего мира. Эта смесь раздражает легкие и нередко вызывает респираторные заболевания. Кроме того, очень возрос риск подхватить желудочную инфекцию, пообедав в одном из ресторанов или прельстившись чем-нибудь съестным на местном рынке. Любая из этих болезней могла серьезно подорвать здоровье альпиниста. Поэтому первая непростая задача, стоящая перед будущим покорителем Эвереста—уехать из Катманду здоровым.

* * *

Вскоре после прибытия в Непал Букреев встретился с Генри Тоддом, при посредничестве которого «Горное безумие» закупило партию кислорода. И хотя срок доставки, указанный в контракте, уже истек, кислорода у Тодда не было. За несколько недель до этой встречи автофургон со всем необходимым выехал из Санкт-Петербурга в Амстердам, откуда груз должен был вылететь в Катманду. Но на границе случилось непредвиденное. По словам Тодда, «грузовик задержан на русской таможне; там оказалось что-то чужое, к нам отношения вообще не имеющее и неправильно оформленное. И вместо того, чтобы выкинуть эту дрянь из контейнера, они задержали весь грузовик!»

Итак, к огромному огорчению Тодда, кислород застрял где-то по ту сторону российской границы. Тодд клялся, что груз непременно будет доставлен. Что произойдет это скоро. Но неизвестно, когда именно. Букреев никакого сочувствия к проблемам Тодда не испытывал. Кислородное оборудование нельзя купить где-нибудь в ларьке на улице Катманду. Эта проб-

лема не могла разрешиться сама собой, она грозила обернуться серьезными осложнениями в будущем.

Тодд заверил Букреева, что ручается за выполнение сделки, которую он собственноручно подписал. В худшем случае, если кислород так и не прибудет, Генри отдаст «Горному безумию» запас своей собственной экспедиции, который уже был доставлен в Катманду.

22 марта в Катманду прибыл Фишер; по приезде он немедленно встретился с Букреевым и Тапой. Известие о том, что кислорода нет и в ближайшее время не предвидится, повергло его в ужас, и лишь обещание Тодда^а в любом случае выполнить условия сделки приободрило его. Следующую плохую новость сообщил Букреев. Уральские высотные палатки, изготовленные специально для «Горного безумия», все еще находились в России. Предполагалось, что их захватят участники российской экспедиции, но чартерный рейс, которым они должны были вылететь, откладывался. А ведь до прибытия клиентов оставалось всего четыре дня!

В тот вечер мы ужинали вместе со Скоттом. К нам присоединились Тапа и двое шерпов, которые должны были принять участие в экспедиции. Это были Нгима Кэйл Шерна и Аопсанг Янгбу Шерна. Нгима (Нима) был назначен на должность сирдара¹ в базовом лагере; там он отвечал за все: за носильщиков, кухню, снабжение и жизнь лагеря в целом. Аопсанг должен был стать альпинистским сирдаром и принять на себя руководство высотными носильщиками — шерпами, которым вместе с нами предстояло отправиться на решающий штурм вершины.

Что касается Нгимы, то тут Букреев только приветствовал выбор Фишера. Нгиме было всего двадцать шесть лет, но он был не по годам выдержан и уверен в себе; он уже успел побывать в восьми экспедициях на Эверест. К тому же, Нгима был человеком остроумным и ироничным, а во всем этом предэкспедиционном кошмаре, думал Букреев, без чувства юмора не обойтись. К сожалению, в Лопсанге полной уверенности не было. Ему было всего лишь двадцать три года, он поднимался с Фишером на Эверест в 1994-м году, и с ним же покорил Брод-пик в 1995-м². Альпинистские способности Лопсанга сомнения не вызывали. Букреева волновала его молодость.

¹ Сирдар — руководитель шерпов (*прим. перев.*).

Фишер дружески относился к Лопсангу и опекал его. У Лопсанга Янгбу были врожденные способности к высотному альпинизму, и Фишер ценил это. Для самого Лопсанга Фишер был не только личным другом, но и идеалом альпиниста, поэтому он всегда предпочитал работать с ним, хотя в других экспедициях он мог зарабатывать и больше.

Вот мнение Генри Тодда на этот счет: «Занять место сирдара не так просто, это требует долгого времени. Шерпа должен проявить себя с лучшей стороны, причем не однажды. Надо показать себя не только хорошим альпинистом, но и умелым руководителем... К Лопсангу как альпинисту претензий не возникало, но о том, насколько он был хорош в качестве начальника, я ничего сказать не могу». О возможных последствиях неопытности сирдара Тодд отзывался так: «Неискушенный сирдар просто обречен на ошибки, которые в конечном счете могут привести к трагедии».

За ужином мы обсудили наиболее острые проблемы — кислород и высотные палатки, а затем разделили свои обязанности по снабжению базового лагеря. Мне надлежало докупить для экспедиции альпинистской полипропиленовой веревки, а Тапа к 25-му марта должен был все упаковать и доставить в аэропорт. В тот же день мы с Нгимой должны были вылететь в Сянбоч (3 900 м) вместе со всеми нашими припасами. Там нам предстояло встретиться с носильщиками и караваном яков, которые должны, были поднять наши грузы в базовый лагерь под Эверестом.

Мне удалось быстро справиться со своими делами, до отлета у меня осталось немного свободного времени. Я провел его с моими друзьями из России: альпинистом Владимиром Башикировым, очень уважаемым среди высотников, и летчиком Сергеем Даниловым. Сергей был пилотом вертолета, в Гималаях он работал по контракту с компанией «Азиатские авиалинии». Он был веселым, приятным в общении человеком, и к тому же настоящим профессионалом. На мой взгляд, водить вертолет на высокогорье не менее опасно, чем быть высотным гидом. Я очень уважал Сережу.

Встреча с друзьями дала возможность Букрееву ощутить связь с домом, поговорить на родном языке. По меньшей мере два следующих месяца ему предстояло находиться в горах, вдали от родины. Все это время Букреев должен был провести в обществе американцев и шерпов, где «языком международного общения» служил английский. Последние два года Анатолий интенсивно учил язык, и прогресс — если сравнивать с его первыми экспедициями — был налицо. Тогда он объяснялся с англоязычными участниками исключительно при помощи жестов и слов вроде «да» и «нет». Но и теперь ирония, игра слов или жаргонные выражения часто оставались ему непонятными. В разговоре с другом Букреев однажды сказал, что, по его мнению, для гида альпинистские навыки куда важнее умения поддерживать разговор. Дальнейшее развитие событий заставило усомниться в справедливости этого суждения.

В воскресенье вечером, накануне нашего с Нгимой вылета к Эвересту, Скотт вновь предложил мне поужинать вместе. На этот раз с нами была Лин Гаммельгард—она прилетела из Дании на несколько дней раньше остальных клиентов. После того, как Скотт представил нас друг другу, Лин заметила, что прежде мы уже встречались. Это было весной 1991-го года, в базовом лагере под Дхаулагири. Честно говоря, я ее не помнил, к нам в лагерь тогда приходило довольно много датских туристов. Мне не хотелось обижать Лин, и я сделал вид, что узнал ее. Скотт слышал наш разговор и, похоже, понял, что я притворялся. Он широко улыбнулся и сказал мне на ухо: «Толя, ну ты даешь». Он не понимал, как я мог забыть такую яркую личность, как Лин.

Простившись со Скоттом и Лин, я отправился к себе в гостиницу. Мне надо было подготовиться к завтрашнему вылету под Эверест. Фишер хотел, чтобы я попал туда до прибытия клиентов. Я должен был проследить за установкой базового и высотных лагерей.

* * *

На следующий день друг Букреева Сергей погрузил на борт своего вертолета снаряжение экспедиции «Горного безумия» и, взяв с собой Анатолия и Нгиму Шерпу, вылетел в сторону Эвереста. Обстановка была спартанская: ни чая, ни свежих газет, а от оглушающего шума вращающихся лопастей спасение было только одно—заткнуть уши ватой.

Не прошло и часа, как показалась долина Кхумбу. Из-за высокой облачности видимость была почти нулевая, и с трудом отыскав посадочную площадку, Сергей приземлил свой вертолет в Сянгбоче.

Из-за тумана Сергей не смог вернуться в Катманду в тот же день и остался ночевать в местном приюте, а мы с Нгимой спустились в Намче Базар (3 450 м). Утром я собирался отправиться к базовому лагерю под Эверестом. Однако весь следующий день шел проливной дождь. Потоки воды размывали горную тропу, идущую от Намче Базара к Тянгбочу. Работа высотных носильщиков и каравана яков была серьезно осложнена.

На этом проблемы не заканчивались. На тропе еще оставался снег, и в районе базового лагеря его глубина порой достигала метра. Экспедиционные носильщики и погонщики яков вынуждены были сойти с маршрута и, разойдясь по приютам и хижинам, стали ждать, когда дорога очистится от снега

В случае благоприятной погоды я планировал дойти до базового лагеря за пять дней. В среднем альпинистам требуется на это больше времени, но я полагался на свою подготовленность. Я активно тренировался перед этим сезоном. В Алма-Ате я совершал в неделю по два скоростных восхождения на четырехтысячники. В прошлом году более пяти месяцев я провел в Гималаях и поднялся на три восьмитысячника, включая Эверест. Не проводи я столько времени на высоте, мне бы тоже понадобилось на этот путь дней десять-двенадцать. Именно такой срок запланировали мы с Фишером для наших клиентов. Некоторые из них попадали сюда практически с нулевой высоты, и для нормальной адаптации меньшего времени им бы просто не хватило.

27 марта Букреев смог продолжить свой путь. Из Намче Базара он спустился к реке Дух Коси (3 250 м), а оттуда вновь поднялся к Тянгбочу. Для большинства альпинистов это было крайне утомительное путешествие. Букреев не был исключением, он тоже устал, однако важным нюансом было то, что, несмотря на огромную высоту, он не ощущал ни малейших проявлений горной болезни.

На следующий день я продолжил путь и около водопада на Аудх Коси встретился с Эдом Вистурсом, Азвидом Бришером и остальными участниками ИМАКС-экспедиции. Они занимались съемкой своего фильма, и мне пришлось совершить хитрый маневр, чтобы не испортить им кадр. Вечером я пришел в деревню Пангбоч (4 000 м) у самой границы лесной зоны. Там я остановился на ночлег и впервые после полугодового перерыва увидел закат солнца на Эвересте. Вечер я провел в компании Эда Вистурса и его красавицы-жены.

29 марта я набрал в общей сложности километр высоты. По дороге мне попадались караваны яков. Они медленно шли сквозь грязь и тающий снег. Продвижение караванов осложнялось еще и тем, что яки часто проламывали наст и проваливались в глубокий снег. Самостоятельно выбраться оттуда они не могли, да и не хотели, и шерпам приходилось разгружать их и вытаскивать на более надежное место.

Последнюю ночь в пути Букреев провел в небольшой гостинице в Лобуче (4 940 м). Там он разместился вместе с командой ИМАКС-экспедиции. Комнаты в гостинице не отапливались, всем приходилось спать на общих нарах. Тем не менее, здесь можно было укрыться от ветра и минусовых температур, которые все еще преобладали у подножия Эвереста

30-го марта около 11 часов утра я добрался до базового лагеря под Эверестом. Передовые группы, подобные нашей, появлялись здесь задолго до прихода основных экспедиций. Прежде всего, они определяли место своего лагеря, выбирая для установки палаток выступающие из снега скальные островки. Несколько палаток уже стояло — в одних разместились шерпы из передовых групп, другие палатки обозначали границы будущего лагеря экспедиции. Иных способов застолбить за собой место обычно не требовалось, однако в этом году появились нововведения. На камнях вокруг будущего лагеря «Консультантов по приключениям» Роба Холла пульверизатором были выведены буквы NZ (Новая Зеландия). Я слышал об этом еще до вылета из Катманду, где все с интересом ожидали, что скажет на это Дэвид Бришер, убежденный защитник окружающей среды. Сам Роб Холл относился к природе не менее бережно, чем Бришер, и потому окружающие были уверены, что всему виной чрезмерное усердие шерпов из передового отряда. Как бы то ни было, подумал я, этим ребятам еще предстояла непростая работа по стиранию своих надписей.

На месте будущего лагеря «Торного безумия» уже неделю работал Таши Шерна, молодой парень из Пангбоца, друг Нгимы. Он и еще несколько шерпов выкладывали камнями места под палатки. Палатки необходимо было установить выше уровня земли, чтобы их не затопило при таянии снега. Помимо этого, шерпы возводили каменные стены кухни и прокладывали дорожки между палатками, чтобы никто не подвернул ногу в темноте, как это не раз случалось в предыдущих экспедициях.

После обеда я присоединился к шерпам и вплоть до прибытия клиентов работал с ними наравне. Я вставал в восемь утра, едва солнце освещало палатку, выпивал обжигающего чая с молоком и сразу шел работать. В десять часов мы прерывались на завтрак, который состоял из чапатиса³ с яйцами и овсянки или цампы — ячменной каши. Вечером устраивался обильный ужин — рис, чечевица, чесночный суп и свежие овощи, принесенные в базовый лагерь носильщиками. На Западе многие сочли бы такое меню излишне однообразным, но за годы, проведенные в Гималаях, я привык к еде шерпов. Она мне нравилась куда больше всевозможной экзотики, которая нередко встречается в экспедиционном рационе. Благодаря обилию углеводов и горячей жидкости, эта пища как нельзя лучше соответствовала требованиям высоты.

³ Чапатис — это простой хлеб в виде лепешек, очень популярный в Южной Азии (прим. перев.).

Напряженная физическая работа стала для меня частью акклиматизации. Постоянно поддерживать свое тело в движении, заставлять его трудиться и подвергать нагрузкам, по моему мнению, очень важно для нормальной адаптации к высоте. Мне нравился уравновешенный, монотонный ритм нашей работы, и каждый вечер ложась спать, я тут же засыпал от здоровой физической усталости.

Глава 6

В СУЕТЕ

Пока Букреев с шерпами занимался обустройством базового лагеря, Гаммельгард, Фишер и его пресс-секретарь Джейн Броне находились в Катманду, ожидая прибытия остальных членов команды. Броне была партнером по восхождениям и близким другом Фишера. На этот раз она собиралась подняться от Катманду к базовому лагерю вместе со Скоттом, клиентами и доктором Ингрид Хант¹. Перед отъездом в Катманду Броне в течение нескольких месяцев пыталась организовать информационную поддержку экспедиции. В результате ей удалось заключить контракт с интернет-компанией «Аутсайд онлайн» (<http://outside.starwave.com>) из Сиэтла. На сайте этой компании публиковались последние новости, а также информация для тех, кто привык заказывать туристские услуги через Интернет. Не являясь частью журнала «Аутсайд», эта компания, тем не менее, имела право использовать его логотип и клиентуру. Предполагалось, что Броне будет информировать читателей «Аутсайд онлайн» о ходе экспедиции.

Броне хотелось утвердиться на новом для нее поприще альпинистской журналистики, и это соглашение оказалось как нельзя кстати. Фишер тоже остался доволен. Нельзя было предугадать, каким образом Питтман будет освещать экспедицию в своих репортажах для Эн-Би-Си, и что именно она напишет. Поведение Броне было более предсказуемо: она была очень предана Фишеру и лично заинтересована в успехе экспедиции, ее сводки создавали бы компании хорошую рекламу. Но существовали и определенные сложности — из всего состава участников спутниковый телефон был лишь у Питтман. Без ее содействия сотрудничество с «Аутсайд онлайн» становилось невозможным. В связи с этим еще до отъезда из Сиэтла Броне попыталась уладить этот вопрос. «Мы договорились, что я буду пользоваться спутниковым телефоном, который выдала Сэнди компания Эн-Би-Си... Я связалась с Джейн, секретаршей Питтман, и спросила у нее: «Мне будет нужна спутниковая связь. Это возможно?» По словам Броне, ее заверили, что она спокойно сможет пользоваться телефоном. Итак, информационная поддержка была обеспечена.

¹ Ингрид Хант — врач из Новой Англии. Согласно контракту, заключенному с «Горным безумием», она совмещала обязанности экспедиционного врача и начальника базового лагеря.

Одним из первых сообщений Бrome для «Аутсайд онлайн» стало интервью с Фишером, взятое в Катманду. В нем Скотт подробно рассказывал о своих клиентах и альпинистских гидах — Бейдлмане и Букрееве². Фишер сказал, что его гиды «удачно дополняют друг друга», и это немало способствует «общей безопасности восхождения». Бейдлман, по словам Фишера, страстно желал покорить Эверест, когда как сам Фишер в случае возникновения проблем у кого-то из клиентов мог с легкостью отказаться от штурма, чтобы сопроводить пострадавшего вниз³. «Нил бы продолжил путь к вершине, и каждый достиг своей цели».

Букреева Фишер представил как своего «старшего гида» и всячески расхваливал его высотные достижения. Анатолий покорил несколько восьмитысячников без кислорода, и, говоря о его роли в экспедиции, Фишер заметил: «Толя и на этот раз пойдет без кислорода⁴. Это не человек, а просто монстр какой-то!»

До отъезда из Катманду Бrome успела послать еще несколько сообщений. В них шла речь о проблемах, с которыми пришлось столкнуться экспедиции; в частности, и о том, что завезти снаряжение в лагерь до сих пор не удалось.

«В Катманду мы узнали, что яки не могут пробиться к базовому лагерю. Все десять экспедиций вынуждены простаивать в ожидании.

Воспользовавшись случаем, носильщики взвинтили цены на свои услуги со 150 до 300 рупий. Они объясняют это тем, что из-за плохих условий им придется работать намного больше. К тому же они понимают, что экспедициям без них не обойтись».

Фишер, не успев приехать, тут же с головой ушел в предэкспедиционные хлопоты. Отсутствие кислорода, недостающая палатка — накопившиеся проблемы требовали немедленного разрешения. Как вспоминала Бrome, «его сотовый телефон зазвонил сразу же после приземления в Катманду, и с тех пор заботы о снабжении экспедиции не оставляли Фишера ни на минуту».

Существовала и еще одна проблема, на этот раз деликатного свойства. Карен Дикинсон сообщила из Сиэтла, что Лин Гаммельгард по-прежнему оставалась должна «Горному безумию» около двадцати тысяч долларов. «Я выслала

² Назир Сабир, которого Фишер ранее представлял в качестве гида, отказался от участия в экспедиции по семейным обстоятельствам. Теперь у «Горного безумия» вместо четырех гидов, на которых рассчитывал Скотт, осталось лишь трое — Бейдлман, Букреев и сам Фишер.

³ Фишер уже был на Эвересте, и поэтому особенного спортивного значения восхождение на вершину для него не представляло (*прим. перев.*).

Чуть позже Скотт уточнил, что из соображений безопасности на день восхождения предусмотрен резервный кислород, и Букреев сможет им воспользоваться, если сочтет нужным.

Скотту необходимые документы, когда он еще был в Катманду. Гаммельгард должна была либо подписать обязательства, либо отказаться от участия в экспедиции. Я просила Фишера не брать ее с собой, пока она не подпишет эти бумаги⁵».

Фишер терпеть не мог выяснять отношения, особенно с друзьями. Броне говорила, что «он не любил расстраивать людей, ему всегда хотелось, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Он ненавидел конфликты и всячески избегал их». В этом была его слабость. Как; считает Броне, сильные качества Фишера заключались в другом. Особенно ярко они проявлялись в горах; он как никто умел мобилизовать все свои силы и умения в сложной ситуации и был рад помочь другим стать хоть чем-то похожими на него. Он мог направить человека к вершине, пробудить в нем желание идти вверх и готов был сам уступить ему дорогу. «Скотт хотел, чтобы каждый совершил свой, пусть маленький, подвиг,— рассказывала Броне. — Ему хотелось, чтобы все клиенты ощутили это необычное и удивительное чувство, этот прилив внутренних сил, который испытывает каждый, стоя на вершине Эвереста. Чтобы они поняли значение этой цели и сами устремились к ней. Меня поражало, с какой добротой и даже нежностью Скотт пытался поделиться своей любовью к горам со всеми клиентами, даже и с теми пустозвонами, которые порой встречались среди них. Ему было неважно, почему эти люди оказались в горах. Он считал своим долгом настроить их на восхождение. Скотт был как бороздящий морские просторы гордый крейсер, за которым так просто было держаться маленьким лодочкам его клиентов... Он просто излучал энергию и для каждого у него находилось доброе слово, даже для того, кто едва был способен завязать шнурки на своих горных ботинках... "У тебя все получится, — говорил Скотт. — У нас вместе все получится". Такой он был человек».

* * *

По плану, разработанному «Горным безумием», 23-го марта американские клиенты должны были вылететь из Лос-Анджелеса, затем провести некоторое время в Катманду, а 28-го марта вылететь в Луклу (2850 м). Это был очень благоразумный, ставший уже классическим план, целью которого было

⁵ Хорошо известно, что Фишер частенько прощал недостающие суммы своим друзьям, особенно тем, кого сам звал на восхождение. Его щедрость и великодушие в таких случаях были у всех на слуху.

предельно снизить риск заболевания горной болезнью⁶. Горная болезнь возникает при быстром подъеме на большую высоту—организм просто не успевает приспособиться к более низкому содержанию кислорода в воздухе.

Решив начать маршрут с высоты 2 850 метров, Фишер следовал общепринятой теории: стартовать ниже 3040 метров и медленно набирать высоту. Этот принцип рекомендуется квалифицированными высотниками, на нем основано большинство гималайских маршрутов, предлагаемых в популярной альпинистской литературе⁷.

Но непосредственно перед началом экспедиции Фишер передумал и изменил схему маршрута. Взяв с собой оставшееся снаряжение, он вылетел с клиентами не в Луклу, а в Сянгбоч — вслед за Букреевым и Нгимой.

Опытные Букреев и Нгима перелет в Сянгбоч перенесли нормально, но на клиентах столь резкий прыжок вверх отразился практически сразу. Питтман сообщила тогда Эн-Би-Си, что «почти все члены команды ощущают последствия резкого набора высоты. Тяжело дышать даже при ходьбе». Вдобавок, писала она, двое клиентов слегли с расстройством желудка (возможно — результат пребывания в Катманду). Среди заболевших была Лин Гаммельгард. Она вылетела к Эвересту вместе со всей экспедицией, а Дикинсон так и не дождалась ее подписи на документах.

Из Сянгбоча участники команды «Горного безумия», как и Букреев с Нгимой несколькими днями раньше, отправились в Намче Базар. Там они два дня отдыхали, совершая небольшие прогулки. Все это должно было способствовать акклиматизации. У некоторых клиентов все еще сохранялись симптомы горной болезни, что вполне допустимо в течение дня или двух, но если болезнь затягивается, то надо быть настороже.

Многие участники стали ежедневно принимать диамокс — сульфаниламид, который способствует окислению кислорода в организме. В альпинистской практике он используется уже более двадцати лет и хорошо себя зарекомендовал. Опытные врачи, такие как, к примеру, Чарльз Хьюстон, всемирно известный специалист по высотной медицине, советуют применять диамокс как профилактическое средство. Тем не менее, в инструкции к препарату

⁶ Горная болезнь в умеренной форме проявляется в виде головокружения, тошноты, нарушения сна, усталости, одышки, головной боли, повышенной возбудимости и нарушении аппетита. На большой высоте часто встречаются два очень серьезных осложнения горной болезни: отек легких и отек головного мозга. Осложнения нередко заканчиваются смертью больного.

⁷ Экспедиция Роба Холла так и поступила: вылетев из Катманду в Луклу, участники отсюда начали подниматься к базовому лагерю.

производители указывают, что «во избежание горной болезни рекомендуется набирать высоту постепенно. В случае обострений, вызванных излишне быстрым подъемом, прием препарата не может служить заменой немедленной отправки больного вниз».

* * *

Любители путешествовать не по горам, а по интернету, благодаря репортажам Питтман, получили возможность ежедневно следить за продвижением участников к базовому лагерю. Те же, кто узнавал об экспедиции из сообщений Броне, после ее отъезда из Катманду новой информации так и не дождались. Конфликт между Броне и Питтман остался скрытым от посторонних глаз. «Когда мы пришли в Лобуч, к самому подножью Эвереста, Сэнди стала вести себя крайне неприязненно. В конце концов она сказала: "Знаешь, тебе не стоит больше пользоваться моим спутниковым телефоном. Эн-Би-Си хочет вытянуть все деньги из этой информации, и им не нужна лишняя конкуренция"».

* * *

По принятой на леднике Кхумбу системе связи — через шерпов — Нил передал нам, что экспедиция прибудет в Горак Чеп (5 170 м) 6-го апреля. Мне очень хотелось встретиться с клиентами и посмотреть, как у них идут дела. Работа в базовом лагере была в основном завершена, и я спокойно отправился вниз. Путь через ледник Кхумбу занял у меня два часа — мне пришлось обходить озера талой воды и пробираться между сераками⁸. По дороге я встретил экспедицию Генри Тодда. Ее участники рассказали мне, что наш кислород наконец-то прибыл в Катманду. Караван яков, который должен был доставить его в базовый лагерь, сейчас находился где-то в районе Намче Базара. Спустившись в Горак Чеп, я рассказал Фишеру о выполненной в базовом лагере работе. Мне было очень приятно встретиться с Нилом, которого я знал со времен своего первого приезда в Америку в 1990-м году. Не скупясь на похвалы, Скотт представил меня клиентам. Мне казалось очень важным познакомиться с ними поближе. Конечно, что-то я уже знал о них и так, но анкетные данные — это одно, а то, как человек себя ведет, его настроение и физическое состояние можно узнать только при личной встрече. Для меня

⁸ Сераки — отдельно стоящие глыбы льда огромных размеров, часто очень неустойчивые (прим. перев.).

всегда важнее было не то, что человек говорит, а то, как он себя ведет. Мне предстояло еще многое узнать о наших участниках, которые, как я слышал, серьезно готовились к восхождению.

Я знал, что Сэнди Питтман уже не в первый раз пытается покорить Эверест. Ее цветущий вид на такой высоте свидетельствовал об отличном здоровье.

Лин Гаммельгард выглядела ничуть не хуже, чем в Катманду. Судя по всему, хорошему самочувствию в немалой степени способствовала мысль, что она станет первой датчанкой, поднявшейся на Эверест. Меня несколько беспокоило ее намерение идти на восхождение без кислорода. При недостатке высотного опыта это было не самое мудрое решение.

Третья женщина в экспедиции, Шарлотта Фокс, уже поднималась на два восьмитысячника — Чо-Ойю (8 153 м) и Гашебурум 2 (8 035 м). Она побывала также на Аконкагуа и Мак-Кинли. Ее друг Тим Мадсен был высококлассным горнолыжником, но не имел высотного опыта. Впрочем, он интенсивно тренировался на меньших высотах в североамериканских Кордильерах.

В экспедиции был еще один горнолыжник — Клев Шенинг. Он тоже серьезно готовился к этому восхождению, покорив, в частности, Килиманджаро и Аконкагуа. Что касается его дяди, Пита Шенинга, то я с большим почтением относился к его альпинистскому опыту. Желание стать старейшим покорителем Эвереста было мне понятно, целеустремленность этого человека вызвала уважение. Но все же столь преклонный возраст не мог меня не беспокоить.

Основным достижением Дейла Круза было покорение Баруңзе, одного из семитысячников в Непале. Находясь в непосредственной близости от таких гигантов, как Эверест и Макалу, сам Баруңзе представляет собой весьма простую гору. Восхождение на него по сложности несоизмеримо с тем, что ожидало нас на этот раз, даже если забыть о значительной разнице высот.

Замыкал список участников Мартин Адамс, с которым я был знаком по экспедиции на Макалу. Серьезный альпинист, он твердо шел к своей главной цели — Эвересту. Я пообещал ему свою поддержку и помощь.

Познакомившись с участниками, я в тот же день вернулся в базовый лагерь. По дороге я размышлял об увиденном. Более всего меня беспокоили клиенты без высотного опыта: Тим Мадсен, Клев Шенинг, Лин Гаммельгард и Дейл Круз. Впрочем, тот факт, что сейчас, на пятикилометровой высоте, они были в хорошей форме, несколько успокаивал меня. Они рвались наверх и, судя по внешнему виду, не испытывали проблем со здоровьем и

самочувствием. Тем не менее, я понимал, что окончательный вывод о готовности каждого можно будет сделать только после подъема в базовый лагерь и тренировочных восхождений.

И все же у меня не было уверенности в том, что наша команда по-настоящему готова к штурму Эвереста. Оставалось положиться на профессиональное чутье Скотта, для которого успех его первой большой экспедиции на Эверест имел огромное значение. Скотт приложил много сил, чтобы все подготовить и привезти в Гималаи неплохую экспедицию. Однако собрать за столь короткий срок сильную и в то же время однородную по составу команду практически невозможно. Надо отдать должное Скотту за его искреннее стремление сделать все как можно лучше.

Трое из нас — Скотт, Лопсанг и я — уже побывали на Эвересте, и накопленный нами опыт, обеспечивал неплохой запас прочности на будущее. Мы были в состоянии помочь нашим клиентам, тем более, что большинство из них находились в хорошей форме. Хотя лично мне коммерческие экспедиции все же были не по душе. Я вырос в традициях советской школы высотного альпинизма, где главными считались командный дух и взаимопомощь, а личные амбиции отходили на второй план. Тренировочный процесс был длительным: сначала альпинисты набирались опыта на небольших горах и лишь потом, постепенно увеличивая высоту, доходили до восьмитысячников. Здесь же, вопреки здравому смыслу, я должен был за деньги подготовить гору для альпинистов, а не наоборот.

Глава 7

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ

Итак, вечером 6-го апреля Букреев вернулся в базовый лагерь, а остальные участники были вынуждены еще несколько дней провести в Горак Чепе. Клиенты не могли появиться в базовом лагере прежде, чем туда прибудет караван яков с основным грузом. Все, что нужно было для установки базового лагеря и для работы передовой группы, уже затащили наверх шерпы. Но для обеспечения должного комфорта клиентов усилий одних носильщиков было мало — тут требовалась мощь каравана.

Яки поднимались мучительно долго. Экспедиция нагнала свой караван вскоре после выхода из Лобуча. Несчастные животные стояли по шею в снегу, а сопровождающие шерпы, яростно орудуя лопатами, пытались извлечь их оттуда. Это произошло за день до прибытия экспедиции «Горного безумия» в Горак Чеп.

В Горак Чепе Фишер, чтобы скоротать время и лучше акклиматизироваться, организовал восхождение своей команды на небольшой пик Кала Патар (5 554 м), расположенный неподалеку. С этой несерьезной по местным понятиям высоты перед участниками открылась впечатляющая панорама огромного ледника Кхумбу — первого серьезного препятствия на пути к Эвересту. Стоя на Кала Патаре, многие из клиентов осознали, что ставшую привычной фразу «мы идем к Эвересту» теперь пора менять на другую — «мы пришли к Эвересту». Ледяная громада Кхумбу и отпугивала, и притягивала к себе, вызывая невольный трепет. Многие клиенты впервые воочию увидели, что же их ждет впереди. Не этого ли вы хотели, подписывая чек?

Наконец в понедельник 8-го апреля команда Фишера отправилась наверх. Чуть выше песчаной низины Горак Чеп участники вышли на тропу. По ней они прошли морену и вышли к леднику Кхумбу. Около трех часов потребовалось экспедиции, чтобы по дороге, проложенной носильщиками и караваном яков, выйти к базовому лагерю у подножья Эвереста.

Участники медленно продвигались вверх по лунному ландшафту Кхумбу, обходя разбросанные ледяные глыбы и осторожно перебираясь от камня к камню, пока не появился впереди долгожданный лагерь. Как положено у альпинистов, придя на место, клиенты первым делом принялись за установку палаток. При содействии шерпов они занялись расчисткой места и

обустройством лагеря, который на ближайшие шесть недель должен был стать для них родным домом.

Шерпы, с которыми мы прежде работали вместе, при появлении клиентов преобразились. Неизменно приветливые и улыбчивые, они разносили по палаткам горячий чай и кофе. В большой палатке, отведенной под столовую, также стояли термосы с горячим кофе, жестяные банки с энерготонизирующими напитками; лежали плитки шоколада «Пауэр Барс» и вяленая говядина. Меню стало гораздо богаче, можно было заказать себе, например, пиццу или тушеное мясо. Но, честно говоря, мне больше нравилась еда шерпов. Будучи несколько однообразной, она, тем не менее, легко усваивалась и, на мой взгляд, гораздо лучше подходила для высотных условий. В лагере появились также горячий душ и почта. Целая палатка была выделена для нужд связи; она была до отказа набита спутниковыми телефонами, компьютерами, солнечными батареями и прочим коммуникационным оборудованием Сэнди Питтман. Теперь в лагере было не меньше удобств, чем в большинстве отелей в Катманду, не говоря уже о гостинице «Скала», где я обычно останавливался.

Созданный комфорт не мог, однако, сам по себе решить всех проблем. Некоторые клиенты еще не успели приспособиться к высоте. Многие, особенно новички на Эвересте, не могли думать ни о чем, кроме своего здоровья. По словам одного из обитателей базового лагеря, «участники впали в настоящий психоз, следя за своим телом. Они наблюдали за всеми естественными отправлениями организма, придавая огромное значение даже цвету своих выделений. Что уж говорить о головной боли или тошноте — все подвергалось тщательному анализу». Никто не мог с точностью сказать, здоров он или нет. Обычное желудочное расстройство или простуда могли лишить альпиниста восхождения, и никто из собравшихся не хотел перенести такое унижение. Как сказал один из альпинистов, «общая мнительность показалась бы чрезмерной даже ипохондрику».

Первым настоящим больным стал Нил Бейдлман. У него развился «высотный кашель»¹. Его товарищи по базовому лагерю отмечали, что «Нил просто разрывался от кашля. Он мог прокашлять всю ночь, так и не сумев заснуть. Ингрид Хант, экспедиционный врач, испробовала все средства: стероиды, что-

Необычайно сухой и холодный высокогорный воздух раздражает легкие. Высотный лагерь — это далеко не курорт на Карибском побережье с теплым и влажным воздухом. Сухой ледянящий воздух высокогорья опасен для здоровья. За раздражением дыхательных путей часто следует воспаление, в легких скапливается серозная жидкость, и кашель еще более усиливается.

бы остановить инфекцию, бронходилататоры, чтобы снять мышечные спазмы. Но ничего не помогало». Хотя и у других членов экспедиции были сходные проблемы, в том числе и у Питтман, но случай с Бейдлманом был особенным. Нил отвечал за восхождение клиентов на вершину. В команде и так было на одного гида меньше, чем первоначально планировалось. С трудом можно было себе представить, что Букреев, Фишер и высотные шерпы сумеют одни справиться со всей нагрузкой, если Бейдлман так и не поправится.

Проблемы касались не только здоровья участников, но и качества завезенного в базовый лагерь снаряжения. Еще на начальной стадии экспедиции встал вопрос о рациях, которые взял с собой Фишер. Значение раций в экспедиции огромно — с их помощью осуществляется связь между базовым лагерем и альпинистами, идущими на штурм вершины. По рации участники узнают об изменении погоды, чрезвычайных происшествиях, по рации они сообщают в базовый лагерь о проблемах со здоровьем или снаряжением. Опытный альпинист не оставит без внимания организацию связи в своей экспедиции. Это хорошо понимал Мартин Адамс. «За последние годы появились такие замечательные маленькие рации, которые почти ничего не весят и предельно просты в управлении. У них всего две кнопки—не запутаешься. Такая рация должна быть у каждого, веса она не прибавит. И когда Скотт извлек из рюкзака древние десятиканальные передатчики, я спросил его: "Мы пойдем с этим?!" "Это все, что мне удалось достать", — ответил Скотт. По-моему, это не рации, а недоразумение какое-то. Взяв их в экспедицию, Скотт допустил большую ошибку».

* * *

Одной из своих главных задач в базовом лагере я считал строгое соблюдение акклиматизационного графика. За коротким отдыхом в базовом лагере, когда участники в течение нескольких дней привыкают к высоте, непременно должны последовать тренировки. Акклиматизационные выходы — это целая серия восхождений, во время которых участники постепенно набирают высоту, совершая путь от базового лагеря к следующим высотным лагерям. При таком размеренном подъеме организм постепенно привыкает ко все большей и большей высоте. В день заключительного штурма альпинисты поднимаются максимально высоко, а после вершины, возвращаются на высоту, к которой уже адаптировались.

Нами было запланировано четыре акклиматизационных выхода. Первый — на высоту 6 100 метров, где должен был расположиться наш первый

высотный лагерь. В этот раз ночевки там не предполагалось. Во время тренировочных выходов клиенты должны были нести только свои личные вещи и снаряжение, сохраняя таким образом силы для штурма вершины. Веревки и все, что нам могло понадобиться наверху, предстояло нести шерпам под руководством Аопсанга Янгбу.

После первого подъема на 6 100 метров группа в тот же день спокойно успевала спуститься в базовый лагерь. (Затем участникам предоставлялся отдых, чтобы они могли восстановиться, а мы — понаблюдать за их состоянием.)

Во время второго выхода мы планировали вновь дойти до первого лагеря и уже переночевать там. На следующий день — подъем до 6 500 метров, где в это время шерпы будут устанавливать второй высотный лагерь, и в тот же день возвращение вниз. Второму лагерю отводилась особая роль передового высотного лагеря. Это был базовый лагерь в миниатюре: та же общая палатка² - в центре, те же палатки клиентов и кухня.

После спуска вниз клиентам был положен длительный отдых: им нужно было набраться сил, а нам — еще раз проанализировать их состояние. Обсудив с каждым его самочувствие и возможные будущие проблемы, мы должны были оценить их готовность к восхождению.

Оставалось надеяться, что после такого отдыха участники будут готовы к третьему выходу наверх, который предполагалось устроить следующим образом. Сначала подъем до первого лагеря и ночевка в нем. Потом подъем до второго лагеря и первая ночевка на этой высоте. На третий день группа должна была подняться до высоты 6 800 метров и выйти на стену Ахоцзе. Там, на высоте 7 300 метров, предполагалось разбить наш третий высотный лагерь. В тот же день группа, минуя второй лагерь, должна была спуститься в базовый.

Перед четвертым, заключительным акклиматизационным выходом было запланировано три дня отдыха. После этого предстоял подъем из базового сразу во второй лагерь. После ночевки там и наблюдения за самочувствием клиентов мы должны были подняться до третьего лагеря. Утром после ночевки в третьем лагере (последней на этом выходе) надо было попробовать подняться еще на несколько сотен метров и лишь тогда начинать спуск.

Мы, со Скоттом пришли к выводу, что участие в последнем выходе должно быть обязательным для всех клиентов. В нем предстояло набрать

² Эта палатка представляла собой уменьшенный вариант общей палатки в базовом лагере. Обе были сделаны по заказу «Горного безумия» на Урале и, несмотря на сложности, все же попали в Непал, а потом и в базовый лагерь.

*максимальную тренировочную высоту, и участникам необходимо было к ней адаптироваться, прежде чем идти на решающий штурм*³.

Букреев очень серьезно относился к акклиматизационным выходам. Он считал, что нужно строжайшим образом придерживаться намеченного графика. Букреев понимал, что попал в эту экспедицию во многом благодаря своему опыту; Фишер полагался на его знания и надеялся, что под присмотром столь квалифицированного гида клиенты будут в относительной безопасности. Поэтому Букреев решил поделиться с Фишером своими соображениями по поводу шансов экспедиции на успех.

Я считал, что если клиенты пойдут с кислородом и обстоятельства сложатся благоприятно, то покорение вершины вполне реально. Для этого крайне важно скрупулезно следовать нашему плану акклиматизации и дать клиентам возможность как следует отдохнуть перед штурмом. Мы были не в состоянии компенсировать нехватку высотного опыта или альпинистских навыков, но все же, следуя подобному плану, мы максимально увеличивали шансы экспедиции на успех.

Наша задача состояла в том, чтобы клиенты, вышли на нужный уровень акклиматизации за минимальное число ночевки на высоте. Из своего опыта я знал, что при пребывании на большой высоте человек очень быстро ослабевает, а короткого отдыха бывает недостаточно, чтобы восстановить утраченные силы. Иногда альпиниста жестоко обманывают его ощущения. Ему начинает казаться, что все проблемы с акклиматизацией уже позади, и он отлично работает на высоте. Но проснувшись утром перед решающим штурмом, он внезапно обнаруживает, что сил уже не осталось и выход не состоится. Поэтому, по моему мнению, после подъема на 7 300 метров нам следовало спуститься не в базовый лагерь, а еще ниже. Отдых в богатой кислородом лесной зоне, на уровне 3 800 метров, помог бы клиентам расслабиться, отвлечься от однообразной жизни базового лагеря. После этого они были бы не только физически, но и психологически подготовлены к восхождению.

Фишер в целом одобрил план Букреева, за одним лишь исключением. Он считал излишним спускаться ниже базового лагеря для отдыха перед штурмом. Почему Фишер не согласился, Букреев так до конца и не понял.

³ Процесс акклиматизации у каждого человека проходит по-своему. Поэтому, как бы ни хотели Букреев и Фишер следовать общему плану, они понимали, что придется учитывать индивидуальные особенности клиентов и различную реакцию на высоту. Для этого график выходов был сделан по возможности гибким.

Глава 8

ОТ КХУМБУ КО ВТОРОМУ ЛАГЕРЮ

Первое прохождение ледника Кхумбу было запланировано на 11 апреля. Не успели еще лучи солнца осветить промерзший за ночь базовый лагерь, как участники стали выбираться из своих палаток и собирать рюкзаки. Букреев впоследствии вспоминал, что погода в тот день была отличная. В таких условиях хорошо идти на штурм вершины — уже несколько дней на небе не было ни облачка, да и ветер затих.

Какой окажется погода, когда все участники наконец акклиматизируются, можно было только гадать. Горы так же непредсказуемы, как и альпинисты, которым хватает дерзости их покорять. Не исключено было, что в решающий момент погода окончательно испортится. В такой игре нельзя сдать билет и потребовать свои деньги назад. Домой придется ехать ни с чем.

* * *

Клиенты «Горного безумия» в целом неплохо перенесли небольшой набор высоты при подъеме от Горак Чепа до базового лагеря. Во время сна или отдыха дыхание уже не было учащенным, но любая активность у большинства из них немедленно вызывала одышку. Одна из участниц сказала, что в базовом лагере, где кислорода вдвое меньше, чем внизу, ей казалось, что она дышит только одним легким. Окружающий мир воспринимался словно сквозь какую-то пелену, «как после хорошей вечеринки».

Некоторые участники до сих пор страдали от головных болей и приступов тошноты, но никто не жаловался. Всем хотелось выглядеть как можно лучше, и они предпочитали скрывать от остальных, «как погано им на самом деле приходилось» (по выражению одного из клиентов).

Сам Фишер, казалось бы, никаких трудностей не испытывал — как будто в подтверждение своей излюбленной фразы, что «дело не в уровне высоты, а в вашем уровне». Но, по словам Джейн Броне, реальное его состояние не внушало оптимизма. «Когда он просыпался утром, ему нужно было минут пять, чтобы встать... Скотт был полностью вымотан». Броне рассказыва-

ла, что Фишер принимал диамокс по 125 мг в день. Видимо, он хотел искусственно ускорить акклиматизацию¹.

* * *

Бейдлману и всем клиентам, за исключением одной Питтман, предстояло впервые ступить на изборозженную коварными трещинами поверхность ледника Кхумбу. Несмотря на напускное бесстрашие и самоуверенность, многие участники понимали какое препятствие их ждет впереди. С тех пор как на Эвересте стали вести счет потерям, на этом леднике погибло 19 человек.

Огромная масса голубого льда самой причудливой формы медленно стекает со склонов Эвереста вниз, к базовому лагерю. Ледник Кхумбу постоянно меняет свою форму. Под действием силы тяжести он ломается, и его тело перерезают трещины, а от общей массы откалываются огромные куски льда самой причудливой формы. Их называют сераками, и некоторые из них высотой превосходят десятиэтажный дом. Поверхность ледника покрыта лабиринтом трещин, которые таят в себе пропасти глубиной более сотни метров.

Для того чтобы пересечь Кхумбу и добраться до первого высотного лагеря на высоте 6100 метров, надо преодолеть шестьсот метров по вертикали и тысячу шестьсот по горизонтали. Чтобы облегчить задачу клиентам, путь по леднику сначала прокладывает команда шерпов. В марте 96-го такой командой руководили Генри Тодд и Мал Даф из Великобритании. Мал Даф как и Тодд, возглавлял коммерческую экспедицию.

Главного из шерпов, отвечающих за эту исключительно опасную работу, в базовом лагере называют «доктором ледника». Вдоль всего пути шерпы прокладывают алюминиевые лестницы для перехода над трещинами или подъема на сложных участках (в 1996-м году их было установлено более семидесяти). Чтобы преодолеть пропасти, разверзающиеся под ногами, приходится иногда соединять в цепочку по три или четыре лестницы. Идущим следом предстоит пройти по этим лестницам, пристегнувшись к жестко закрепленным веревкам, которые альпинисты прозвали «перилами». Пристегиваются или «вщелкиваются» обычно с помощью карабина, короткой веревкой связанного с обвязкой². Карабины, как правило, имеют овальную или D-образную форму, их

¹ Несмотря на факты, свидетельствующие об обратном, некоторые, альпинисты до сих пор верят, что диамокс может быть использован для профилактики горной болезни.

² Обвязка или «система» — конструкция из пояса и вспомогательных ремней, предназначенная для присоединения альпиниста к основной веревке, а также для организации индивидуальной страховки (*прим. перев.*).

изготавливают из алюминиевых сплавов. Они позволяют альпинисту быстро пристегнуться или отстегнуться от закрепленной веревки. Реже (обычно это необходимо при подъеме по вертикали) альпинисты пользуются жумаром. Жумар — это специальный зажим, применяемый для подъема по закрепленной веревке. Альпинист пропускает веревку через жумар, пристегивает его к себе и начинает подъем. Одной рукой он при этом все время держится за жумар, шаг за шагом продвигая его вверх. При срыве зажим немедленно срабатывает как тормоз и останавливает падение. «Жумарить» — так альпинисты называют этот способ передвижения по веревке.

Скрипы, стоны и скрежет зубовой слышат альпинисты вокруг себя, проходя по леднику. Кхумбу постоянно движется, он живет и «дышит». Ледяные глыбы перемещаются и трутся друг о друга, издавая удивительные звуки. И альпинисту, идущему по леднику, остается только надеяться на то, что узенькая трещинка под его ногами не развернется в огромную пропасть и сверху не него не обрушится один из нависающих ледяных колоссов.

Фишер объявил клиентам, что хотел бы проверить их готовность к восхождению, и потому им предстояло преодолеть весь ледник Кхумбу не более чем за четыре часа. Ставки были высоки, и, как сказал Клев Шенинг, «все, что было прежде, напоминало приятную прогулку, и только теперь начались суровые будни».

По воспоминаниям одного из клиентов «Горного безумия», инструкции гидов по преодолению ледника были весьма лаконичны. Все эти «Осторожней слева!» или «Посмотри направо!» клиенты воспринимали не иначе как призыв быть начеку, что, впрочем, и было им нужнее всего.

Многие из участников очень неуютно себя чувствовали вовсе не на вертикальных перилах, а при пересечении широких трещин по связанным лестницам. Цепляясь зубьями кошек за перекладины, а подчас и спотыкаясь, альпинист балансирует над ледяной пропастью, готовой поглотить его, едва он сделает неверный шаг. Стоит только неаккуратно пристегнуться к перилам, и, оступившись, можно сорваться вниз. Выжить после такого падения нельзя, из трещины удастся вытащить лишь безжизненную тряпичную куклу в альпинистской обвязке.

По словам Мартина Адамса, некоторые участники по лестницам шли, некоторые ползли. Честно говоря, Сэнди и Лин преодолевали лестницы не хуже, а то и лучше, всех остальных... Они хорошо держали равновесие и не боялись. А Шарлотта Фокс, как сообщила потом в своем репортаже Питтман, напоминала ребенка верхом на деревянной лошадке. Она пересекала трещины, усевшись на лестницу и подтягивая себя вперед. Конечно, это было не так страш-

но, как раскачиваться на кошках, видя под собой ледяной склеп размером с огромный зал. 10 мая Фокс должно было исполниться тридцать девять лет, и ей хотелось встретить этот день живой и здоровой.

Я был очень доволен, что все клиенты уложились в четыре часа, отведенные для них Скоттом. Но меня насторожило, что многие участники держались крайне неуверенно и ни шагу не могли ступить без гида. Видимо, некоторые из них считали, что гид все время должен быть рядом, готовый прийти на помощь. Как же они поведут себя, когда никто не будет держать их за руку?

Букреев приступил к решению задачи, которую поставило перед ним «Горное безумие». В этом уравнении было много неизвестных: гиды, клиенты и шерпы. Если все выйдут на восхождение здоровыми и хорошо адаптировавшимися к высоте, если не будет допущено ошибок, альпинисты будут помогать друг другу, и к тому же еще повезет с погодой, то все смогут вернуться домой живыми. Но насколько можно положиться на клиентов в критической ситуации? Как они поступят, если рядом не окажется советчика-гида?

Букреев рассчитывал на свой высотный опыт, свою подготовку. Именно эти качества высоко ценил Генри Тодд, в прошлом году пригласивший Анатолия в свою экспедицию: «Когда Букреев работал с нами в 95-м, он все делал просто идеально: Букреев на голову превосходил остальных. В любой ситуации он из множества решений всегда выбирал правильное. Я отлично понимал, что за человек Анатолий и на что он способен... На случай, если дела пойдут плохо, мне нужен был человек, готовый помочь всем нам». По мнению Тодда, особая роль Букреева состояла в его силе и в том, что его участие обеспечивало экспедиции принципиально более высокий уровень безопасности. Если бы клиент попал в беду, Анатолий мог спустить его вниз. Тодд не собирался делать из Букреева няньку для клиентов. Брать его на такую работу было бы явной недооценкой его способностей. «Он был нужен не для этого. Делать так — все равно что стрелять их пушки по воробьям».

Обратный путь прошел без приключений. Клиенты вернулись в базовый лагерь в приподнятом настроении: они справились с заданием и с большей уверенностью смотрели в будущее. Как и планировалось, им был предоставлен двухдневный отдых. Тем временем шерпы устанавливали первый высотный лагерь, снабжая его всем необходимым для нашего следующего выхода, когда клиентам предстояло провести там ночь.

Пока клиенты отдыхали, Букреев впервые открыто поднял вопрос о неготовности некоторых участников экспедиции к восхождению. Он был в целом доволен работой клиентов на леднике, но сомневался в возможностях Дейла Круза и Пита Шенинга, в том, что им следует идти дальше. Но Фишер, по словам Букреева, заверил его: «Пит будет делать то, что я скажу. У него большой опыт, и он никогда не станет выдавать желаемое за действительное». А про Круза Скотт сказал так: «Дейл — мой старый друг, я всегда сумею развернуть его обратно. Он не будет серьезно переживать. Дайте ему хорошо поесть, попить пива в базовом лагере, и все будет в порядке. Это не проблема».

В частных беседах Фишер отзывался о Крузе с симпатией, хотя и не мог скрыть своего разочарования. С самых первых дней экспедиции Круз постепенно отделялся от остальных участников, становясь «асоциальным элементом». Фишер знал, что Круз отчаянно борется со своей замкнутостью, но это лишь раздражало Скотта, и он то и дело одергивал других: «Оставьте его, он сам должен в себе разобраться». Фишер полагал, что если Дейл самостоятельно разрешит свои проблемы, это пойдет ему на пользу. Как заметил один из очевидцев: «Дейл все время мучился... Мне не хотелось бы его обижать, но в таком эмоциональном состоянии он был самым слабым звеном команды. Дейл был тихим, слишком тихим. Я думаю, что его скрутила высота. Видимо, уже с пяти километров у него была постоянная гипоксия, поэтому он и вел себя тише воды, ниже травы. Трудно было понять, что с ним происходило на самом деле».

Участникам приходилось привыкать не только к высоте, но и друг к другу. «До приезда в Катманду многие из нас даже не были знакомы, — рассказывал один из клиентов. Это как свидание с неизвестным человеком. На момент встречи нас объединяла только общая цель — оказаться на вершине. Поэтому сначала был период осторожного сближения, когда мы постепенно открывали для себя друг друга. На высоте необходимо знать, кто рядом с тобой. Если в ваших отношениях что-то не заладится, то здесь вы не сможете взять такси и отправиться домой... Удивительно, что участники, за небольшим исключением, хорошо подходили друг другу — особенно если учесть, как случайно подбирался наш коллектив».

По отзывам других клиентов, Тим Мадсен тоже оказался одиночкой. «С самого начала он был очень замкнут, — рассказывал один из клиентов "Горного безумия". Почти как Дейл — тайна за семью печатями». Хотя Мадсен и Круз считались чужаками, проблем с окружающими у них не возникало. По воспоминаниям сотрудников «Горного безумия», все клиенты, кроме Питман и Гаммельгард, «отлично ладили».

«Я обратил внимание,—рассказывал один из обитателей базового лагеря,—что вскоре между Сэнди и Лин возникло какое-то соперничество... Лин считала, что Сэнди постоянно рисуется... Сэнди, с замашками миллиардерши, невзначай роняющая имена Иваны Трамп и Тома Брокау, не раз напоминала о том, что она написала и сделала, и что она за величина И Лин, с ее вечными рассказами о прелестях уединенной жизни, когда ни в ком не испытываешь нужды... Я думаю, что их противостояние было следствием не какой-то особенной любви к альпинизму, а желания самоутвердиться... Они обе совершенно извели Нила. Он не то чтобы озлобился, но при разговоре с ними улыбался вымученно и явно через силу... Нил был очень недоволен».

Этим неприятности Бейдлмана не исчерпывались. Тот же участник рассказывал: «Питтман совершенно не разбиралась в своей технике. Нил провел в общей сложности не менее суток, разбираясь с ее приборами. Тогда я сказал ему: "Нил, не пора ли тебе получать зарплату в Эн-Би-Си? Это их дело, в конце концов!" Они же не направили сюда специалиста, чтобы он этим занимался. "Потребуй с них денег", — предложил я. "Нет, нет, что ты", — ответил Бейдлман. "Ну и зря..." — подумал я».

Фишер, несмотря ни на что, старался держать нейтралитет. «Он не испытывал ни малейшего желания вступать в интриги Питтман и Гаммельгард», — рассказывал один из его близких друзей. В частной беседе Скотт признал, что приглашение Питтман было, по всей видимости, ошибкой. «С ней так много мороки... Если бы ей не удалось взойти, она во всем бы обвинила Скотта Ну а при благоприятном исходе она о нем бы и не вспомнила.. Мы с ним часто это обсуждали».

Мои отношения с участниками, с кем-то — доверительные, а с кем-то — весьма прохладные, складывались постепенно. С Нилом Бейдлманом и Мартином Адамсом я был хорошо знаком еще по нашей совместной экспедиции на Макалу весной 1994-го. Лин Гаммельгард относилась ко мне с большим уважением. Она слышала про меня от Михеля Йоргенсена. Он участвовал в прошлогодней экспедиции Генри Тодда и стал первым датчанином, поднявшимся на Эверест. Лин не была американкой и этим сильно выделялась на общем фоне. Не была она и особенно состоятельной и смогла оплатить свое участие лишь частично. Все это вместе взятое, как мне кажется, заставляло ее держаться несколько в стороне от остальных... Мои отношения с Шарлоттой Фокс и Тимом Мадсенем тоже определились. Нас объединяла любовь к горам. Остальные участники относились ко мне куда более прохладно. Пит Шенинг и его племянник Клев держались все время вместе,

отдельно от других. Они не видели большой разницы, между русским гидом и высотными носильщиками из шерпов. В чем-то их можно было понять: холодная война закончилась совсем недавно, и они по инерции относились ко мне с недоверием. К тому же мой английский по-прежнему оставлял желать лучшего, и далеко не всегда мне удавалось как следует ответить на их вопросы. Не могя и посоветовать им что-то сам, как это положено гиду, поскольку был не в состоянии внятно объяснить, почему важно делать именно так, а не иначе.

* * *

13-го апреля, в воскресенье, команда «Горного безумия» вновь вышла на ледник Кхумбу. В этот раз путь был пройден без особого труда, и альпинисты достигли места под названием Западный Куум. Здесь перед ними открылась панорама, которую целиком не взять в кадр даже самым современным фотоаппаратом.

Западный Куум — это ледниковая ложбина, покрытая холмами из снега и льда. На протяжении четырех километров она идет вверх, а с трех сторон ее ограждают пики и гребни Эвереста, Лхоцзе и Нупцзе — трех главных вершин массива Эвереста. Отсюда впервые открываются взору невидимые из базового лагеря грозные и величественные очертания Эвереста.

Гаммельгард, всегда старавшаяся быть сдержанной и мужественной, не смогла скрыть своих чувств. Она была поражена красотой, открывшейся перед ней. «Я совершенно несентиментальный человек, и мало найдется на свете того, что так меня могло тронуть». Перед ней плавно поднималось широкое плато Западного Куума, над которым возвышалась та самая единственная в мире гора Гаммельгард стояла в стороне от остальных участников и тихо плакала

Наш первый высотный лагерь был разбит в полчасе ходьбы от верхнего края ледника, на снежно-ледовом покрове Западного Куума. Палатки пришлось поставить чуть выше, чем планировалось, потому что нас опередили другие экспедиции. Тем не менее, нам удалось выбрать вполне безопасное место, где вероятность попасть под лавину была невелика.

Придя в лагерь, продгогшие и обезвоженные, участники тут же принялись за приготовление горячего питья, которое им было просто необходимо. В высотных газовых горелках, подвешенных над спальниками в палатках, они топили снег и кипятили воду. В своем репортаже для Эн-Би-Си Питтман

написала, что высота так опустошила ее сознание, что наблюдение за тающим в кастрюльке снегом превратилось для нее в развлечение не меньшее, чем просмотр телевизионной мелодрамы. Она не забыла поблагодарить и Гаммельгард, которая поселилась с ней в одной палатке. К ужину Лин достала из своего рюкзака разнообразные лакомства (подарки одного из ее датских спонсоров). В то время как в других палатках ужин готовился по принципу «залить кипятком и размешать», Гаммельгард и Питтман с удовольствием лакомились сухофруктами и орехами, а под конец приготовили нечто, что Питтман назвала «экзотическим блюдом ближневосточных бедуинов». Пребывание на большой высоте кого угодно может лишить аппетита, но Питтман, похоже, такой проблемы не испытывала. Каковы бы ни были различия между Гаммельгард и Питтман, цель у них была одна. Подругами они, конечно, не стали, но общие интересы их сблизили.

* * *

Следующим утром Букреев и еще несколько участников поднялись вверх по Западному Кууму до места будущего второго высотного лагеря (6 500 м). Основная часть экспедиции сразу пошла вниз к базовому лагерю. К обеду все уже собрались в общей палатке.

* * *

15-го и 16-го апреля члены экспедиции, скинув кошки, наслаждались заслуженным отдыхом. На завтрак—оладьи, омлет с ячьим сыром и кофе, потом солнечные ванны и горячий душ, любимая книжка или фильм по портативному телевизору — вот что приготовило «Горное безумие» для своих клиентов. Но акклиматизационная программа продолжалась, и 17-го апреля пора была вновь браться за дело.

Все участники, за исключением Сэнди и Тима, рано утром отправились через ледник Кхумбу на третий акклиматизационный выход. Мы со Скоттом убедились в том, что теперь клиенты могут пройти этот путь сами, без нашего постоянного присмотра. Сэнди задержалась внизу, в который раз пытаясь разобраться со своим коммуникационным оборудованием. У Тима обострилась горная болезнь, и он отправился вниз, в Перич. Его сопровождала Ингрид, экспедиционный врач, которая также чувствовала себя неважно...

Меня это нисколько не удивляло — на высоте они оказались впервые, и их организм не выдержал такой нагрузки.

Не слишком уверенный в лояльности Питтман, Фишер, тем не менее, продолжал участвовать в ее репортажах для Эн-Би-Си. Утром перед третьим выходом Фишер более получаса выступал в прямом эфире вместе с Питтман и Эдмундом Хиллари. Сэр Хиллари³ находился тогда в Катманду, и несмотря на свое неприятие коммерческих экспедиций, все же принял участие в общей беседе. По мнению Хиллари, коммерческие проекты оскорбляли достоинство гор. Но на разговор с Фишером он согласился и не преминул дать ему наставление: «В какой бы ты ни был экспедиции, главное — относиться к горе с уважением. Даже если ты хороший спортсмен, при высотной болезни надо обязательно спуститься вниз и там восстановиться. Без физической готовности организма успех на Эвересте невозможен».

Пока Питтман заканчивала беседу и переключалась на другие информационные каналы, Фишер и Букреев вышли из базового лагеря и занялись привычной работой — подгонять отстающих и присматривать за остальными участниками.

* * *

По оценке Букреева, в тот день по леднику прошло не меньше сотни альпинистов. Шерпы из разных экспедиций тащили на себе рюкзаки и мешки со снаряжением и продуктами. Им предстояло устанавливать высотные лагеря. Вместе с клиентами Фишера шли наверх, следуя своей акклиматизационной программе, и участники других экспедиций.

Но пути в первый лагерь мы со Скоттом обращали внимание на клиентов из других команд. Что и говорить, по сравнению с ними наши участники выглядели очень неплохо. С другой стороны, вспоминая свою прошлогоднюю экспедицию, я не мог не отметить, что общий уровень подготовленности коммерческих клиентов (в том числе и наших) заметно снизился.

Если нам повезет, подумал я, то все получится. Для этого нам нужно было так спланировать график восхождения, чтобы наиболее сильные клиенты оказались в четвертом лагере в самое подходящее для штурма время.

³ Эдмунд Хиллари — новозеландский альпинист, первым вместе с шерпой Норвеем Тенцингом покоривший Эверест в 1953-м году. Восхождение было совершено по юго-восточному гребню {прим. перев.}.

Впрочем, даже при благоприятном стечении обстоятельств мы сильно зависели от погоды. Но тут уж ничего нельзя было поделать. Никто еще не придумал защиты от внезапного сильного ветра или других возможных катаклизмов. Если нам не повезет с погодой, то, спустившись вниз, мы сможем взвесить все заново. Если останется желание, время и силы, то можно будет выждать момент и попробовать еще раз. Но в каком состоянии тогда будут наши клиенты? Что случится с нашими запасами кислорода? Я сомневался, что у клиентов хватит сил остаться на высоте и дожидаться хорошей погоды. Было неясно, хватит ли нам кислорода на вторую попытку. Впрочем, я знал, что многое за нас решит сама гора.

Если у Букреева и был в экспедиции переломный момент, то случился он, наверное, именно в тот день. Фишер сильно отстал, присматривая за Питтман, которая все никак не могла нагнать основную группу. Оставшись один, Букреев всерьез задумался. Правильно ли он сделал, согласившись на контракт с «Горным безумием»? В этой экспедиции было много такого, с чем ему не доводилось прежде сталкиваться: электронная шумиха, беззастенчивая реклама, потакание прихотям клиентов и бесконечные интриги.

Зная по своему опыту, сколь переменчива погода на восьмьютысячной высоте, я пытался представить, что нас может ждать впереди. Что будет, если там, наверху нам станет по-настоящему трудно? Сможем ли мы троим и наши шерпы вытащить всю группу из беды?

Мы правильно сделали, выйдя из базового лагеря ранним утром. Постепенно погода стала портиться, и ближе к вечеру крупными хлопьями повалил снег. Сильно отставала одна лишь Сэнди, но благодаря своему опыту она была вне опасности.

* * *

За ночь, пока клиенты мирно спали, выпало около 15 сантиметров снега. С восходом солнца снег прекратился, и было решено двигаться дальше, ко второму лагерю, чтобы там заночевать. Наблюдая за клиентами, Букреев пришел к выводу, что все они в норме.

Каждый из гидов нес небольшой груз. Мы размеренно шли вместе с клиентами по свежему снегу. Шарлотта и Лин в тот день немного отставали, зато Сэнди, напротив, казалась бодрой и веселой. Ей мешал лишь бесконеч-

ный кашель, который, как и в случае с Нилом, был вызван сухостью горного воздуха.

Обогнав клиентов шедших друг за другом цепочкой, Букреев за три часа поднялся к месту будущего второго высотного лагеря. Передовая группа шерпов уже принесла туда все необходимое для ночевки. Второй лагерь был разбит на плоской площадке, покрытой щебенкой — все, что осталось от горных пород после того, как по ним проехал ледник. Благодаря своему расположению — у подножия Эвереста — лагерь был отчасти защищен от ветра естественным рельефом. Палатки здесь согревались первыми же лучами солнца, а после обеда больше напоминали парник.

Полуденный жар очень опасен — он усыпляет и вызывает обезвоживание организма, поэтому сейчас нам было важно как можно быстрее подготовиться к ночлегу. Зная об этом, я сразу принялся помогать шерпам, которые до сих пор не установили общую палатку. Мы еще работали, когда стали подходить клиенты. Сначала пришла первая группа, а за ней и вторая, отставшая от лидеров метров на триста.

Пока клиенты подтягивались к лагерю, Букреев продолжал работать вместе с шерпами. После того как общая палатка была установлена, шерпы стали помогать клиентам. Букреев, хорошо знавший их по совместной работе в базовом лагере еще до прибытия клиентов, был поражен их поведением. Шерпы со всех ног бросились помогать устанавливать палатки, демонстрируя свою «отличную работу». Им нужно было завоевать симпатии участников, которые, видя такую заботу, никогда не отказывались отблагодарить шерпов по завершении восхождения.

Букреев не стал соревноваться с ними и «отбивать чужой кусок хлеба». Уставший после быстрого подъема и работы наверху, он вскипятил себе чая и присел на камень отдохнуть.

Глава 9

ВО ВТОРОМ ЛАГЕРЕ

Лишь только солнце скрылось за громадой Эвереста, в лагерь пришла настоящая зима. В палатках, где и повернуться-то сложно, альпинисты принялись надевать свою самую теплую одежду. Всего час назад здесь была почти летняя погода, а сейчас клиенты и гиды «Горного безумия» с трудом втискивались в высотные пуховки и гортексовые куртки, спасаясь от вечернего холода. Им предстояло по морозу идти на ужин в общую палатку, а потом и переночевать здесь, во втором лагере.

В соответствии с разработанным графиком, ночевки в первом лагере больше не планировалось. Большинство палаток свернули, оставив лишь небольшой резерв для снаряжения и продуктов, которые могли понадобиться шерпам при установке более высоких лагерей. Переночевать там можно было только в случае крайней необходимости.

На ужин был рис с бобами. Все мы, гиды и клиенты, собрались за столом в общей палатке, проголодавшиеся и довольные удачным походом. Не хватало только Пита Шенинга, который в сопровождении Фишера отправился вниз. В неуклюжих объемных одеждах участники напоминали полярников. Мартин Адамс пришел на ужин в новой зеленой куртке, и я шутливо встретил его словами: «Привет, крокодил!» Я был не слишком уверен в своем английском, но с Адамсом я чувствовал себя вполне свободно. Мы хорошо знали друг друга, и я не сомневался в том, что он поймет меня правильно. Его улыбка была тому подтверждением.

Видя, что все в хорошем настроении и не испытывают проблем со здоровьем, я спросил у Нила, какие у нас планы на следующий день. Я предложил сразу же после завтрака подняться на высоту 6 800 метров к стене Ахоцзе, туда, где начинались перильные веревки.

Бейдлман и Букреев обсудили эту идею с клиентами и решили выйти рано утром, чтобы успеть вернуться в базовый лагерь до наступления темноты. На спуске был запланирован обед и краткий отдых во втором лагере.

Когда решение было принято, Букреев обратился к Бейдлману: «Когда мы вчера поднимались сюда, я видел, как шерпы провешивали перила к третьему лагерю. Давай завтра поднимемся чуть выше и принесем им еще веревки?»

Нил согласился, сказав, что у него полно сил и он готов идти хоть до четвертого лагеря.

Мы провели с клиентами еще одну беседу об акклиматизации. В который раз мы призывали их внимательно следить за своим здоровьем, ни в коем случае не забывать о том, что на большой высоте человек воспринимает все не так, как внизу. Конечно, мы, гиды, не отказывались от своих обязанностей, собираясь и впредь уделять много внимания их самочувствию. Однако истинное положение вещей могли распознать только сами клиенты. От них требовалась полная искренность. Даже опытные альпинисты могут перепутать ранние симптомы воспаления легких или отека мозга с банальным акклиматизационным недомоганием. Последствия такой ошибки зачастую оказываются очень серьезными. Еще раз мы объяснили клиентам, как важно всегда оставлять запас сил, не допускать полного истощения организма. Не могу — значит, не могу. Не можешь — и не надо. Остановись, поверни назад и останешься жив.

После ужина мы связались по рации с Фишером, который вместе с Питом Шенингом все еще находился в базовом лагере. Фишер одобрил наш план на завтра. Не прерывая связи, Питтман принялась диктовать очередной репортаж для Эн-Би-Си. Через спутниковый телефон Фишер транслировал ее слова в офис в Нью-Йорке. Как говорили работники Эн-Би-Си, Питтман было «еле слышно», а голос Фишера был «четким и ясным». В Нью-Йорке ее сообщение сразу ввели в компьютер и разместили на интернет-сайте Эн-Би-Си. Виртуальные ценители Эвереста смогли тут же узнать последние новости: «Здесь все есть, кормят хорошо, и всегда рядом наши верные шерпы». Лучше и не скажешь.

На следующее утро энтузиазма у клиентов заметно поубавилось. За завтраком не было и следа вчерашнего оживления и шуток. На участниках сказывалось воздействие высоты. Ничего необычного в этой апатии не было — естественная реакция организма, и мы с Нилом решили, что выход наверх откладывать не стоит.

Букреев и Бейдлман сунули к себе в рюкзаки по бухте веревки и отправились вместе с клиентами вверх по тропе. Первым шел Букреев. Он держал ровный темп, аккуратно обходя ледовые трещины. Некоторые из них были совсем незаметны для непривычного глаза, поскольку были присыпаны выпав-

шим за ночь снегом. Через два часа пути склон стал круче, и Букреев решил взять левее. Он считал, что будет проще преодолеть последние 300 метров по более пологому рельефу.

Не пройдя и тридцати метров по новому пути, я заметил впереди что-то необычное, какой-то занесенный снегом предмет. Сначала мне показалось, что это обломки снаряжения предыдущих экспедиций, упавшие сюда из верхних лагерей. Но, подойдя ближе, я увидел ноги, обутые в альпинистские ботинки с кошками. Верхняя половина тела отсутствовала. Кто это? Какая трагедия разыгралась на этом склоне? Я мог только гадать. По-видимому, этот человек сорвался со Ахоце несколько лет назад. Его смерть была мучительной — тело со страшной силой швыряло о скалы, пока наконец изуродованные останки не оказались здесь.

Букреев снял рюкзак и молча встал рядом. Остальные участники, ничего не подозревая об ужасной находке, постепенно приближались к нему.

Внезапно с пронзительной ясностью я ощутил вечную силу гор. Мне вспомнился один обычай древних римлян, о котором я знал еще со школьных времен. Во время пира, посвященного военной победе, в самый разгар веселья за праздничным столом музыка внезапно обрывалась, распахивались двери, и в зал вносили тела воинов, погибших в этой битве. Так оставшиеся в живых понимали, какой ценой досталась им эта победа.

О чем думали люди, которые шли сейчас по моим следам? Отдавали ли они себе отчет в том, что ждало их впереди? Были ли они честны хотя бы перед собой в оценке своих сил и возможностей? Всего несколько часов назад во втором лагере они наслаждались комфортом, который для большинства жителей нашей планеты был непоколебимой роскошью. Это изобилие обеспечили шерпы, снабжавшие лагерь всем необходимым. Но комфорт еще не означает безопасность. При удачном стечении обстоятельств через несколько недель мы снова должны были оказаться здесь, уже на пути к вершине. На восьмикилометровой высоте условия таковы, что любая, даже самая мелкая оплошность может привести к трагедии. Здесь разреженный воздух не дает надыхаться, а глоток горячего чая отделяет жизнь от смерти. И никакие деньги не могут гарантировать успех.

Конечно, каждый из нас стремился преодолеть все препятствия и достичь вершины. Совершить то, что большинство сочло бы неосуществимым. Я стал свидетелем тому, как изменилась цена, которую людям приходилось

платить за восхождение. Участники были готовы отдать большие деньги, но не хотели подготовиться физически. Необходимо постепенно развивать свое тело и дух, переходя от простого к сложному. Сначала — восхождения на небольшие вершины, потом повыше и лишь в конце — восьмитысячники. «Неужели такой подход безнадежно устарел, и альпинизм изменился раз и навсегда?» — задумался я тогда. Неужели теперь все будет зависеть лишь от качества кислородного оборудования и технического оснащения, а вездесущий сервис позволит, и вовсе неопытным людям подниматься все выше и выше?

Затем к нему подошли Бейдлман с клиентами, и, как вспоминал Анатолий, «почти ничего не было сказано. Каждый что-то осознал для себя. Люди молчали — как бы им ни было жаль погибшего, они не могли не задуматься и о собственной судьбе».

Букреев, став гидом «Горного безумия», вынужден был играть по чужим правилам. Но в последнее время он все больше сомневался в том, что соблюдение этих правил ведет к успеху. Анатолий имел дело с альпинистами несопоставимо менее опытными, чем он сам. Его основной задачей было обеспечить их безопасность, но сложность состояла в том, что решения принимал не он. Букреева очень беспокоило состояние Пита Шенинга. С первого взгляда было ясно, что тому плохо на высоте и здоровье его под угрозой. К тому же возникли проблемы с кислородом. В начале экспедиции у «Горного безумия» был, по оценке Букреева, вполне неплохой запас кислорода, имелся даже небольшой резерв на всякий случай. Но уже в базовом лагере Пит Шенинг стал спать с кислородом, что ни в какие планы не вписывалось. Если бы так продолжалось и дальше, никакого «запаса прочности» бы не осталось. Конечно, старший Шенинг был настроен решительно и стремился к вершине. Букреев с уважением относился к его упорству, но сомневаться все же не переставал. Оставалось надеяться, что хотя бы теперь, после вынужденного возвращения вниз, Фишер не пустит больше Пита к вершине.

Пройдя еще метров сто, мы вышли к перильным веревкам. В этом месте, у ледяной стены Ахоцзе, маршрут становился круче. Нил предложил оставить здесь веревки и пойти обратно во второй лагерь. Дело в том, что у клиентов не было с собой ни кошек, ни ледовых инструментов, и они не могли безопасно передвигаться по перилам. Я посмотрел на часы и сказал, что лучше поднимусь наверх и помогу провешивать перила на пути к третьему лагерю.

Я достал из рюкзака кошки, обвязку, жумар и забрал у Нила его веревку. Пока я собирался и пристегивался к перилам, Бейдлман вместе с клиентами отправился вниз. Утренняя апатия у них уже прошла, и я был за них спокоен — с ними шел Нил, погода стояла хорошая, тропа была четко видна. С грустью подумав об обеде, который их ждал во втором лагере, я пошел вверх. Возможность хорошенко потрудиться наверху привлекала меня еще больше. По своему опыту я знал: нет лучшего способа адаптироваться к новой высоте, чем как следует поработать на ней, а потом спуститься вниз и отдохнуть.

Меньше чем за час Букреев поднялся до высоты 6 900 метров, где окончила свою работу передовая группа шерпов. Анатолий достал из рюкзака обе веревки (свою и Нила) и стал дальше провешивать маршрут перилами. Работая в спокойном темпе, он за полтора часа закрепил двести с лишним метров веревки, дойдя до высоты 7 100 метров. Около четырех часов пополудни Букреев начал спуск. Он мог продолжать и дальше, но ему хотелось проскочить ледник Кхумбу до наступления темноты. Анатолий был доволен проделанной работой. Уже через несколько дней клиенты, отдохнув после сегодняшнего выхода, должны отправляться по этим перилам в третий лагерь, и задержки здесь были бы нежелательны. Приближалось время, наиболее благоприятное для решающего штурма. Просвет в погоде мог продлиться день, а мог и неделю. Но одного везения мало — штурм вершины не состоялся бы, если бы клиенты не успели к нему подготовиться. Им необходимо было как следует акклиматизироваться, а для этого, в частности, требовалось закрепить перила как можно выше.

Обратный путь дался мне легко, и меньше чем за час я спустился с 7 100 до 6 500 метров. Как я и предполагал, Нил с клиентами уже отправились дальше, но жизнь в лагере продолжалась. Там оставались шерпы, которые наводили порядок. Наш повар Гяльцен Шерна с радостью меня встретил, накормил и напоил горячим чаем. Передохнув несколько минут, я продолжил спуск и пришел в базовый лагерь засветло. В столовой я присоединился к остальным участникам. Перебросившись парой слов с Нилом и Скоттом, я пошел к себе в палатку. После целого дня работы на высоте я очень устал и хотел денек-другой отдохнуть.

Вечером того же дня Сэнди Питтман отправила очередное сообщение для Эн-Би-Си. Среди прочего она писала: «Эта ужасная находка омрачила нашу, в остальном успешную, экспедицию».

Утром 20-го апреля у Букреева «не было никакого желания» вылезать из своего спальника. В восемь часов солнце осветило его палатку, потом шерпа принес горячий кофе, а Анатолий все еще нежился, используя столь редкую возможность расслабиться и отдохнуть после тяжелой работы. Наконец он решил и рывком расстегнул спальник. Одевшись, Букреев направился в столовую.

В большинстве своем участники уже позавтракали. Они сидели возле общей палатки, наслаждаясь утренним теплом или просто болтая друг с другом. Быстро покончив с завтраком, я тоже вышел погреться на солнышке. Среди участников был и Скотт, который готовился пойти наверх вместе с Питом Шенингом. Пит хотел еще раз попробовать добраться до второго лагеря и там переночевать. Скотт выглядел усталым. Мне казалось, что особого желания идти наверх он не испытывал. Он был измотан бесконечными организационными проблемами и не успел отдохнуть после первого выхода.

Скотт подошел ко мне, приветливо поздоровался, а потом вдруг сказал: «Толя, ты плохо работал вчера».

Букреев опешил. Сам он считал, что потрудился на совесть и вчера, и в предыдущие дни. «Что ты имеешь в виду?» — спросил он Фишера. Скотт отвечал доброжелательно, но твердо: «Мне сказали, что ты не проявил должного внимания к клиентам. Ты не помог им ставить палатки во втором лагере». Ничего не понимающий Букреев стал объяснять Фишеру, что поднялся еще до прихода клиентов и стал работать вместе с шерпами, ставил вместе с ними общую палатку. После этого он сел отдохнуть. Он действительно не помогал клиентам ставить палатки: во-первых, в этом не было необходимости, а во-вторых, физическая нагрузка участников не менее важна для акклиматизации, чем тренировочные выходы. Однако у Фишера было другое мнение.

Я понял, что мы со Скоттом по-разному оценивали мою роль в экспедиции. Или что-то успело измениться со времени нашей первой встречи... Мне казалось, что для Скотта основной интерес представлял мой высотный опыт и помощь в обеспечении безопасности клиентов. Именно на этом я и сосредоточил свои усилия. Я обращал внимание лишь на то, что гарантировало бы нам успешное восхождение, и старался устранить все возможные помехи. Но, оказывается, не менее важным считалось нянчиться с клиентами и развлекать их. Для этого можно было подыскать в Штатах другого, куда менее опытного гида. Я же для этой роли подходил плохо.

Букреев, гордившийся своим альпинистским опытом, оказался в тупике. Что же ему делать? Сумеет ли он одновременно следить за безопасностью экспедиции в целом и выполнять мелочные просьбы клиентов? Анатолий решил посоветоваться с Бейдлманом.

Я пересказал Нилу свой разговор со Скоттом и спросил его мнение. Нил мне ответил: «Толя, многие из наших участников впервые оказались на высоте. Они не понимают простейших вещей. Им хотелось бы, чтобы мы все время были рядом, готовые помочь». Я ответил, что считать так было бы абсурдом. С моей точки зрения, нам надо было развивать в клиентах способность к необходимому самоконтролю, а также участвовать в прошивании перил и подготовке маршрута. С последним Нил не согласился; по его мнению, этим должны были заниматься шерпы. В ответ я сказал, что мы и так уже запаздывали с установкой высотных лагерей. Малейшая задержка грозила сорвать наш акклиматизационный план.

Нил предпочитал все вопросы решать миром. Не стал он спорить и на этот раз. «Толя, все будет нормально. На последнем выходе мы шли хорошо, и это главное. Ясно, что у половины клиентов нет никаких шансов на вершину; для большинства из них восхождение закончится уже на Южной Седловине (7 900 м). Я не сомневаюсь в том, что в решающий момент ты покажешь, на что способен. И все претензии к тебе отпадут сами собой».

Глава 10

ПЕРВЫЕ ЗАДЕРЖКИ

На второй день отдыха, 21-го апреля, мы связались по радию с Фишером, который вместе с Питом Шенингом находился во втором лагере. Там всю ночь бушевал ветер, скорость которого доходила до 60 миль в час. С помощью шерпов они сложили часть палаток, чтобы те не порвало и не унесло вниз. Ветер в ту ночь свирепствовал по всей горе: даже мою палатку в базовом лагере сотрясали его порывы.

Воспользовавшись временной передышкой, Ингрид Хант, экспедиционный врач, провела очередное кислородное тестирование. Тест состоял в следующем: для каждого участника с помощью пульсового оксигеметра¹ определялось максимальное содержание кислорода в крови на данной высоте. Результат Букреева превышал 90, что совсем неплохо даже для уровня моря. Не отставал от Букреева и Фишер, что свидетельствовало, по мнению Ингрид, об исключительной способности обоих гидов приспособливаться к высоте. У самой Ингрид Хант был весьма посредственный результат—порядка 75. А у одного из клиентов и вовсе оказалось чуть больше 60, что не могло не тревожить, так как «было недопустимо мало даже для такой высоты»².

Букреев, имевший техническое образование, не склонен был полагаться на результаты теста. «Для меня эти показания мало что значат. Да и само тестирование особого доверия не внушает. Гораздо больше можно узнать, внимательно наблюдая за клиентами: за их внешним видом, их поведением». Прав он был в своем скептицизме или нет, но в данной ситуации Ингрид Хант и Анатолий Букреев пришли к одним и тем же выводам. Для некоторых клиентов восхождение на вершину представлялось слишком рискованным.

Оксигеметр — прибор для измерения степени насыщения крови кислородом (прим. перев.).

² Впоследствии мы обратились за консультацией к медикам, и все они сочли беспокойство Ингрид за жизнь своего пациента вполне обоснованным. Один из специалистов сказал даже, что если клиент с плохим самочувствием и показаниями оксигеметра на уровне 60 с небольшим решился продолжать восхождение, он бы неизбежно «отдал концы». Впрочем, говорили они, точность прибора невелика.

Пока клиенты отдыхали, мы продолжали обсуждать график акклиматизации. Выход к третьему лагерю был намечен на 23-е апреля — к этому сроку шерпы должны были установить лагерь и снабдить его всем необходимым. Этот этап акклиматизации являлся обязательным для всех клиентов. Я объяснил участникам, как важно им побыть на высоте, и предложил после ночевки в третьем лагере подняться еще на двести или триста метров. По своему личному опыту я знал, что такой набор высоты с последующим основательным отдыхом в высшей степени способствует успешному покорению восьмитысячника.

Анатолий неоднократно повторял, что во время подготовительного этапа клиенты должны не только как следует адаптироваться к высоте, но и сберечь энергию для решающего штурма. Букреев не уставал напоминать клиентам, что при акклиматизации они теряют силы, которые полностью наверстать не удастся: «Даже после длительного отдыха в базовом лагере вы не сможете до конца восстановиться». По мнению Букреева, клиенты так и не прониклись этой мыслью. «Большинство участников небрежно относилось к восстановлению сил и отдыху. Они воспринимали акклиматизацию лишь как набор все большей и большей высоты и ни о чем другом и думать не желали». Исключением, как считал Букреев, был только Мартин Адаме.

В один из этих дней у меня состоялся разговор с Мартином. Как-то раз перед обедом он подошел ко мне и спросил, что я думаю по поводу его шансов достичь вершины. Он сказал: «В прошлый раз на Макалу у меня не было никаких проблем с высотой. Но после ночевки на перевале Макалу-Ла³ я вернулся в базовый лагерь абсолютно без сил. Даже после отдыха я чувствовал себя опустошенным. Не было ни малейшего желания идти наверх».

Как считал Букреев, причина была в том, что Мартин тогда совершил несколько акклиматизационных выходов один за другим, не успевая как следует отдохнуть между ними.

Я сказал ему: «Твоя основная цель — достичь акклиматизации за как можно меньшее число ночевки на высоте... Перед штурмом вершины тебе надо как следует поесть, поспать и полностью расслабиться. Я советовал бы тебе спуститься еще ниже базового лагеря, в лесную зону. Там гораздо

Макалу-Ла — перевал между вершинами Макалу Главная и Макалу П. Его высота составляет 7400 метров (прим. перев.).

больше кислорода, и твой организм сможет полностью восстановиться. К тому же прогулявшись вверх-вниз, ты сохранишь хорошую физическую форму, что тоже важно. Отдыхать активно гораздо полезней, чем разлежаться в базовом лагере».

Мартин Адамс впоследствии рассказывал: «Мне совершенно не хотелось идти вниз. Спуск в долину, затем обратный подъем — все это выглядело весьма утомительно».

Если и оставались еще клиенты, не осознававшие серьезности горной болезни, то случившаяся вскоре трагедия развеяла последние сомнения. В понедельник 22-го апреля высота избрала себе первую жертву в экспедиции Фишера. Это был Нгаванг Топше Шерпа, дядя Лопсанга Янгбу. Вместе с другими шерпами он направлялся из первого лагеря во второй. Шерпы несли туда снаряжение и продукты, необходимые для продолжения маршрута. По дороге они встретили Фишера, возвращавшегося из второго лагеря. Нгаванг шел крайне неуверенно, ему явно было не по себе. Фишер, известный своим заботливым отношением к шерпам, заметил это и велел Нгавангу спускаться. В полной уверенности, что шерпа так и сделает, Скотт поспешил вниз, к столь желанному отдыху. Неясно, отчего Нгаванг его не послушался и не пошел за ним следом. То ли он сделал это из гордости, то ли не понял сказанного, то ли уже не отдавал отчета в своих действиях. Так или иначе, Нгаванг продолжил подъем.

Вскоре из второго лагеря по радиосвязи поступил тревожный сигнал. Наверху дела обстояли плохо. Выбываясь из сил, ничего толком не соображая, Нгаванг все-таки сумел добраться до лагеря. Там ему стало хуже, он кашлял, сплевывая кровь. Диагноз был очевиден — воспаление или даже отек легких. Не существует единого мнения о том, какие лекарства лучше принимать при отеке, но в одном все врачи едины — прежде всего нужно как можно быстрее сбросить высоту метров на 600—1 200. Второй лагерь от первого отделяли всего 400 метров по вертикали. Чтобы переломить ход болезни, необходимо было спуститься еще ниже и, в частности, провести Нгаванга через ледник Кхумбу.

Во втором лагере спасательными работами руководили Клев Шенинг и Тим Мадсен, которые поднялись туда для продолжения акклиматизации. Дело в том, что на данный момент никого из гидов «Горного Безумия» наверху уже не было. Фишер утром спустился вниз, а Букреев с Бейдлманом находились в базовом лагере, отдыхая после предыдущих акклиматизационных выходов. Когда у Анатолия спросили совета, он ответил без колебаний, отлично зная, что

при спасательных работах самое важное — сделать правильный первый шаг. «Спустите его вниз как можно быстрее, — сказал Букреев. — И обязательно дайте кислород⁴».

Более всего в этой ситуации меня удивило поведение шерпов. Я был уверен в том, что узнав о болезни Нгаванга, они тут же отправятся вверх. Ведь он был родом из долины Ролвалинг, как и большинство из них. Но я ошибся. Шерпы вышли далеко не сразу. Такое поведение мне было не вполне понятно, однако этот случай заставил задуматься, насколько мы могли рассчитывать на шерпов в чрезвычайных обстоятельствах. Я всегда высоко ценил их замечательную работоспособность. К сожалению, она сама по себе не была залогом того, что на них можно было положиться в критической ситуации. Не то что бы им что-то было не под силу. Напротив, вся история участия шерпов в экспедициях на восьмитысячники подтверждает их замечательные способности — они часто приходили на помощь, давали ценные советы и отлично ориентировались в обстановке. Но когда ситуация становилась угрожающей, то просить шерпов о чем-то опасном, выходящем за рамки их «служебных обязанностей», часто оказывалось бессмысленным.

Поскольку лечение не принесло положительных результатов, Клев Шенинг и Тим Мадсен соорудили самодельные салазки и, положив на них Нгаванга Топше, направились вниз. К ним навстречу из базового лагеря вышел Нил Бейдлман с несколькими шерпами. Пройдя через ледник Кхумбу, эта группа еще до наступления темноты встретилась со спускавшимися товарищами и забрала у них Нгаванга Клев Шенинг и Тим Мадсен остались на горе, чтобы продолжить свой акклиматизационный выход.

Утром 23-го апреля, как и было запланировано, начался последний этап акклиматизации. Как вспоминал Букреев, было решено, что Бейдлман выйдет позже: после полудня или даже на следующий день, в зависимости от своего состояния. Ночью он участвовал в транспортировке Нгаванга Топше через ледопад Кхумбу, и ему нужно было восстановиться.

В тот день Фишер появился в коммуникационной палатке еще до завтрака Сначала он связался с офисом «Горного безумия» в Сиэтле, чтобы прове-

⁴ Однако из базового лагеря вверх поступило указание применять лекарства, поскольку по всем симптомам казалось, что Нгаванг идти сам не сможет. Но лекарства не помогли. Потом была попытка использовать мешок Гамова. Мешок Гамова — это специальная камера, в которую помещается пострадавший. Затем мешок надувается, тем самым в нем повышается давление и увеличивается концентрация кислорода, что создает эффект понижения высоты.

рить, как идут дела в отсутствие начальника, а потом — с Джейн Броне, по-прежнему ответственной за информационную поддержку экспедиции. Броне оставалась корреспондентом «Аутсайд Онлайн», несмотря на то, что давно уже покинула базовый лагерь⁵ у подножия Эвереста и вернулась домой, в Кэпитал Хилл (пригород Сиэтла).

Сообщая Броне новости, предназначенные для печати, Фишер делился с ней и своими личными впечатлениями. Поэтому Броне была в курсе «закулисной» жизни экспедиции; знала она и о том, что осталось скрытым от читателей ее репортажей. Этой публике, проглатывавшей последние экспедиционные новости во время рекламных пауз в телепередачах, приходилось довольствоваться уже основательно «причесанной» информацией. Одной из тем, к которой Фишер постоянно возвращался в своих разговорах с Броне, были деньги — слишком быстро они таяли на высоте.

По словам Джейн, «финансовые проблемы стали для Фишера главной головной болью, особенно после случая с Нгавангом. Он спрашивал себя: «Боже мой, если он пролежит в коме несколько лет, то кто будет оплачивать больничные расходы?» Подобные мысли просто не давали ему покоя. Он старался не думать об этом, выкинуть все из головы, но денежные неурядицы постоянно преследовали его. Он думал примерно так: «Допустим, нам повезет, и мы доберемся до вершины, и что тогда? Тогда я вернусь домой с десятью тысячами в кармане — негусто, что и говорить».

По словам Дикинсон, Гаммельгард не доплатила «Горному безумию» более двадцати тысяч долларов. Кислородные запасы (по 325 долларов за баллон) стремительно таяли благодаря Питу Шенингу и некоторым другим участникам. Фишер понимал, что Нгаванга, скорее всего, придется эвакуировать в Катманду на вертолете, а это повлечет за собой огромные расходы. Сам Скотт был страшно вымотан, он устал гораздо сильнее, чем обычно уставал на высоте. Экспедиционный врач и по совместительству начальница базового лагеря Ингрид никак не могла прийти в себя после горной болезни. Третий высотный лагерь еще предстояло установить, перила от третьего до четвертого лагеря не были провешены. Фишер выбился из графика, измотал себя непомерной физической нагрузкой и пытался теперь выбраться из этого безвыходного положения. Он шел по краю пропасти не менее опасной, чем коварные трещины на леднике Кхумбу. Однако всякий раз ему удавалось выкарабкаться, и он оставался все таким же улыбчивым и приветливым.

⁵ Броне некоторое время посылала сообщения из базового лагеря — ей удалось получить разрешение на использование спутникового телефона экспедиции Мал Дафа.

Клиенты вышли из лагеря около шести утра. Они шли сами, без гидов, и собирались пройти ледопад до дневной жары, когда лед нестерпимо блестит на солнце и, нагреваясь, начинает подтаивать. В такое время ледник может начать двигаться, и тогда находиться там опасно. Мы с Фишером заранее решили, что, как и прежде, пойдем следом за клиентами, держась чуть поодаль. Обычная для нас практика самостоятельного перемещения клиентов порой привлекала внимание гидов и клиентов из других экспедиций. Я знал, что они с неодобрением относились к такому подходу. Но здесь мы- со Скоттом были единодушны.

Лично я испытывал большое недоверие к строго регламентированным экспедициям, где клиентам отводилась роль оловянных солдатиков. Весь мой тренерский опыт — как в альпинизме, так и в беговых лыжах — говорил о том, что в подопечных важно развивать способность действовать самостоятельно.

Многим участникам других экспедиций в «Горном безумии» казался странным не только стиль подготовки клиентов. Объектом пересудов и насмешек стал и сам Букреев. В базовом лагере и на тренировочных выходах его часто можно было видеть в легких ботинках с шипами на подошвах. Анатолий привык носить такую обувь на горе, пока не поднимался слишком высоко. За глаза его стали называть «лапотником» — прозвище, которое он сначала не мог понять на английском, путая с названием известной марки шоколада и недоумеая⁶. Разобравшись, в чем дело, Букреев обиделся на эти глупые придирки. «Зачем мне тащить на гору лишних четыре килограмма⁷? Те силы, которые я экономяю в своих легких ботинках, пригодятся мне потом на высоте. Там мы и посмеемся».

Букреев подчинил свою жизнь строгим принципам, сочетая в себя целеустремленность атлета и собранность пилота-испытателя. Он внимательно следил за собой, не забывая и о том, что происходило вокруг. Анатолий умел сконцентрироваться на самом важном в данный момент, на том, что помогало выжить. Одним он казался отчужденным, другим — ушедшим в себя, но на самом деле его мысли всегда были обращены к Гималаям. Лин Гаммельгард сказала о нем: «Мне хотелось бы, чтобы все люди в экспедиции были такими, как Анатолий. Но на целом свете был только один Анатолий и множество таких, как Скотт».

⁶ Букреев путал слова «sneakers» (тапочки) и «Snickers» (разновидность шоколадного батончика) (прим. перед.).

⁷ Вес пары высотных альпинистских ботинок с полным оснащением (прим. перев.).

Придя в первый лагерь, я увидел своих клиентов, гревшихся на солнышке. Они отдыхали после прохождения ледника. Из-за случая с Нгавангом Топше у нас не хватало шерпов, так как несколькими, из них пришлось нести его вниз. Было уже 23-е апреля, а еще не все грузы, необходимые для установки третьего лагеря, были подняты во второй. Я набил свой рюкзак экспедиционными спальниками и вышел наверх. По дороге я обогнал четырех шерпов, которые также несли груз. Как и я, они собирались заночевать во втором лагере, а утром выйти к третьему лагерю, чтобы доставить туда все необходимое для встречи клиентов.

Стояла тихая солнечная погода. Во время подъема Букреев наслаждался теплом, понимая, что скоро нельзя будет ходить в легкой куртке. Наверху экспедицию ждал пронизывающий до костей холод.

Когда я пришел во второй лагерь, шерпы готовили ужин для клиентов, которые шли следом. Я перекусил на скорую руку и пошел в свою палатку. Устав от проделанной работы и разморенный уже вовсю светившим солнцем, я сразу же провалился в глубокий сон.

Соседом Букреева по палатке был Мартин Адамс, которого все больше тревожило, как шли дела в экспедиции. Ему казалось, что руководство куда более интересовалось освещением экспедиции в прессе, нежели ее снабжением. Мартину нужна была вершина. Но если в будущем ничего не изменится, то вершины ему не видать. Особенно беспокоило Мартина то, что третий лагерь еще не был установлен, и поэтому ему не удастся переночевать там завтра. Его график акклиматизации был под угрозой.

Мартин, последовав моему примеру, проспал несколько часов. Когда мы стали собираться на ужин, уже стемнело и похолодало. Мартин опять надел «крокодилову кожу», а я — свою куртку. В общей палатке обсуждались темпы нашего продвижения по маршруту. Поскольку третий лагерь еще не был установлен, мы разработали компромиссный план. Теперь клиентам предстояло подняться по перилам до высоты 7 000 метров. За этот участок я был уверен, поскольку сам закреплял там веревки. Потом мы со Скоттом планировали подняться до 7 300 метров, выбрать место для третьего лагеря и проследить за его установкой.

Ночью вновь поднялся сильный ветер, небо заволочло тучами. Пошел снег. К счастью, таких порывов ветра, как во время последней ночевки Фишера во втором лагере, не было. Утром, еще затемно, группа шерпов, нагруженных снаряжением и продуктами, вышла наверх. Они протоптали в снегу тропу, по которой позже стали подниматься остальные. Наши клиенты встали около шести утра. После завтрака Фишер решил проводить Тима Мадсена вниз, в базовый лагерь. После операции по спасению заболевшего шерпы Тим не успел восстановиться и плохо себя чувствовал. Тем не менее, необходимо было устанавливать третий лагерь. Поэтому Фишер велел Букрееву догнать первую группу шерпов и подняться с ними на высоту 7300 метров. Клиентам же предстояло подняться по перилам до 7000 метров и к обеду вернуться в лагерь.

Я шел не спеша, ведь в моем рюкзаке лежала высотная палатка и теплые вещи. Поднявшись до высоты 6800, я встегнулся в перила, идущие по стене Ахоцзе. Погода, казавшаяся лишь слегка облачной, начала портиться. Задул ветер, пошел снег. Пока я поднимался по перилам, сгустился туман. На подъеме я понял, что сильно ошибся, не переодев свои «лапти». Совершить такую глупость! Конечно, пристегнувшись к веревкам, я находился в безопасности, но положение было не из самых приятных. Шипы на моих ботинках проскальзывали на жестком льду, лишь слегка присыпанном снегом, и приходилось следить за каждым шагом.

Видимость упала до одного-двух метров, но под порывами ветра туман иногда рассеивался. В один из таких моментов Букреев увидел спускавшихся сверху шерпов «Горного безумия». Он был удивлен такой встречей и спросил у них, неужели они успели приготовить место для лагеря и поставить палатки? На оба вопроса ответ был отрицательным. Шерпы сказали, что ветер был слишком сильным, а погода—слишком плохой.

Я был огорчен тем, что шерпы не выполнили положенной работы... Мы и так уже сильно выбились из графика, а ночевка в третьем лагере, необходимая для клиентов, все откладывалась. Но я не мог приказывать шерпам останавливаться. На это имели право только Скотт и Лопсанг. Но один из них сейчас спускался вниз, а другой сопровождал своего больного дядю. Расстроенный срывом наших планов, я продолжил подъем, пока не добрался до конца перил. Словно в подтверждение слов шерпов, погода стала просто ужасной. Повалил густой снег, порывы ветра усиливались. Видимость упала практически

до нуля. Выложив из рюкзака высотную палатку, я привязал ее там же, где шерпы оставили свои грузы — на верхней точке закрепления перил. Резко похолодало, и я почувствовал, что сильно замерз. Еще раз пожалев об ошибке с ботинками, я поспешил вниз. Мenee чем за час я добрался до наших палаток. Участники уже обедали, и я присоединился к ним.

Клиенты, хотя и не достигли намеченной высоты, приняли правильное решение, повернув вниз, когда погода резко ухудшилась.

Этой ночью (24-го апреля) я разговаривал со Скоттом по рации. Они с Нилом все еще были в базовом лагере. Мы обсудили наши проблемы. Третий лагерь до сих пор не был установлен, а наши шерпы от непрерывной работы находились на грани истощения. Я предложил послать четырех шерпов на установку палаток в третьем лагере, а потом отправить их в базовый лагерь для долгожданного отдыха. Правда, отпуская их вниз, мы заведомо лишились их помощи 26-го апреля, и ситуация значительно усложнялась.

Фишер, Роб Холл из «Консультантов по приключениям», Тодд Бурлесон из «Альпийских восхождений», Ян Вудал из экспедиции «Санди Тайме» (Йоханнесбург) и Макалу То из тайваньской национальной экспедиции решили объединить свои усилия и совместно провесить веревки от третьего до четвертого лагеря. Срок был назначен на 26-е апреля. Первоначально «Торное безумие», как и остальные экспедиции, не собиралось привлекать к этой работе своих гидов. Планировалось послать туда нескольких шерпов. Но упеперь перед Фишером и Букреевым встала новая проблема: если шерпы ставят третий лагерь 25-го апреля, а потом идут вниз, то кто отправится наверх 26-го? Было решено на закрепление перил вместо шерпов послать Букреева.

Мы могли отказаться от участия в совместной работе, но тогда бы мы потеряли возможность одними из первых выйти на штурм вершины. Мы наметили для восхождения 10 мая и не хотели отказываться от своих намерений.

Закрепление перильных веревок от третьего до четвертого лагеря считается одной из самых утомительных и трудоемких работ во время «осады» Эвереста с юго-восточного ребра. Однако Букреев был рад этому поручению. Он хотел лично убедиться в готовности маршрута перед решающим штурмом вершины. Но ему требовались хотя бы сутки отдыха. Поэтому следующий

день ему было разрешено провести во втором лагере, восстанавливаясь и собирая снаряжение для предстоящей работы.

Тем временем некоторые клиенты все больше нервничали. Их раздражали постоянные задержки, а также, как им казалось, отсутствие внимания со стороны гидов. Один из клиентов, просивший не называть его имени, сказал, что вместе с двумя другими участниками «Горного безумия» не раз обсуждал сложившуюся ситуацию. «Мы не понимали, почему Нил, Скотт и Анатолий были столь невнимательны к мелочам. Нил и Скотт то проносились мимо нас, словно соревнуясь друг с другом, то вдруг замирали на месте и долго что-то фотографировали». «Наемная помощь», как окрестил гидов один из клиентов, производила не самое лучшее впечатление.

ГОТОВЯСЬ К ШТУРМУ

25-го апреля погода наладилась, и наши клиенты наконец отправились наверх. Согласно плану они должны были добраться до перильных веревок. Я, как и было решено накануне, остался во втором лагере, чтобы отдохнуть перед напряженной работой. В тот день я собирал снаряжение, которое предоставили для совместного закрепления перил другие экспедиции. Кроме того, мне нужно было договориться с шерпой Ангом Дорже, альпинистским сирдаром Роба Холла, о том, как будут распределены обязанности при прокладывании маршрута.

Поскольку Фишер находился в базовом лагере, а Бейдлман еще не начал подъем во второй, то клиентам пришлось добираться до перил самостоятельно. Кто-то из них сумел подняться на намеченную высоту в 7 000 метров, а кто-то — нет. Как заметил один из участников, «нам еще уличные торговцы в Катманду рассказали, что веселиться здесь можно только в базовом лагере, а выше уже не до смеха¹».

Очень рано, примерно в четыре утра, я вышел из второго лагеря. Даже выпив крепкого кофе, я не смог как следует проснуться и поэтому шел сонный и хмурый. Небо было усыпано звездами — погода обещала быть хорошей. Под ногами скрипел утренний наст. В 150—250 метрах впереди от меня виднелись фонари шерпов Роба Холла, а позади, примерно на том же расстоянии шли шерпы тайваньской экспедиции. Двигаясь без особой спешки, мы за три с половиной часа добрались до третьего лагеря. В 7-30 мы увидели, как первые лучи солнца осветили две палатки, установленные там днем раньше.

Третий лагерь располагался на том самом месте, где Букреев два дня назад оставил свой груз. Гора в этом месте шла вверх весьма круто, примерно под

¹ Вот как отзывался о жизни в базовом лагере другой клиент Фишера; «Среди обывателей распространено явно идеализированное представление о базовом лагере. Будто бы там царит атмосфера спартанского быта, а все участники находятся в радостном предвкушении восхождения. В действительности все не так: каким ты был дома, таким останешься и в базовом лагере. Курил прежде — будешь курить и здесь. Привык дома пить коктейль перед обедом — получишь свой коктейль и в базовом лагере».

тем же уклоном, что и эскалатор в метро. Площадка для первых двух палаток была подготовлена шерпами накануне, а вот место для третьей еще предстояло выдолбить в ледяном склоне. Букреев и шерпы взялись за ледорубы и принялись мерными ударами откалывать куски льда.

Я оставил часть своих вещей в палатке и отправился из третьего лагеря наверх, туда, где Анг Дорже и другие шерпы из экспедиции Роба Холла уже натягивали веревки. Когда закончилась первая бухта веревки, я сменил Анга Аорже, который прокладывал маршрут. Весь тот день я проработал первым. Анг Аорже меня страховал, а другие шерпы подносили веревки. Так мы провели часов пять, в ровном темпе продвигаясь вверх по склону. Наконец мы вышли на высоту 7 550 метров, к Желтому поясу².

Проработав весь день, Букреев решил спуститься в третий лагерь и переночевать там, чтобы лучше акклиматизироваться. Анг Дорже и работавшие с ним шерпы отправились отдыхать во второй лагерь. Спускаясь по перилам, Букреев тщетно вглядывался вниз, пытаясь угледеть хоть кого-нибудь у палаток «Горного безумия» в третьем лагере, но там никого не было.

Клиенты «Горного безумия» большую часть дня провели, отдыхая в своих палатках во втором лагере. Непогода не выпустила их наверх. В тот день Питтман, желая оживить свои сообщения для Эн-Би-Си, посвятила очередной репортаж музыкальным пристрастиям участников экспедиции. В частности, она рассказала, что Нилу Бейдлману нравились незамысловатые песенки Чипмунка, а Лин Гаммельгард предпочитала творчество Ника Кэйва. Столь же различными, как их вкусы, были и они сами.

Мягкий, рассудительный Бейдлман выглядел слишком уж бесхитростным по сравнению с волевой и самоуверенной Гаммельгард. Лин была верна своему желанию оказаться «там, выше всех» и знать не хотела никаких советов. Ей казалось, что Бейдлман, который только начинал работать гидом, очень нуждался в самоутверждении и поэтому ему страстно хотелось, чтобы клиенты относились к нему с уважением, чтобы они ловили каждое его слово. «Но от меня он этого уж точно не мог дожидаться, — рассказывала Лин. — Мне вообще не нужен гид, тем более такой, как ты». Он со мной и так, и эдак, но ничего не помогало. "Подрасти сначала, парень. А сейчас держись лучше подальше — целее будешь". Не думаю, что ему было очень весело со мной».

² Так называются известняковые плиты, которые выходят на поверхность с этой стороны Эвереста.

Бейдлману, как и двум другим гидам, случалось сталкиваться с критикой в свой адрес со стороны клиентов. Обычно ему удавалось найти нужные слова и закончить разговор миром. Лишь считанные разы он не выдерживал и ввязывался в перепалку.

В тот вечер палатки в третьем лагере были полностью в моем распоряжении, и я мог насладиться тишиной и покоем, столь желанными после суеты базового лагеря. Я разжег горелку, вскипятил себе чай и приготовил еду. Обычно на высоте аппетит пропадает, но после тяжелой работы я с удовольствием принялся за свой нехитрый ужин. Вскоре заметно похолодало, и я решил, что пора закругляться. Перед сном я связался по рации с базовым лагерем и запросил еще веревки. Мне сказали, что ее на следующий день принесут шерпы. Потом я забрался в спальник и сразу заснул.

В отличие от ночевки во втором лагере, здесь, на более чем семикилометровой высоте, Анатолий спал очень беспокойно. Утром он проснулся, ощущая апатию, которая так знакома высотникам. В восьмом часу, пока Букреев еще лежал в палатке, наслаждаясь теплом, мимо прошли несколько шерпов. Разговаривая на ходу, они несли к Желтому поясу новые запасы веревки. Еще с полчаса Букреев боролся с искушением остаться в уютном спальнике, а потом, наконец, вылез наружу. Пристегнувшись к перилам, которые проходили на расстоянии вытянутой руки от его палатки, он отправился наверх.

Поднимаясь наверх, я еще раз проверил прочность провешенных вчера перил. Все точки закрепления были надежны, веревки хорошо связаны между собой. Кроме того, я убирал старую веревку, которая иногда была пристегнута к тем же точкам, что и наша. Иначе клиенты по ошибке могли пристегнуться к какой-нибудь ненадежной ветхой веревке. Потом я увидел Анга Дорже, который работал первым. Вместе мы протянули маршрут через весь Желтый пояс, а затем сели отдохнуть и перекусить.

Пока Букреев пил горячий чай из термоса, он заметил, как шерпы вытаскивали из-под снега старые веревки и отбирали из них те, которые казались более прочными. Они брали их с собой и использовали вместе с новыми. Немного передохнув, Букреев пошел вверх за шерпами, не забывая проверять надежность перил. Альпинисты держали путь к-Южной Седловине.

На высоте около 7 800 метров, где склон становится более пологим, я увидел, что шерпы, шедшие впереди, стали спускаться. Я спросил у них, как дела. «Все в порядке», — ответили они. Шерпы, торопились, потому что им хотелось вернуться во второй лагерь засветло. Я же опять планировал переночевать в третьем лагере, поэтому у меня еще оставалось время. Я решил подняться повыше, присмотреть место для четвертого лагеря и оставить там высотную палатку, которую нес с собой. Когда я вышел на Южную седловину, ветер усилился. Впрочем, днем погода стояла хорошая, вероятность шторма была невелика, и можно было немного задержаться, чтобы выбрать лучшее расположение для лагеря, из которого нам предстояло отправиться на штурм вершины.

Спустившись к третьему лагерю, Букреев, к своей радости, заметил около палаток клиентов «Горного безумия». Лин Гаммельгард, Клев Шенинг, Мартин Адамс, Сэнди Хилл Питтман и Дейл Круз — пятеро из восьми клиентов Фишера — поднялись в третий лагерь, пока Букреев был наверху. Выглядели они неплохо, и после подъема из второго лагеря у них еще оставались силы. Но Букреев хорошо помнил свою первую ночевку на этой высоте и понимал, что радоваться рано.

На следующий день (28-го апреля) мы встали, когда уже рассвело. Было около восьми часов утра. По рации нам передали, что Скотт и Нил находятся во втором лагере и для дальнейшей акклиматизации планируют подняться к нам, в третий лагерь. Я чувствовал себя гораздо лучше. Видимо, сказалось то, что я поработал на высоте, хотя усталость еще оставалась. Клиенты, за исключением Лин и Дейла, тоже неплохо адаптировались к новой высоте. У Лин были красные воспаленные глаза, и выглядела она сонной и вялой. Как и я накануне, Лин испытывала небольшие проблемы с акклиматизацией, однако никакой угрозы здоровью не было. Кругов дело — Круз.

Букреев внимательно наблюдал за Крузом обеспокоенный его состоянием. Он заметил, что тот был «в полнейшей апатии, он замкнулся в себе и был безразличен к происходящему вокруг». Опытный Букреев сразу понял, что дело плохо. Около десяти утра Мартин Адамс, который, наконец, добился своей цели и переночевал в третьем лагере, начал собираться вниз. Он хотел спуститься как можно быстрее. Букреев, которому хотелось как можно скорее отправить на меньшую высоту Круза, посоветовал и остальным клиентам последовать примеру Мартина.

Я считал, что одной ночевки на такой высоте вполне достаточно — тем более, что клиенты оказались на ней впервые. Я пытался отговорить Айн и Сэнди, которые хотели остаться в лагере еще на сутки. Мне казалось, что они переоценивают свои силы и им надо хорошо отдохнуть. Поэтому я порекомендовал им, если уж так хочется, подняться до высоты 7 500 или 7 600 метров, а потом спуститься во второй лагерь. Однако ни одна из них не изъявила желания идти выше.

Обсуждая с клиентами их планы, я заметил, что состояние Круза все ухудшалось. Я принялся убеждать его побыстрее собраться и выйти вниз. Меня поддержали и остальные участники, также заметившие неладное.

Наконец Дейла удалось уговорить, и он начал переодеваться и паковать рюкзак. Беспокойство наблюдавшего за ним Букреева тем временем переросло в тревогу. Дейл, по словам Анатолия, «шатался, с трудом держась на ногах». Положение становилось угрожающим. Круз был высоким и грузным, он был куда тяжелее самого Букреева. Анатолий сомневался в том, что сумеет поднять его и безопасно спустить во второй лагерь, если тот упадет.

Мне с трудом удалось пристегнуть Кейла к перилам. То ли он плохо соображал, то ли я плохо объяснял — не знаю. Но объяснения, как надо пристегиваться и что делать, когда идешь в связке, отняли очень много времени. К счастью, когда мы начали спуск, в поле зрения появились Нил и Скотт. Увидев Кейла, Скотт без лишних вопросов пришел мне на помощь.

Было решено, что мы вдвоем будем спускать Кейла, а Нил пойдет в третий лагерь. Ему надо было там переночевать, чтобы акклиматизироваться.

Вниз они шли втроем в одной связке. Фишер спускался первым, подстраховывая Крузаснизу, страховавший всехсверху Букреев — последним. Заними отдельно шла Лин Гаммельгард, а Питтман, несмотря на все уговоры, все же решила остаться в третьем лагере еще на одну ночь.

Когда мы спустились до 6 900 метров, Круз стал понемногу оживать. Он уже мог сам контролировать свои движения. Наконец, к пяти часам вечера, мы спустились со склонов Ахоцзе и вышли к Западному Кууму, по которому шел наш дальнейший путь ко второму лагерью. Круз вроде бы вернулся в нормальное состояние, поэтому здесь мы развязались и пошли каждый сам по себе.

Круз спускался первым, а за ним шли Букреев и Скотт, на ходу обсуждая события последних дней. Букреев рассказал о подготовке маршрута, а Скотт — о проблемах, с которыми он столкнулся в базовом лагере.

Скотт сообщил мне, как обстояли дела с Нгавангом Топше. Заболевший шерпа в сопровождении своего племянника Аопсанга Янбу и экспедиционного врача Ингрид был отправлен на вертолете в Катманду. Стоимость спасательных работ приближалась к десяти тысячам долларов. У Скотта было много причин для волнений и расстройств: болезнь Нгаванга привела к крупным денежным расходам и уменьшила наш и без того скудный запас кислорода. Кроме того, шерпы до сих пор не установили четвертый лагерь и не отправили вверх кислородные баллоны. Видя его откровенность, я решил поговорить с ним о наших шерпах. На мой взгляд, по сравнению с шерпами Роба Холла во главе с Ангом Корже, наша команда сильно проигрывала. Шерпы «Торного безумия» были слабее физически и хуже организованы. Обсудив это, мы решили после экспедиции оценить работу каждого из них и в следующую экспедицию брать только тех, кто этого действительно заслуживал.

Благополучно добравшись до второго лагеря, Фишер уже в темноте вышел на связь с базовым и третьим лагерями. Обнадеживающих сведений о состоянии Нгаванга не поступило. Так как никаких неотложных дел внизу у Фишера не было, он решил на следующий день подняться вместе с Питом Шенингом к третьему лагерю. Скотта не покидала надежда, что Пит сможет акклиматизироваться и продолжить восхождение.

Утром 29-го апреля Скотт и Пит отправились в третий лагерь, а я пошел вниз вместе Дейлом и Лин. Большую часть пути я приглядывал за Крузом, то и дело подстраховывая его. Хотя Аейл выглядел гораздо лучше, чем накануне, я знал, что в любой момент он может допустить ошибку при движении по маршруту. Особенно беспокоило меня, как мы пройдем по леднику Кхумбу — только там нам проблем не хватало! Базовый лагерь принес всем нам облегчение и порадовал теплом. После шести ночей, проведенных на большой высоте, мне был необходим отдых.

30-го апреля я вволю наслаждался безветрием и теплом в базовом лагере. Здесь я мог позволить себе немного расслабиться — принять душ и почистить книжку на солнышке. Я чувствовал, что хорошо акклиматизировался и теперь собирался спуститься отдохнуть в лесную зону. Я снова стал убеждать Мартина Адамса пойти со мной.

Наша команда сейчас была раскидана по всей горе — от Перича, где Тим и Шарлотта приходили в себя после горной болезни, до третьего лагеря, где в эту ночь находились Скотт с Шенингом. Впрочем, такой разброс в местонахождении меня не слишком смущал. Акклиматизация — дело очень тонкое, и здесь необходим индивидуальный подход. Процесс адаптации организма к высоте невозможно подогнать под общий жесткий график. Куда больше меня волновало различие в уровне подготовки, с которым клиенты «Торного безумия» выходили к штурму. Все больше я волновался за самого Скотта, чей график акклиматизации не раз уже срывался из-за его переходов вверх и вниз по горе.

К 1-му мая все гиды и все клиенты, за исключением Шарлотты Фокс и Тима Мадсена, собрались в базовом лагере. Соскучившийся по отдыху Скотт пошел принять душ перед ужином. Букреев отдыхал в своей палатке, когда Лин Гаммельгард встретила Скотта на пути из душевой и завела с ним разговор.

Они начали обсуждать предстоящее восхождение. Скотт сказал, что через несколько дней мы поднимемся в третий лагерь. Там всем клиентам будет выдано кислородное оборудование, и дальше они будут идти с кислородом. Его слова расстроили Лин, которая все настаивала на своем решении идти без кислорода. Дальше их разговор велся на повышенных тонах.

Гаммельгард рассчитывала, что ей будут предоставлены дополнительные дни для акклиматизации, ведь из-за запаздывания с установкой высотных лагерей у нее не было возможности как следует проверить себя на большой высоте. И теперь, когда Фишер заявил ей, что все клиенты пойдут с кислородом, она пришла в ярость. «Я ему сказала: "Теперь я просто не успею подготовиться к бескислородному восхождению, меня лишили этой возможности! Полгода ты со мной соглашался и поддакивал, прекрасно зная, как обстоят дела в твоей экспедиции. Я так на это рассчитывала, тренировалась... Да ты просто с ума сошел!"»

Фишер ответил Лин, что никаких шансов на бескислородное восхождение у нее нет, и что она пойдет как все клиенты — с кислородом. Не желая даже думать об этом, Лин принялась упрекать Фишера за попытку «приравнять ее к остальным». «Я страшно разозлилась. Вовсе не этого я ожидала от опытного руководителя экспедиции. Уважения к Фишеру у меня не прибавилось... Я просто вышла из себя!»

Так и не сумев договориться, Фишер и Гаммельгард разошлись. Букреев, чувствуя, что может помочь разрешить этот спор, вышел из палатки и направился к Фишеру. Скотт тем временем возвращался к своей палатке, чтобы наконец отдохнуть.

Нам было что обсудить с Фишером. Сначала я спросил его, как прошел подъем у Шепинга. Скотт ответил, что в целом все в порядке, хотя спать без кислорода Шенинг пока не может. Про Дейла Скотт заметил, что тому крупно повезло. Задержись он в третьем лагере чуть дольше, и ему было не миновать отека мозга. Однако ни одному из них Скотт не собирался говорить «нет». Напротив, он считал, что мы должны были продолжить наблюдать за ними и на заключительном выходе в случае чего отправить их вниз из второго или третьего лагеря.

Решение Фишера еще больше озаботило Букреева. Мартин Адаме, хотя и не мог вмешиваться, тоже беспокоился по этому поводу. «Скотт брал на восхождение всех. Брал Дейла, брал Пита Шенинга. Было ясно, что эти люди больны, что они в принципе не могут подняться. Тем не менее, они хотели идти, и Скотт не мог им отказать... Мне кажется, Скотт так стремился затащить этих людей на вершину, в основном, в рекламных целях... Я сказал как-то Нилу в базовом лагере: «Ведь этим ребятам нечего делать наверху. Я понимаю, вам очень нужна реклама, но неужели вы не боитесь той громкой славы, которая ждет вас, если вы оставите кого-нибудь из них на горе? Вы этого хотите? О том, сколько стоит их жизнь, вы не подумали?».

Лин совершенно извела Скотта. Когда я заговорил с ним о ее намерении идти без кислорода, он только расстроено развел руками и покачал головой. Тогда я предложил свое содействие. Я хотел побеседовать с ней, объяснить, что ее планы опасны для нее самой. Ее малый опыт не позволял ей трезво оценить свое состояние, кроме того, она так и не смогла как следует акклиматизироваться.

Перед самым ужином я заглянул в палатку Айн и спросил, можно ли поговорить с ней. Она с радостью согласилась. Я рассказал ей, что в 1991 году, когда я впервые поднялся на Эверест без кислорода, для лучшей акклиматизации я переночевал на Южной седловине и только потом спустился в базовый лагерь для отдыха. У Лин же в этой экспедиции максимальная набранная высота составляла всего 7 300 метров. Не было у нее и солидного опыта, чтобы объективно оценить свои шансы на успех, и поэтому я советовал ей

оставить эту идею. Взамен я пообещал ей, что, если она успешно поднимется с кислородом, то я лично помогу ей повторить восхождение, но уже без кислорода. Честно признаюсь, я был уверен, что сил у нее на это не хватит, но предложение мое было, тем не менее, искренним. Попроси она меня об этом, и я бы пошел».

Вечером в общей палатке собрались все клиенты «Горного безумия» за исключением Шарлотты Фокс и Тима Мадсена, которые вскоре должны были сюда подняться, а также Мартина Адамса, который ушел вниз, следуя совету Букреева. Обращаясь ко всем присутствующим, Фишер сказал, что с этого дня участники отдыхают, а 5-го мая, если погода позволит, экспедиция начнет свое движение к вершине. Подшучивая над Букреевым и Адамсом, решившими спуститься ниже базового лагеря, Фишер сказал, что не иначе как они соскучились по пиву и красивым девушкам.

В самый разгар этих шуток в палатку вошла Лин. Она подошла ко мне сзади, обняла и поцеловала. Отчетливо, чтобы все слышали, Лин сказала: «Спасибо большое, Толя», а потом села на свободное место. Все в палатке многозначительно заулыбались, явно неправильно истолковав ее действия. Но Скотт все отлично понял. Теперь он знал, что проблема с кислородом решена.

Глава 12

ПЕРЕД СТАРТОМ

После ужина я распрощался со своими товарищами, включил налобный фонарь и отправился вниз по тропе. Не прошло и часа, как наступила ночь, на небе взошла полная луна. Некоторое время справа от меня виднелся силуэт Пумори, потом и он исчез. В полном одиночестве я шел по залитому лунным светом леднику. Я думал о том чудесном мире, который ждал меня внизу, где было так тепло и так легко дышалось. Я чувствовал себя хорошо, моя акклиматизация прошла успешно. Теперь я спускался вниз, чтобы, восстановить силы, потраченные во время долгой работы на высоте.

Букрееву понадобилось несколько часов на то, чтобы спуститься вниз. По дороге он миновал Лобуч, где Броне когда-то не поладила с Питтман по поводу спутникового телефона. Дойдя до развилки, Букреев повернул налево. Ему нужно было попасть в Дингбоч (4 350 м), где он надеялся встретиться с Адамсом. В час ночи, примерно в тридцати минутах ходьбы от этой деревушки. Букреев устроился ночевать под усыпанным яркими звездами небом.

На следующее утро я зашел в гостиницу, ожидая увидеть там Мартина. Однако хозяйка разочаровала меня, сказав, что вчера никто в гостиницу не приходил. Я позавтракал там и отправился дальше. Не прошло и часа, как я был уже в Периче (4 280 м), где встретил не Мартина, а Ингрид — нашего врача. Она только что вернулась из Катманду.

Доктор Хант сообщила неутешительные новости. Нгаванг Топше, который шесть дней назад был эвакуирован в Катманду на вертолете, находился в коме. Врачи подозревали, что у него поврежден головной мозг. В случае, если Нгаванг выживет, то, как и предполагал Фишер, ему потребуются длительный медицинский уход.

Побеседовав с Ингрид, я зашел навестить своих знакомых из экспедиции «Гималайских гидов». Они спустились сюда из базового лагеря на отдых. Потом я продолжил путь вниз и к вечеру пришел к небольшой гостинице в деревушке Дебоч, на самой границе лесной зоны. Здесь находится последний участок леса, который встречается альпинистам при подъеме на Эверест.

Букреев провел в Дебоче два дня. Его режим был предельно прост: отдых и несложные физические упражнения. Богатый кислородом воздух и легкая усталость — лучшего отдыха, с точки зрения Анатолия, и придумать было нельзя.

Я был уверен, что такой отдых поможет мне наилучшим образом восстановиться; силы, накопленные здесь, помогут мне довести клиентов до вершины. Жаль, что Скотт не принял мой план реабилитации ни по отношению к себе лично, ни по отношению к Нилу и участникам. Оставалось надеяться, что им удастся хорошо отдохнуть в базовом лагере.

4-го мая, около четырех часов дня, отдохнувший и полный сил, Букреев отправился назад в базовый лагерь. Перекусив на скорую руку в Периче, он продолжил подъем и к полуночи достиг цели. Из палаток других экспедиций до него доносились обрывки разговоров, рядом маячили чьи-то тени, но в лагере «Горного безумия» царили тишина и спокойствие. Даже в коммуникационной палатке Питтман не горел свет. В общей палатке Букреев отыскал термос с горячим чаем и налил себе кружку. По дороге Анатолий немного замерз, ведь при переходе от деревни Дебоч до базового лагеря температура упала почти на 20 градусов.

Проснувшись утром 5-го мая, Букреев услышал, как переговариваются между собой клиенты «Горного безумия». Они уже встали и вышли из своих палаток. Однако одного очень характерного голоса явно не хватало. Не слышно было и столь знакомого всем высотного кашля — Сэнди Питтман в лагере не было. Как узнал Букреев чуть позже, она отправилась вниз, пока он был в Дебоче.

В субботу 4-го мая посыльный шерпа принес известие, что трое приятельниц Питтман пришли с трекингом в Перич и хотят повидаться с Сэнди. Недолго думая, Питтман отправилась к ним, прихватив с собой трех шерпов, один из которых нес ее телефон.

Я был удивлен, что человек с ее альпинистским опытом способен на такие поступки. Да, она не раз бывала в горах, но столь быстрый спуск прямо перед штурмом никому еще не приносил пользы. Полезен именно длительный отдых внизу, а подобный бросок туда-обратно, на мой взгляд, мог привести лишь к неоправданной растрате сил.

Утром 5-го мая все клиенты «Горного безумия», за исключением Питтман, были в сборе. Сэнди еще не вернулась; она знала, что Фишер перенес дату

выхода с 5-го на 6-ое мая. Мартин Адамс, следуя совету Букреева, спускался для отдыха в Перич. Он планировал встретить там Анатолия, но разминутся с ним по дороге. Теперь Адамс выглядел свежим и отдохнувшим. Шарлотте Фокс и Тиму Мадсену отдых тоже пошел на пользу, но Букреева сильно беспокоила их недостаточная акклиматизация. Хорошо они готовы или нет, выяснится позже, на высоте. Остальные клиенты отдохнули не лучше, но и не хуже, чем предполагал Букреев. Проблемы, как оказалось, возникли у Фишера.

Мне рассказали, что Скотт и Нил во время отдыха ходили на Пумори пофотографировать. Я был неприятно удивлен. Зачем Скотту было так бездарно растрачивать силы, особенно с учетом колоссальной нагрузки, доставшейся ему на подготовительном этапе экспедиции. Еще больше я встревожился, узнав, что Скотт чувствует себя неважно и принимает, антибиотики. Хотя и не доказано, что использовать их перед восхождением опасно для здоровья, однако сам я стараюсь никогда этого не делать. Мне нужно знать правду о своем состоянии, а антибиотики и прочие лекарства приглушают тревожные симптомы.

Питтман вернулась в базовый лагерь в ночь перед выходом, и в пять часов утра 6-го мая она уже была за работой в своей коммуникационной палатке. Связавшись по спутниковому телефону с Эн-Би-Си, она продиктовала свой очередной репортаж. Перед виртуальными путешественниками предстала соблазнительная картина жизни под Эверестом. Питтман была бодрой и жизнерадостной, а в ее рассказе заметно преобладала гастрономическая тема

«В моем любимом ресторане в Периче нам подавали отменный бифштекс из яков с картофелем фри... У меня был всего один день для встречи с друзьями, поэтому мы пошли в Лобуч, где нас ожидал отличный обед. Потом я почти вприпрыжку отправилась назад, и к вечеру уже была в базовом лагере».

Каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с горами, подобные увеселения показались бы как минимум странными. До начала восхождения на высшую точку планеты оставалось не более двух часов. Как сказала Лин Гаммельгард: «Ее альпинистский опыт никак не вязался с таким поведением».

Пока Питтман в красках описывала свои приключения, остальные участники экспедиции постепенно собирались за обеденным столом в общей палатке. Они обсуждали между собой предстоящий выход, советовались, что взять из снаряжения, что оставить. То, чему раньше не уделялось особого внимания, теперь казалось очень важным — слишком серьезное испытание ждало их впереди.

Мартин Адамс вспоминал, что, зайдя в общую палатку, он застал там Фишера и доктора Ингрид, которые горячо о чем-то спорили. Увидев Мартина, они тут же замолчали — посвящать в свои дела других они явно не собирались. По мнению Мартина, эта дискуссия могла быть следствием его разговора с Ингрид, который состоялся накануне. Доктор была сильно обеспокоена состоянием здоровья некоторых клиентов и их готовностью к восхождению. Видя ее сомнения, Адамс посоветовал ей побеседовать с Фишером лично и снять с себя всякую ответственность.

Однако Фишер ответственности с Ингрид так и не снял, и ранним утром 6-го мая все ¹ клиенты «Горного безумия» во главе с Бейдлманом отправились ко второму лагерю.

Букреев еще завтракал, когда участники подходили к леднику Кхумбу. Воодушевленные клиенты полагали, что в предпоследний раз пересекают его испещренное трещинами тело. На обратном пути, в случае благоприятного исхода экспедиции, это будет триумфальное шествие. В следующий раз по леднику они пройдут покорителями Эвереста

После завтрака я встретился со Скоттом, который, проводив клиентов, собирался выйти вслед за ними. Я спросил у него, надо ли и мне сопровождать клиентов. Мне хотелось поберечь силы и подняться во второй лагерь своим темпом. Скотт спросил, когда именно я собираюсь выходить. Я ответил, что хотел бы принять душ, немного отдохнуть и выйти ближе к обеду. Скотт согласился и вскоре после нашего разговора отправился вверх.

Лагерь «Горного безумия» опустел. Оставшись один, Букреев мог отдохнуть от суеты, которая неизбежно сопутствует всем сборам, и спокойно проанализировать состояние участников. К счастью, сильный кашель, мучавший Бейдлмана на протяжении многих недель, прошел. Нил выглядел замечательно, он отлично подготовился к восхождению. Опасения по-прежнему вызывали Шарлотта Фокс и Тим Мадсен.

Только теперь я понял, что Скотт решил все же взять с собой Шарлотту и Тима, несмотря на недостаточную акклиматизацию, даже несмотря на то, что они так ни разу и не переночевали в третьем лагере. Оставалось лишь надеяться, что во втором лагере Скотт еще раз оценит состояние всех участников. Когда альпинисты поднимаются во второй лагерь перед

¹ За исключением Пита Шенинга (прим. перев.).

заключительным штурмом, их часто донимают всевозможные недомогания. Либо это кашель, либо головная боль, либо проблемы с желудком. Не желая лишиться предстоящего восхождения, альпинисты часто скрывают свои проблемы, тем самым подвергая опасности не только себя, но и своих товарищей по экспедиции.

Букреев не знал, что Тим и Шарлотта сами прекрасно понимали, что им не хватает акклиматизации, и никак не могли решить, идти им вместе со всеми или нет. За несколько дней до выхода наверх они рассказали о своих сомнениях одному из участников. Их беспокоило, что штурм был назначен на 10 мая—слишком рано, как им казалось. «Мы обсуждали график восхождения. Я им посоветовал: «Поговорите со Скоттом. Скажите ему, что вас не устраивает дата восхождения, что вы хотите сначала акклиматизироваться, а потом попытаться взойти». Так они и сделали. Но Скотт ответил: «Ребята, мы не собираемся устраивать повторное восхождение. У вас будет только одна попытка». Для всех нас это стало полной неожиданностью: «Мы платили такие деньги, а нам будет дан только один шанс!» В рекламных проспектах нам было обещано совсем другое ²».

Около одиннадцати утра Букреев отправился перекусить в общую палатку. По его расчетам, путь до второго лагеря должен был занять у него около четырех часов, так что он гарантированно попадал туда засветло. Более того, он планировал по дороге подбирать отстающих. Закончив с едой, Анатолий стал готовиться к выходу, но тут появились три туристки. Они представились ему как подруги Питтман, именно к ним она спускалась незадолго до выхода. Букреев был поглощен предстоящим восхождением, и ему очень не хотелось отвлекаться на посторонние разговоры. Однако, не желая никого обижать, он принялся терпеливо отвечать на их вопросы. Ему вспомнился ресторанный демарш Питтман, и он снова с досадой подумал: «И как ей это могло прийти в голову?».

Наконец Анатолию удалось отделаться от праздных приятельниц Питтман, и он направился к ледопаду. Как выяснилось, он все же запоздал с выходом. Как раз в это время в первом лагере Мартин Адамс заметил неладное.

«В одной из палаток первого лагеря я увидел Круза. Никаких остановок до второго лагеря у нас не планировалось, и потому я спросил у него: "В чем дело? С тобой все в порядке?" Он сказал, что плохо себя чувствует и решил немного

² В рекламных проспектах «Горного безумия» было написано, что компания предоставляет гидов на «всех попытках восхождения», то есть подразумевалось, что таких попыток будет несколько.

передохнуть здесь, а может быть, и переночевать. "Так дело не пойдет", — подумал я. За мной шли Тим и Шарлотта. Я сказал им: "Взгляните на Круза. С ним что-то неладно". Они зашли в палатку, поговорили с ним и тоже решили, что ему не по себе. Когда я пришел во второй лагерь, Фишер с Бейдлманом уже пили чай. Я им рассказал, что Круз плохо себя чувствует. Они ответили, что вполне предполагали нечто в этом роде. "Значит, дальше он не пойдет", — сказал Скотт. "Сейчас сюда подойдут Тим и Шарлотта, — сказал я. — Дождитесь их, может быть, они вам расскажут что-то еще". Тим и Шарлотта поднялись к нам, и их впечатления полностью совпадали с моими. Тогда Скотт и Нил пошли вниз, чтобы отправить Круза в базовый лагерь».

Не зная, на каком участке маршрута находился в тот момент Букреев, и не имея возможности с ним связаться (рацию Букрееву так и не выдали), Фишер, усталый и раздраженный, отправился вниз. Еще один спуск! Если сложить все его переходы вверх-вниз за последние недели, их хватило бы на то, чтобы трижды подняться на Эверест.

Перейдя ледник Кхумбу, я вышел на плато Западного Куума, и тут увидел Скотта и Дейла Круза, которые спускались мне навстречу (Бейдлман к тому моменту вернулся во второй лагерь). Дейл выглядел плохо, Скотт казался нервным и немного расстроенным. Видя его усталость и понимая, что ему сейчас лучше быть с экспедицией, я предложил Скотту свои услуги, но он ответил мне, что хотел бы проводить Дейла сам.

Во время их краткого разговора Букреев внимательно приглядывался к Фишеру. Какова бы ни была причина употребления антибиотиков, сейчас казалось, что все проблемы остались в прошлом. Поводов для беспокойства не было никаких. Простившись со Скоттом и Дейлом, Букреев отправился дальше. Взглянув наверх, он увидел, что небо разительным образом изменилось и теперь сверкало и переливалось багровыми и пурпурными цветами. В горах подобное сияние часто означает резкую перемену погоды. Букреев почувствовал тревогу. Ураган, подобный тому, который Фишеру пришлось пережить во время ночевки во втором лагере, ставил под угрозу все восхождение. Если бы ветер повредил передовой базовый лагерь³ экспедиции, то всем бы пришлось спускаться вниз и ждать, пока шерпы его не восстановят. Снова ждать...

³ Передовой базовый лагерь (ABC — Advanced Base Camp) — главный из высотных лагерей, расположенных непосредственно на горе. При штурме вершины исполняет функции базового лагеря. В экспедиции «Горного безумия» передовым базовым являлся второй лагерь (прим. перев.).

В половине шестого вечера Букреев поднялся во второй лагерь, где участники уже обедали. К этому времени Фишер с Крузом успели благополучно спуститься. По рассказам Пита Шенинга (который все же решил не участвовать в штурме), «Фишер шутил, веселился, пил пиво и угощал им Круза»*. Доктор Хант здоровьем Фишера осталась довольна. «Скотт был таким, каким его все привыкли видеть. Ничего настораживающего ни в его внешнем виде, ни в его поведении не было»*.

* * *

Букреев был приятно удивлен — вопреки его ожиданиям, погода 7-го мая оказалась на редкость спокойной и безветренной. Ночь выдалась морозной — температура воздуха опускалась до —15°C, но утром опять потеплело. Клиенты еще лежали в своих палатках, наслаждаясь теплом и уютом, а Скотт тем временем снова шел по леднику Кхумбу. И хотя накануне вечером его здоровье не вызывало сомнений, в тот день, по мнению его случайного спутника, он выглядел неважно.

Около верхнего края ледника, на перилах, Скотт встретил Генри Тодда из «Гималайских гидов», который был на десять лет старше и, по собственному признанию, ходил гораздо медленнее, чем Скотт. Тодд с удивлением заметил, что не отстает от Фишера, хотя «обычно тот просто пробегал мимо».

«Черт побери! — сказал Генри. — Почему ты здесь? Твоя группа должна идти в третий лагерь. Разве ты не идешь с ними?» Пытаясь ответить, Фишер закашлялся. По словам Тодда, это был нехороший кашель.

«Скотт ответил мне, что ему пришлось сопровождать вниз Дейла Круза. "Но ведь он давно уже был болен, — сказал я. — Почему ты не отправил его вниз с кем-нибудь еще?" "Я не мог поступить иначе, понимаешь, он чуть не плакал. Не мог я его отправить ни с Анатолием, ни с Нилом, ни с кем-либо из шерпов. Он ведь мой друг..."»

По словам Тодда, Скотт совершенно не жалел себя, сгорал на глазах. Было видно, что он плохо себя чувствовал. Все это не могло не встревожить Тодда, но еще больше его насторожили слова, сказанные Скоттом при расставании: «Я боюсь за своих людей. Мне не нравится, как у нас идут дела».

Вечером Скотт уже сидел вместе с нами в общей палатке. Он сообщил всем собравшимся, что Дейл благополучно добрался до базового лагеря. «Для него, — сказал Скотт, — восхождение закончено». Одной проблемой стало меньше, но радоваться было рано. Фишер продолжал сомневаться в некото-

рых других участниках. Волновала его и ситуация с кислородом. Мы с ним подробно обсудили эту тему. Я спросил, есть ли у нас запас кислорода на тот случай, если я все же захочу им воспользоваться. Фишер сказал, что я и так хорошо выгляжу и поэтому мне кислород можно с собой не брать. Тем не менее, мне хотелось принять окончательное решение в день восхождения, чтобы как можно лучше оценить свое состояние. Я объяснил Скотту, что стопроцентной гарантии того, что пойду без кислорода, я дать сейчас не могу. Я попросил его зарезервировать за мной столько же баллонов кислорода, сколько планировалось выдать каждому из клиентов.

Отзываясь о Сэнди, Скотт был куда более оптимистичен, чем раньше. По его словам, она вполне могла взойти на вершину. Я был с ним в принципе согласен, но меня смущала ее излишняя активность в минувшие выходные, при восхождении ей просто могло не хватить сил. В Шарлотте и Тиме сомневались мы оба. Тем не менее, Скотт считал, что они в состоянии подняться на вершину — все же на счету Шарлотты было два удачных восхождения на восьмитысячники, а Тим находился в отличной спортивной форме.

Скотт, как и я, не был уверен, что пойдет без кислорода. У него уже имелся опыт бескислородного восхождения на Эверест, но многое зависело от его самочувствия в день штурма. Как пойдет Нил, еще не было решено окончательно. По мнению Скотта, тому лучше было воспользоваться кислородом, однако право выбора оставалось за самим Нилом.

Наследующее утро экспедиция «Горного безумия», несколько задержавшись из-за сильного ветра, направилась к третьему лагерю. Погода была ясная, весь путь четко просматривался, и потому Букреев и Фишер решили выйти чуть позже клиентов, которых вел за собой Бейдлман. Пристегнувшись к перилам, они продолжили вчерашний разговор. Темы остались прежними: кому из клиентов стоит идти дальше, кому из гидов стоит идти с кислородом. Скотт был благодарен Анатолию за удачные переговоры с Гаммельгард. Ведь Букрееву удалось справиться там, где сам Скотт уже ничего не мог поделать. Тем не менее, даже теперь нельзя было поручиться, что Лин дойдет до вершины. Она была неплохой спортсменкой, но на высоте спортивные достижения почти ничего не значат. В любой момент она могла сломаться. То же самое можно было сказать и о Клеве Шенинге. Тот постоянно рвался вперед, его даже приходилось сдерживать. Букреев не раз говорил участникам: «Не старайтесь обогнать других. Здесь нет первенства, главное — дойти до вершины». Но в спортивных соревнованиях стремление к лидерству неистребимо, и азарт все время гонит их

вперед. Букрееву казалось, что Клев, профессиональный горнолыжник, не понимает, о чем идет речь, когда ему говорят: «Береги себя».

Мартин Адамс вспоминал, что Букреев часто повторял эту фразу во время их совместной экспедиции на Макалу. «Толя мне не раз говорил: "Мартин, береги себя". Сначала я толком не понимал его слов. Мне казалось, что он призывает к осторожности, боясь, как бы я не ошибся, не провалился в трещину. Только потом я понял правильный смысл его слов. "Береги свои силы" — вот что он имел в виду».

Несмотря на поздний выход, по дороге в третий лагерь мы со Скоттом успели обогнать почти всех клиентов Роба Холла. Скотт заметил, что клиенты-Холла были подготовлены гораздо хуже наших. Команда «Горного безумия» была моложе и превосходила «Консультантов по приключениям» во всех отношениях. Я был согласен со Скоттом, но радости, в отличие от него, от такого сравнения не испытывал.

Скотт заранее оповестил участников своей экспедиции, что согласно договоренности с Робом Холлом обе команды отправятся на вершину вместе. Букреев сомневался в правильности подобного решения. По его мнению, клиенты Холла могли сильно их задержать. Даже сейчас, на относительно простом участке маршрута они шли очень медленно. Что же будет, если и на восьмиклометровой высоте их спины по-прежнему будут маячить перед глазами участников «Горного безумия», мешая движению?

Доводы Букреева разделяли и некоторые клиенты. Один из них рассказывал: «Мы думали: "Зачем нам идти с ними? Они слабее нас, какая нам от этого польза?" Мне казалось тогда, что Фишер просто "сел на хвост" Робу Холлу. Он поехал в Непал, решив про себя: "Буду все повторять за Холлом". По крайней мере, такое у меня сложилось впечатление».

Расставшись с Фишером, Букреев быстро пошел наверх, к третьему лагерю, обгоняя по дороге других участников. Неожиданно он увидел, что кто-то шел ему навстречу. Остановившись, чтобы выщелкнуться из перил и пропустить спускавшихся, Букреев узнал старого знакомого. Перед ним стоял Эд Вистурс из ИМАКС-экспедиции, спокойный и невозмутимый, как всегда. Лицо его было сильно обветрено. Опершись на лыжную палку, которой он обычно пользовался при хождении по снегу и льду, Букреев расспросил Эда о погоде наверху.

«Мы решили спускаться», — сказал мне Эд. Он объяснил, что им не понравилась погода. Она была слишком уж переменчивой, и поэтому участники

экспедиции сочли разумным переждать несколько дней внизу, пока погода не наладится.

Позднее Вистурс рассказывал, какие события предшествовали их спуску. «Для съемок фильма нам нужен был безлюдный гребень Эвереста. И нам совершенно не хотелось, чтобы вокруг толпилось сорок человек, хотя бы из соображений безопасности. Поэтому наше восхождение было намечено днем раньше остальных».

Когда 7-го мая экспедиции Фишера и Холла ночевали во втором лагере, ИМАКС-экспедиция стояла значительно выше — в третьем лагере. Ее участники собирались совершить восхождение 9-го мая, однако, по словам Вистурса, утром они передумали. «Ночь в третьем лагере была ветреная, слишком ветреная. Когда мы встали, ветер так и не стих. Мы с Дэвидом (Бришером) поняли, что погода неподходящая—для восхождения нужно более стабильное прояснение. И мы подумали: «Какого черта! Мы пойдем вниз. Время у нас есть, терпение тоже, так в чем же дело? Пусть эти ребята лезут наверх, если им так хочется. А мы спустимся вниз и дождемся подходящей погоды».

Вистурс рассказывал, что при встрече с Букреевым участники ИМАКС-экспедиции почувствовали неловкость. «Мы пожали друг другу руки, поздоровались. Мы от души желали им добра, чувствуя при этом, что сами оказались в глупом положении. Вот идут наверх наши товарищи — сильные, веселые. Они рвутся на штурм. А мы спускаемся вниз, жалуясь на погоду. Правильно ли мы сделали, повернув назад? Но мы сказали себе: "Решили спускаться, значит, спускаемся" — и пошли своей дорогой».

Во время беседы с Вистурсом погода была отличная. Затем Вистурс попрощался с Букреевым, пожелал удачи и, обойдя Анатолия на перилах, отправился вниз. Поглядев ему вслед, Букреев увидел длинную цепочку клиентов Холла и Фишера. До начала восхождения оставалось два дня.

Глава 13

В ЗОНУ СМЕРТИ

Мне, как и Вистурсу, погода на горе не нравилась. За двадцать лет занятием альпинизмом у человека вырабатывается определенная интуиция, и сейчас я буквально нутром ощущал опасность. Уже несколько дней погода постоянно менялась, и наверху все время бушевал ветер. Конечно, мне бы хотелось, чтобы мои предостережения были услышаны, но теперь было ясно, что Скотт более склонен доверять Робу Холлу, чем мне. Вспомнить хотя бы, как я убеждал Скотта отвести клиентов вниз, в лесную зону, и отдыхать там, и что из этого вышло. Мой голос не был решающим, и я предпочел не спорить, а просто гнать прочь дурные предчувствия.

В третьем лагере клиенты установили свои палатки на ледовых площадках, которые вырубил в склоне Лхоцзе шерпы и Букреев. По палаткам участники распределились так: в одной были Фокс, Мадсен и Клев Шенинг, в другой — Фишер, Бейдлман и Питтман, а в третьей, последней, — Букреев, Адаме и Гаммельгард. По словам Анатолия, все участники были в приподнятом настроении и отлично себя чувствовали.

Питтман собиралась посылать свои сообщения не только из третьего и четвертого лагерей, но и с вершины, поэтому один из семи экспедиционных шерпов тащил необходимое оборудование. Поужинав в компании Фишера и Бейдлмана, Питтман тут же взялась за телефон. Диктуя свое сообщение в Эн-Би-Си, она то и дело прерывалась — ее душил высотный кашель. Лаконичная поневоле, Питтман поведала миру о том, как топила воду для чая и ела лакрицу. Она не преминула сообщить и о том, что ИМАКС-экспедиция повернула назад, так и не взойдя на вершину. Задумывалась ли сама Питтман или ее соседи по палатке о том, что именно заставило опытнейших Эда Вистурса и Дэвида Бришера отправиться вниз, в репортаже не сообщалось.

Утром следующего дня (9-го мая) нас разбудил разговор шерпов; они гили из второго лагеря в четвертый и несли туда кислород для нашей экспедиции. Когда мы кипятили воду и готовили завтрак, к нам подошел встревоженный шерпа и сообщил неприятную новость. Сегодня утром один из участников тайваньской экспедиции, Чин Ю Ян, отправился в туалет, не надев кошек.

Поскользнувшись, он сорвался и упал в трещину. Шерпам из тайваньской экспедиции предстояло вытащить несчастного на поверхность, и наши шерпы собирались им помочь¹.

Пока шерпы вызволяли тайваньца, Фишер и гиды всячески подгоняли клиентов, чтобы те как можно быстрее закончили с завтраком и приступили к подъему по перилам в четвертый лагерь. Там участникам нужно было как следует отдохнуть перед решающим штурмом. Большинство клиентов уже облачилось в пуховые комбинезоны, которые должны были защитить их от жуткого холода на вершине. На лице у каждого была кислородная маска, соединенная шлангом с трехлитровым баллоном, лежащим в рюкзаке. Подачу кислорода предполагалось включить сразу после выхода из лагеря.

По словам Генри Тодда, если альпинист решил идти с кислородом, то маску он, как правило, надевает при выходе из третьего лагеря. «От третьего до четвертого лагеря идти недалеко, но нужно пересечь Желтый пояс. Это первое серьезное место на маршруте — приходится лезть по скалам. Поэтому, если не ищешь дополнительных трудностей, то кладешь в рюкзак кислородный баллон, поворачиваешь вентиль и идешь наверх».

Букреев покинул третий лагерь одним из последних. Перед собой на маршруте он увидел длинную цепь поднимающихся альпинистов — помимо «Горного безумия», в тот день на штурм вышли «Консультанты по приключениям» Роба Холла и американская коммерческая экспедиция под руководством Даниеля Мазура и Джонатана Пратта, Букрееву, перед которым по перилам шло порядка пятидесяти человек, пришлось обходить их одного за другим. Наконец, на высоте 7 500 метров Букреев нагнал Фишера, который, как и Анатолий, шел без кислорода.

Я сказал Скотту, что хотел бы идти в головной части группы. Тогда бы я достиг Южной седловины — места нашего четвертого лагеря — раньше клиентов и проверил, все ли готово к их прибытию. Скотт согласился, сказав, что пойдет сзади, подбирая отстающих. Мы толком не знали, где Нил. Фишер утверждал, что впереди его нет. Я же не мог с уверенностью сказать, что не видел Нила сзади — лица участников были скрыты под масками, и обгоняя, я мог его не узнать. В конце концов мы решили, что, будучи непривычным к такой высоте, Нил отстает.

¹ В дальнейшем Макалу Го уйдет на восхождение, оставив травмированного альпиниста в полном одиночестве, и Чин Ю Ян умрет, так и не дождавшись своих товарищей (*прим. перев.*).

Продолжая свой подъем, Букреев обошел большую часть клиентов Роба Холла и Мазура-Пратта; последним, кто ему встретился на пути, был Клев Шенинг, который бодро шел наверх. Клиент «Горного безумия» заметно опережал своих товарищей.

Он шел хорошо, практически с моей скоростью, и мне пришлось поднапрячься, чтобы обогнать его. Это заслуживало внимания, ведь завтра я обязан идти никак не медленнее самого быстрого из клиентов. Поэтому я решил пока не отказываться от идеи взять с собой кислород, отложив окончательный выбор на момент перед выходом.

К двум часам дня Букреев добрался до Южной седловины. Это было поистине адское место, если только в аду бывает так холодно: ледяной ветер, скорость которого превышала 60 миль в час, свирепствовал на открытом плато, повсюду валялись пустые кислородные баллоны, брошенные здесь участниками предыдущих экспедиций. В этих жутких условиях шерпам удалось установить одну палатку, и сейчас они едва удерживали другую, норовившую улететь. Они изо всех сил тянули вниз хлопающее и раздувающееся под порывами ветра полотнище; объемные высотные комбинезоны и рукавицы сковывали движения и еще более затрудняли задачу. Букреева это зрелище не обрадовало.

Лично для меня при восхождении на Эверест нет ничего хуже такого шквального ветра, который обрушивается на тебя, норовя сбросить с горы. Это мой главный враг при штурме. По мне даже самая холодная погода лучше ветра, который бушевал в тот день на Южной седловине.

Опасаясь, как бы шерпы не упустили палатку, Букреев сбросил рюкзак, схватил свободный угол днища и принялся изо всех сил тянуть его к земле. Нередко случалось, что потеря высотной палатки вынуждала экспедицию поворачивать назад, к безопасным нижним лагерям. Букреев вовсе не хотел, чтобы и в его биографии появился подобный эпизод. Пока Анатолий держал палатку, шерпы вставили стойки и опять навалились на нее всем своим весом. Вскоре подошел Клев Шенинг и предложил свою помощь. Букреев попросил, его забраться внутрь и сидеть там, прижимая палатку к земле, пока они с шерпами ее не закрепят.

Мой опыт подсказывал, что Клеву перед штурмом нужно как следует от-

дохнуть. «Кислородная эйфория» могла привести Клева к мысли, что его силы безграничны.

Согласно первоначальному плану предполагалось поставить три палатки, но поскольку ветер не утихал и даже усиливался, Букреев подумал, что лучше ограничиться двумя. Во-первых, ночь предстояла холодная, и чем больше людей набьется в палатку, тем теплее им будет. Во-вторых, оставалась запасная палатка на случай, если ветром порвет одну из уже установленных.

Сгорбившись под напором ветра, едва не сбивавшего его с ног, Букреев обсудил свое предложение поочередно с обоими шерпами. Для этого приходилось кричать изо всех сил, приближая губы почти вплотную к уху собеседника, потому что рев ветра перекрывал все звуки. Все же им удалось договориться, и третью палатку оставили нераспакованной.

Тщательно закрепляя палатки и защищая их от сокрушительных порывов ветра, Букреев заметил Гаммельгард и Адамса. Они тоже вышли на седловину, и хотя и выглядели усталыми, повода опасаться за их здоровье не было. Букреев отправил их к Шенингу. Появившийся вскоре Бейдлман укрылся в другой палатке. Букрееву показалось, что на Нила подействовала высота, и Анатолий про себя отметил, что тот правильно сделал, решив подниматься с кислородом.

Всю вторую половину дня ветер усиливался, и вместе с ним росло и беспокойство Букреева. Уже одна только погода ставила под угрозу все восхождение, а ведь проблем, скрытых и явных, и так было немало.

К пяти часам вечера Фишер и Питтман в четвертом лагере так и не появились.

У меня не было уверенности относительно наших дальнейших планов, и я решил переговорить с Робом Холлом, который в это время руководил установкой своего лагеря. Даже после того, как я подошел к нему вплотную, нам пришлось кричать изо всех сил, чтобы расслышать друг друга заревом ветра. «Что вы собираетесь делать? Наверх идти невозможно». На это Роб ответил: «После такой непогоды часто наступает затишье. Если ночью ветер уляжется и погода улучшится, то утром мы выйдем на штурм. В противном случае подождем еще сутки. Если и тогда не распогодится, то будем спускаться вниз».

Не могу объяснить почему, но я совершенно не разделял оптимизма Роба Холла. Мне казалось, что погода не наладится. Интуиция по-прежнему предостерегала меня, и я был почти уверен, что утром на вершину мы не пойдем.

Переговорив с Холлом, Букреев с тревогой подумал о том, что Фишера все еще не было в лагере. Сквозь поднявшуюся пургу Анатолий отправился было к нему навстречу, но не пройдя и сорока метров, увидел Скотта Тот вел за собой группу альпинистов, среди которых Букреев узнал Сэнди Хилл Питтман.

Скотт, пытаясь докричаться до меня, спросил, в какие палатки идти вновь пришедшим участникам. Я сообщил ему, что вместо трех палаток мы решили поставить две. Скотт сказал, что надо бы поставить еще одну, но я ему все объяснил, и он согласился. Потом мы обсудили погоду. Как и в разговоре с Холлом, я высказал свое мнение: «Б такую погоду идти наверх нельзя, нам надо спускаться». Скотт спросил меня, не говорил ли я с Холлом, и я ему рассказал, что Роб решил ждать просвета в погоде. Под конец нашей беседы я понял, что Скотт принял сторону Холла. Если ситуация улучшится, то мы пойдем на вершину.

Около половины шестого вечера Букреев отправился в палатку к Гаммельгард, Адамсу и Шенингу, а Фишер — к Бейдлману, Питтман, Фокс и Мадсену. Ветер не утихал, и все участники, забившись в палатки, с тревогой думали о том, что их ждет дальше.

Первоначально планировалось, что экспедиция «Горного безумия» выходит из четвертого лагеря к вершине в полночь 9-го мая. Но, как рассказывал Мартин Адамс, в палатке Букреева все были уверены, что в назначенное время выход не состоится. «Ветер дул так сильно, что о восхождении даже и думать не хотелось. Скорее всего, не видать нам вершины — так нам тогда казалось». У Гаммельгард были свои опасения. «В ту ночь на седловине ветер выл не переставая. Никто в нашей палатке не мог сказать с уверенностью, идем мы на вершину или нет. Лично мне казалось неразумным идти наверх после такой непогоды. Дурной знак».*

Была в четвертом лагере еще одна палатка, где велись те же разговоры, и те же сомнения терзали участников. В беседе принимали участие трое клиентов Роба Холла — Бек Уиттерс, Дуг Хансен и пятидесятилетный юрист Лоу Кашишке, а также их гид Энди Харрис. Все, за исключением Энди Харриса, считали, что на следующий день идти на вершину не стоит.

Кашишке вспоминал: «Снаружи завывал ветер, а внутри палатки мы бурно спорили и тремя голосами против одного сошлись на том, что лучше подождать. Нас сильно беспокоило, что не было ни одного дня хорошей погоды — ни разу она не продержалась полных двадцать четыре часа. Нам казалось, что нужно выждать хотя бы день. Мы все думали, как мы будем спускаться,

если погода успеет перемениться и опять поднимется этот страшный ветер?»

Две палатки. Две экспедиции. Восемь участников. Шестеро из них считали, что идти наверх не стоит.

Букреев понимал, что не он стоит у руля. Решение принимает Фишер. Если он решит идти, то надо быть готовым к восхождению. Поэтому Букреев решил отдохнуть. Чтобы согреться, они с Адамсом собрались было вскипятить чаю на своей горелке, однако не сумели найти посуду. Как вспоминал Адамс, «кастрюльки в палатке не оказалось. Еще одно досадное упущение. Впрочем, я уже понял, что упущений в этой экспедиции будет достаточно, и, рассчитывал в основном на свои собственные силы, чтобы не раздражаться понапрасну».

К счастью, шерпы догадались заглянуть к ним в палатку и принести горячего чая. Однако, как вспоминает Адамс, поесть им в тот вечер так и не удалось. «У Гаммельгард была с собой приличная еда, но нам не в чем было ее приготовить».

После чая я решил, что бессмысленно гадать, пойдём мы завтра на гору или нет, и лучше как следует, выспаться. Я забрался в спальник, застегнул молнию и почти сразу заснул.

Когда Букреев лег спать, Гаммельгард и Адамс собрались последовать его примеру, но это им удалось не сразу — Клев Шенинг, раздраженный теснотой, стал угрожать, что отправится спать на ураганном ветру! Как рассказывал Адамс, «когда мы решили ложиться, Клев, у которого, по-моему, началась горная болезнь, стал кричать, чтобы мы подвинулись. Это было совсем странно, потому что мы вместе с Лин и Толей и так занимали полпалатки, а в оставшейся половине был только сам Клев и наши рюкзаки». Гаммельгард и Адамс с понимающей усмешкой переглянулись, но отвечать ничего не стали. «Клев отличный парень, — объяснял Адамс. — Мы не восприняли это всерьез. Дело было не в нем, а в высоте».

Странные выходки Шенинга не помешали Букрееву невозмутимо проспать до десяти часов вечера. Его разбудила необычная тишина. Ураган стих.

Не хлопал больше полог палатки, не завывал ветер. Было слышно, как возились снаружи шерпы, разжигая горелки. Я мог различить обрывки слов, позвякивание снаряжения. Сомнений не было, сегодня нам предстояло восхождение. К моему удивлению, у меня не было ни малейшего желания идти наверх. Не знаю почему, но я не ощущал обычной приподнятости, которая

бывает у меня перед восхождением, когда все тело в радостном напряжении и ждет только команды «Вперед!».

Обитатели другой палатки оживились примерно в то же время. Бейдлман вспоминает: «Ровно в десять я услышал, как засуетились снаружи шерпы, и через пятнадцать минут они принесли нам горячий чай. Еще час с четвертью мы провели в сборах и в половине двенадцатого вылезли из палатки».*

Погода переменилась. Над четвертым лагерем перевернутой чашей чернел небосвод, усыпанный яркими звездами. Ураганный ветер стих. «Казалось, что гора подманивает нас: не бойтесь, идите, идите сюда», — вспоминал Букреев.

Луна светила так ярко, что для сборов другого освещения не потребовалось. Под руководством Букреева и Бейдлмана клиенты старательно надевали кошки и внимательно проверяли свое снаряжение. Тем временем Фишер раздавал кислородные баллоны. Адамс вспоминал потом, что Букреев велел ему проверить давление в обоих своих баллонах, чтобы случайно не взять на вершину неполный.

Всего у экспедиции «Горного безумия» в четвертом лагере было 62 кислородных баллона: 9 четырехлитровых и 53 трехлитровых, более легких. Это составляло 51 процент от всей партии, купленной при посредничестве Генри Тодда. Остальное уже было в основном израсходовано (по большей части — Питом Шенингом и Нгавангом Топше). Еще имелся небольшой запас на крайний случай; он хранился в базовом лагере.

С учетом предполагаемого расхода кислорода всеми участниками, подобный запас был, мягко говоря, скудным. Девять четырехлитровых баллонов оставались в четвертом лагере для ночевки — они были заметно тяжелее остальных. На восхождение участники брали с собой пятьдесят три трехлитровых баллона

Вместе с основным составом экспедиции шло шестеро шерпов. Пятеро из них собирались идти с кислородом, и лишь альпинистский сирдар Лопсанг Янгбу предполагал обойтись без него. На всякий случай Лопсанг нес в рюкзаке один баллон. Остальные шерпы несли по два баллона для себя и по два баллона для участников. В общей сложности шерпы поднимали на гору двадцать один кислородный баллон.

Шестеро клиентов, а также Фишер и Бейдлман, несли по два баллона, Букреев — один. То есть клиенты с гидами несли наверх семнадцать баллонов.

Сложив эти числа, получаем, что экспедиция забирала с собой на восхождение 38 баллонов облегченного типа, и еще 15 таких баллонов (и то немного

количество кислорода, которое могло остаться после ночевки) ожидало их возвращения в четвертом лагере. С точки зрения безопасности такой запас был на грани допустимого. И уж в любом случае этого кислорода не хватило бы на повторную попытку. Восхождение могло состояться либо 10-го мая, либо никогда. Для Фокс и Мадсена это не было сюрпризом — они уже знали, что второго штурма не будет.

* * *

Фишер строил свои расчеты, исходя в основном из советов Генри Тодда. Тодд считал, что при рекомендованном потреблении кислорода (полтора-два литра в минуту) каждого трехлитрового баллона должно хватать на шесть часов. «С двумя баллонами можно идти двенадцать часов, этого времени вам должно хватить и на покорение Эвереста, и на спуск к Южной вершине. Там можно будет взять по третьему баллону из запасов, принесенных шерпами». На бумаге этот план выглядел безукоризненно.

Выйдя из четвертого лагеря в полночь, участники, в случае, если все пойдет гладко, могли рассчитывать через десять или одиннадцать часов оказаться на вершине. Если предложенный Тоддом расход кислорода счесть за оптимальный, то у них оставался бы еще один-два часа в запасе. Спуск от Эвереста до Южной вершины, опять же в случае хорошей погоды и при отсутствии осложнений, должен был занять от сорока пяти минут до часа. На Южной вершине каждый подключил бы третий баллон из числа принесенных шерпами и продолжил спуск. За следующие шесть часов участники могли без всякой спешки спуститься в четвертый лагерь.

* * *

После того как кислород был выдан и упакован по рюкзакам, Фишер спросил: «Кто готов к выходу? Лопсанг отправляется первым, и все, кто уже собрался, должны идти с ним». Питтман вышла вперед. Лопсанг Янгбу связался с ней одной веревкой. Примерно в полночь они отправились наверх. Вскоре, выполняя указание Бейдлмана, за ними последовала Шарлотта Фокс. Десять минут назад ей исполнилось тридцать девять лет.

Здесь, на Южной седловине, было очень холодно; на земле лежал тонкий слой свежего снега. После сна я почувствовал прилив сил, но все же еще не решил, как мне идти, с кислородом или без. На всякий случай я положил баллон

и маску к себе в рюкзак. Мы с Мартином Адамсом покидали четвертый лагерь в числе последних.

Цепочку клиентов и гидов замыкал Фишер. Было решено, что он будет подбирать отстающих. Лин Гаммельгард шла перед ним. Вскоре после выхода она оглянулась. «Я была просто счастлива, когда увидела, что он идет с кислородом. До этого я с трудом сдерживалась, чтобы не сказать ему: "Иди с кислородом или оставайся в лагере и руководи оттуда". Иначе все становилось слишком опасным. Но сейчас все было в порядке — он надел маску. Тогда я прибавила ходу и догнала основную группу... Выйдя из четвертого лагеря, я осознала, что никак не хочу оказаться на маршруте одна. Да, я не раз самостоятельно ходила по ледопаду на тренировочных выходах. Но теперь... я вдруг поняла, насколько ты сильнее, когда идешь с группой».

Глава 14

К ЮЖНОЙ ВЕРШИНЕ

Покинув четвертый лагерь, участники «Горного безумия» увидели перед собой длинную вереницу мерцающих огоньков — за полчаса до них на маршрут вышли клиенты Роба Холла, и их налобные фонари светились теперь в темноте. Холл повел на гору четырнадцать человек. Помимо него в группу входили двое гидов, восемь клиентов и четверо шерпов, включая альпинистского сирдара Анга Дорже. Букреев знал Анга по совместной работе — две недели назад они закрепляли перила на маршруте.

Гаммельгард не радовалась перспектива плестись в хвосте экспедиции Холла «Не спорю, команда у них была хорошая, но все они были в возрасте и шли медленно. Для своих сорока пяти или даже пятидесяти лет они были очень неплохо подготовлены, но передвигались все же слишком медленно». Другой участник «Горного безумия» сказал так: «С моей точки зрения, выход вслед за экспедицией Холла с последующим обгоном его клиентов при движении по перилам стоил нашим участникам двух лишних часов времени на подъеме».

Через два-три часа после выхода с Южной седловины участники «Горного безумия» стали понемногу обгонять клиентов Роба Холла. К четырем утра экспедиции перемешались: вслед за клиентами Холла шли клиенты Фишера и наоборот; кроме того, в их ряды затесалось и трое непрошенных попутчиков. Ими оказались Макалу Го и двое шерпов из руководимой им Тайваньской национальной экспедиции. К большому удивлению Холла и Фишера, Го решил выйти следом за их группой, очевидно, намереваясь попасть на вершину за компанию с более сильными альпинистами, которые протопчут следы и закрепят перильные веревки.

Часа два Букреев поднимался вместе с Адамсом, потом он пропустил его вперед. К этому времени они уже обогнали нескольких участников — как из своей экспедиции, так и из экспедиции Холла. Адамс вспоминал потом, что при выходе из четвертого лагеря он чувствовал апатию, ему казалось, что надолго его не хватит. Он сказал об этом Букрееву. Однако не зря Адаме так долго и усердно тренировался: кислород придал ему сил, и вскоре он почувствовал, что настал его день.

Перед рассветом первыми на маршруте поочередно шли трое участников экспедиции Роба Холла: шерпа Анг Дорже, гид Майк Грум и клиент Джон

Кракауэр. Джон был сотрудником журнала «Аутсайд»; его издание решило отправить своего журналиста на Эверест в составе экспедиции Роба Холла, нарушив предварительную договоренность с «Горным безумием». По словам Кракауэра, ему и двум его спутникам не раз приходилось надолго останавливаться. Дело было не в сложности маршрута — они подчинялись распоряжению Роба Холла. В первой половине ходового дня, до подъема на Балкон¹, дистанция между клиентами его экспедиции не должна была превышать ста метров. Кракауэр, привыкший к самостоятельным действиям, был недоволен тем, что приходилось идти с оглядкой на самых слабых участников. Тем не менее, он понимал, что обязан подчиняться решениям руководителя экспедиции, и, оставив личные амбиции, смирился с отведенной ему ролью оловянного солдатика.

* * *

Фишер и Холл как руководители коммерческих экспедиций принадлежали к двум различным направлениям в индустрии приключений. Представителей одного направления можно условно назвать сторонниками правил, представителей другого — сторонниками самостоятельных действий. Экстремальные мероприятия, утверждают сторонники самостоятельности, чрезвычайно сложны и опасны, предсказать с большой точностью их ход просто невозможно, поэтому не существует и четкой системы правил, которая охватывала бы все возможные случаи. Сторонники правил, напротив, считают, что, строго следуя многочисленным инструкциям, клиенты куда реже ошибаются; вообще, чем меньше им приходится принимать самостоятельных решений, тем лучше.

Сторонников правил часто обвиняют в нежелании брать на себя ответственность за возможный провал экспедиции. Стремление объять необъятное, утверждают критики, продиктовано прежде всего боязнью потерять репутацию или оказаться вовлеченными в судебное разбирательство. Странно, говорят они, что экспедиции, целью которых является расширение человеческих возможностей, столь тоталитарны по своей сути.

* * *

Кракауэр рассказывал впоследствии, что в половине шестого утра он вместе с Ангом Дорже поднялся на высоту 8 500 метров и вышел на Балкон. Из-за

¹ Балкон — это скальный выступ на юго-восточном ребре Эвереста, расположенный на высоте около 8 500 метров.

вынужденных простояв на тот момент они потеряли не меньше часа ходового времени. Наверху они сбросили рюкзаки и, усевшись на них, стали ждать.

Начиная с высоты 8 400 метров на склоне лежал глубокий снег, однако на моем темпе это сказалось несильно. До меня здесь прошли участники экспедиции Холла, и я теперь поднимался по их следам. Это было существенно легче, чем идти первым. На Балкон я поднялся примерно в шесть утра, как раз в тот момент, когда восходящее солнце раскрасило небо в изумительные цвета. Посмотрев на небо, на вершину Ахоцзе, расположенную на той же высоте, что и Балкон, я понял, что погода пока тревоги не вызывает.

Постепенно на Балконе стали появляться все новые участники всех трех экспедиций. Балкон представляет собой площадку размером с небольшой зал. Здесь альпинисты могут отдышаться, попить воды, сменить кислородный баллон. Те, у кого имеются силы, фотографируют окрестности. По словам Мартина Адамса, на этой высоте проходит черта между тем, что «с трудом можно себе представить» и тем, что «неподвластно воображению». Балкон находится уже в «зоне смерти» — там, где из-за холода и недостатка кислорода человек долго находиться не может. Любая задержка грозит оказаться роковой. Терять время здесь не менее опасно, чем играть с огнем на пороховом складе; смерть, правда, приходит не сразу, но столь же неотвратимо.

* * *

Клиенты «Горного безумия» считали, что к тому моменту, когда они окажутся на Балконе, перила уже будут провешены вплоть до самой вершины. Питтман вспоминала впоследствии: «Я слышала разговоры о том, что шерпы наших двух экспедиций должны были выйти на вершину не в полночь, как мы, а в десять вечера, чтобы закрепить веревки заранее».* Клев Шенинг соглашался с Питтман: «Я был уверен, что планировался именно такой сценарий».* Того же мнения придерживалась и Гаммельгард: «Я отлично помню, как Скотт нам сказал, что все перила будут провешены заблаговременно. Тогда клиентам не пришлось бы ждать».*

Большинство участников обеих экспедиций свидетельствуют в пользу того, что именно такой план был разработан их руководителями. Клиентам было сказано, что альпинистские сирдары Анг Дорже и Лопсанг Янгбу выйдут из четвертого лагеря намного раньше клиентов и закрепят все веревки, тогда

остальным участникам не придется простаивать в ожидании. Однако на деле все вышло по-другому. Ни Лопсанг Янгбу, ни Анг Дорже, ни другие шерпы заранее к вершине не вышли.

Позже, на разборе восхождения, Лопсанг Янгбу утверждал, что один из участников черногорской экспедиции² сказал, что «перила уже провешены, ничего делать не нужно».* Впоследствии Кракауэр в своих публикациях усомнится в правдивости этих слов. Он утверждал, что, во-первых, никому из гидов об отмене работ по закреплению перил сообщено не было. Во-вторых, Лопсанг Янгбу и Анг Дорже вышли на восхождение, неся в своих рюкзаках по 90 метров веревки. Абсурдное, по мнению Кракауэра, действие, в случае, если перила на маршруте действительно уже были.

Прочитав статью Кракауэра, кое-кто увидел в действиях Фишера и Холла злой умысел. Но, судя по всему, все обстояло куда прозаичнее. 9 мая Фишер появился в четвертом лагере только в половине шестого вечера. Очевидцы утверждают, что он смертельно устал. На горе бушевал ветер, безопасность клиентов и успех экспедиции были под вопросом, самочувствие тоже оставляло желать лучшего — в таких условиях Фишер, узнав от Лопсанга о перилах, мог поверить ему на слово и решить, что одной проблемой стало меньше. С Холлом, по-видимому, произошло нечто подобное. Отказываясь от такой версии событий, мы бросаем тень на обоих руководителей экспедиций. Ведь тогда получается, что они намеренно отменили более ранний выход шерпов, а также не сообщили своим гидам о том, что шерпы не выполнили намеченного задания. В результате неминуемо страдали и гиды, и клиенты; сама их жизнь оказывалась под угрозой. Скотт и Роб были очень разными, их взгляды на жизнь существенно различались, но на такое не пошел бы ни один из них. Не такими они были людьми.

Что же касается веревок, которые несли на гору Лопсанг Янгбу и Анг Дорже, то любой опытный альпинист ответит вопросом: «Почему нет?» Грамотный сирдар берет с собой альпинистскую веревку, исходя из тех же соображений, которые заставляют водителя класть в багажник запасное колесо. Всякое может случиться. Например, снегом занесет веревки или выяснится, что они плохо закреплены. Не исключено, что придется отклониться от обычного маршрута. Веревки могут потребоваться и при спасательных работах. В конце концов, и черногорцы могли что-то напутать.

² 9 мая экспедиция из Черногории выходила на штурм Эвереста, но вершины не достигла.

* * *

На высоте 8 600 метров восходителей ожидает скальный участок, беспрепятственно вскарабкаться на который могли бы разве что какие-нибудь неведомые существа с цепкими лапами. Для альпинистов в неуклюжих высотных костюмах здесь нужны перила. Они прокладываются отсюда вплоть до Южной вершины (8 748 м). После более чем часового ожидания Бейдлман сказал Букрееву, что пойдет наверх и проследит там за организацией перил. Тем временем все большее число участников скапливалось на площадке перед скалами.

Я согласился с Нилом. На мой взгляд, он принял правильное решение. Я предложил ему свой кислородный баллон. Сил мне хватало, к высоте я адаптировался хорошо и потому придумал, что смогу обойтись и без кислорода. Вообще-то я собирался на всякий случай держать свой баллон при себе. Но поскольку мы запаздывали, а Нилу предстояла тяжелая работа, я решил ему отдать свой кислород, и он согласился.

Бейдлман отправился к Лопсангу Янгбу и Ангу Дорже, за ним по пятам следовал Клев Шенинг. Прокладывая себе дорогу по свежесвыпавшему снегу, Нил обогнул скальный выступ и увидел Лопсанга. Тот стоял согнувшись; его рвало. Нил понял, что провешивать перила Лопсанг не сможет. Взяв веревки из его рюкзака, Нил стал вместе с Ангом Дорже закреплять их на пути к Южной вершине. Иногда им попадались надежные старые перила, иногда все приходилось делать заново. Это был изнурительный труд. Пока Бейдлман и Анг Дорже работали на маршруте, Букреев уже поторапливал клиентов. Пора было двигаться дальше.

Я всячески подгонял их, ведь на Балконе мы просидели больше часа и уже отставали от графика. Поднимаясь по перилам, я несколько раз останавливался, чтобы пропустить вперед клиентов. Я нарочно замедлял ход, надеясь, что встречу Скотта, но его все не было. Я не видел Скотта с момента выхода из четвертого лагеря, и теперь мне хотелось поговорить с ним. Я собирался обсудить с ним состояние наших клиентов и получить указания по поводу дальнейших действий. Общий план мне, конечно, был известен, однако обстоятельства изменились. Что мне делать — идти наверх или возвращаться? Прорываться к вершине или помогать здесь?

Подождав еще немного, я решил идти дальше. Я знал, что Скотт идет с кислородом, более того, он пользовался кислородом и накануне ночью,

поэтому я надеялся, что вскоре он меня нагонит. Тогда мы все и обсудим. Поднимаясь, я внимательно следил за нашими клиентами. Выглядели они хорошо, хотя шли и не слишком бодро.

В 9 часов 58 минут Бейдлман поднялся на Южную вершину; через полчаса там появился Мартин Адамс. Бейдлман считал, что экспедиция сильно запаздывает. «Мне это не нравится», — сказал он Адамсу.* Как вспоминал Адамс, они вдвоем просидели на Южной вершине часа полтора-два «Перила были одни, а участников очень много. Мне казалось тогда, что какой-нибудь медлительный клиент Роба Холла оказался впереди наших и те никак не могли его обогнать».

Тем временем один из участников повернул назад. Пятидесятилетный Франк Фишер, газетный издатель из Гонконга, а по совместительству клиент из альпинистской экспедиции Роба Холла, первым из восходителей решил отказаться от штурма. Оставшиеся семеро клиентов «Консультантов по приключениям» к половине одиннадцатого утра поднимались по перилам от Балкона к Южной вершине. Вперемежку с ними шли и все клиенты «Горного безумия» (за исключением Мартина Адамса), а также тайваньцы. Как выразился один из участников, «сам черт бы не разобрал, кто за кем тогда шел». Что касается кислорода, то даже при самом экономном расходе у участников экспедиции Фишера его оставалась сейчас всего на час-два. Причем заметим, что это был уже второй по счету баллон. Оставшиеся баллоны (третья порция), рассчитанные на шесть часов пути, еще не были доставлены наверх. Шерпы-носильщики находились где-то на полпути к Южной вершине.

Трое клиентов Холла—Джон Таск (56 лет), Лоу Кашишке (53 года) и Стюарт Хатчисон (34 года) — шли в самом конце. Еле-еле продвигались они вверх по перилам вслед за медлительными тайваньцами, которые мешали им выйти вперед. Клиенты Холла пытались оценить сложившуюся ситуацию, насколько им позволяло затуманенное недостатком кислорода сознание. Постепенно каждый из них стал склоняться к мысли повернуть обратно.

Лоу Кашишке рассказывал: «Я обогнал Джона, а потом увидел, что Стюарт, который шел впереди нас, почему-то идет нам навстречу. Мы с ним поговорили. Стюарт был убежден, что вскоре Роб повернет назад всю экспедицию, ведь было уже слишком поздно. Он сказал, что с такой толчеей на перилах нам никак не успеть до часа. Нам было назначено время начала спуска—час дня. Стюарт меня всячески убеждал. И еще я помню, как он... Нет, я толком ничего не могу припомнить. Я ему что-то ответил и отправился дальше, но вскоре все же решил возвращаться».

К половине двенадцатого я по-прежнему шел почти в конце этой очереди. Шел и шел... Я умею переносить трудности, знаю, как справляться с усталостью. У меня в этом большой опыт, ведь я марафонец. Я всегда считал себя очень выносливым. Я привык пересиливать себя, держаться до последнего. Но здесь подобные качества не всегда помогают, на высоте такое поведение даже опасно. Шаг за шагом я поднимался к вершине. Потом, поскольку я был самым последним на подъеме, я закрепился на веревке и опустился на колени, чтобы передохнуть — это было перед самой Южной вершиной. Мне страшно хотелось пить. Вода в моей фляжке замерзла, и я решил зачерпнуть снега прямо рукой. Конечно, не лучший выход, но мне уже было все равно. Я снял перчатку и увидел, что все пальцы у меня обморожены. Потом снял другую — то же самое. На самом деле я даже не удивился, поскольку давно подозревал что-то в этом роде. По-видимому, желание взойти на Эверест настолько переполняло меня, что на все остальное я просто не обращал внимания. Но теперь, когда я остановился и перевел дух, ко мне стало возвращаться ощущение опасности. Я неожиданно почувствовал, насколько я устал. Я посмотрел вниз. Ниже, с Балкона, открывались такие фантастические виды, каких я и представить себе не мог. А отсюда уже ничего не было видно — только какая-то пелена. Не могу сказать, чтобы погода начала портиться; нет, ничего подобного не было. Но погода менялась. Я спросил Лхакпу, нашего шерпу, сколько нам осталось до вершины. Было ясно, что мы уже близко. "Часа два", — ответил он. Я спросил, где мы, и он сказал, что примерно на высоте 8 700 метров. Я не мог представить, где же мы на самом деле. — мой мозг уже не в состоянии был переваривать такие числа. Я привык все измерять в футах и перевести метры в футы. Я был уже не способен. Но два часа! После этих слов во мне что-то оборвалось. Пройти еще два часа? Пожалуй, я смогу, я знаю, на что способен. Но сумею ли потом спуститься... Я подумал, что спуска уже не выдержу. Или все же как-нибудь выкручусь? Я привык к жестким условиям в спорте, я занимался очень серьезно. Но теперь... Я никогда этого не забуду — во мне как будто бы спорили два разных человека. Говорят, что на высоте альпинисты теряют способность логически мыслить, и все же оба моих внутренних голоса были вполне разумными. Один из них говорил: "Ну, давай же! Подумаешь, каких-то пару часов осталось. Иди наверх и достигнешь цели!" Другой голос предупреждал: "Лоу, если ты туда пойдешь, то назад уже не вернешься. А если каким-то чудом и выкарабкаешься, то останешься без всех пальцев". Я до сих пор удивляюсь, что послушался тогда своего второго голоса. Я сказал Лхакпе: "Скажи Робу, что я пошел вниз". Спускаться я стал не сразу, а постоял еще минут пять.

Возможно, слова Стюарта на меня и повлияли, но только на подсознательном уровне. Решение я принял сам. Мне стало ясно, что я не смогу дойти до вершины и вернуться полноценным человеком, не калекой.

В конечном счете можно сказать так: я отказался от восхождения потому, что не был уверен в том, что выживу и уж тем более сумею сберечь пальцы на руках и ногах. Помимо этого, в отличие от большинства моих товарищей, мне не нужно было восхождения любой ценой. Конечно, я хотел покорить вершину. Боже мой, как я об этом мечтал! Но... Я живу в Детройте. Я бы вернулся в Детройт и сказал: "Я покорил Эверест". Мне бы ответили: "Эверест, да? Здорово. Кстати, ты слышал, как вчера наши сыграли с «Питтсбург Пингвинз»?" Там никому нет дела до этих гор, они даже не знают, где они находятся. "Это что, самая высокая гора?" И кто-нибудь бы обязательно сказал: "Слушай, а разве ты там еще не был?" Словом, восхождение на Эверест не было для меня вопросом жизни и смерти. Успех здесь не стал бы для меня главным событием в жизни. И уж конечно, мне совершенно не грозило попасть на первые полосы газет. Известность, слава, популярность — все это было очень важно для некоторых участников. Не скрою, меня такие вещи тоже волновали, но... Желание добиться успеха не затмило моего сознания, и о своей безопасности я все же не забыл».

В одиннадцать часов сорок минут Лоу Кашишке, отказавшись от дальнейшего восхождения, начал спускаться. Стюарт Хатчисон и Джон Таек тоже пошли вниз. Для них штурм вершины закончился. Около полудня Кашишке увидел Скотта, идущего ему навстречу.

Лоу вспоминал потом: «Я сказал тогда Скотту, что решил спускаться. Забавно, но на тот момент я уже не думал, правильно я поступаю или нет, просто шел вниз. Скотт внимательно на меня посмотрел и ответил: "Ты абсолютно прав, Лоу".

Он был все тот же — Скотт, которого все мы так хорошо знали, — ясный взгляд, волосы были чуть в снегу. Весь он был прямо как с картинки, и этот белый снег, который запутался у него в волосах... Наша беседа заняла у нас от силы полминуты, а потом мы пошли каждый своей дорогой: я вниз, а Скотт — вверх».

Глава 15

ПОСЛЕДНИЕ СТО МЕТРОВ

На Южной вершине, которую от Эвереста отделяют лишь сто метров по вертикали, Адамс встретил удрученного Бейдлмана. «Не знаю почему, но он был крайне неразговорчив, похоже, в плохом настроении. Я сел, снял рюкзак и достал фляжку. Очень хотелось пить. Я предложил и Нилу. Он согласился, потому что у него вся вода замерзла».

Еще минут двадцать они молча просидели рядом. Потом Бейдлман встал и спустился к нише в скале чуть ниже Южной вершины, где можно было хоть как-то укрыться от ветра. Адамс последовал его примеру. Когда они устроились там, Бейдлман спросил Мартина: «Сколько у тебя осталось кислорода?» Адамсу пришлось снова достать свой рюкзак, потому что его манометр, как и у всех участников экспедиции, располагался на вентиле кислородного баллона. «Два литра, — ответил он. — А у тебя?» «И у меня два литра, — сказал Нил. — Но мне Толя дал еще один полный баллон».

Недовольство Адамса ходом восхождения постепенно переросло в нетерпение. Он не мог сидеть сложа руки. Даже в таком заторможенном состоянии Мартин ясно сознавал, что он сейчас растрчивал свой последний кислород.

«Я понимал, что иду ва-банк, но я все же сказал Нилу: "Пойдем! Дай мне свой полный баллон и пошли!" "Нет, — ответил Бейдлман. — Этот баллон я тебе не отдам". "Ладно, дай тогда мне свои два литра, — предложил я ему, — тогда у меня станет четыре, и можно будет идти дальше. Надо поскорее выбираться отсюда"». Бейдлман согласился, но с места мы так и не стронулись.

Тревога Адамса была вполне обоснованной. Он ожидал появления шерпов «Горного безумия», которые должны были внести на Южную вершину оставшийся кислород, но те никак не появлялись. Как вспоминал сам Адамс, в голове его крутилась одна и та же фраза: «Когда же, наконец, наши дела наладятся?» А время все шло.

Уже на подходе к Южной вершине я пропустил вперед Тима Мадсена. БЫЛО радостно видеть, как он, благодаря кислородной поддержке, бодро двигался по перилам. На Южной вершине я застал Мартина, Нила, Анга Дорже, Тима и еще нескольких участников. Все они словно замерли. Казалось, у них не было ни малейшего желания идти дальше. Погода стояла ясная и солнечная, так что, несмотря на начинавшийся ветер, в пуховых куртках всем

было тепло. После долгого и утомительного подъема силу альпинистов побавилось, и никому не хотелось спешить.

Прошло больше часа после того, как Адамс поднялся на Южную вершину, когда появился первый носильщик-шерпа. Адамс подошел к нему и забрал свой третий, последний, кислородный баллон. Отбросив уже почти полностью израсходованный второй баллон и тот, который достался ему от Бейдлмана. Адамс подключил кислородную маску к новому полному баллону. Дышать сразу стало легче. Теперь у Мартина кислорода было еще как минимум на шесть часов. Более чем достаточно, как полагал он, чтобы взойти на вершину и спуститься в четвертый лагерь. На этот раз практичный и рассудительный Адамс ошибся в своих расчетах. В действительности все вышло по-другому.

Отдыхая, я огляделся вокруг. Анг Дорже выглядел очень уставшим. Остальные шерпы тоже еще не были готовы отправиться наверх. Хотя согласно предварительному плану именно шерпы должны были закрепить перила на ступени Хиллари.

Скотт до сих пор не появился. Сидя здесь, на Южной вершине, я пытался представить, где бы он мог быть. Кто знает, может быть, кого-то из наших клиентов вскоре придется отправить вниз, но как это сделать без Скотта? Я считал, что сам не вправе принимать такое решение. Они заплатили большие деньги и доверились ему, а не мне.

Адамс, который знал Букреева лучше, чем все остальные клиенты, считал, что тот, даже при желании, вряд ли сумел бы отправить клиентов вниз. Но на это, по мнению Адамса, был вполне способен Бейдлман. «Конечно, решение далось бы непросто. Но я думаю, что возьми тогда Бейдлман руководство на себя, все бы его послушались. Хотя, возможно, кое-кто и не согласился бы».

«Кое-кто» точно бы не согласился. Гаммельгард рассказывала, что ее настрой в тот день не сломили бы никакие уговоры. «Выходя наверх, ты понимаешь, что сильно рискуешь. Ты прекрасно знаешь, что можешь не вернуться назад. Это чертовски опасно, но ведь мы же сами ввязались в эту игру. Опасную игру, не спорю, но ведь она-то нам и нужна. Иначе всем нам была бы грош цена». Впрочем, Гаммельгард сказала, что если бы о возможных назначениях ей рассказали заранее, она бы подчинилась новому руководителю. «Да, мы были в одной команде. Если бы мы вместе договорились о правилах, я бы их придерживалась. Какие бы они ни были». Но сама Лин утверждала, что ничего не слышала о времени возвращения при штурме: «Нам только однажды установили

такое время — это было при первом прохождении ледника Кхумбу. Тогда мы все согласились с этим и в контрольный срок уложились».

* * *

За полтора месяца до восхождения в одной из американских газет появилась статья журналиста Брюса Баркота, посвященная Фишеру. В ней он, в частности, описал подход Скотта к выбору времени возвращения: «У каждого альпиниста есть свой стиль поведения в горах и свои правила выживания, которым он неукоснительно следует на восхождении. Для Фишера это так называемое правило двух часов. Если уже два часа дня, а ты еще не достиг вершины, то пора идти вниз. Темнота альпинисту не товарищ».

При штурме вершины Фишер не установил для своей экспедиции никакого времени возвращения. Он ни разу не сказал: «Если в час X ты еще не достиг высоты Y, то надо поворачивать назад». Вместо этого они вместе с Бейдлманом и Букреевым разработали следующую простую тактику, которая нередко использовалась и на *более* ранних стадиях экспедиции. Высотный сирдар «Горного безумия» Лопсанг Янгбу, Бейдлман и Букреев должны были попеременно вести за собой группу. Сам Фишер собирался идти в арьергарде и, нагоняя отставших, отправлять их вниз. В случае каких-то осложнений он мог связаться по радию с Лопсангом. Планировалось, что Лопсанг всегда будет находиться в голове группы. Ни у Бейдлмана, ни у Букреева радиий не было.

Холл, в отличие от Фишера, контрольное время назначил. Некоторые из его клиентов считали, что таким временем был час дня, а некоторые — что два часа. Были и те, кто считал, что точное время возвращения им будет объявлено во время штурма

Прождав почти час на Южной вершине, я понял, что никто ничего делать не собирается. Тогда я переговорил с Нилом. Мы решили вместе провести перила до вершины. Я принялся было откапывать из-под снега старые веревки на гребне, но потом решил, не теряя времени, пойти вперед, к ступени Хиллари, оставив этот участок другим гидам или шерпам.

Ступень Хиллари — это вертикальный выступ на юго-восточном ребре Эвереста, имеющий форму скальной башни высотой около десяти метров. Эта ступень настолько значительна, что клиенты «Горного безумия» могли разглядеть ее в свои телеобъективы еще в Тянгбоче. К подножью этой ступени

альпинисты попадают после двенадцати часов движения на головокружительной высоте. Почти обессиленные, делающие по три вдоха на каждом шаге, восходители вдруг обнаруживают перед собой крутой вертикальный участок. При виде этого зрелища усталые альпинисты часто падают духом, и не случайно именно здесь многие решают повернуть обратно.

Это препятствие мне было известно. В 1991-м году я уже совершал восхождение по нашему нынешнему маршруту и прошел ступень Хиллари в одиночку, без веревки. Но для этого нужен серьезный альпинистский опыт, поэтому, чтобы обезопасить клиентов, нам надо было провесить здесь перила. Нил стоял внизу и страховал меня веревкой, которую взял у шерпов. Я поднялся наверх и закрепил веревку на станции, оставленной одной из предыдущих экспедиций.

Вскоре после того, как я установил перила, наверх поднялся Нил, а за ним Энди Харрис, гид Роба Холла, и Джон Кракауэр — один из самых сильных его клиентов.

Решив прокладывать маршрут дальше, Букреев оставил один участок необработанным. Он полагал, что идущие следом провесят там перила для клиентов. Но Харрис с Кракауэром, поднявшись сами, не закрепили ни одной веревки. Таким образом, они оставили без страховки «самый оголенный», по словам Адамса, участок маршрута. «Клиентам приходилось идти траверсом в одиночку по пути, где стоило лишь оступиться, чтобы улететь прямо на тот свет».

Преодолев ступень Хиллари, Кракауэр достал из своего рюкзака веревку, которую он забрал внизу у Анга Дорже. Альпинисты обсудили, как идти дальше. После ступени Хиллари на плавно поднимающемся юго-восточном ребре находится небольшой снежный наддув. Поскольку ветер все усиливался, было решено здесь также провесить перила. Видя, что среди оставшихся есть кому этим заняться, Букреев счел более важным проложить путь к вершине и снова отправился наверх.

Когда Букреев ушел, Кракауэр, который боялся, что кислорода на весь путь ему не хватит, рассказал о своих проблемах Бейдлману. Кракауэр спросил, можно ли ему «поспешить наверх», предоставив Нилу самому закреплять перила Нил согласился. «Я сказал ему: "Все нормально, иди". Потом я размотал веревку. За мной шел Мартин Адамс. Я попросил его помочь с веревкой: надо было закрепить ее на станции. Он так и сделал, и я вышел наверх. Пройдя всего шесть или семь метров, я увидел, что веревка запуталась в камнях. Мартин

помог мне ее освободить, и я двинулся дальше. Дойдя до фирнового крюка, я пропустил через него веревку и пошел еще выше. На оставшихся сорока или даже пятидесяти метрах мне не удалось найти ни одной точки, где можно было закрепить веревку.»*

Бейдлман не нашел места, чтобы привязать веревку. Опасаясь, как бы клиенты случайно не пристегнулись к незакрепленной веревке, он сбросил свободный конец с гребня вниз, в тибетскую сторону. Таким образом, перилами оказалось провешено менее половины изначально запланированного участка.

В семь минут второго Букреев поднялся на вершину Эвереста, испытывая не радость победы, а лишь облегчение. Необходимо было как можно раньше довести клиентов до вершины, чтобы они успели на оставшемся кислороде спуститься до четвертого лагеря. Семь минут второго — было уже очень поздно. Букреев надеялся оказаться на вершине гораздо раньше. Впрочем, если бы клиенты поторопились, еще можно было надеяться на успех. Грань была близка, но еще не перейдена. Трагедии не произойдет, если кислород у участников закончится перед самым четвертым лагерем — на спуске небольшое расстояние можно пройти и без кислорода. Но при таком раскладе слишком многое зависело от везения.

Через пять минут после Букреева по его следам поднялся Кракауэр. Вскоре за ним появился и Харрис. Бейдлман, поднимавшийся следом за Харрисом, по словам Адамса, «немного медлил». «Он попросил меня повернуть вентиль на его баллоне, после чего мы продолжили путь к вершине. Когда оставалось совсем чуть-чуть, он снова попросил прибавить кислорода. Тогда я открыл вентиль уже на полную мощность».

В двадцать пять минут второго Бейдлман и Адамс взойшли на Эверест, пропустив спускавшихся вниз Кракауэра и Харриса. Кракауэр, в отличие от Бейдлмана, шел сейчас на втором по счету баллоне. Крайне обеспокоенный малым запасом кислорода, он поспешил вниз. Удача с легкостью могла ускользнуть от него, едва живительный газ в баллоне будет израсходован до конца.

В час сорок пять на финишной прямой показался Клев Шенинг. Осталась фотография, где Букреев запечатлел его на вершине Эвереста. Клев стоит у треножника, символизирующего высшую точку планеты. Руки подняты в ликованиях, на глазах слезы.

После Шенинга движение у вершины прекратилось. Было уже два часа, но никто на предвершинном взлете больше не появлялся. Букреев забеспокоился.

Все наши участники, поднявшиеся на вершину, выглядели хорошо. Они были в безопасности, поэтому о них я не очень волновался. Непонятно было, куда же запропастились все остальные. Прошло уже пятнадцать минут после прихода Клева, но никто из них не появился.

Но они поднимались. И далеко внизу, во втором лагере, за ними наблюдали встревоженные альпинисты. В это время там было несколько экспедиций, готовившихся в ближайшие дни также выйти на штурм Эвереста. Эд Вистурс из ИМАКС-экспедиции вместе с другими восходителями внимательно следила за происходящим на горе в подзорную трубу. Было уже два часа дня, а между Южной вершиной и ступенью Хиллари еще виднелись альпинисты, идущие вверх! «Мы видели их на этом участке. Они стояли или шли, но очень медленно, а вершину уже затягивала дымка облаков. «Боже мой, — подумал я, — ведь уже так поздно! Они просто лезут на рожон». Не в том только дело, что скоро должен был закончиться световой день, но... У них кислорода было всего на восемнадцать часов. Пусть за двенадцать часов они выйдут на вершину, тогда на спуск останется всего шесть часов. Я боялся, что им не хватит не только светлого времени суток, но и кислорода».

Генри Тодд из «Гималайских гидов» также находился во втором лагере и внимательно следил за передвижением альпинистов выше Южной вершины. Вместе с ним там был Мал Даф и еще человек двадцать из его команды. Все они обсуждали происходящее на маршруте. В это время к Тодду, обеспокоенному происходящим на маршруте, подошли крайне возбужденные шерпы. По его словам, они «стали городить какую-то чушь про звезду». Генри сначала не понял, о чем речь, а потом шерпы показали ему на звезду, среди белого дня висевшую над Южной вершиной. «Знаете, я пока еще в своем уме. Звезда действительно там была», — сказал после Тодд¹.

«Плохо дело, плохо», — повторяли шерпы. Тодд не мог с ними не согласиться и связался по радиации с базовым лагерем Роба Холла. «Какое у вас установлено время возвращения?», — спросил он. «Два часа», — ответили ему. Был уже не два и даже не три часа...

Тодд со своим богатым высотным опытом прекрасно понимал, какие эмоции владели сейчас участниками. «Ты идешь выжатый как лимон. Ты не способен логически мыслить. Тебе кажется, что как-нибудь да выкарабкаешься».

¹ Когда мы обратились за объяснениями к астрономам, они сказали, что в тот момент на данном участке небосвода никаких небесных тел не наблюдалось. Комета Гекутак исчезла из зоны видимости уже давно.

* * *

Адамс, как и Кракауэр, осознавал, что уже превысил допустимый расход кислорода. Поэтому он не стал задерживаться на вершине. «По моим воспоминаниям, я провел там минут десять-пятнадцать. Сделал несколько снимков Толиным фотоаппаратом, помог ему развернуть флаг Казахстана, а Нил сфотографировал нас вокруг этого флага. Потом я сказал: «Все, ребята, я пошел вниз». А потом встал и начал спускаться». Вскоре за ним последовали Букреев и Шенинг.

На вершине я пробел около часа. Ни у меня, ни у Нила не было рации, и мы не знали, что происходило внизу. Я подумал, что у клиентов могли возникнуть сложности на ступени Хиллари, и решил идти вниз. В два часа, может чуть раньше, я стал спускаться. Уходя, я нагнулся, чтобы взять с собой пару камешков на память. На земле что-то блеснуло. Это была индийская монета в пять рупий. «На счастье», — подумал я и, сунув ее в карман, пошел вниз.

Глава 16

СПУСК

На обратном пути к ступени Хиллари Мартину Адамсу пришлось разойтись с целой вереницей восходителей. Там были и клиенты Холла, и все оставшиеся участники экспедиции Фишера: Шарлотта Фокс, Лин Гаммельгард, Сэнди Хилл Питтман и Тим Мадсен. С ними шли четверо шерпов «Горного безумия», включая Лопсанга Янгбу. Как вспоминал Мартин, проходя мимо, они почти ничего не сказали ему. Последние метры до своей цели участники преодолевали уже «на автомате».

Через несколько минут после начала спуска я увидел группу альпинистов, идущих друг за другом по направлению к вершине. Еще двое шли отдельно, на небольшом расстоянии от остальных. Одного из них я принял за Скотта. Поскольку мне было очень нужно обсудить с ним создавшееся положение, я подошел к этому альпинисту. Уже начав что-то объяснять, я вдруг понял, что это не Скотт, а Роб Холл. Он шел к вершине вместе с одним из своих клиентов. Я спросил его, как дела, не нужна ли им помощь, — ведь я собирался идти вниз. Роб ответил, что все в порядке, и поблагодарил меня за установку перил.

Расставшись с Робом, я увидел в основной группе наших участников. Мою радость от встречи с ними омрачало сознание нависшей опасности. Ведь они гили уже почти четырнадцать часов, имея кислорода всего на восемнадцать часов. Даже при грамотном расходовании сейчас у них его оставалось часа на четыре, не больше. Если учесть, что до вершины еще было около получаса ходу, то становилось ясно, что нашим участникам «кислородного времени» на спуск к четвертому лагерю почти наверняка не хватит.

* * *

Наверху ступени Хиллари (в каких-то трех-пяти метрах от ее края) Мартин Адамс встретил Харриса и Кракауэра: «Они резвились, смеялись и ликовали, нимало не заботясь о том, что происходило вокруг». Адамс прошел мимо, не останавливаясь: «У меня не было ни малейшего желания заниматься таки-

ми глупостями, поэтому я пошел прямо к перилам, закрепленным на ступени Хиллари». Только одно заботило тогда Мартина — как ему побыстрее добраться до лагеря. Все остальное не имело значения. Весь сегодняшний день состоял из сплошных недоразумений, которые без конца его задерживали. Устав тащиться за еле идущими участниками, на спуске Мартин сумел наконец-то вырваться вперед.

Он пристегнулся к перилам и собрался было съезжать по веревке, но тут решил для проверки посмотреть вниз. «Там, на ступени Хиллари, я увидел трех альпинистов, поднимающихся по перилам, — рассказывал Адаме. — "Боже мой, — подумал я, — опять ждатель"! Потом я присмотрелся получше. — Первым шел шерпа, потом Макалу Го, а за ним, за ним поднимался Фишер! Я был поражен. Весь день я даже не задумывался, где идет Фишер, у меня это просто вылетело из головы. И вот он здесь — я не верил своим глазам. Мне показалось тогда, что все наши проблемы были именно из-за этого. Скотт был нужен совсем в другом месте».

Поднимаясь на жумаре, Скотт посмотрел наверх и увидел Адамса. «Эй, Мартин, ты не забыл, что мы идем на Эверест?» Адамсу показалось, что Фишер хотел его приободрить. «Скотт думал, что я еще только иду на восхождение, и хотел поддержать меня. Он сказал мне: "Давай, давай, сейчас мы вместе туда заберемся"». «Я только что оттуда!» — крикнул Мартин ему в ответ.

Шедшие перед Фишером шерпа и Макалу Го передвигались очень медленно. Видя это, Адамс предложил Скотту перейти на скальное ребро сбоку от перил и подняться по нему свободным лазанием. «Там встречались небольшие технические сложности, но я подумал, что для Скотта это несущественно. Он мог подняться по скале и сэкономить много времени».

Фишер подошел к скальному участку, на который ему указал Адамс, посмотрел наверх и вернулся на перила. «Может, рельеф ему показался слишком открытым, не знаю. Как бы то ни было, Фишер остался, где и был. Наверное, он сделал правильно».

Пока Адамс убеждал Фишера как можно быстрее выбираться наверх, к нему подошел Букреев. Анатолий прошел мимо Харриса и Кракауэра и присел на камень рядом с Мартином. Он внимательно смотрел на небо, пытаясь разобраться, что будет с погодой. Букреев заметил собирающиеся облака и усиливающийся ветер, но непосредственной угрозы пока не было.

* * *

В то время, когда Букреев и Адамс ждали Фишера у ступени Хиллари, Бейдлман все еще находился на вершине. Он был «очень обеспокоен и сильно нервничал». Так рассказывал сам Нил: «Конечно, я хотел спуститься гораздо раньше, еще с Мартином и Клевом. Но лишь только я собирался идти вниз, как на горизонте появлялся еще кто-нибудь, еще одна группа, идущая к вершине. Там были и наши клиенты. Меня очень удивляло все это. Я-то думал, что либо они сами давным-давно решили вернуться в лагерь, либо их кто-нибудь туда отправил. Мне казалось, что я не имею права покидать вершину, не дождавись их всех. Они были так близко».*

Четверо клиентов «Горного безумия», которых встретили на спуске Букреев и Адамс, взошли на Эверест между двумя часами пятнадцатью минутами и половиной третьего. Это были Мадсен, Фокс, Гаммельгард и Питтман. Вместе с ними на вершину поднялся и шерпа Лопсанг Янгбу. Последние метры до вершины дались Питтман нелегко. На пути к украшенному флажками треножнику, стоящему на самой высокой точке земли, у нее закончился кислород. Третий, последний, баллон, взятый ею на Южной вершине, был пуст. Скорее всего, поднимаясь, она расходовала кислород больше положенного. К счастью, рядом оказался Лопсанг Янгбу. Увидев, в каком плачевном состоянии она находилась, он достал из своего рюкзака баллон, который нес с момента выхода из четвертого лагеря, и отдал его Питтман.

В тот день Фишер не подобрал никого из отстающих. Да и как иначе, если после того как еще в начале дня Гаммельгард ушла от него вперед, он так и не нагнал ни одного из своих участников. К половине третьего все восходители уже побывали на «крыше мира», и теперь им надо было спускаться. Догонять уже было некого: покорителям Эвереста следует идти только вниз. Но никто не покинул вершину до десяти минут четвертого. Сорок минут восторга, слез и радостных объятий, снимков на память и взаимных поздравлений. Сорок минут светлого времени суток, сорок минут кислорода было потрачено впустую.

* * *

Адамс вспоминал, что, когда Фишер, преодолев ступень Хиллари, наконец-то поднялся, самому Мартину хотелось только одного — пристегнуться к перилам и съехать вниз. Но, помня, что Харрис и Кракауэр первыми появились на месте, Адамс спросил их, не хотят ли они сейчас спускаться. С благодарностью,

как сказал потом Мартин, они приняли предложение и отправились вниз по перилам.

Вскоре Адамс последовал за ними, а тем временем, в ожидании, пока освободятся веревки, Букреев переговорил с Фишером. На часах было около половины третьего.

Мы побеседовали со Скоттом, когда он отдыхал после подъема. Я спросил его про самочувствие; он ответил, что очень устал и что ему тяжело далось это восхождение.

Интуиция подсказывала мне, что сейчас самым разумным для меня было как можно быстрее спуститься в четвертый лагерь. Оттуда я мог помочь нашим клиентам, если им потребуется еще кислород. Там же я мог их встретить, напоить горячим чаем¹. При встрече с Фишером я чувствовал уверенность в своих силах и знал, что если сейчас быстро спущусь, то потом смогу сделать все, что потребуется. Из четвертого лагеря хорошо просматривался наш маршрут, и я мог следить за ситуацией на горе.

Я высказал свои соображения Скотту. Он точно так же оценивал обстановку, и мы решили, что я пойду вниз. Вновь взглянув на небо, я не заметил причин для беспокойства.

Засидевшиеся на вершине клиенты «Горного безумия» тоже не испытывали особой тревоги по поводу погоды. «Когда я находился на вершине, — вспоминал Клев Шенинг, — там был сильный ветер. Мне не показалось, что он усиливался. Ни снега, ни признаков ухудшения погоды я не заметил».* Сэнди Питтман также не была обеспокоена погодой. Гораздо сильнее ее волновало время, — было уже поздно. «Приближения непогоды не ощущалось. Куда Больше меня тревожило то, что мы сильно опаздывали. У нас не было никакого контрольного срока, поэтому я могла полагаться только на рассказы тех, кто был здесь раньше. Они называли мне примерное время, когда нужно поворачивать назад. Мне было страшно именно из-за того, что мы отставали от графика, а о погоде я почти и не думала».*

Лин Гаммельгард, напротив, не разделяла благодушия своих спутников. - Перед спуском к ступени Хиллари я заметила, что снизу, из долин, поднималась какая-то белесая мгла, а ветер на вершине усиливался».* На глазах Гам-

¹ Букреев считал, что все семеро шерпов «Горного безумия», находившиеся в четвертом лагере, вышли на восхождение. Именно так распорядился Фишер. Но, не сказав ничего об этом ни Фишеру, ни Букрееву, Лопсанг Янгбу решил сделать по-своему. Одному из своих шерпов, Пембе, он велел остаться в лагере и встречать возвращающихся альпинистов.

мельгард рождался ураган, который спустя несколько часов обрушился на нее и других участников. Неподготовленными и беззащитными застал он альпинистов на самом опасном этапе их сегодняшнего испытания — спуске.

* * *

Миновав ступень Хиллари, Адамс пошел дальше вниз, вдоль снежных карнизов на Южном ребре. Перед самой Южной вершиной он заметил что-то торчащее из-под снега. «Я шел траверсом и вдруг заметил лежащего Кракауэра. Руками он держался за головку ледоруба, вогнанного в снег. Видимо, это была его самостраховка, чтобы не сорваться вниз. Я не знал, как мне лучше поступить, поскольку мы оба не были пристегнуты к перилам²».

Кракауэр, как и Питтман, истратил весь свой кислород. Его баллон был пуст.

Непосредственно за Адамсом шел Букреев. Подойдя, он легонько подтолкнул Адамса, приговаривая: «Давай, давай, быстрее вниз». Букреев не хотел, чтобы Адамс задерживался здесь. Через несколько минут подошел и Клев Шенинг. Он так описывал ситуацию: «Подходя к Южной вершине со стороны ступени Хиллари, я увидел Джона Кракауэра. Ему было плохо, поэтому я остановился рядом. Помочь ему я никак не мог, у меня для этого ничего не было. Но я решил подождать, пока им займутся, потому что знал, что один из гидов экспедиции Холла шел впереди него, а второй—чуть сзади».*

Кракауэру, как и Питтман чуть раньше, повезло—в его экспедиции нашелся человек, который помог ему справиться с бедой. Это был Майк Грум, поднявшийся на вершину после Адамса, Бейдлмана и Клева Шенинга, вместе с четырьмя остальными клиентами «Горного безумия». Майк самоотверженно отдал свой личный баллон Кракауэру. Тот его принял, считая, что «особых проблем у Майка это не вызовет». Спустя несколько минут Кракауэр уже был на Южной вершине, куда шерпы Роба Холла принесли дополнительный кислород. «Схватив полный баллон, — пишет Кракауэр в своей книге³, — я подключил его к своей маске и поспешил вниз».

² Кракауэр лежал чуть ниже ступени Хиллари, как раз на том участке маршрута, который остался необработанным.

³ «В разрезанном воздухе», с. 188.

* * *

Когда Кракауэр уже убирал свой третий баллон в рюкзак, Бейдлман и его клиенты только начали спуск с вершины. По воспоминаниям Нила, тогда же появились первые признаки недомогания у Питтман. «Когда мы добрались до ступени Хиллари, я шел за Сэнди. Из всей нашей компании она была в худшем состоянии. За мной шли Шарлотта, Тим и Лин. Вниз со ступени свисала целая паутина веревок и обрывков репшнуров. Сэнди никак не могла понять, куда ей пристегиваться, она и ноги-то переставляла с трудом. Сначала мы попробовали отправить ее вниз по перилам на спусковом устройстве, но ветер так переплел все веревки, что мы были вынуждены отказаться от этой идеи. Тогда ей пришлось с нашей помощью "съехать" вниз, держась рукой за перила. Она добралась до конца гребня, и тогда я оглянулся назад. Остальные участники спускались нормально, и я за них не очень беспокоился».*

Когда Бейдлман, Фокс, Мадсен, Питтман и Гаммельгард спустились на Южную вершину, они увидели, что там «обосновался» Клев Шенинг.* Клев поочередно проверял валявшиеся повсюду использованные баллоны в поисках остатков кислорода. Он вспоминает, что Бейдлман взглянул на него и сказал: «Что ты тут расселся? Быстрее вниз».*

«Мне кажется, — рассуждает Клев, — как раз тогда Бейдлман осознал, насколько опасным становилось наше положение. Возможно, что он уже заметил и надвигающуюся непогоду. Тогда я понял, что земля подо мной горит, и стал торопиться изо всех сил. По-моему, я отправился вниз сразу после появления Бейдлмана».*

* * *

Шерпы из экспедиции Фишера внесли на Южную вершину десять баллонов с кислородом. По одному на каждого клиента, еще по одному на спуск для Фишера и Бейдлмана. Два оставшихся, по всей вероятности, составляли тот резерв, на котором настоял Букреев; эти два баллона Фишер согласился оставить здесь для Анатолия.

Поскольку участники сильно запаздывали еще на подъеме, то все, кроме Бейдлмана, подключили свой третий баллон при штурме вершины. Бейдлман использовал тот баллон, который дал ему на Балконе Букреев. Этот баллон Анатолий нес в своем рюкзаке с момента выхода из четвертого лагеря.

Таким образом, когда Бейдлман с клиентами оказались на Южной вершине, их запас должен был составлять три полных баллона⁴ плюс то, что могло остаться в использованных баллонах, которые участники оставили здесь при подъеме. Но Бейдлман не нашел того, что ожидал. «Кислорода почему-то осталось сильно меньше положенного. Был только один полный или почти полный баллон. Мы нашли еще несколько полупустых баллонов. Полный баллон, насколько я помню, мы дали Лин».*

Сам Бейдлман взял неполный баллон. Осталось неясным, брали ли кислород остальные участники. По крайней мере двое клиентов, Шарлотта Фокс и Мартин Адамс, утверждают, что они ничего больше не брали.

Как рассказывал Адамс, он «пришел на Южную вершину раньше всех остальных клиентов. Я спустился к той нише в скале, где мы с Нилом укрывались от ветра утром. Там сидел Энди Харрис, который копался в огромной куче старых баллонов (их там было штук двадцать, не меньше). Думаю, что он искал остатки кислорода. Я прошел мимо. Там уже не было баллона с подписью "Мартин Адамс", поэтому мне там искать было нечего. Я спешил вниз».

Вскоре после Южной вершины Адамса обогнал Букреев. Быстрым шагом он шел вниз. «Я спускался по гребню, когда со мной поравнялся Анатолий, — вспоминал Адамс. — Я шел хорошо, проблем у меня не было. Толя внимательно посмотрел на меня, понял, что все нормально, и пошел дальше. Для меня это был привычный расклад: Толя, как всегда, уходит вперед, а я продолжаю свой путь».

Через пятнадцать минут после Южной вершины, (было около сорока минут четвертого), когда я шел по перилам, видимость стала ухудшаться. Ветер нес переметный снег, который засыпал маршрут. Тем не менее, пока я мог спокойно спускаться и четко видел внизу четвертый лагерь.

Придя на Балкон, я был очень удивлен. Там находился какой-то альпинист, который спросил меня, где сейчас Роб Холл. В ответ я поинтересовался его личным самочувствием. «Все в порядке, — сказал он, — Но где же Роб Холл?» Мой собеседник очень сильно замерз, как будто уже обморожен, и с трудом мог разговаривать. Я ему рассказал, что видел Роб на вершине, и что через час-два Роб должен был сюда подойти. Я беспокоился и за этого

⁴ Два баллона «про запас», которые Букреев оставил на месте нетронутыми, и третий баллон Бейдлмана, который тот не взял на восхождение, потому что шел с баллоном, отданным ему Букреевым.

человека⁵, и за своих клиентов. Посмотрев на Южный гребень, я среди облаков разглядел на скалах, на высоте около 8 500 метров, спускающегося альпиниста. «Отлично, — подумал я, — это, должно быть, Энди Харрис (гид "Консультантов по приключениям"), который сейчас подойдет и позаботится о своем клиенте».

Букреев продолжил спуск, внимательно следя за погодой. По его словам, она оставалась «вполне нормальной для Эвереста. Серьезной опасности для спускавшихся не было, и весь наш путь четко просматривался».

⁵ Этим человеком был Бек Уитерз, врач из Далласа (штат Техас). У него начались проблемы со зрением, и Холл не разрешил ему подниматься дальше. На момент встречи с Букреевым Бек провел на Балконе уже более восьми часов, ожидая, пока кто-нибудь из «Консультантов приключениям» поможет ему спуститься вниз.

Глава 17

СНЕЖНАЯ СЛЕПОТА

В первый раз экспедиционный врач Ингрид Хант связалась по рации с восходителями примерно в шесть часов утра. С тех пор до базового лагеря лишь изредка доходили сообщения от альпинистов «Горного безумия». В три часа сорок пять минут пополудни Фишер с вершины Эвереста сообщил Хант о том, что все клиенты взойшли на гору. Поздравив Скотта, Хант спросила его о самочувствии. «Боже, как я устал», — ответил он. Понимая, что восхождение недопустимо затянулось, Ингрид передала в эфир: «Немедленно вниз».*

Встревоженная состоянием Фишера, Хант связалась с Лопсангом. Они решили провести еще один сеанс связи в шесть вечера. Но не прошло и часа со времени их разговора, как ситуация на горе кардинально изменилась. «В половине пятого вечера, — рассказывала доктор Хант, — в базовый лагерь «Горного безумия» спустились люди из экспедиции Роба Холла «Нам нужно отправить кислород на гору. Кто-то из ваших клиентов лежит без сил на ступени Хиллари. С ним сейчас Роб Холл». Роб Холл послал в свой базовый лагерь следующее радиосообщение: «Я нахожусь рядом с этим парнем. Он лежит над ступенью Хиллари».*

Ингрид Хант тут же начала действовать. «Мы делали все, что в наших силах, чтобы доставить кислород на гору. Я поговорила с Пембой и попросила его снова связаться с Лопсангом или с кем-нибудь из наших. Я спросила, не мог ли Пемба сам отнести кислород наверх, но Пемба ответил, что из-за плохой погоды наверх ему идти не хочется¹».*

Бейдлман, без сомнения, пришел бы помочь, узнай он о произошедшем, но у него не было рации. Поэтому он, ничего не подозревая, продолжал спуск. «Перейдя через Южную вершину, я начал спуск по перилам. Тут я увидел Шарлотту, которая, как-то странно улыбаясь, склонилась над Сэнди. В руке у нее был пустой шприц, которым она размахивала, чтобы привлечь мое внимание... Я спустился к ней. Шарлотта сказала, что только что ввела Сэнди дексаметазон, потому что Сэнди стала терять сознание».*

¹ Хотя Пемба и участвовал в предыдущих экспедициях на Эверест, его высотный опыт был невелик. В 1994-м году он работал поваренком в базовом лагере. За всю свою жизнь выше четвертого лагеря он никогда не поднимался.

Дексаметазон — это стероид, который снижает отек головного мозга и препятствует развитию высотной пневмонии. В индивидуальных аптечках, имевшихся у каждого из участников экспедиции, лежало по одной инъекции этого препарата. Доза была рассчитана специально для введения прямо на маршруте. Таким шприцем и воспользовалась Шарлотта Фокс.

Оценив ситуацию, Нил тут же стал «соображать, как поставить Питтман на ноги».* Проверив ее баллон, он увидел, что кислорода там осталось меньше чем на час. Как раз в этот момент к ним подошла Гаммельгард. Бейдлман, помня, что на Южной вершине она взяла полный баллон, предложил ей поменяться баллонами с Питтман.

Гаммельгард после некоторых раздумий согласилась. «Я понимала, что обстановка стала предельно серьезной. Шутки кончились. Дела пошли слишком плохо, и я это прекрасно осознавала... Я была сильнее, поэтому и отдала свой кислород. Конечно, получалось глупо: у нас оказалось сразу два участника без кислорода вместо одного. Но раз уж мы все в одной команде, то по-другому нельзя: если у тебя осталось больше кислорода, чем у другого участника, и тому плохо, то ты должен с ним поделиться».

Как рассказывала Гаммельгард, они возвращались с вершины как одна дружная команда, «где все помогали друг другу и действовали ответственно. Нил делал все как надо; все, что только было возможно в такой ситуации. Я, Клев или Тим поступили бы так же на его месте». Теперь их группа представляла собой сплоченный коллектив, члены которого не следовали слепо за вожакom, а, объединив усилия, действовали сообща.

Бейдлман выставил регулятор подачи кислорода на новом, уже пятом для Питтман баллоне на уровне трех-трех с половиной литров в минуту. «Я хотел, чтобы она как можно быстрее ожила», — объяснял он позднее.* Кислород и лекарство (употребление которого иногда вызывает легкую эйфорию) сделали свое дело. Как вспоминала сама Питтман: «Через пятнадцать минут я ощутила прилив сил. У меня словно открылось второе дыхание».*

Бейдлман решил теперь идти непосредственно перед Питтман. Он пристегнулся к перилам, и вместе с Гаммельгард, Фокс и Мадсенom они продолжили спуск.

Тем временем ниже по склону Мартин Адамс уже отстегивался от перил, по которым только начинали движение Нил и клиенты. Когда Адаме находился между Южной вершиной и Балконом, с ним случилась неприятность. «Вокруг все стало абсолютно белым, и я никак не мог найти следов, по которым мне нужно было идти. У меня запотели очки. Чтобы протереть их, мне пришлось

снять кислородную маску. После того как я ее снова надел и прошел еще немного, у меня закончился кислород».

Последний, третий баллон был уже пуст, и заменить его было нечем. Адамс считал, что раз ему было положено три баллона, то брать больше он не имел права. Следующая порция кислорода ожидала его уже в четвертом лагере, от которого Адамса отделяло шестьсот метров по вертикали.

«Я отбросил ненужный теперь баллон и продолжил спуск, пытаюсь обнаружить, где начинаются следующие перила. Дойдя до ледовой трещины, которую я по причине наступившей гипоксии даже не сумел опознать, я потерял ориентацию. Куда идти — налево, направо? Тогда я сел и стал ждать, надеясь выяснить это, когда развиднеется. Не знаю, сколько времени я так просидел. Может, пять минут, а, может, и час — я потерял счет времени и просто ждал».

Адамс спустился чуть ниже Балкона. Следом за ним шли Джон Кракауэр, Майк Грум (гид из команды Роба Холла) и Ясуко Намба. Кракауэр шел первым. Ясуко Намба, как и Джон, была клиентом «Консультантов по приключениям». Она взойшла на вершину Эвереста сразу за последними клиентами «Горного безумия».

«Увидев спускавшихся альпинистов, я подумал: "Вот повезло! Теперь я пойду за ними". Кракауэр прошел мимо меня. Я поднялся на ноги и спросил Грума, куда идти. Майк показал мне правильное направление. Я прошел немного вслед за ним и еще раз уточнил, как надо спускаться. Он указал мне на кулуар². Шедший впереди меня Кракауэр недолго думая нырнул в этот кулуар и стал сидя глиссировать³ по свежему снегу вниз. Мне понравилась его идея, и выдержав дистанцию метров в пятнадцать, я отправился глиссером за ним следом⁴».

Адамс пытался максимально сократить время спуска, и на данном участке ему это вполне удалось. Он «проехал» вниз не меньше ста метров.

Точное время описываемых событий неизвестно. Адамс не брал часов на восхождение. Он лишь помнил, что ниже по склону было не так ветрено, ∴ путь спуска к четвертому лагерю был четко различим.

² Кулуар — углубление в склоне в виде желоба.

³ Спуск скольжением на ногах по склону стоя или сидя.

Джон Кракауэр описывает этот момент по-другому. Он утверждает, что «на спуске не глиссировал» и что, видимо, Адамс перепутал его с Ясукой Намбой. Адаме, тем не менее, настаивает, что это был Кракауэр. Так ненадежна память на большой высоте.

* * *

Букреев пришел в четвертый лагерь около пяти часов вечера. Подойдя к палаткам «Горного безумия», он встретил там нескольких шерпов. Среди них был и Лхакпа Галген, шерпа из экспедиции Генри Тодда. Он занимался установкой лагеря «Гималайских гидов». Они обменялись приветствиями, а потом Букреев увидел Пембу, который нес ему горячий чай. Букреев решил, что тот вернулся с восхождения, не дойдя до вершины. Анатолий не знал, что Пемба весь день провел в четвертом лагере⁵.

Готовясь встретить остальных участников, Букреев велел Пембе приготовить еще чаю. Потом он отправился к своей палатке, где ровно сутки назад ночевал вместе с Адамсом, Гаммельгард и Шенингом. Странно, что Пемба ни слова не сказал Анатолию о своем вечернем разговоре с Ингрид, когда она попросила его доставить наверх кислород. День шел на убыль, приближалась ночь, но никто так и не удосужился сообщить Букрееву о драматических событиях, разыгравшихся на ступени Хиллари.

* * *

Радиосообщение между Ингрид Хант в базовом лагере и Фишером и Лопсангом на горе практически отсутствовало, а положение Скотта тем временем становилось критическим. Ингрид Хант запаниковала. По ее словам, чтобы связаться с четвертым лагерем, она «должна была передать свое сообщение Нгиме [сирдару базового лагеря], тот диктовал его на непальском Гяльцену [шерпе из второго лагеря], и только потом оно попадало к Пембе [в четвертый лагерь]. Точно так же, если Пембе нужно было что-то передать вниз, все опять шло по цепочке через Гяльцена и Нгиму, пока не попадало ко мне».*

У Ингрид создалось впечатление, что в результате информация до нее доходила в сильно урезанном и искаженном виде. Сообщения часто сокращались, чтобы «не тянуть время». Ко всему прочему, связаться с Пембой удавалось не всегда. «Я даже не знаю, почему...».*

Не в силах разобраться в обрывочных и, главное, противоречивых сведениях, поступающих к ней от шерпов, Ингрид Хант то и дело обращалась за помощью в лагерь «Консультантов по приключениям». «У Роба Холла дела со связью были поставлены лучше, — рассказывала она, — поэтому там я могла

⁵ Двое из шести высотных шерпов «Горного безумия» не взойшли на вершину. Дойдя до Южной вершины, они повернули назад и к этому времени уже вернулись в четвертый лагерь.

узнать гораздо больше. Но все равно я постоянно связывалась по рации с Нгимой и спрашивала его: "Ну как там? Есть новости?"»

Как мне кажется, было около половины шестого вечера или немногим больше, когда я скинул с себя рюкзак, снял кошки и гамашы и залез в свою палатку. Она была удачно расположена, и в хорошую погоду, находясь внутри, можно было видеть Южную вершину (8 748 метров), но сейчас выше 8 300 метров все было закрыто облаками. Впрочем, особого повода для беспокойства не было, вечером такое случалось часто, к тому же порывы ветра могли разогнать тучи.

Букреев провел в палатке минут тридцать-сорок, приходя в себя и наблюдая за погодой. Потом Пемба принес ему горячего чая.

Я еще надеялся, что наверх мне идти не придется. Нелегко снова идти на гору после такого восхождения. Но я понимал, что, если ситуация не изменится, повторный подъем все же может понадобиться. Ведь еще никто из участников не вернулся в лагерь. Поэтому я попросил Пембу приготовить для меня термос горячего чая и принести три баллона кислорода.

Через несколько минут Пемба принес мне термос, а три кислородных баллона, оставил у входа в палатку. Я втащил их вместе со своим рюкзаком внутрь, все упаковал и приготовился к выходу.

* * *

По словам Ингрид Ханг, без четверти шесть она «узнала, что Лопсанг и Скотт находились чуть ниже Южной вершины. У них кончился кислород, и сам Скотт был очень плох».* Теперь ей открылась истинная картина происходящего. Ранее от людей Роба Холла ей стало известно, что кто-то из клиентов «Горного безумия» лежит без движения над ступенью Хиллари. На самом деле этим человеком оказался клиент самого Роба Холла, Дуг Хансен, последним в тот день побывавший на вершине.

Хансен участвовал в экспедиции Роба Холла на Эверест в 1995-м году. К своему разочарованию, желаемого результата он тогда не достиг — на Южной вершине Холл повернул всех своих клиентов назад. Хансен вернулся на Эверест в 1996-м году во многом благодаря Робу, который уговаривал его попробовать свои силы еще раз.

Б день восхождения Дуг Хансен шел перед Лоу Кашишке, который хорошо запомнил, что тот поднимался до самого рассвета, пока не «вышел из общей цепочки». Хансен сказал Кашишке, что «замерз и решил возвращаться». Однако что-то заставило его изменить решение, потому что немногим позже четырех часов Фишер, спускаясь с вершины, увидел Хансена Опираясь на Холла, тот ковылял к заветной цели. Кашишке так и не понял, почему Хансен, приняв вполне однозначное решение, вдруг отказался от него и еще целых десять часов шел к вершине. «Я полагаю, что Дуг передумал. Но почему? Что стало причиной? Не знаю. Могу лишь предположить, что его уговорил Роб», — сказал потом Кашишке.

Каждый из участников тех событий видел лишь свой небольшой фрагмент происходящего. Вся же картина в целом была ужасна К пяти часам вечера Роб Холл находился наверху ступени Хиллари со своим клиентом Дугом Хансеном, у которого закончился кислород. Лопсанг надолго застрял там же, поджидая Холла, чтобы порекомендовать ему Хансена. Освободившись, Лопсанг отправился вниз и нашел Фишера чуть выше Балкона. По словам шерпы, Фишер был в крайне тяжелом состоянии, он сказал тогда; «Мне очень плохо, Лопсанг... Со мной все кончено».*

Букреев не знал о происшествиях с Фишером и Хансеном, но, глядя на часы, он не мог не понимать, что у клиентов «Горного безумия», ни один из которых еще не вернулся в лагерь, кислород был на исходе.

Около шести вечера я понял, что мне все же придется идти наверх. Я стал собираться и в половине седьмого уже стоял у палатки, надевая кошки. Погода на склоне постепенно портилась, но на Южной седловине она все еще была нормальной. Ветер усиливался, но большой угрозы пока не представлял.

Букреев вскинул на плечи рюкзак, где лежали три полных баллона и кислородная маска, и отправился вверх по тому же пути, по которому несколько часов назад спустился в лагерь. В одной руке он держал ледоруб, а в другой — лыжную палку. Букрееву предстояло подняться до высоты 8 200 метров, туда, где начинались перила. Но не прошло и пятнадцати минут, как постепенно сгушавшиеся облака накрыли всю Южную седловину. Тут же на Букреева обрушился боковой ветер, порывы которого достигали двадцати пяти метров в секунду. Ветер попеременно со снегом грозили сбить его с ног. В одно мгновение небо из пепельно-серого стало ослепительно белым.

Я почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Мои силы не безграничны, и я решил надеть маску и подключиться к одному из баллонов, лежавших у меня в рюкзаке. Оглянувшись, чтобы понять, смогу ли я найти лагерь при возвращении, я увидел там включенные фонари. Обитатели лагеря светили спускавшимся альпинистам, чтобы помочь им сориентироваться в темноте. Поняв, что все в порядке, я продолжил свой путь. Из-за плохой видимости перила разглядеть не удалось, так что полагаться приходилось, в основном, на интуицию. Я вышел на крутой ледяной откос и стал очень осторожно подниматься по нему с помощью ледоруба. Я все время помнил, что если случайно смещусь в сторону, то могу сорваться и вылететь на стену Лхоцзе. Это был бы конец.

Когда Букреев пробивался к перилам, по которым он надеялся подняться к клиентам, возникла еще одна сложность. Видно было и без того плохо, а тут еще у него, как прежде у Мартина Адамса, стали запотевать очки. При выдохе часть пара выходила из-под неплотно прилегающей маски и конденсировалась на стеклах очков. Букрееву приходилось лезть в гору практически вслепую. В конце концов, чтобы хоть что-нибудь видеть, он снял кислородную маску и продолжил свои поиски уже без нее. Часто, сделав шаг вверх, он тут же терял из виду четвертый лагерь, а, шагнув вниз, вновь видел перед собой мерцание огоньков. Вся его жизнь зависела теперь от тоненького лучика фонаря, включенного кем-то в четвертом лагере. Анатолий понял, что подниматься еще выше было бессмысленно. Погибнув здесь, он не сможет помочь тем, кто сейчас нуждается в его помощи. Надо было возвращаться назад, в лагерь. Кто-нибудь из участников мог прорваться вниз, воспользовавшись тем же просветом. в погоде, что и он, когда шел сюда. Если же никто не вернулся, то, по крайней мере, он мог передохнуть и набраться сил для следующей попытки.

Не дойдя тридцати метров до наших палаток, я понял, что окончательно выбился из сил. Сбросив рюкзак, я сел на него и обхватил руками голову. Я попытался сосредоточиться и хоть чуть-чуть передохнуть. «Что сейчас делают наши участники? Где они, что с ними происходит?» Ветер с силой бросал снег мне в спину, но я не мог себя заставить сдвинуться с места. Не знаю, сколько я так просидел. Я ужасно устал и стал терять счет времени.

Пока я так сидел, кто-то возник рядом со мной из снежной мглы. Он разговаривал со мной так, словно мы были знакомы, но я не смог его узнать. Тогда мне показалось, что он был из тайваньской экспедиции или из команды

Роба Холла, но с уверенностью я сказать не мог. «Тебе помочь?» — спросил он. «Нет, все в порядке», — ответил я. Он сказал, что в таком случае снова пойдет светить фонариком спускавшимся. Я еще раз подтвердил, что смогу сам добраться до палатки. Спустя еще какое-то время, точнее сказать не могу, я добрался до нашего лагеря. Снял рюкзак и кошки, я сбил снег с ботинок и залез в палатку. Там никого не было. Никого.

Букреев был один в пустой палатке. В нескольких метрах от него так же, как и он, в одиночестве, сидел Лоу Кашишке из экспедиции Роба Холла. Его соседи по палатке—Дуг Хансен, Бек Уитерз и Энди Харрис—все еще не вернулись.

«Я пришел в лагерь часов в пять вечера, а может, в половине пятого, — рассказывал Кашишке. — Совершенно выдохшийся, я забрался в спальник. Я был выжат как лимон, сил не осталось ни капли... Спустя некоторое время что-то разбудило меня, или, точнее сказать, ко мне вернулось сознание. Причиной был ветер. Он швырял меня из одного конца палатки в другой. Ветер прорывался под днище палатки, и меня прямо в спальнике бросало из стороны в сторону. Приподнимало, переворачивало и снова бросало вниз. Ко мне опять вернулось восприятие окружающего, и тут я понял, что ничего не вижу! Наверное, это были самые ужасные минуты моей жизни. Сначала я не мог понять, где я, что со мной происходит. День сейчас или ночь? Почему я совсем один? Почему ничего не вижу? Мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. "Так, давай вспоминать по порядку. Я сейчас в высотном лагере. У меня снежная слепота⁶. Вокруг ревет ураган". Время я определить не мог. Сейчас мне кажется, что тогда было часов восемь-девять. И я оказался совсем один, никто из моих соседей так и не появился... Бесконечные часы одиночества... Моего разума хватало ровно настолько, чтобы не позволить себе вылезать из спальника. Я осознавал, что если пойду сейчас куда-нибудь, то наверняка погибну. Я никак не мог понять, почему вокруг меня никого не было. Я звал на помощь, кричал, но скоро понял, что все напрасно. Никто и не мог услышать, такой был ветер снаружи. Представьте, что над вами вагон за вагоном проносятся товарный поезд. Можно кричать во все горло, но уже в нескольких шагах никто тебя не услышит».

⁶ Снежная слепота — болезнь глаз, вызванная действием ультрафиолетовых лучей и солнечной радиации, особенно интенсивными в высокогорье. Снежная слепота, как правило, полностью излечима (*прим. перев.*).

Глава 18

НЕ МОЖЕШЬ ИДТИ - ПОЛЗИ

После спуска глассером Мартин Адамс оказался у верхнего конца последней нитки перил. Мартин пристегнулся к веревке чуть ниже Балкона, на высоте 8 350 метров, и спустился по перилам до 8 200 метров. По дороге он не встретил ни Кракауэра, ни других участников. Букреев к тому времени уже вернулся в лагерь после своего первого выхода на поиски клиентов. Вокруг не было ни души.

«Отстегнувшись от перил, я отправился к Южной седловине. Шел я вполне уверенно, но вскоре провалился в небольшую трещину. Я вылез из нее и продолжил спуск. Идти было опасно, ведь уже стемнело. Пройдя совсем немного, я опять угодил в трещину. Эта оказалась посерьезней той, предыдущей. Мои правые рука и нога беспомощно болтались, не ощущая под собой никакой опоры. "Приехали", — подумал я, боясь пошевелиться. Оглядевшись, я увидел чуть выше справа надежный участок открытого голубого льда. Осторожно замахнувшись, я вонзил правой рукой клюв своего ледоруба в этот лед. Потом я кое-как выкарабкался из трещины. Встав на ноги, я пошел дальше».

Когда Адамс вылез из второй трещины, лицо его было покрыто коркой из льда и снега, а губы приобрели мертвенно-синий оттенок.

«Вскоре после того как я продолжил спуск, — рассказывал Адаме, — я увидел свет налобного фонаря и наткнулся на какого-то человека. Он сидел буквально в сотне метров от четвертого лагеря. "Кто бы это мог быть?" — задумался я. Потом, решив, что он может знать дорогу, я спросил его: "Слушай, ты не знаешь, где палатки?"»

Мартин Адамс наткнулся на Джона Кракауэра, но в своем заторможенном состоянии они не узнали друг друга. Адамс помнил, что в ответ на его вопрос этот «кто-то» (Кракауэр) махнул рукой вправо. «Ага, так я и думал, — сказал Адаме. — А что ты здесь сидишь?» — вновь обратился к сидевшему Мартин.

Адамс полагал, что встретился с кем-то из участников совсем другой экспедиции, только готовившейся к восхождению. Он был уверен в том, что его собеседник вышел прогуляться по окрестностям лагеря. Поэтому Мартин был мягко говоря, удивлен, когда тот сказал ему: «Осторожно! Этот спуск гораздо

круче, чем кажется на первый взгляд. Аккуратно спустись К палаткам, возьми веревку и ледобуры и возвращайся ко мне¹».

«И я подумал тогда,—рассказывал Адамс,—что этот парень весь день бездельничал в лагере, залез не пойми куда и теперь, когда я чуть живой спускаюсь с вершины, у него хватает наглости посылать меня за веревкой, чтобы помочь ему спуститься! Ничего себе шуточки!» Адамс спускался в четвертый лагерь без кислорода, полагаясь лишь на интуицию и опыт. Его задачей сейчас было выжить.

Мартин внимательно изучил склон, столь опасный с точки зрения его собеседника, но ничего особенного в нем не увидел. «Надо было только решиться, — сказал Адамс.—Да, требовалась осторожность, но, в общем-то, склон как склон. Спуски подобной крутизны часто можно встретить, например, в Колорадо. Я сумел различить, что внизу склон вылаживался, так что, на мой взгляд, опасности не было никакой».

Не успев сделать и двух шагов, Мартин споткнулся, свалился на лед лицом вниз и съехал по склону прямо на покрытую заледенелым сланцем Южную седловину. «Я проскользил метров тридцать, — вспоминал Адамс, — потом встал, отряхнулся, помахал тому типу рукой и пошел туда, где должны были находиться палатки. На тот момент их уже не было видно».

* * *

Пока Адамс и Кракауэр выясняли отношения, Мадсен, Питтман, Бейдлман и Фокс по-прежнему находились много выше. Они наконец добрались до перил, закрепленных на высоте 8 350 метров. Клев Шенинг и Лин Гаммельгард шли, немного опережая основную группу. Спускаясь по перилам, Бейдлман заметил нечто, мешавшее движению. Кто-то сидел, пристегнувшись к спусковой веревке: «Голова его была безвольно опущена. Он то ли вообще не шевелился, то ли двигался, но очень медленно».*

Нил сначала подумал, что наткнулся на Клева или Лин, которых давно уже потерял из виду. Подойдя поближе и присмотревшись, Бейдлман решил, что это Лин. Он стал кричать на нее, пытаясь заставить подняться и пойти дальше, но та не двигалась. Тогда, пытаясь добиться ответа, Нил приподнял ее кислородную маску и понял, что перед ним не Лин Гаммельгард, а Ясуко Намба из экспедиции Роба Холла.

¹ Кракауэр думал, что разговаривает с Энди Харрисом, гидом из экспедиции Роба Холла, и, по словам Адамса, требовал оказать ему помощь.

«Она вообще не двигалась, — рассказывал Бейдлман, — скорее всего, из-за недостатка кислорода. Я принялся объяснять ей, как надо быстро спускаться по перилам. Вскоре мне стало ясно, что она то ли не понимает по-английски, то ли уже не в состоянии соображать. Тогда я схватил ее за обвязку и стал спускаться вместе с ней, то стоя, то скатываясь вниз — в зависимости от рельефа. Несколько раз она упиралась в меня ногами, и кошки, раздирая куртку, царапали мне спину. По-моему, она все же понимала, что происходит, но была не в состоянии хоть как-то помочь...

Путь до конца перил дался нам с трудом. Несколько раз мы проваливались в трещины, пересекавшие маршрут спуска. Переправлять через них японку оказалось делом нелегким. Она, похоже, была напугана. Тим несколько раз помогал мне поднять ее, перебросить, подтолкнуть, перетащить через эти трещины».*

Намба отстала от Майка Грума, с которым шла прежде. Грум вслед за Букреевым, Адамсом и Кракауэром встретил на Балконе Бека Уитерза. Бек буквально примерз к тому месту, где его оставил Роб Холл, велел ждать, пока не придет помощь.

Одного взгляда на Уитерза было достаточно, чтобы понять: самостоятельно идти он не может. Грум пристегнул его к своей обвязке и повел вниз. Несмотря на то, что двигались они очень медленно, Намба все равно постепенно отстала.

* * *

На высоте 8 200 метров, всего в восьмистах метрах от четвертого лагеря, Бейдлман понял, что их дела совсем плохи. «Когда мы спустились до конца перил, погода окончательно испортилась. Дул очень сильный ветер. Время от времени были видны огоньки в четвертом лагере. Во время одного из таких проблесков я запомнил направление на палатки. Больше четвертый лагерь мы не видели».*

Шарлотта Фокс тоже запомнила, что после спуска по перилам были еще видны проблески света в четвертом лагере. Как и прочие участники, поднявшиеся на Эверест около половины третьего, она провела на вершине больше сорока минут. Как бы сейчас им пригодилось это потраченное впустую время!

«Было темно, — рассказывал Бейдлман. — Темно, а вокруг бушевала метель. Нас просто заваливало снегом. Разговаривать было практически невозможно. Чтобы сказать что-то другому, приходилось кричать изо всех сил и обязательно по ветру. Иначе ничего невозможно было услышать. Насколько я

помню, у меня не получалось даже голову повернуть против ветра, не то, что крикнуть в ту сторону. Мой налобный фонарь все еще был в рюкзаке. Достать его я не мог, потому что тащил эту японку [Ясуко Намбу]. Мне приходилось все время придерживать ее или вести за руку. С нами тогда шли еще двое шерпов. Лин и Клев, кажется, уже отправились к четвертому лагерю, подумав, что знают дорогу».*

Гаммельгард сказала, что решила пойти вместе с Клевом, потому что доверяла ему. «К тому же у нас с ним был одинаковый стиль хождения в горах... Мы рванули вниз как можно быстрее. Вскоре у меня кончился кислород, и Клев, остановившись, заставил меня взять его баллон. Я пыталась отказываться: "Нет, не надо", но он-то видел, что от недостатка кислорода у меня посинело лицо».

По словам Гаммельгард, отстегнувшись от последних перил, они с Клевом стали забирать вправо. «Мы решили, что лагерь должен быть там. Но потом слева появилось много огоньков. Тогда мы подумали, что если там так много народу, то лучше будет присоединиться к ним. Впоследствии выяснилось, что это было ошибкой».

Постепенно участники, по выражению Бейдлмана, стали «сбиваться в стаю». Гаммельгард вспоминала: «Больше всего нас было, когда вместе собрались Бек Уитерз, Ясуко Намба, Тим, Шарлотта, Сэнди, Нил, Клев, я и еще двое или трое шерпов».* По словам Бейдлмана, с ними был еще и Майк Грум. Однако, несмотря на присутствие двух гидов, лидера в группе не оказалось.

«Разумнее, когда кто-то один ведет за собой группу, а остальные следуют за ним, но тогда мне этого добиться не удалось, — рассказывал Бейдлман. — Ветер сбивал нас с ног, а участники шли за тем, у кого оказывался включенным налобный фонарь. Я пытался докричаться до остальных; убедить их, что должен быть только один руководитель и фонарь должен быть только у него, иначе мы так и будем ходить по кругу. Я считал, что не нужно идти к четвертому лагерю напрямик, хотя какое-то время я и помнил направление. Еще до непогоды я посмотрел на рельеф сверху и понял, что в случае ухудшения видимости главное — не подходить близко к стене Лхонзе».*

Когда Бейдлману удавалось увлечь за собой эту толпу, он старался уклоняться от маршрута, по которому спустились перед тем Кракауэр, Адаме и Ёукреев и уйти к восточной части Южной седловины. Спуск там был менее крутым, и к тому же не было риска выйти на обрыв стены Лхоцзе.

«Я продолжал идти, таща на себе японку, — рассказывал Бейдлман. — Сзади шли, как мне кажется, Сэнди, Шарлотта и Тим. Майк Грум и Бек Уитерз находились чуть впереди. Наиболее подвижными из нас были тогда двое шерпов,

и они метались то туда, то сюда, постоянно меняя направление нашего движения. Я пытался запомнить дорогу, пытался выйти на склон. Не крутой, а пологий, выводящий прямо на седловину. Я искал скалу: Южную седловину пересекает скальный пояс, на вершине которого стоит такая приметная скала. Надо было только обнаружить ее. Как идти дальше, я помнил: сначала пройти немного вправо, спуститься вдоль скал, а потом мы либо вышли бы прямо к палаткам, либо наткнулись на мусор вокруг лагеря и сумели бы сориентироваться... Такой у меня тогда был план действий, вернее, набросок плана. Вокруг бушевал ветер, все участники брели неизвестно куда, а я не мог идти первым с японкой на руках. Да и фонаря на мне все еще не было. Мы слишком долго плутали по склону. В конце концов я совершенно запутался и уже не понимал, куда нам идти. Нам не встретилось ничего, что могло бы подсказать дорогу.

Мы шли одной группой. Не знаю точно, сколько времени это длилось, но думаю, что довольно долго. Кто-то вырывался вперед, кто-то падал сзади, но все же мы изо всех сил старались держаться вместе. Я отчетливо понимал, что если кто-нибудь решит идти к лагерю сам или просто отстанет, то он почти наверняка погибнет. Шансы *найти* лагерь в одиночку были ничтожны. Скорее всего, во время наших блужданий мы незаметно для себя свернули и вышли на тибетскую сторону Южной седловины. Возможно, я уже тогда это понял, но кислород в моем баллоне давно уже кончился, и обдумать происходящее у меня не получалось. Я мучительно пытался осознать то, что удавалось увидеть, сориентироваться по направлению ветра или чему-нибудь еще. У меня было чувство, что я оказался внутри бутылки с кефиром, которую все время взбалтывали. Я спрашивал окружающих, откуда дует ветер. Он дул отовсюду, со скоростью метров двадцать в секунду с порывами до сорока метров, не меньше. Словом, этим ветром нас все время сбивало с ног. К концу наших блужданий — а может, и не к концу, примерно час спустя — участники сильно замерзли, лица у всех обледенели. Кажется, у кого-то погас фонарь... Мы очутились на очень сложном участке льда со скальными выходами. Впереди был небольшой пологий подъем. Я поднялся по нему и посмотрел вниз. Не могу точно сказать, увидел ли я там что-нибудь или просто почувствовал. Зато я отлично понял, что нам туда идти нельзя. Там было очень опасно. Таких мест поблизости от обычного маршрута быть не должно. С помощью Тима и Клева я принялся убеждать остальных, что нам совершенно необходимо держаться вместе. Что я только ни делал, чтобы заставить их всех остановиться и переждать: я и упрашивал, и кричал, и даже рычал на них. Я считал, что погода могла наладиться, ведь в прошлую ночь тоже был очень сильный ветер, но к десяти часам, времени нашего выхода, он полностью стих. Моим главным доводом было то,

что если небо хоть на миг прояснится, мы сможем увидеть звезды или вершины и сориентироваться по ним. Тогда станет ясно, куда нужно идти. А сейчас я не понимал даже, что это за обрыв — стена Кангшунг, стена Лхоцзе или что-то еще.

Итак, мы остановились и сбились в кружок, повернувшись спинами к ветру. Одни уселись на свои рюкзаки, другие примостились на коленях у первых. Мы постоянно окликали друг друга, хлопали по спинам. Каждый следил за своим соседом, чтобы тот не заснул. Это был наш общий подвиг. Каждый не только стремился выжить сам, но и проверял, не задремал и не замерз ли его товарищ. Не знаю, сколько мы так просидели. Видимо, не очень долго, потому что, едва мы остановились, я начал замерзать. Мы проверяли пальцы друг у друга², проверяли наличие сознания. Мы старались все время находиться в движении. Задача была не из легких — глаза слипались сами собой, но мы понимали, что, раз заснув, мы уже никогда не проснемся. Иногда я ощущал, как по всему телу разливалась волна тепла. Что это было, гипотермия или гипоксия — кто его разберет. Думаю, и то, и другое. Помню только, как тяжело было перекрикивать ветер; помню, как все мы кричали, переминались с ноги на ногу, без конца хлопали друг друга, чтобы согреться и остаться в живых. Я все время смотрел на часы, надеясь, что непогода скоро кончится.

Ветер так и не стих, зато несколько раз переставал идти снег. В один из таких моментов я поднял голову и с трудом различил на небе несколько звезд. У меня появилась надежда. Помню, что вместе с Тимом и Клевом мы стали обсуждать, чем бы нам это могло помочь. Мы пытались осознать, что нам делать, если удастся разглядеть звезды или силуэты гор. Когда небо вновь прояснилось, я крикнул, что вижу Большую Медведицу и Полярную Звезду. "А вот и Эверест", — сказал Тим, а может, и Клев. Я посмотрел туда с недоумением. Я даже не мог понять, Эверест это или Лхоцзе».*

«Стая» обосновалась менее чем в двадцати метрах от отвесной стены Кангшунг и всего лишь в четырехстах метрах от четвертого лагеря. В ясную погоду участники дошли бы до палаток за десять-пятнадцать минут. Но буря вокруг них не прекращалась ни на минуту, и они окончательно заблудились.

Не могу точно сказать, сколько времени я провел в палатке после неудачной попытки отыскать наших участников. Помню, что я то отдыхал, набираясь сил, то ходил вокруг лагеря, поглядывая в сторону горы. Наконец я услышал какой-то шум. Открыв палатку, я выглянул наружу и увидел

² Как правило, первыми от обморожения страдают пальцы на руках и ногах. Необходима экстренная медицинская помощь, иначе дело может дойти до ампутации (прим. перев).

Мартина³. Его лицо обледенело, он ничего не мог говорить, только стонал. «Мартин, как ты?» — спросила его, но он мне не ответил. Я снял с него кошки и попытался расспросить его, где остальные. Он не отвечал. Я подумал, что Мартин мог обморозить лицо. Я помог ему забраться в спальник в углу палатки, надел на него кислородную маску и подключил ее к одному из трех баллонов, которые брал с собой на поиски.

Потом появился Пемба с горячим чаем. Наверное, он заметил, как пришел Мартин, и догадался принести чай. Мартин немного отпил, и я снова стал его расспрашивать о ситуации на горе. Он не мог ничего толком объяснить, и тогда я стал разговаривать с Пембой. Шерна сказал, что видел огоньки на склоне, приближавшиеся к лагерю, и был уверен, что вскоре кто-нибудь подойдет к палаткам. Выпив чая и передохнув минут пятнадцать, я попытался снова выйти наверх, но был остановлен ветром, который был даже сильнее, чем в предыдущую ночь. Палатки еле выдерживали его порывы. Поблизости от лагеря я никого не нашел. Чуть поодаль кто-то ходил, поджидая альпинистов. Я подумал тогда, что это человек из экспедиции Роба Холла. Было очень темно, а вокруг бушевала настоящая снежная буря. Я включил налобный фонарь, но видимости это не улучшило. Тогда я вернулся в палатку. Там я обнаружил, что Мартин лежит в забытьи. Он был в полном изнеможении.

В «стае» надежды на спасение быстро таяли. Лин Гаммельгард вспоминала, что они с Клевом Шенингом, Бейдлманом и Мадсенем решили совершить бросок к четвертому лагерю, но никак не могли прийти к единому мнению, где же он находится. Гаммельгард все больше убеждалась в правоте Шенинга. По ее мнению, он один мог вывести их к лагерю, тогда как Бейдлман, как ей казалось, был окончательно сбит с толку. «Думаю, что он никогда бы не добрался до лагеря, не будь с нами тогда Клева. Нил так бы и сидел вместе с участниками, потому что не знал, куда надо идти».

Действительно, именно Шенинг сумел сориентироваться во время краткого затишья. Он стал уверять остальных, что теперь знает, как им добраться до лагеря. Бейдлман так описывал ситуацию: «Клев взял инициативу в свои руки, он и был совершенно уверен в своей правоте. У него не было ни малейших сомнений в том, где находится четвертый лагерь. Он это вычислил. И мы

³ При разборе восхождения (см. главу «Разбор восхождения») Адамс утверждал, что он пришел в четвертый лагерь примерно в девять часов вечера. В той же беседе приводится и свидетельство Ингрид Хант. По ее словам, она получила радиосообщение о появлении Адамса в лагере уже в половине девятого.

приняли решение. Деталей не помню; все вышло само собой, никто не возражал. Теперь нам нужно было поставить всех участников на ноги. Насколько я помню, японка все еще висела у меня на руке. Мне было тяжело передвигаться и даже смотреть по сторонам. Я, как и все, кто был в состоянии встать самостоятельно, пытался помочь остальным. Единственной, кого я тогда опознал, была Сэнди; на ней была пуховка яркого цвета. Все прочие были для меня как тени: я различал их очертания, слышал их голоса, но не узнавал их. Когда все наконец поднялись, мы отправились в путь. Был включен один налобный фонарь, не помню чей, кого-то из шедших в голове группы. Я старался идти, таща за собой японку и еще кого-то, кто вцепился в мою правую руку. Даже не знаю, кто это был. Я все время спрашивал Клева: "Точно туда? Ты уверен?" У него не было никаких сомнений. Клев совершенно четко понимал, где какая гора и как именно нам надо идти. А шли мы в сторону, прямо противоположную той, куда мы двигались до этого. МЫ стали подниматься вверх, и тут я тоже понял, что мы идем правильно. Вскоре группе пришлось разделиться. Кто-то еще мог идти, а кому-то это было уже не под силу. Перед нами встал выбор: остаться здесь или же сделать рывок в надежде пробиться к лагерю».*

По словам Гаммельгард, Клев Шенинг выделялся на фоне остальных участников, многие из которых находились в состоянии «едва сдерживаемой паники». Он спокойно и трезво смотрел на вещи. Как рассказывала Лин, он рассуждал примерно так: «Спокойно, никакой паники. Ничего страшного. Давайте подумаем, что нам делать дальше».

Как и при эвакуации Нгаванга Топше, Шенинг, разобравшись в ситуации, сумел вселить спокойствие и уверенность в остальных.

«Мы поставили всех на ноги, — рассказывал Шенинг, — с тем, чтобы идти дальше. Надо было двигаться в нужном направлении. Некоторые участники не могли встать самостоятельно. Мы помогли им размять ноги, чтобы они поднялись с земли. Стало ясно, что Шарлотта, Сэнди и эта японка были не в состоянии передвигаться. У них еще получалось стоять, но для ходьбы их нужно было поддерживать. Поэтому мы стали им помогать; они опирались на наши руки. Помню, что сначала я повел и японку, и Шарлотту, но долго идти так было невозможно. Я все время оказывался на коленях, ставя на ноги то одну, то другую.

Мы стали меняться и пробовать разные варианты, чтобы хоть как-то продвигаться вперед. Мне пришлось оставить японку, и, по-моему, тогда же Тим взял на себя Шарлотту».*

Пока Шенинг пытался сдвинуть с места Фокс и Намбу, Бейдлман мучился с Питтман. Обхватив ее, он ставил Питтман на ноги, но та отказывалась идти:

«Я не могу, не могу». Разъяренный ее нежеланием помогать, Бейдлман закричал на нее: «Не можешь идти — так ползи, дура!»

Питтман схоже описывает эту ситуацию: «Он [Бейдлман] сказал мне: "Нам нужно сматываться отсюда. У нас остался последний шанс. Сейчас затишье, и если не можешь идти — ползи". Так я и сделала. Встала на четвереньки и поползла. Это была классная идея, ведь, когда я стояла, меня все время сбивало с ног ветром».*

Питтман ползла за Бейдлманом и остальными, пока те не перешли через небольшой гребень. И тут она потеряла их из виду. «Я понимала, что если и была для меня надежда спастись, то только вместе с остальными участниками. Я увидела свет фонарика и закричала из последних сил: "Эй, эй!" Это был Тим».*

Мадсен, который при желании мог бы присоединиться к участникам, решившим прорываться к четвертому лагерю, самоотверженно остался вместе с Шарлоттой Фокс. «Я взваливал Шарлотту к себе на плечо, на спину, пробовал по-всякому, но не мог разобрать, куда надо идти. К тому же до лагеря я бы ее все равно не дотащил. Она отказывалась идти дальше. Поэтому мы присели на минутку, и тут я услышал, что метрах в пяти от нас кто-то стонал. Это была японка. Я вернулся, подобрал ее, подтащил к Шарлотте. Рядом оказался Майк Грум в связке с Бекком Уитерзом. Майку было очень тяжело передвигаться вместе с Бекком. Видя, что сам Майк еще мог идти, я сказал ему, чтобы он отправлялся в лагерь один... за помощью. Я собирался сидеть там и ждать, пока кто-нибудь не придет за нами. Потом появилась Сэнди, и нас стало пятеро: я, Сэнди, Шарлотта, японка и Бек. Мы старались вести себя так же, как и раньше: сбились в кучу, не давали друг другу заснуть или замерзнуть. Не имею ни малейшего понятия, сколько тогда было времени».*

Глава 19

ХРОНИКА СПАСЕНИЯ

Впоследствии Гаммельгард вспоминала, как ей и Шенингу удалось найти лагерь: «Мы с Клевом держались вместе. Нил тоже был рядом. Сначала он отклонялся то влево, то вправо, но потом пошел прямо за нами, — вспоминала Гаммельгард.—Я не знала, куда нужно идти, и решила полностью довериться Клеву. По крайней мере, ничего лучшего придумать я не смогла Мы шли, шли, а потом я увидела слабый огонек. "Смотри, — сказала я Клеву, —там свет, значит это лагерь! Нам налево". Мы повернули на свет фонарика и вскоре увидели Толю».

Шенинг, Бейдлман и Гаммельгард возвращались в лагерь, будучи на грани полного истощения. Лин поддерживало на ногах лишь сознание того, что она спасена «Букреев, — рассказывала она, — едва взглянув на меня, сразу все понял. Не говоря ни слова, он стал снимать с меня кошки».

Хроника дальнейших событий, изложенная Букреевым, приводится ниже в записи Вестона Де Уолта, второго автора этой книги. Их встреча состоялась через несколько дней после приезда Букреева в Соединенные Штаты. Чтобы сохранить стиль Букреева и как можно более точно передать его личное восприятие событий, запись беседы приводится в книге без редакторской правки¹. Диалог Букреева со своим соавтором прерывается лишь уточняющими комментариями Де Уолта.

Вопрос: *Что ты сделал, когда увидел альпинистов из своей экспедиции?*

Ответ: Я заметил свет фонарей, а потом увидел Лин и Клева. Их лица обледенели; из-за корки льда невозможно было разглядеть даже кислородные маски. Я снял кошки с Лин и оставил их у входа в палатку. Лин и двое других были в совершенно беспомощном состоянии. Я помог Лин и Клеву заползти в палатку. Стало ясно, что все очень серьезно. Они сказали, что...

Вопрос: *Ты дал им кислород?*

Ответ: Да, я отдал им те три баллона, которые были у меня в палатке. По

Диалог происходил на английском языке, который не был родным для Букреева. В оригинальном издании книги сохранены все неровности стиля и грамматические неточности, допущенные им в устной речи (*прим. перев.*).

одному на каждого — Мартину, Клеву и Лин. Это было необходимо. Я понял, что надо подготовиться к выходу. Я начал искать в палатке свои высотные ботинки, нашел их, стал переобуваться. Теперь можно было идти наверх.

Один из трех кислородных баллонов, которые Букреев получил от Пембы, он еще до прихода Лин отдал Мартину Адамсу. Оставшиеся два получили Шенинг и Гаммельгард. В палатке Букреев искал альпинистские ботинки, которые он снял, вернувшись в лагерь.

Вопрос: *Итак, ты опять надел высотные ботинки?*

Ответ: Да, но я надел их не сразу после прихода клиентов. Я не знаю, когда именно они пришли. Сейчас уже не вспомнить. Говорят, что...

Вопрос: *Между двенадцатью и половиной первого?*

Ответ: Был примерно час ночи, когда я переобулся и вышел из лагеря. Думаю, что клиенты спустились часов в одиннадцать-полдвенадцатого. Все сильно затягивалось, ведь перед выходом мне надо было с ними переговорить, выпросить все у Клева, дать им чай, кислород, спальники и все прочее. На это ушло много времени, поэтому мне и кажется, что они пришли в лагерь не позже половины двенадцатого. А вышел я ровно в час, это точно.

Вопрос: *Как ты тогда оценил состояние клиентов?*

Ответ: Лин сказала, что Сэнди умирает и Шарлотта, наверное, тоже. «Так, — подумал я, — они замерзают, надо спешить».

Вопрос: *Она так и сказала, что Сэнди и Шарлотта умирают?*

Ответ: Примерно так. Что-то вроде: «Сэнди очень плохо. Ты можешь не застать ее в живых. Иди быстрее». А Клев объяснил, куда примерно нужно идти, причем наверх не подниматься. По его словам, надо было только пересечь плоскую поверхность Южной седловины и в конце, около стены Кангшунг, должны быть клиенты. Наверх не идти. «Сколько это по времени?» — спросил я. «Минут пятнадцать», — ответил он. «Очень близко, — подумал я. — То, что у них заняло пятнадцать минут, я пройду минут за пять-десять». «Пятнадцать минут — для вас или для меня?» — уточнил я. «Для тебя», — ответил Клев. Ну хорошо, пятнадцать так пятнадцать.

Букреев пытался выяснить у Шенинга и Гаммельгард, в каком направлении ему нужно идти, чтобы отыскать остальных клиентов. Никаких деталей

рельефа, никаких ориентиров они ему сообщить не смогли. Это напоминало попытку пилота посадить самолет вслепую.

Вопрос: *Ты попросил Нила помочь тебе?*

Ответ: Нил стал залезать в палатку прямо в кошки. «Он сейчас всю палатку разорвет», — подумал я и снял с него кошки. Нил тут же отключился.

Вопрос: *Он был в своей палатке, когда ты подошел?*

Ответ: Наполовину там, наполовину снаружи. Перед этим я спросил у Гаммельгард: «А как Нил?» «По-моему, неважно», — ответила она. Лин лучше других могла разговаривать и что-то объяснять. Не знаю, что было с Клевом; говорила в основном Лин. Клев, как мне показалось, уже плохо соображал. Тогда я залез в палатку к Нилу и попытался поговорить с ним. Он совершенно замерз, буквально продрог до костей и двух слов не мог связать. В палатке Нил стал сразу дышать кислородом.

Букреев хотел поговорить с Бейдлманом. Тот лежал, наполовину забравшись в палатку и даже не сняв кошки. Опасаясь, как бы он не распорол днище палатки и не остался лежать на ураганном ветру, Букреев снял с него кошки и помог залезть внутрь. Нил был не в состоянии разговаривать.

Вопрос: *А потом?*

Ответ: Потом я вернулся в свою палатку. Лин и Клев были уже в спальниках. Я еще раз уточнил, надо ли подниматься вверх. «Нет, нет, нужно только перейти седловину», — повторили они. «Вверх не надо», — сказала Лин. Затем в палатку заглянул Пемба. «Лопсанг просил передать, что тебе надо идти на гору», — сообщил он мне. Так подниматься мне наверх или нет? Ничего не было понятно, а ведь я отвечал за жизнь тех, кто сейчас попал в беду. Раньше мне казалось, что все идет нормально: у клиентов есть гиды, есть шерпы, есть кислород. Метель, плохая видимость — само по себе это еще не страшно. А теперь выясняется, что люди замерзают... Слишком много новостей обрушилось на меня тогда. Я был потрясен. И это придало мне сил.

Вопрос: *Адреналин?*

Ответ: Да, так это называется.

В своем первом разговоре с Букреевым Шенинг сказал, что нужно лишь «пересечь» пологое место в центре Южной седловины, но в гору не подни-

маться. Судя по объяснениям Шенинга, их группа значительно отклонилась от обычного маршрута спуска. Букреев хотел это уточнить.

Пока Букреев разговаривал с Шенингом и Гаммельгард, к ним в палатку пришел Пемба. Он рассказал о том, что сверху вернулся Лопсанг. Несколько часов раньше ему пришлось оставить Фишера на горе, чуть ниже Балкона. У Фишера закончился кислород, он бредил, у него, похоже, начался отек головного мозга. Передвигаться он мог только с помощью Лопсанга. Лопсанг старался изо всех сил, но спустить Фишера в одиночку был не в состоянии. Лопсанг в отчаянии, что не может помочь сам, умолял Букреева пойти наверх и отнести Фишеру кислород и горячий чай. Букреев был совершенно сбит с толку этими противоречивыми сведениями. Тут следует учесть, что ему приходилось иметь дело с усталыми и плохо соображающими из-за недостатка кислорода людьми. Букреев не понимал, Фишер с клиентами или нет? Куда ему нужно идти: вверх, вниз или просто пересечь седловину? Анатолию было важно во всем как следует разобраться.

Вопрос: А с самим Лопсангом ты разговаривал?

Ответ: Когда я узнал от Пембы, что пришел Лопсанг, то тут же выскочил из палатки и пошел его искать. Где он мог быть? Я заглянул к Нилу: тот лежал в палатке один, в забытьи. Я проверил, все ли у него в порядке, а потом услышал снаружи голос Лопсанга: «Толя, иди наверх».

Вопрос: Ты его не видел при этом? Он кричал тебе из своей палатки?

Ответ: Да «Толя, иди наверх» и все. Я понял, что у Скотта дела плохи.

Вопрос: И что ты сделал?

Ответ: Пошел опять в свою палатку и спросил: «Лин, Клев, вы уверены, что мне нужно только пересечь седловину? Наверх мне не идти?» «Да, только пересечь седловину», — сказали они. «А Скотт там?» — опять спросил я. «Нет, — ответили они, — Скотта там нет». Тогда я стал понемногу понимать, что происходит. Скотт на горе, а клиенты внизу. Они были порознь.

Вопрос: После этого ты отправился к шерпам за кислородом?

Ответ: Я пошел к Лопсангу и сказал ему: «Лопсанг, ты должен пойти со мной. Нам придется тащить на себе клиентов. Возможно, среди них есть погибшие». Самого Лопсанга я не видел. Лопсанг опять повторил: «Толя, иди наверх. Скотт сказал, что он ждет тебя, он верит в тебя, иди наверх. Он надеется, что ты принесешь ему кислород и горячий чай».

Вопрос: *Ты не видел Лопсанга во время разговора?*

Ответ: Я находился в тамбуре палатки и только слышал его голос. Я пытался объяснить ему, что происходит. «Лопсанг, нам надо помочь нашим клиентам, это минут пятнадцать ходу. Ты пойдешь?» А он снова: «Толя, иди наверх».

Вопрос: *Он не отвечал на твои вопросы?*

Ответ: Нет, он только повторял одну и ту же фразу, которая застряла у него в голове. Он не понимал моих слов. Он слышал мой голос и вспоминал, что ему нужно произнести. А мне надо было помочь пяти людям одновременно, мне одному. Из рассказа Лин и Клева я понял, что Ясуко Намбу и Бека Уитерза тоже нужно было спасать. Я залез в палатку Лопсанга, там были и другие шерпы. Я сказал Пембе: «Мне нужен кислород, найди его, а я пока пойду в другие палатки, к Робу Холлу. Может, кто-нибудь из его людей мне поможет». Я заглянул в первую попавшуюся палатку и сказал: «Кто-нибудь может мне помочь?» Тишина «Ясуко Намба и Бек Уитерз в опасности, кто-нибудь из вас пойдет со мной к ним?» Опять тишина. Другая палатка, третья — везде одно и то же. Потом я увидел палатку шерпов из экспедиции Холла и заглянул туда. Наконец кто-то отозвался на мои слова, и я сказал им: «Ясуко Намбе и Беку Уитерзу нужна помощь. Ваша экспедиция должна оказать поддержку. Надо, чтобы кто-нибудь из вас пошел со мной к клиентам. Готовьтесь к выходу». Потом я пошел к тайваньским палаткам. Там мне никто не ответил.

Оставляя Фишера на горе, Лопсанг обещал ему прислать помощь. Он сказал: «Жди здесь. Я... Я пошел вниз. Никуда не уходи отсюда, я пришлю к тебе шерпов с кислородом и чаем».* Простонав от боли, Фишер ответил ему: «Иди, иди, я же тебе сказал: быстрее вниз».* Напоследок Лопсанг в который раз повторил свою просьбу: «Скотт, я пришлю шерпов, я пришлю Толю. Только, пожалуйста, никуда не уходи отсюда. Я пришлю кислород и чай, но ты оставайся здесь».*

Как ни был плох Лопсанг, он сознавал, что шерпы «Горного безумия» не могут или не хотят идти наверх. Его последней надеждой был Букреев, но Анатолий только что узнал о пяти клиентах, терпящих бедствие недалеко от лагеря, причем трое из них были из «Горного безумия». Букреев не мог со всем справиться один. В поисках помощников он обошел все соседние палатки, заглянув и к клиентам Роба Холла, и к его шерпам, и к тайваньцам.

Участники экспедиции Роба Холла либо спали, либо не могли или даже не хотели оказать помощь Букрееву. Один из клиентов «Консультантов по при-

ключениям», Лоу Кашишке, потерял зрение из-за снежной слепоты и абсолютно беспомощный томился в одиночестве в своей палатке. Его соседи — Энди Харрис, Бек Уитерз и Дуг Хансен — к часу ночи не вернулись в четвертый лагерь.

Букрееву так и не удалось добиться поддержки от участников экспедиш-Роба Холла И это была уже не первая просьба о помощи, оставшаяся без ответа. Часом раньше Майк Грум, вернувшийся вместе с альпинистами «Горного безумия» Шенингом, Гаммельгард и Бейдлманом, точно так же обходил участников экспедиции «Консультантов по приключениям», упрашивая их помочь своим же клиентам. Там, на Южной седловине, Грум оставил Бека Уитерза и Ясуко Намбу, которые ждали, что к ним придут. Но Майку Груму повезло не больше, чем Букрееву.

Тайваньцы тоже не смогли прийти на помощь. Не смогли или не захотели.

Вопрос: *Что ты сделал потом?*

Ответ: Вернулся к Пембе.

— Горячее питье есть?

— Да, я приготовил.

— А кислород?

— Кислорода нет. Я не нашел.

— Что значит не нашел? Мне нужны баллоны с кислородом, нужны для клиентов!

— Все баллоны пусты.

Я стал спешно искать кислород. Я очень торопился. Может быть, кто-то из них сейчас умирает. Мне надо было спешить изо всех сил. Баллонов нигде не было. Тогда я снова зашел к шерпам. Они сидели тихо, как мыши. Они понимали: «Анатолий хочет, чтобы мы пошли с ним, а это так опасно...» И молчалие кругом. Я снова стал их уговаривать: «Лопсанг, кто-то должен...»

Вопрос: *Ты повышал голос при разговоре с ним?*

Ответ: Да, ведь снаружи дул сильный ветер. К тому же было очень холодно. И вообще, я был очень расстроен поведением Лопсанга.

Вопрос: *Что ты ему сказал?*

Ответ: Да все равно никто из них ничего не ответил. Молчали, как от жуткой усталости, когда нет сил и слово сказать. Я понимаю их, в самом деле тяжело решиться.

Обнаружив, что Пемба не нашел кислород, Букреев не поверил ему и пришел в ярость. Ждать было невозможно, всякая задержка могла стоить жизни

клиентам. На момент штурма в лагере оставалось пятнадцать баллонов «Поиск». Три он получил от Пембы раньше, а где же остальные? Они должны были находиться в лагере, и вдруг Пемба заявляет, что «кислорода нет»!

Вопрос: *То есть у тебя не было кислорода, чтобы взять с собой на гору?*

Ответ: Лин сказала мне, что Сэнди совсем плохо — надо было спешить. Я и так потерял много времени в поисках помощников. А теперь у меня не было кислорода, только маска со шлангом. В палатке шерпов «Горного безумия» со мной даже не стали разговаривать. И тут я увидел Лопсанга, который дышал кислородом. Я сильно разозлился: он тратит драгоценный кислород, хотя столько раз заявлял, что он «в кислороде не нуждается»! Я снял с него маску и забрал баллон. «Мне нужен кислород», — сказал я ему и взял баллон.

Вопрос: *Ты забрал его кислород?*

Ответ: Да, баллон и все остальное и убрал к себе в рюкзак.

Вопрос: *Он сопротивлялся?*

Ответ: Нет, совсем нет. Он был тише воды ниже травы. Конечно, он был не в восторге. Я сказал: «Людам плохо, им нужна помощь. Кого-то мне придется тащить на себе». Я спешил, очень спешил. Теперь у меня был кислород. Баллон вместе с маской и шлангом лежал в рюкзаке, там же был термос с горячим чаем. Я ничего не знал наверняка, но понимал, что медлить нельзя. В пятнадцати минутах отсюда... Сэнди — что с ней? Успею или нет? Я взял с собой все, что сумел раздобыть, и, не дождавшись помощи от остальных, поспешил наверх. Там был ужасный ветер, видимость нулевая. Я выбрал направление и старался его придерживать.

Вопрос: *Кислород ты отобрал у Лопсанга, чай взял у Пембы, и потом отправился на поиски. Как ты понял, куда надо идти?*

Ответ: Они сказали, что выше по склону подниматься не надо. Я так и сделал. Я помнил план Южной седловины, он был у меня в голове. И я даже не надел кошки, поскольку очень торопился, а наверх мне идти было не нужно. Зыйдя из лагеря, я стал ориентироваться по направлению ветра. Так я пересек Южную седловину, но ничего не увидел. Мой фонарь лишь чуть-чуть просвечивал через белую мглу. Так прошло... Не знаю точно, но не меньше пятнадцати минут. Я посмотрел на часы. Было не то пятнадцать, не то двадцать минут второго. Я стал то и дело смотреть на время, потому что очень торопился. Через пятнадцать минут я стал узнавать очертания большой скалы. За ней располага-

лась небольшая площадка, которая вела к стене Кангшунг, а перед скалой, метрах в тридцати—скальные останцы². Там я остановился. Видимость была нулевая, клиентов я не нашел. Тогда я попробовал подняться по склону, но без кошек это было невозможно. Я подумал, что люди могут быть немного выше, что Клев и Лин все же могли ошибаться, определяя их местоположение. Не найдя никого, я решил вернуться в лагерь.

Подгоняемый ветром, Букреев пошел в направлении, в котором, по словам Гаммельгард и Шенинга, должны были находиться клиенты. Пройдя сколько ему было сказано, он никого не нашел. Решив, что Гаммельгард и Шенинг ошиблись, он попробовал подняться наверх, но склон оказался слишком крутым, и без кошек преодолеть его было невозможно. Тогда Букреев повернул обратно в лагерь, навстречу разъяренному ветру, швырявшему ему в лицо снежное крошево.

Вопрос: *Ты опять пошел к Лин и Клеву?*

Ответ: Да, прямо к ним в палатку. Я сказал: «Там никого нет. Мне не удалось их найти. Где же они? Вы уверены, что не надо идти наверх?» «Нет, не надо», — ответили они. «Но я пересек всю седловину, дошел до конца скал — там никого нет». Тогда Лин и Клев сказали, что, возможно, надо было немного спуститься. «Ладно, значит, я их не заметил», — решил я. — «Пойду, попробую еще раз, спущусь пониже».

Вопрос: *Ты после этого пошел к шерпам?*

Ответ: Нет. Было уже почти два часа ночи. Выйдя от Лин с Клевым, я сначала пошел в палатку к Нилу. Он только начал приходить в себя, стал разговаривать. Нил рассказал мне про стену Кангшунг, как они спускались. Глядя на Нила, я не стал спрашивать, может ли он помочь. Мне и так было ясно. Я ведь не стал просить помощи у Клева, поскольку тот был совершенно обессилен недавним спуском. А Нил был даже в худшем состоянии. Посмотрев на него, я понял, как ему досталось. Он был обморожен, подавлен, и даже теперь у него был очень жалкий вид.

Вопрос: *Ты спросил у него про Скотта? Или он у тебя?*

Ответ: Он не спросил. Скотта он ни разу не упомянул. А мне и так уже все было ясно. Меня интересовали клиенты, что случилось с Сэнди, где она Пого-

² Останцы — изолированные возвышенные элементы рельефа, сохранившиеся от разрушения в виде отдельных массивов (*прим. перев.*).

ворив с Нилом, я пошел к шерпам. Там была полная тишина. Шерпы, как и клиенты, лежали без сил.

Вопрос: *А другие палатки ты обошел?*

Ответ: Да, и другие тоже. Никого не нашлось. Я и не ждал ничего другого. Я опять пошел к шерпам из экспедиции Роба Холла и сказал, что нужна помощь. «Кто-то должен пойти со мной», — сказал я им. Один из шерпов ответил, что он, быть может, пойдет. Выглянув из палатки и оценив погоду, этот шерпа сказал: «Хорошо». Потом он стал доставать рюкзак. «Отлично, — сказал я, — жду тебя в моей палатке». Минут через пять он должен был подойти. Я отправился к себе в палатку, чтобы хоть на время укрыться от ветра. Пять минут прошло, но никто не появился. Тогда я вылез наружу и увидел этого шерпу. Он сказал: «Знаешь, я не хочу идти с тобой. Такое дело, никто из шерпов со мной не пойдет, и мне это не нравится». «Что же тебе не нравится?» — спросил я. «Никто из шерпов не пойдет, — ответил он. — Почему я один должен рисковать?» Его имени я не знал, но он точно был из экспедиции Роба Холла. Услышав его слова, я понял, что зря старался. Я опять пойду один. Взял кислород и отправился искать клиентов.

Вопрос: *Ты попытался раздобыть еще кислорода или так и пошел с одним баллоном, который забрал у Лопсанга?*

Ответ: Так и пошел. Делать было нечего, приходилось спешить. Дойдя примерно до того места, где я остановился в первый раз, я увидел неподалеку слабый свет. Наверное, Тим включил тогда свой фонарь. Вскоре я увидел и источник света, а потом и самих людей. Было около двух часов ночи, когда я их нашел. Они сбились вместе, вплотную прижавшись друг к другу. Я подошел и спросил: «Как дела?» Они были как в полусне: движения замедленны, голос едва различим. Все были обморожены; Шарлотта не могла даже говорить, а Тим еле двигался.

Букреев вернулся на то же самое место, где был в прошлый раз. Однако на этот раз он не стал подниматься вверх, внимательно изучил окрестности. И по счастливой случайности он заметил свет фонаря Мадсена буквально в пятнадцати метрах от себя.

Мадсен, Питтман и Фокс сбились в кучу, а Ясуко Намба лежала рядом, видимо, без сознания. Бека Уитерза с ними уже не было. Клев сказал, что Уитерз куда-то ушел от их «стаи».

Вопрос: *Они стояли?*

Ответ: Нет, сидели. Никто не стоял.

Вопрос: *Сидели на голой земле?*

Ответ: Они сидели на своих рюкзаках. Когда я их увидел, когда понял, что происходит, я достал кислород, чай...

Вопрос: *У тебя был один баллон?*

Ответ: Один единственный. И один термос с чаем. Я налил по маленькой кружке Шарлотте, Сэнди и Тиму. Они пили, а я думал, что делать дальше. Я один, а их трое и еще рядом, в двух метрах, Ясуко Намба. Наконец я решился и надел маску на Сэнди.

Вопрос: *Сэнди что-нибудь говорила?*

Ответ: Нет, ничего.

Вопрос: *Как она себя вела?*

Ответ: Да никак, она очень замерзла. Только Тим мог немного разговаривать.

Вопрос: *То есть она не издала ни звука?*

Ответ: Ей было тяжело даже слово вымолвить. Сэнди... Мне самому трудно было разговаривать. Дул сильный ветер, наваливалась усталость. Дословно повторить наш разговор не берусь, но было примерно так: они... нет, Тим спросил: «А где остальные?» «Один я, больше никто не смог», — ответил я ему. Только один баллон с кислородом и никакого помощника. Сэнди молчала, Шарлотта тоже — они совсем окоченели. Сил у них почти не осталось. Тим еще мог говорить, но был очень заторможен. Дело ясное. Самим им отсюда не выбраться. Я спросил у них: «Кто-нибудь из вас сможет пойти со мной?» «Да, я пойду», — выговорила Шарлотта. «Я оставлю вам баллон с кислородом, — сказал я Тиму и Сэнди, — дышите по очереди. А ты, Шарлотта, пойдешь со мной». Буквально за минуту я опять собрал рюкзак, и мы с Шарлоттой отправились к лагерю. На мне в этот раз были кошки, но сильный ветер теперь дул прямо в лицо. Ничего не было видно. Я помогал Шарлотте устоять на ногах.

Вопрос: *Ей было тяжело стоять?*

Ответ: Очень. Она могла немного передвигаться, но только с моей помощью. Без меня — ни шагу. Мне было очень тяжело поддерживать равновесие.

Вопрос: *Ее равновесие?*

Ответ: Ну, да, чтобы она не упала. Дул очень сильный ветер и без меня она бы сразу свалилась.

Вопрос: *Правой рукой ты придерживал ее за талию ?*

Ответ: Да, а левую она положила мне на плечо.

Вопрос: *Она шла справа от тебя?*

Ответ: Да, так мы и шли. Ветер был слишком сильным. Я замерз, и она тоже. Шарлотта с трудом могла разговаривать. Шаг за шагом мы приближались к лагерю. И так четыреста метров: шаг левой, шаг правой. Иногда, когда я видел подходящее место, мы останавливались передохнуть. Я подыскивал для этого камень побольше, чтобы она могла сесть. С земли мне было бы тяжело ее поднять, а с камня еще куда ни шло. Так мы останавливались три, а может, и четыре раза. Потом я стал узнавать местность, на земле уже валялся мусор...

Вопрос: *Пустые баллоны?*

Ответ: Да, какие-то очень старые кислородные баллоны. Мои кошки стали скрежетать по металлу, и я понял, что мы близко. Оставалось метров двести.

Вопрос: *Шарлотта не пыталась поговорить с тобой по дороге?*

Ответ: Какое там! Она иногда выговаривала что-нибудь вроде «очень тяжело», и то с трудом. Мы шли долго, гораздо дольше, чем я один. Наверное, обратный путь занял у нас минут сорок пять. Шарлотта шла механически, как робот. Да и я тоже. Мы пересекли Южную седловину, и я увидел горящий в палатке фонарь. Наверное, это был Пемба..

Вопрос: *Никто не светил вам из лагеря?*

Ответ: Нет. Было около трех часов ночи, когда мы пришли в лагерь. Я снял с Шарлотты кошки, обвязку, все, что теперь ей было не нужно, и она вползла в палатку к Нилу. Я увидел, что тому уже много лучше. Он дышал кислородом, и силы стали возвращаться к нему. «Позаботься о ней», — сказал я Нилу. Сняв с него маску, я надел ее на Шарлотту. Я делал все чисто механически. Потом, оценив ситуацию, я снова пошел к шерпам. Опять я стал обходить палатки в поисках помощи, рассказывать им про Ясуко Намбу...

Вопрос: *Ты пошел в лагерь Холла и к тайваньцам?*

Ответ: Да, ко всем. Я обходил их хотя бы для того, чтобы немного передох-

нуть. Я очень устал, и мне надо было как-то расслабиться. Обходя палатки и прося о помощи, я все же отдыхал. Когда я это делал в первый раз, я очень топорился. А теперь я уговаривал шерпов Роба Холла, говорил про Ясуко Намбу, про ее состояние. Потом опять пошел к нашим шерпам, которые казались совершенно обессиленными. В тайваньской палатке, которая стояла напротив моей, никого не оказалось. Я очень устал и решил вернуться к себе в палатку. Я попросил Пембу приготовить для меня и Шарлотты горячий чай. Вскоре он принес чай ей, Нилу, а потом и мне.

Вопрос: *Лин и Клевуже спали?*

Ответ: Лин тоже попила чаю, а я рассказал ей про Шарлотту. «Я дал Сэнди кислород, а что делать с Ясуко Намба, даже не знаю»,—сказал я Лин. Я не нашел себе ни одного помощника. Каждый решил, что такое ему не под силу. Кислорода нет. Всего один баллон у клиентов, и больше ни я, ни Пемба найти не смогли.

Вопрос: *Ты снова разговаривал с Пембой по поводу кислорода?*

Ответ: Сначала я немного подождал, чтобы выяснить, не сможет ли кто мне помочь. Я обошел все палатки, начиная с лагеря Холла. Я очень устал, но понимал, что заставлять людей идти со мной я не вправе. Потом я забрался в палатку к нашим шерпам, снял с кого-то из них маску и забрал баллон. Упаковав рюкзак, я как можно быстрее отправился к нашим клиентам. Небо уже начало светлеть, то есть тогда было примерно минут пятнадцать пятого. К пяти часам уже можно было обходиться без фонаря.

Я вернулся на ту же площадку у стены Кангшунг. Тим и Сэнди к этому времени больше часа дышали кислородом и уже были в состоянии разговаривать. «Как дела?» — спросил я их. «Нормально», — сказали они. И Сэнди сама смогла ответить. Я понял, что ей стало намного лучше.

Вопрос: *Что она говорила?*

Ответ: Просто сказала мне, что «все в порядке». Я спросил их, что с Ясуко, которая лежала в двух метрах от нас. Я не стал выяснять, дали ли они ей чай и поделились ли кислородом. Баллон один, их трое. Чай я им тогда оставил, что дальше — не знаю. Мои силы тоже были на исходе. И тогда я, действуя как робот, взвалил на себя Сэнди Питтман, а дальше все было так же, как и с Шарлоттой.

Вопрос: *У тебя оставался еще баллон...*

Ответ: Я отдал его Тиму.

Вопрос: *Что он сказал?*

Ответ: Ничего. Надел маску и все. Да, я принес еще один термос с горячим чаем. Ужасно хотелось пить, поэтому я тоже отпил, и мы пошли к лагерю. Рассвет начинался около пяти утра, а когда мы дошли до лагеря, солнце еще не встало, но уже сильно посветлело. Словом, мы вернулись где-то в четыре-сорок, четыре-сорок пять. Я очень устал, был просто опустошен. Уже из последних сил я помог Сэнди и Тиму забраться в палатку, а потом присел отдохнуть. «Пемба, принеси чай мне в палатку», — сказал я ему. С Тима и Сэнди мне пришлось снять кошки, обвязку, рюкзаки и все прочее и помочь залезть в спальники. Мне нужно было хоть немного прийти в себя и согреться. Лин была рядом. «Толя, тебе надо передохнуть, — сказала она — Тебе нужен кислород, ты ужасно выглядишь». «Не волнуйся, со мной все в порядке. Как там Скотт?» — спросил я у нее. Я догадывался, что он сейчас в очень тяжелой ситуации. Все наши клиенты были в лагере, а Фишер все еще оставался на горе. Нужно было понять, что с ним сейчас происходит. Оставалось только надеяться, что он, профессиональный альпинист, сумеет лучше, чем клиенты, побороться за свою жизнь. Потом Пемба принес чай. Я пил и разговаривал с Пембой, объясняя ему наше положение. Ветер стал терять силу, и уже рассвело. Я сказал Пембе, что надо отправить двух шерпов с кислородом наверх к Фишеру. Он меня понял. Я сказал: «Поговори с Лопсангом и другими шерпами. Надо послать к Скотту помощь, отнести ему кислород. Постарайся найти кислород». После этого я залез в спальник, отпил еще чая. Потом я еще успел подумать о Скотте, а что было дальше, не помню: два часа я проспал.

Лин Гаммельгард увидела Букреева после того, как он привел в лагерь Мадсена (который мог идти сам) и дотащил Питтман. Она была потрясена тем, как он выглядел. «Я проснулась примерно в пять часов утра и увидела Анатолия. Он вернулся. Было уже светло. Толя сидел, не говоря не слова Он был совершенно опустошен. В нем ничего не осталось. И тут без всяких слов я вдруг поняла, что он привел-таки в лагерь Тима, Шарлотту и Сэнди, но ничего не смог сделать для Ясуко Намбы и другого альпиниста³, который остался с ней на седловине. Как я тогда это поняла, до сих пор не знаю».

³ Бека Уиперза.

Глава 20

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

К утру 11-го мая у «Горного безумия» иссякли последние запасы кислорода. Нил Бейдлман вместе с клиентами принял решение идти вниз. Некоторые участники не могли спускаться без кислорода, и тогда им на помощь пришла ИМАКС-экспедиция, предоставившая кислород из своих запасов.

Пока Бейдлман и клиенты готовились к спуску, двое шерпов «Горного безумия» и один шерпа из тайваньской экспедиции отправились наверх. Они несли кислород и горячий чай для Фишера и Макалу Го, которые всю ночь провели на горе, где-то чуть ниже Балкона. Букреев не хотел спускаться с остальными участниками, пока не станет ясно, что случилось с Фишером. Он сказал об этом Бейдлману.

Команда Роба Холла тем временем пребывала в полном хаосе. Всю ночь в лагерь поступали тревожные радиogramмы от Холла. Не в силах двигаться, он находился на Южной вершине, замерзая все больше и больше. Дуг Хансен, которого вечером 10-го мая видели рядом с Холлом, пропал без вести; его сочли погибшим. Что случилось с Энди Харрисом, тоже так никто и не узнал. Бек Уиттерз и Ясуко Намба были найдены четверьмя альпинистами из экспедиции Холла, — они лежали все там же, рядом со стеной Кангшунг, откуда в предрассветные часы Букреев вывел Питтман, Фокс и Мадсена. Невероятно, но и Бек, и Ясуко еще подавали признаки жизни. Посовещавшись, Джон Таек, Джон Кракауэр, Стюарт Хатчисон и Майк Грум не придумали ничего лучше, чем оставить несчастных, «где лежали», полагая, как написал потом Кракауэр, «что им уже не помочь».

Непосредственно перед тем, как шерпы из «Горного безумия» и тайваньской экспедиции вышли к Фишеру и Го, двое шерпов из команды Холла отправились на помощь к своим участникам. Они надеялись спасти самого Роба, а с ним и всех, кого еще удастся застать в живых. Но, напуганные ухудшением погоды, они повернули обратно, так никого и не найдя. В шесть двадцать вечера Роб, связавшись с лагерем по рации, смог поговорить со своей женой в Новой Зеландии¹. «Не волнуйся за меня», — сказал он ей на прощанье. Это были его последние слова

¹ Ян Арнольд, жена Роба, была в то время на седьмом месяце беременности (*прим. перев.*).

Когда Холл разговаривал с женой, Букреев снова был на горе. Он поднялся к Скотту. Шерпы, вышедшие туда раньше, возвратились в четвертый лагерь, приведя одного лишь Макалу Го. Горячий чай и кислород помогли вернуть его к жизни. Фишер, по их словам, еще дышал, но был без сознания. В час дня шерпы надели на него кислородную маску, открыли вентиль и ушли вниз, оставив ему полный баллон.

Я проспал примерно часа два. В половине восьмого Пемба принес мне горячий чай. Услышав, как кто-то из шерпов прошел мимо нашей палатки, я спросил: «Что сейчас происходит? Кто-нибудь пошел к Скотту?» Пемба подал мне чашку и ничего не ответил. Ничего. «Пемба, — обратился я к нему, — Скотту плохо, ему нужна помощь. Отправь к нему кого-нибудь из шерпов». Тогда Пемба пошел к палатке шерпов и начал что-то с ними обсуждать. У меня же совсем не было сил. Идти наверх сейчас не имело никакого смысла — сначала надо было хоть немного восстановиться.

В половине девятого я выглянул из палатки и заметил, что ветер стих. Еще я увидел, как двое шерпов вышли из лагеря и отправились наверх. «Это отец Аопсанга и Таши Шерна, — объяснил мне Пемба. — Они идут к Скотту». «А кислород они взяли?» — спросил я. «А,а», — ответил Пемба.

Потом я переговорил с Нилом. «Я думаю, что мне стоит остаться здесь, пока все не прояснится окончательно», — сказал я ему. Он не стал возражать и взял спуск клиентов на себя.

Опять поднялся сильный ветер, и мне пришлось укрыться в палатке. Около часа или двух дня я выбрался наружу и побеседовал с гидами «Альпийских восхождений» Годдом Бурлесоном и Питом Этансом. Они поднялись в четвертый лагерь специально для того, чтобы оказать помощь попавшим в беду. «Есть какие-нибудь новости?» — спросил я у них. Они сказали, что шерпы вернулись в лагерь и привели с собой Макалу Го. Тогда я отправился к тайваньцам.

Зайдя в палатку, я увидел Макалу Го. Аицо и руки у него были сильно обморожены, но говорить он все же мог. Я спросил у него, не видал ли он Скотта. «Да, — ответил Макалу, — он был рядом со мной всю ночь». После этих слов во мне словно что-то оборвалось. Вплоть до того момента я продолжал верить, что Скотта еще можно спасти, а теперь стало ясно — надеяться не на что. Тем не менее, я решил поговорить с шерпами, ведь они тоже поднимались на гору.

В палатке шерпов рыдал отец Аопсанга. «Мы ничего не могли сделать, ничего», — повторял он. Он очень плохо говорил по-английски, и мне сложно

было его понимать. «Что происходит?» — спросил я. «Скотт мертв», — ответили они.

- Он дышал?
- Да, дышал, но никаких других признаков жизни не было.
- Вы дали ему кислород?
- Дали.
- Лекарства?
- Нет.

Теперь ситуация прояснилась. Расспросив шерпов, я вышел из палатки \ снова обратился к Тодду Бурлесону и Питу Этансу: «Можете пойти со мной к Скотту? Он сейчас где-то на высоте 8 350 метров. Шерпы говорят, что он все еще жив».

Пит, который понимал по-непальски, был в курсе происходящего. «Я разговаривал с шерпами, — ответил он мне, — они утверждают, что Скотту уже нельзя помочь». «Почему? — возмущился я. — Нужно попытаться, может, у нас получится его спасти». «Погода вскоре опять испортится, — сказал Пит. — Ветер стих лишь на время, он снова усилится. А Скотт... Ведь ему не помог даже кислород». Тодд Бурлесон все время молчал, говорил один Пит Этане. «Аа, он дышал, — продолжил Пит, — но пить он уже не мог. Они пытались влить ему в рот горячий чай, но он был не в состоянии проглотить его. Это конец. Скотту уже не помочь». «Но он дышал, — ответил я. — Кислород мог за это время вернуть его к жизни. Я иду наверх».

Я вернулся в палатку шерпов и спросил у отца Лопсанга: «Я хочу знать подробности. Вы давали ему лекарства? Когда вы дали ему кислород?» «Мы оставили Скотту полный баллон, надели на него маску, включили подачу кислорода и ушли».

Закончив расспросы, я взял у шерпов рацию и связался с базовым лагерем. Я рассказал Ингрид² обо всем, что знал, и спросил у нее совета. Она была очень расстроена и сказала мне: «Толя, пожалуйста, сделай все, что в твоих силах. Придумай что-нибудь». — «Хорошо, я постараюсь, ты только объясни мне, что я должен делать». — «Скотту нужно сделать укол. У тебя есть такой маленький пакетик с инъекциями?» — «Аа». Ингрид объяснила мне, какое лекарство надо ввести, и я пообещал ей сделать все возможное. На этом наш разговор закончился.

Я снова пошел в палатку шерпов и увидел, что отец Лопсанга и некоторые другие шерпы пользуются кислородом. «Мне нужен кислород, — сказал я

² Ингрид Хант впоследствии уточнила, что на самом деле Букреев разговаривал не с ней, а с врачом экспедиции Роба Холла.

им. — Три кислородных баллона и еще термос с горячим чаем. Принесите их мне». «Что ты собрался делать?» — спросили шерпы. — «Я иду наверх». — «Ты сумасшедший», — ответили они.

Я ушел от них, а отец Аопсанга отправился к Питу Этансу и стал о чем-то говорить с ним по-непальски. Потом Этане подошел ко мне и спросил: «Толя, ты, куда собрался?» — «Я иду наверх. Мне нужен кислород и термос с горячим чаем». Пит принялся объяснять мне, что это опасная затея. «Сейчас небольшое затишье, — сказал он, — но потом снова начнется буря. Ты сильно рискуешь». «Я обязан пойти наверх», — ответил я.

У меня был большой высотный опыт, и я многое повидал за свою жизнь. В случае со Скоттом, как я объяснил Питу, ничего нельзя было сказать наверняка. При длительном пребывании на высоте все процессы в организме замедляются, так что Скотт вполне мог ожить после подключения кислорода. Скотт остался ниже Балкона, кислорода у него могло хватить максимум до семи часов вечера. Поэтому я должен был взять с собой кислород.

Пит, как и шерпы, считал, что идти наверх бессмысленно, но кислород для меня он достал. Правда, всего два баллона, а не три, как я просил. Полагаю, что это был кислород из запасов экспедиции Аэвида Бришера, но точно сказать не могу. Мне нужно было спешить. Не успел я собраться, как ветер снова усилился. Было примерно четыре часа дня или, может, пятнадцать минут пятого.

Я собрал рюкзак и приготовился к выходу, увидев Пита Этанса, я спросил у него: «Может, пойдешь со мной?» «Нет», — коротко ответил он. «А кто-нибудь еще, как ты думаешь?» — снова спросил я. Этанс... Этанс промолчал. Он был подавлен и чуть не плакал. Пит был уверен, что Скотту уже ничем не помочь.

Не успев пройти и 150 метров, я заметил нечто, двигавшееся мне навстречу; казалось, кто-то спускался вниз. Я был настолько удивлен, что не поверил своим глазам. Что это было? Призрак, галлюцинация? Я поспешил к нему. Вскоре передо мной предстал абсолютно замерзший человек. Он шел вниз, держа перед собой свои обмороженные, уже совершенно одеревеневшие руки, словно сдаваясь в плен. Впоследствии я узнал, что это был Бек Уитерз³.

«Ты кто?» — спросил я его. Он ничего не ответил. «Ты видел Скотта?» «Я никого не видел, я никого не видел, — повторял этот человек. — Никогда в жизни больше не пойду в горы. Я не пойду в горы. Никогда больше не пойду...» Это был какой-то сумасшедший монолог.

¹ Букрееву никто не сказал, что утром того дня Уитерза видели живым, лежащим в снегу на Южной седловине.

Я почувствовал, что и сам начинаю сходить с ума. «Анатолий, — сказала себе, — если ты собираешься идти наверх, тебе нужно как следует сообразить». И, повернувшись к лагерю, я закричал: «Бурлесон, Пит, помогите ему! Сможете? Я не могу терять ни минуты, я должен идти». «Не волнуйся, — ответили они мне, — мы о нем позаботимся».

Все убеждали меня, что идти к Скотту бессмысленно, но вот вам, пожалуйста, этот человек выжил; он даже сумел спуститься вниз. Встреча с ним придала мне сил. Я надел маску, подключил ее к баллону и отправился наверх. Я шел без передышки, стараясь двигаться как можно быстрее. Тем временем стало смеркаться, ветер усилился, и началась метель. Идти было очень тяжело.

И как раз часов в семь, может, в пять минут восьмого, я увидел Скотта. Было совсем темно, вокруг бушевала пурга, и я чудом разглядел его сквозь разрыв в снежной пелене. Молния на его куртке была растягнута, а одна рука была без рукавицы и обморожена. Я подошел к Скотту и снял с него кислородную маску. Лицо вокруг нее было обморожено; под ней кожа была теплее, но вся абсолютно синяя, как один сплошной синяк. Это было лицо мертвого человека. Дыхание прекратилось, челюсти стиснуты.

Все. Последние надежды были разбиты. Я ничем не мог помочь. Ничем. Я не мог оставаться здесь с ним.

Семь часов вечера и снова непогода. Кислород... Выходя наверх, я надеялся, что кислород мог спасти Скотта. Но теперь, когда даже подключенный баллон не принес никакого улучшения... ни пульса, ни дыхания — никаких признаков жизни...

Поднялся очень сильный ветер, а у меня уже не осталось сил. Но что, что я мог сделать? Будь Скотт в том же состоянии, что и Бек Уитерз, я бы ему помог. Он ожил бы так же, как раньше Уитерз. Кислород бы сделал свое дело, но теперь было уже слишком поздно. Это конец. А что делать мне?

Рядом лежал рюкзак Скотта, и я закрыл им его лицо, защитив от птиц. Закрепив рюкзак веревкой, я подобрал несколько пустых баллонов, валявшихся рядом, и прикрыл ими тело Скотта. В полвосьмого я стал быстро спускаться. У меня не осталось ни сил, ни эмоций — ничего. Не знаю, как и описать, что со мной творилось, я был просто убит увиденным.

Начался ураган, снежные заряды следовали один за другим. Я начал спускаться по перилам. Когда я прошел их до конца и оказался на высоте 8 200 метров, вокруг уже ничего не было видно. Кромешная тьма, примерно с семи часов сорока минут — никакой видимости. Я включил налобный фонарь и попробовал снова идти на кислороде. Вскоре я его отключил, потому

что маска мне только мешала. Два, максимум три метра просвета, а дальше полная темнота. Я снова оказался на площадке у стены Кангшунг. Где-то рядом должна была лежать Ясуко Намба. Видимость упала до двух метров, но я уже успел сориентироваться. Изменив направление, я прошел еще немного, и вскоре снег под ногами закончился. На земле валялись пустые баллоны. Еще чуть-чуть свернув, я вскоре вышел к палаткам.

Я знал, что наши палатки были не здесь, а чуть дальше. Приблизившись, я услышал громкие стоны и пошел на звук, не видя уже ничего. Заглянув в палатку, я понял, что это был Бек Уитерз. Он был один, он корчился от боли. Я не понимал, почему он его оставили одного, но разбираться в этом у меня уже не было сил. Я не мог помочь ему и отправился в свою палатку, залез в спальник и забылся сном.

Возвращаясь в четвертый лагерь, Букреев попал в ураган той же силы, что и в предыдущую ночь. Он спускался в полном одиночестве, полагаясь только на свою интуицию и знание местности. Никто не светил ему из четвертого лагеря, чтобы указать направление. Наткнувшись на брошенные кислородные баллоны, Анатолий окончательно сориентировался и вышел к лагерю.

Проходя мимо палаток, Букреев услышал крики, раздававшиеся из одной из них. Заглянув туда, он увидел оставленного всеми Бека Уитерза, который корчился от боли. Истощенный и обессиленный, едва выбравшийся из сильнейшего урагана, Букреев был не в состоянии помочь Уитерзу. Добравшись до своей палатки, Анатолий забрался внутрь и свалился как убитый.

Глава 21

ИНФОРМАЦИОННОЕ БЕЗУМИЕ

К утру 12-го мая никаких надежд на спасение Роба Холла, Дуга Хансена и Энди Харриса не осталось, и оставшиеся в живых участники «Консультантов по приключениям» начали свое печальное шествие вниз, к базовому лагерю Тодд Бурлесон, Пит Этане, Эд Вистурс и Дэвид Бришер помогли Беку Уитерзу и Макалу Го добраться до первого лагеря. Оттуда обмороженные альпинисты были на вертолете доставлены в одну из больниц Катманду.

Команда Холла еще только спускалась с горы, а Бейдлман и клиенты «Горного безумия» уже находились в базовом лагере. Там они решили немного передохнуть и набраться сил перед предстоящим походом в Сянгбоч. Из Сянгбоча до Катманду предполагалось добираться на вертолете; Тем временем высоко на горе Букреев собирал оставленное экспедиционное снаряжение. Закончив сборы, он также отправился вниз. В базовом лагере он появился вечером 13-го мая.

Утром 16-го мая Нил Бейдлман отправил сообщения для «Аутсайд Онлайн»: «Буквально через несколько часов мы отправляемся в Перич... У нас все ноет и болит, нам нужно как можно быстрее уходить отсюда». Эверест остался в прошлом.

Вскоре после сеанса связи Бейдлман и клиенты «Горного безумия» отправились в Перич, а Букреев начал одиночное восхождение на Лхоцзе.

Фишер успел выполнить обещание, данное Букрееву, и организовал экспедицию на Лхоцзе. Первоначально в нее записались Фокс, Мадсен и Питтман, а Букреев и Бейдлман были назначены гидами. Подавленный смертью Фишера и терзаемый воспоминаниями о Ясуко Намбе, которую он так и не сумел спасти, Анатолий снова рвался в горы. 17-го мая, без четверти шесть вечера он стоял на вершине Лхоцзе. Оттуда открывался великолепный вид на Эверест. В частности, был виден и путь, по которому несколько дней назад экспедиция «Горного безумия» шла к вершине. Взгляд Анатолия медленно поднимался по склону, пока не замер, словно споткнувшись, на маленькой черной точке на высоте 8 350 метров. Там навеки остался Скотт Фишер. Букреев так и не смог его спасти.

22-го мая последние клиенты «Горного безумия» покидали Катманду. Кто-то из них шел в бинтах, у кого-то почернела кожа, однако, к счастью,

обошлось без ампутаций. Шарлотта Фокс слегка прихрамывала, а Тим Мадсен и Лин Гаммельгард отморозили себе пальцы на руках. По высотным меркам все эти случаи можно было считать несерьезными. Повезло и мне: я лишь слегка поморозил руку (в результате чего вскоре на кончиках пальцев облезла кожа), нос и губы. Честно говоря, если принять во внимание то, что нам довелось пережить, все мы сравнительно легко отделались: нам удалось сохранить не только жизнь, но и все пальцы.

Букрееви Бейдлман остались в Катманду, чтобы окончательно уладить необходимые формальности. Как вспоминал Анатолий, основная ответственность тогда легла плечи Нила, для которого английский язык был родным, и потому, в отличие от Букреева, он не испытывал сложностей с общением. В результате выпавших на их долю испытаний оба гида были физически и морально истощены. Единственным их желанием было поскорее уехать из Катманду, прочь от злополучных гор. К тому же Букреев надеялся, что отъезд избавит его от чрезмерно пристального внимания прессы. С тех пор как экспедиция спустилась вниз и остановилась в отеле «Як и йети», журналисты следили за каждым шагом ее участников.

Оказывается, весь мир жаждал узнать, что же с нами произошло. Никогда прежде я не встречал такого горячего интереса к Гималаям. Меня удивляло подобное любопытство. Почему для многих столь притягательны все эти военные конфликты, катастрофы, стихийные бедствия? Не могу этого понять.

Как и большинство участников нашей экспедиции, я старался избегать встреч с прессой. Нам хотелось оставаться в своем тесном кругу. Теперь мы по-другому воспринимали окружающий мир. Он словно из черно-белого стал цветным. Радости обыденной жизни, привычные и незаметные прежде, теперь стали так много для нас значить. Те, кому посчастливилось выжить, по-новому стали ценить то, что им было даровано.

Наконец 24-го мая мы с Нилом закончили все дела в Непале. попрощавшись с шерпами и в последний раз посетив министерство туризма, мы отправились в аэропорт. После перелета в Денвер (штат Колорадо) Нил собирался ехать домой в Аспен, а меня в аэропорту должны были встретить друзья. Зайдя в самолет, я подумал, что хоть здесь сумею на время забыть о событиях 10-го мая.

Букреев и Бейдлман собирались сначала рейсом Тайских авиалиний вылететь в Бангкок, оттуда отправиться в Лос-Анджелес, а затем в Денвер. Не успели они устроиться на своих местах, как к ним подошла стюардесса. По ее словам, какой-то человек, назвавшийся другом Анатолия, хотел бы повидаться с ним перед вылетом.

Я не имел ни малейшего понятия о том, кто бы это мог быть. Мы с Нилом даже пошутили насчет русской мафии, разыскиваемой Интерполом. Выйдя в зал ожидания, я увидел двух журналистов с телекамерой, которые тут же бросились ко мне. Они осыпали меня градом идиотских вопросов о моем состоянии и моем отношении к произошедшей трагедии. Я разговаривал с ними минут пятнадцать. «Один треп, — подумал я. — Ничего содержательного».

Внимание прессы мешало Букрееву сосредоточиться, бесконечные вопросы сбивали его с толку. Случившееся на Эвересте было трагедией. Ее невозможно было объяснить за те несколько минут, которые отводились для репортажа Ничего, кроме многочисленных неудобств, подобные встречи Букрееву не приносили. В дальнейшем его общение с прессой приобрело и вовсе странный характер.

Весь перелет от Бангкока до Лос-Анджелеса я проспал, но сон мой был очень тревожным. То я из последних сил шел к вершине, то меня звали на помощь к погибающим альпинистам, а я все никак не мог дойти до них. Сны сменялись один другим, но суть их оставалась прежней: обмороженные, истощенные люди протягивали ко мне руки, моля о помощи, а я шел к ним навстречу и был не в силах их спасти.

Приехав в Санта Фе (штат Нью-Мексико), в дом, где он нашел приют, Букреев первые дни спал по двадцать часов в сутки. Ему нужно было восстановиться и подготовиться к осеннему сезону в Гималаях, но даже сон не приносил успокоения: те же тревожные образы будоражили его сознание.

Эти сновидения не покидали меня и в Санта Фе. Меня будили, кормили, а потом я снова проваливался в тревожное забытие. Я все время кого-то искал и не мог найти. Потом раздавались звонки — телефонные звонки, которые вновь возвращали меня к действительности. Я-то надеялся, что в Америке меня наконец оставят в покое. Но репортеры и здесь с легкостью разыскали меня.

Первым журналистом, добравшимся до Букреева, оказался Питер Уилкинсон, сотрудник журнала «Мэнз джорнал». Утром 4-го июня он позвонил Анатолию, когда тот еще завтракал. Уилкинсон сказал, что хотел бы взять интервью, и сразу же принялся задавать вопросы. Сложные английские фразы так и посыпались на Букреева. Он растерялся, поскольку его знания языка явно не хватало на то, чтобы во всем этом разобраться. Анатолий прикрыл ладонью трубку и спросил у своих друзей: «Что мне делать? Я понятия не имею, кто этот человек и чего он хочет».

Стараясь изо всех сил, Букреев начал было отвечать на его вопросы, но потом в отчаянии сдался. Заковыристые фразы Уилкинсона оказались слишком сложными для него.

Я вовсе не собирался ничего утаивать. Я чувствовал, что этот журналист действительно хотел узнать правдивую историю нашего восхождения; его интересовала точка зрения профессионала. Но мне было крайне важно, чтобы меня правильно поняли.

В результате они договорились продолжить беседу, когда Уилкинсон пригласит к себе в офис русского переводчика. Нетерпеливый репортер позвонил Букрееву на следующий же день. Он нашел переводчика, и интервью продолжилось. С трудом подбирая нужные слова теперь уже на родном языке, Букреев в конце концов в изнеможении бросил трубку. «Они ничего не понимают в горах! Я говорю по-английски лучше, чем их переводчица по-русски!»

Изучив текст интервью, присланный ему Уилкинсоном по факсу, Анатолий пришел в отчаянье. «Это просто уму непостижимо! Нельзя же так». Его ответы предстали в неузнаваемом виде, а в самом интервью появилось столько ошибок, что Букреев не мог дать согласия на публикацию.

Отвечая на вопросы журналистов, я был вынужден вновь и вновь переживать недавнюю трагедию. Мои сны становились все тревожнее; навязчивые образы преследовали меня каждую ночь.

Получив отказ на публикацию интервью, Уилкинсон отправил Букрееву свои вопросы в письменном виде с просьбой, чтобы тот ответил, когда в них разберется.

Утром 7-го июня я вылетел из Сиэтла в город Альбукерке. Сразу по прибытии я встретился с Ажейн Броне, и мы вместе продолжили работу над

вопросами Уилкинсона. На следующий день поминали Скотта, и, отправляясь к нему домой, я успел отослать факс Уилкинсону. Я написал что смог, хотя и понимал, что полной картины произошедшего мои ответы не давали.

Почтить память Скотта собрались люди со всего света. Несмотря на свое горе, родные и друзья Скотта были очень приветливы со мной и благодарили за предпринятые попытки спасти его. В ответ я бормотал какие-то слова, но мне было трудно разговаривать. Я был совершенно опустошен и не замечал происходящего вокруг. Я думал тогда о Скотте и Ясуко, которых не смог спасти, хотя и старался изо всех сил. Мне стало тяжело бывать на людях; даже встречи с самыми близкими друзьями меня теперь не радовали. Я хотел побыть один.

На следующий день состоялись еще одни поминки, уже в более узком кругу. Родители и друзья рассказывали о том, каким Скотт был в жизни и в горах, но мне по-прежнему было тяжело выносить это. Я не мог усидеть на месте и все время ходил, рассматривая развешенные по стенам фотографии Скотта. В чем-то мы с ним были похожи, в чем-то — полные противоположности. Случалось, что мы спорили, но, тем не менее, я всегда уважал Скотта. Он был замечательным альпинистом и очень хорошим человеком. Пройдет лет пять, а то и меньше, думал я тогда, и никто, кроме родных и нескольких друзей, не вспомнит о нем. Но все же я надеялся, что то хорошее, что Скотт Фишер принес с собой в альпинизм, не исчезнет никогда. При встрече с ним нельзя было остаться равнодушным; он завораживал и друзей, и клиентов своим воодушевлением и энергией. Скотт был в большей степени романтиком, чем бизнесменом, и я очень ценил в нем это. Он был сильным и в то же время очень добрым человеком, он любил жизнь и своим примером заражал других. Мне кажется, что после встречи с ним я сам в чем-то изменился.

К удивлению и огорчению Букреева, пресса не оставила его в покое и во время траурной церемонии. Несколько журналистов не преминули накинуться на него с вопросами, и Анатолий постарался по мере возможности удовлетворить их любопытство. Представители изданий «Лайф» и «Тонинг пойнт» (агентство Эй-Би-Си) обратились к нему с просьбой об интервью, и Букреев не стал отказывать им. Он считал своим долгом объяснить, что же произошло в те трагические дни. Букреев старался выражать свои мысли как можно более четко, боясь быть неправильно понятым. Он знал далеко не все, будучи лишь одним из многих участников тех событий, и ему самому было крайне важно понять, где была допущена ошибка

Взял у него интервью и Джон Кракауэр, который решил обстоятельно опросить всех участников экспедиции. Впоследствии Букреев вспоминал, что разговор имел очень узкую направленность. Анатолий по-прежнему говорил по-английски с трудом, и Кракауэр, казалось, был разочарован. Желая лучше разъяснить свою точку зрения, Букреев вручил журналисту ксерокопию своих ответов на вопросы Уилкинсона. Там Букреев четко излагал все подробности своей встречи со Скоттом, когда тот шел к вершине, а Анатолий спускался к нему навстречу. Приводим отрывок из этого текста:

«Скотт поднялся по перилам ко мне, и мы с ним переговорили. До вершины ему еще оставалось от получаса до часа. Я не знал, в каком темпе он шел тогда. Скотт был главным в экспедиции, все решения он принимал сам. Он мог остаться и подождать клиентов, а мог и продолжить подъем. Что я думал? Скотт оставался самим собой. Физически он был очень силен, а что касается самочувствия, то на такой высоте никому особенно хорошо не бывает. Скотт отвечал в этой экспедиции за все, и он решил идти к вершине. Почему? Не знаю. Когда я спросил, как он себя чувствует, Скотт сказал, что он в полном порядке. Надо знать Скотта: у него всегда было "все в порядке". Он был очень сильным альпинистом, одним из самых сильных в Америке, и сложно было предвидеть, что он попадет в такое положение. Мне нужно было заботиться о клиентах, обо всех участниках, но я не ожидал, что что-то может случиться с самим Скоттом. В основном мы с ним говорили о клиентах. На мой взгляд, все они были в неплохом состоянии. Я рассказал об этом Скотту и спросил, что мне делать дальше. Что он ответил? Мы обсудили с ним необходимость поддержки экспедиции снизу, из базового лагеря, и Скотт одобрил мою идею о спуске. Тогда все еще шло хорошо. С моей точки зрения, не имело никакого смысла, чтобы я здесь торчал, замерзая в ожидании остальных участников. Разумнее было спуститься в четвертый лагерь, откуда я мог в случае необходимости принести кислород или же выйти на помощь к оставшим клиентам. Стоя на такой высоте без движения, очень быстро замерзаешь. Силы оставляют тебя, и ты становишься ни на что не способен».

В конце июля Букреев получил на руки экземпляр статьи Кракауэра, и, по случайному стечению обстоятельств, в тот же день к нему в гости приехал Мартин Адамс. Они расстались еще в Катманду и с тех пор не виделись. Теперь Мартин специально приехал в Санта Фе, чтобы встретиться с Анатолием. Вечером Букреев, Адамс и их друзья собрались все вместе за большим столом возле

дома. Статью Кракауэра решили зачитать вслух. При первом же упоминании своей фамилии Анатолий подался вперед, стараясь не упустить ни слова «Букреев вернулся в четвертый лагерь в половине пятого вечера, прежде чем на маршрут обрушился ураган, — писал Кракауэр. — Сломя голову он помчался вниз с горы, не дожидаясь своих клиентов. Поведение для гида, мягко говоря, странное».

Анатолий обвел глазами присутствующих, недоумевая, правильно ли он понял услышанное.

Скотт лично одобрил мое решение спускаться и ждать участников в лагере, чтобы, если понадобится, выйти к ним навстречу. В этом и состоял наш план, который в конечном счете оказался правильным. Я не понимаю, почему Кракауэр так написал.

В продолжение своей статьи Кракауэр давал читателю понять, что, останься Букреев с клиентами, проблем на спуске у них бы не было. Утверждение в высшей степени несправедливое.

Окончательная уверенность в том, что погода испортится, пришла ко мне лишь на заключительной стадии спуска. Меня, как и Скотта, куда больше заботило то, что у клиентов заканчивался кислород. Я выполнял поручение Скотта. Если бы я оказался вместе с клиентами, когда разыгралась непогода, то, скорее всего, мы бы все погибли. Я говорю это совершенно искренне. Я не супермен; в таких условиях мы бы наверняка остались на горе навсегда.

Букреев, извинившись, вышел из-за стола и принес из дома англо-русский словарь. Когда чтение возобновилось, он то и дело искал в нем незнакомые слова, пытаясь уловить суть. «Поспешность Букреева, скорее всего, объяснялась тем, что у него не было с собой кислорода, да и одежда на нем была не такая теплая, как у всех окружающих. Ему ничего не оставалось, кроме как немедленно идти вниз».

На этот раз, выходя из-за стола, Анатолий не произнес ни слова, но спустя несколько минут он вернулся, держа в руках фотографии. Взглянув на одну из них, Мартин Адамс увидел себя вместе с Букреевым на вершине Эвереста. «Толя, — сказал Мартин, — к чему мне разглядывать все эти снимки. Я и так знаю, что ты был одет не хуже остальных, ведь я же сам покупал для тебя эту куртку». Вынув изо рта сигару, Мартин покачал головой. «Ну и дает же этот

писака. Совсем заврался». На фотографии, Букреев был в той самой куртке, которую Адамс подарил ему накануне экспедиции. Себе Мартин купил точно такую же, только другого цвета.

Замечание об отсутствии кислорода также неприятно удивило Букреева.

Я занимаюсь альпинизмом уже более двадцати пяти лет и лишь при одном восхождении на восьмитысячник пользовался кислородом. У меня никогда не возникало затруднений из-за отсутствия вспомогательного кислорода. Скотт был согласен с моим решением идти без кислорода.

В конце статьи Кракауэр привел трогательную историю своей встречи с Энди Харрисом — гидом экспедиции Роба Холла. По словам Кракауэра, их беседа состоялась на спуске, чуть выше четвертого лагеря. Кракауэр предупредил своего гида о том, что ледяной склон, отделявший их от долгожданного четвертого лагеря, был весьма опасен. Поскользнувшись, Харрис сорвался вниз по склону и, по мнению Кракауэра, скорее всего, вылетел на обрыв стены Лхоцзе, где и погиб. После того как чтение закончилось, Адамс усмехнулся и сказал: «Это был я. Это со мной он тогда разговаривал». За несколько недель до своего вылета в Санта Фе Мартин беседовал с Кракауэром по телефону. Кракауэр спросил у него, возможно ли, что неподалеку от лагеря он тогда встретился с ним, с Мартином, а не с Энди Харрисом. Адамс не стал отвечать сразу. Он еще раз внимательно перечитал записи, которые вручил ему Кракауэр непосредственно после трагических событий. Сличив текст беседы со своими воспоминаниями, Адамс пришел к выводу, что Джон заблуждался. Мартин перезвонил ему и сказал, что убежден в том, что это был он, Мартин, а никак не Энди Харрис. Видя, что журналист по-прежнему сомневается, Адамс предложил ему пари: «Десять против одного, что это был я». Кракауэр, по словам Мартина, пари не принял и потребовал дополнительных доказательств.

Букреев был оскорблен этой статьей. Он никак не мог понять, зачем Кракауэру понадобилось выставить его в таком свете? Ведь Букреев отослал ему текст своего интервью с Уилкинсоном, где подробно объяснил, почему он решил спускаться вниз. Что произошло? Букреев неправильно понял вопросы Кракауэра? Или Кракауэр неверно истолковал его ответы? Но почему? Ведь еще в начале июня он предоставил редколлегии «Аутсайда» полную запись своей беседы с Уилкинсоном. Тогда Букреева приглашали в редакцию, чтобы договориться с ним об использовании его фотографий в материале Кракауэра.

По мнению Букреева, редакция проигнорировала эту запись, в которой, в частности, рассказывалось о его разговоре со Скоттом Фишером на ступени Хиллари. Не было проверено и то, как он был одет в тот день. 31-го июля при помощи своих друзей Анатолий составил обращение к Марку Бранту, редактору журнала «Аутсайд». Ниже приводится текст этого письма

Соединенные Штаты, штат Нью-Мексико, 87501,
Санта Фе, Маркет стрит, 400
редактору журнала «Аутсайд»
Марку Бранту

Уважаемый господин Брант!

Обращаюсь к вам, так как считаю, что статья Джона Кракауэра, опубликованная в сентябрьском номере вашего журнала за 1996-ой год, содержит несправедливую критику моих действий, предпринятых на Эвересте 10-го мая 1996-го года. Я с большим уважением отношусь к господину Кракауэру и отчасти разделяю его взгляды на роль гида в высотных экспедициях. Не сомневаюсь, что он сделал все возможное для спасения своих товарищей в тот трагический день. Лишь незнание им некоторых деталей, а также недостаток высотного опыта помешали ему воссоздать полную и объективную картину тех событий.

Все мои действия были основаны на более чем двадцатилетнем опыте высотных восхождений. За свою жизнь я трижды поднимался на Эверест и двенадцать раз — на вершины высотой более 8 000 метров. Мною были покорены семь из четырнадцати восьмитысячников, причем все — без использования кислорода. Я отлично понимаю, что сам по себе этот опыт еще не дает ответа на все вопросы, и потому перехожу к детальному рассмотрению событий.

Провесив перила до самой вершины, я стал ждать появления наших участников. На вершине Эвереста я находился с 13:07 до 14:30. За это время только двое клиентов достигли цели. Это были Клев Шенинг и Мартин Адамс; оба — участники экспедиции Скотта Фишера. Меня тревожило отсутствие остальных. Не имея радиосообщения с ними, я предположил, что они столкнулись с какими-то трудностями при подъеме. Поэтому я принял решение спускаться к ним навстречу.

Чуть ниже вершины я встретил идущего вверх Роба Холла, руководителя новозеландской экспедиции. Он, как мне показалось, был в хорошей форме. Потом я увидел четырех клиентов «Горного безумия» и четырех наших шер-

пов. Все они продолжали подъем и чувствовали себя нормально. Над ступенью Хиллари я встретил самого Скотта. Он выглядел усталым, хотя, по его словам, шел нормально, разве что немного медленней обычного. Его состояние, как мне показалось тогда, не внушало тревоги, хотя сейчас я понимаю, что кислород у него был уже на исходе. Мы обсудили сложившуюся ситуацию. Я сказал, что, поскольку восхождение затянулось, то кислород у участников может закончиться еще до их возвращения в четвертый лагерь. Я считал, что мне нужно как можно быстрее спуститься в четвертый лагерь, чтобы там согреться, выпить горячего чая, прийти в себя и быть готовым к возможному выходу наверх, на помощь спускающимся альпинистам. Скотт, как и прежде Роб Холл, выразил полное согласие с моим планом. За клиентов я мог не беспокоиться, так как с ними оставались еще четверо шерпов, Нил Бейдлман (второй гид нашей экспедиции), Роб Холл и Скотт Фишер, которые в случае чего оказали бы им необходимую помощь. Подчеркиваю, что на момент нашего разговора никаких четких признаков ухудшения погоды, притом такого сильного и внезапного, еще не было.

Принятое решение позволило мне:

1) спуститься в четвертый лагерь к пяти часам вечера (меня задержал поднявшийся ветер), подготовить кислород и все необходимое и в шесть часов, невзирая на разыгравшуюся бурю, в одиночку выйти на поиски отставших альпинистов;

2) после нескольких неудачных попыток отыскать их, замерзших и сбившихся в кучу, дать им кислород, напоить чаем и обеспечить их спуск в четвертый лагерь.

Господин Кракауэр затрагивает также тему вспомогательного кислорода. По его мнению, отсутствие у меня во время восхождения кислорода могло отрицательно сказаться на моих физических возможностях. В связи с этим хочу отметить, что за долгие годы занятий альпинизмом (список моих восхождений приведен выше) я привык обходиться без вспомогательного кислорода. Лично для меня в случае успешно проведенной акклиматизации более безопасными являются именно бескислородные восхождения, поскольку отсутствует риск внезапного ухудшения самочувствия в случае, если кислород закончится.

Мое физическое состояние, многолетний высотный опыт и обширная практика восхождений, а также специальная подготовка и умение правильно оценить свои силы позволяли мне чувствовать себя уверенно и без кислорода. Скотт Фишер также одобрил мое решение. Он лично санкционировал мой выход на гору без кислорода.

Следует добавить, что в качестве меры предосторожности в день восхождения я, тем не менее, взял с собой баллон кислорода, маску и шланг. На подъеме некоторое время я шел рядом с Нилом Бейдлманом. На высоте 8 500 метров, оценив свое самочувствие, я решил отдать свой баллон Нилу, потому что опасался, что ему может не хватить кислорода. Дальнейшие события только подтвердили правильность моего решения — при спуске клиентов на долю Нила выпала колоссальная нагрузка, с которой он едва ли справился бы, не будь у него лишнего кислорода.

Наконец, господин Кракауэр задается вопросом о моей недостаточной, с его точки зрения, экипировке в день восхождения. Однако по фотографиям, сделанным в тот день, можно с уверенностью сказать, что на мне была самая современная высотная одежда, не уступающая по качеству одежде остальных участников.

В заключение хочется отметить, что трагедия 10-го мая 1996-го года произошла не вчера. За время, прошедшее с тех пор, каждый из нас, участников тех событий, имел возможность сопоставить свои воспоминания с рассказами других и прийти к определенным выводам. Мое мнение состоит в следующем. Если бы я не спустился тогда в лагерь, то — с учетом разыгравшейся бури и почти нулевой видимости — у всех нас осталось бы существенно меньше шансов. Окажись я тогда с ними, едва ли мне удалось бы найти четвертый лагерь; куда вероятней было всем вместе сгинуть в этой буре. Конечно, я мог бы отправиться за помощью в четвертый лагерь, но, как выяснилось впоследствии, находившиеся там люди не могли или не хотели прийти на помощь попавшим в беду альпинистам.

Уверен, что господин Кракауэр, как и я, скорбит о погибших и тяжело переживает эту утрату. Нам обоим хотелось бы, чтобы в тот день все произошло по-другому. Нам необходимо как следует разобраться в произошедшей трагедии. Надеюсь, что наш горький опыт послужит уроком для тех, кто вслед за нами примет вызов гор. Я всецело приветствую стремление господина Кракауэра докопаться до правды и готов всячески помогать ему в этом.

С уважением, Анатолий Николаевич Букреев.

31 июля 1996 года

1-го августа пришел официальный ответ на это письмо. Старший редактор Брэд Ветцлер сообщил Букрееву, что присланный текст был слишком велик, чтобы опубликовать его в разделе писем. Ветцлер предложил Букрееву

уменьшить размер сообщения до 400 слов, чтобы уложиться в отведенные рамки. Анатолий отказался.

Соединенные Штаты, штат Нью-Мексико, 87501,
Санта Фе, Маркет стрит, 400,
редакция журнала «Аутсайд»,
Брэду Ветцлеру

Уважаемый господин Ветцлер!

Прочитав Ваш ответ от 1-го августа сего года (текст прилагается), где мне было предложено сократить текст письма до 400 слов, я почувствовал себя во многом так же, как Джон Кракауэр, когда тому пришлось отвечать на многочисленные вопросы журналистов. Мои возражения на измышления Джона нельзя втиснуть в рамки небольшой заметки. Попытаюсь объяснить, почему.

Джон критически отозвался о моем решении спускаться вниз, несмотря на то, что в его распоряжении имелся текст моего интервью. Там я подробно объяснял причины, побудившие меня отправиться вниз, и подчеркивал, что мое решение было одобрено Скоттом Фишером. Другая копия этого интервью была передана мной в редакцию вашего журнала. Произошло это до выхода в свет сентябрьского номера журнала. Без сомнения, Джон Кракауэр вправе давать свою собственную оценку событий. Но вызывает удивление, почему он, имея на руках факты, прямо противоречащие его умозаключениям, не счел нужным позвонить мне и прояснить эти вопросы. Все мои координаты, включая номер телефона и факса, имелись в его распоряжении.

Высказывания Джона о моей плохой экипировке во время восхождения совершенно несостоятельны. Достаточно хотя бы мельком взглянуть на фотографии, сделанные в тот день. Я решительно не понимаю, что могло натолкнуть Джона на такое предположение.

Столь же беспочвенны и замечания Кракауэра о моем восхождении без кислорода. Каждому, кто ознакомился со списком моих восхождений (Джону подобный перечень был выслан), становится ясно, что на высоте я предпочитал обходиться без кислорода, причем делал это давно и успешно. Более того, как я уже упоминал в своем предыдущем письме от 31-го июля, мое решение было согласовано со Скоттом Фишером. Скотт был отлично осведомлен и о моем стиле хождения, и о моих спортивных достижениях. Как мне кажется, действия, предпринятые мной 10-го и 11-го мая, служат достаточным подтверждением его веры в мои силы.

В целом комментарии Кракауэра вызывают удивление. Имея перед собой письменное опровержение своих слов, он не потрудился ни перепроверить изложенные факты, ни позвонить, чтобы уточнить детали.

В этом письме, равно, как и в предыдущем, от 31-го августа, я не предполагал и не предполагаю, что мои действия на горе не подлежат критике. Как; и остальные участники, я вновь и вновь задаюсь вопросом, «что было бы, если...» Однако я протестую против публикации суждений, не имеющих никакого фактического подтверждения и более напоминающих клевету.

Если бы в статье был неправильно нарисован маршрут или названа ошибочная высота, я бы с легкостью уложился в четыре сотни слов. Но, поскольку в данном случае были затронуты существенно более важные вопросы, я бы просил уважаемую редакцию пересмотреть свое решение и опубликовать мое письмо целиком.

С уважением, Анатолий Букреев.
2 августа 1996 года

2-го августа Ветцлер в своем ответном письме предложил Букрееву «отточить аргументацию» и сократить текст на сей раз до 350 слов, пообещав свое содействие в создании «более сильного художественного образа». Букреев вновь ответил отказом.

Соединенные Штаты, штат Нью-Мексико, 87501,
Санта Фе, Маркет стрит, 400,
редакция журнала «Аутсайд»,
Брэду Ветцлеру

Уважаемый господин Ветцлер!

Благодарю Вас за письмо от 2-го августа и за внимание, проявленное к моей просьбе.

Ваше предложение о содействии в редактировании моего письма очень любезно. К сожалению, дать исчерпывающий ответ Джону Кракауэру, уложившись в 350 слов, не представляется мне возможным. Мое письмо посвящено очень важным вопросам. В нем содержится не только опровержение очевидной клеветы, но и мой личный взгляд на трагедию. Я всячески поддер-

живаю идею восстановить хронологию тех событий, однако считаю, что опираться следует исключительно на факты, а не на досужие измышления.

Редактировать письмо с целью сделать его более «литературным» означало бы выбросить из него все «лишнее» и, тем самым, лишить мой ответ его самой сути.

Я благодарен за Ваше внимание к данному вопросу.

С уважением, Анатолий Букреев.

5 августа 1996 года.

Через девять месяцев, в апреле 1997-го года, Кракауэр выпустил свою книгу «В разреженном воздухе». Книга представляла собой дополненную версию статьи, опубликованной им ранее в журнале «Аутсайд». Несмотря на интенсивный сбор данных, предшествовавший выходу книги, позиция Кракауэра по отношению к Букрееву практически не изменилась. Тем не менее, он все же привел в своей книге отрывки из интервью, данного Букреевым Уилкинсону. Текст этого интервью был предоставлен Кракауэру еще в июне 1996-го года. Журналист цитирует следующие фрагменты: «Я провел на вершине около часа... Было очень холодно, это отнимало все силы... С моей точки зрения, не имело никакого смысла, чтобы я здесь торчал, замерзая в ожидании остальных участников. Разумнее было спуститься в четвертый лагерь, откуда я мог в случае необходимости принести кислород или же выйти на помощь к оставшим клиентам. Стоя на такой высоте без движения, очень быстро замерзаешь. Силы оставляют тебя, и ты становишься ни на что не способен».

Продолжая свое повествование, Кракауэр пишет, что «как бы там ни было, вскоре он, обогнав основную группу, припустил вниз». Как и в своей статье, журналист дает читателю понять, что Букреев действовал исключительно в собственных интересах, в ущерб остальным участникам.

Сравнивая процитированный Кракауэром отрывок с оригинальным текстом интервью Уилкинсону, можно заметить, что там опущен целый абзац, где Букреев объясняет, почему он решил опередить остальных участников: «Я рассказал об этом (о состоянии участников — *прим. перев.*) Скотту и спросил, что мне делать дальше. Что он ответил? Мы обсудили с ним необходимость поддержки экспедиции снизу, из базового лагеря, и Скотт одобрил мою идею о спуске. Тогда все еще шло хорошо».

Букреев никак не мог понять, почему Кракауэр в очередной раз был столь критичен к его действиям. Почему тот никак не хотел смириться с мыслью,

что Анатолий не пренебрегал своими обязанностями, а, напротив, выполнял распоряжение руководителя экспедиции Скотта Фишера. Букреев удивился еще больше, когда ознакомился с текстом интервью, взятого его соавтором. Вестонем Де Уолтом у Джейн Броне в марте 97-го. В той экспедиции Броне была пресс-секретарем Фишера, и с ней он не раз подробно обсуждал ход событий и дальнейшие планы «Горного безумия».

Броне: Знаешь, я хотела тебе рассказать одну вещь. Не знаю, следует ли мне об этом говорить, но Толин спуск вниз был в некотором смысле продуманным ходом. Мы планировали это.

Де Уолт: Что значит: «планировали»?

Броне: Когда мы со Скоттом обсуждали возможное... развитие событий, то среди прочих вариантов был и такой. В случае осложнения ситуации Толя должен был быстро спуститься вниз и вернуться на гору с кислородом и всем необходимым.

Де Уолт: То есть ты утверждаешь, что Скотт сказал тебе об этом еще до штурма?

Броне: Да, еще в базовом лагере. За несколько дней до этого [до моего отъезда из базового лагеря].

Де Уолт: Правильно ли я понял, что Скотт сам сказал тебе, что в случае, если дела на горе пойдут плохо, он отправит Толю вниз, чтобы тот подготовился к выходу навстречу спускавшимся альпинистов?

Броне: Да, так он мне сказал.

Де Уолт: Ты сообщила об этом Кракауэру, когда он брал у тебя интервью? Все, что сейчас рассказала мне?

Броне: Да.

29-го мая 1997-го года «Уолл Стрит Джорнал» опубликовал рецензию на книгу Джона Кракауэра «В разреженном воздухе». Ее автором был Гален Ровелл, очень уважаемый в Америке альпинист и писатель. Рассуждая о том, каким показан Букреев в книге Кракауэра, Ровелл пишет:

«Анатолий Букреев предстает перед читателем как безответственный русский гид, который не считает нужным помогать клиентам и пренебрегает использованием вспомогательного кислорода. В изложении Кракауэра Букреев сумевший справиться с почти безвыходной ситуацией, более напоминает безалаберного работника, которому каким-то чудом удалось выйти сухим из воды, чем человека сказочной отваги, настоящего героя, каковым его, без сомнения,

сочли бы еще в недавнем прошлом. Пока господин Кракауэр спокойно спал, а никто из гидов, клиентов или шерпов не нашел в себе мужества покинуть лагерь, Букреев в одиночку несколько раз выходил наверх. Ночью, на восьмикилометровой высоте, он шел сквозь бушевавшую снежную бурю и спас троих альпинистов, уже стоявших на грани смерти. Тем не менее, упоминанию о Букрееве не нашлось места в трехстраничной статье, опубликованной в журнале "Тайм" за подписью одной известной в свете особы, которой и в голову не пришло сообщить читателям о том, что Анатолий спас ей жизнь.

В книге господин Букреев постоянно подвергается критике за свой быстрый спуск в отрыве от основной группы. Хотя Кракауэр не в силах отрицать его достоинств как альпиниста, в своей книге он лишь вскользь упоминает о проведенной Букреевым уникальной спасательной операции. В истории мирового альпинизма сделанное им не имеет аналогов. Человек, которого многие называют "тигром Гималаев", сразу после восхождения без кислорода на высшую точку планеты без всякой помощи несколько часов подряд спасал замерзающих альпинистов. Господин Букреев известен своими скоростными одиночными восхождениями на самые высокие вершины мира, он тратит менее суток (в том числе и зимой) на их покорение. Он никогда не пользовался кислородом, положив для себя это за правило. Как опытный альпинист, Букреев предвидел затруднения, с которыми могли столкнуться клиенты на спуске к лагерю. Учитывая, что с группой на горе оставалось еще пятеро гидов, он счел для себя разумным отправиться вниз и восстановить там силы, чтобы быть готовым к активным действиям в случае осложнения обстановки. Говорить, что ему повезло — значит недооценивать совершенного им. Это был настоящий подвиг».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Отправляясь весной 1996-го года в экспедицию на Эверест, Скотт Фишер сказал Карен Дикинсон, своему секретарю: «Кто знает, что с нами может случиться?» Теперь настало время задаться вопросом: «Так что же случилось тогда на Эвересте?»

Из тридцати трех альпинистов, взошедших на вершину Эвереста по южному склону, в лагерь вернулось только двадцать восемь. Экспедиция «Горного безумия» потеряла своего руководителя, Скотта Фишера В экспедиции «Консультантов по приключениям» Роба Холла, кроме самого Роба, погибли гид Энди Харрис и двое клиентов, Дуг Хансен и Ясуко Намба.

Трое клиентов «Горного безумия» — Сэнди Хилл Питтман, Шарлотта Фокс и Тим Мадсен — едва не погибли. Еще двое из чудом оставшихся в живых, Бек Уитерз и Макалу Го, получили серьезные обморожения, что впоследствии привело к ампутациям.

Судя по рассказу¹ Лопсанга Янгбу, с большим основанием можно предполагать, что вечером 10-го мая 1996 года у Скотта Фишера произошел отек головного мозга². Была ли болезнь скоротечной или она стала следствием общего ослабления организма, сейчас точно сказать нельзя.

Фишер скончался примерно в пятистах метрах по вертикали от четвертого лагеря. Лопсанг более пяти часов в одиночку пытался помочь своему другу и наставнику спуститься с горы. Его героические усилия так и не увенчались успехом.

Позднее Бейдлман и Букреев сожалели, что, встретившись с Фишером, не заподозрили неладное. И Нил, и Анатолий уверены, что иначе они сумели бы уговорить Скотта повернуть назад. Лопсанг, узнав о смерти Фишера, во всем винил одного себя³.

Некоторые особенно въедливые исследователи пытаются отыскать причину смерти Фишера в причудливых сюжетах его биографии, считая, что какая-

¹ На разборе восхождения, состоявшемся в базовом лагере 15-го мая 1996 года.

² На большой высоте это заболевание подстерегает каждого. Несколькими неделями раньше его жертвой стал другой участник экспедиции «Горного безумия», шерпа Нгаванг Топше. Несмотря на предпринятые усилия, включая экстренную эвакуацию пострадавшего на вертолете в Катманду, спасти его так и не удалось. Не прошло и месяца со времени приступа болезни во втором лагере, как Нгаванга Топше не стало.

³ С горечью надо сказать, что Лопсанг ненадолго пережил своего учителя. Он так и не успел смириться со смертью Фишера. Через три с небольшим месяца после трагедии на Эвересте Лопсанг погиб в лавине при восхождении на Лхоцзе.

нибудь скрытая червоточина поможет им отыскать разгадку. Подобные измышления лишь бросают тень на этого в высшей степени достойного человека, чья личная жизнь была не сложнее, чем у большинства его товарищей по экспедиции, а также чем у нас с вами — людей, пытающихся разобраться в причинах той трагедии. Подобные «откровения» отнюдь не приближают нас к пониманию того, что же произошло на Эвересте 10-го мая 1996-го года

Фишер погиб из-за крайне неблагоприятного стечения обстоятельств. В тот день слишком многое было против него: и резкое ухудшение самочувствия, усугубленное кислородным голоданием, и наступившая темнота, и удаленность от лагеря, и плохо организованное сообщение между участниками. Добавив к этому разыгравшуюся к вечеру бурю, а также усталость альпинистов, пытавшихся его спасти, можно получить наглядный список причин смерти Скотта. Выделить из них какую-то одну мы не отважимся. Такое под силу разве что политикам и авторам мелодрам.

Наверняка можно сказать только одно: в расцвете лет погиб один из лучших в Америке высотных гидов. Несколько участников экспедиции «Горного безумия» впоследствии сказали, что, несмотря на все сложности и накладки, возникшие при подготовке и в процессе восхождения, они бы снова пошли в горы с Фишером. Примечательно, что в этой экспедиции клиенты сами выбирали себе руководителя, а не наоборот. Мартин Адамс сказал о нем: «Скотт резко выделялся среди остальных гидов — как летчик-испытатель среди обычных пилотов. Я иногда с ним спорил, но всегда мог на него положиться. Я бы снова пошел с ним на восхождение».

Спустя год после смерти Фишера, позвонив по его домашнему телефону и не застав никого дома, любой абонент мог услышать его голос. Это автоответчик. «Детям нравится звонить домой, — объяснила вдова Скотта Дженни, — и слышать голос отца». Утрата невосполнима.

Если говорить о тех клиентах, которые едва не погибли на спуске, то среди возможных причин их злоключений можно назвать две. Во-первых, они недопустимо долго мешкали на вершине. Во-вторых, на обратном пути их ожидали дополнительные трудности. Основной проблемой оказался спуск Ясуко Намбы; на помощь ушло слишком много сил и времени. Эта японская альпинистка, участница экспедиции Роба Холла, не вынесла нагрузки и в изнеможении повисла на перилах, ведущих к четвертому лагерю. Задержка на вершине и попытки спасти Ясуко Намбу отняли у «Горного безумия» около часа времени. Спустившись к нижнему концу перильных веревок на высоте 8 200 метров, участники лишь на несколько мгновений увидели четвертый лагерь. До него оставалось всего сорок пять минут хода, но тут началась настоящая буря.

Приди они часом раньше, все было бы по-другому. «Все почему-то считают, — сказал Мартин Адамс, — что дело было в непогоде. Это ошибка Нам не хватило времени».

Что касается Роба Холла, его гида Энди Харриса и двух клиентов, Дуга Хансена и Ясуко Намбы, то тайна их гибели так и не разгадана, поскольку показания выживших участников экспедиции «Консультантов по приключениям» мало чем могут помочь. Почему Роб вместе со своим клиентом Дугом Хансеном так задержались с подъемом, ведь, по словам очевидцев, в четыре часа дня Хансен еще не добрался до вершины? Джон Кракауэр, размышляя на эту тему, пришел к выводу, что Холл и Фишер вели негласный спор, кто сильнее. По его мнению, они оба выжидали, «кто первым сломается» и повернет назад. Но к трем часам дня Роб уже знал, что все клиенты Фишера поднялись на вершину и отправились вниз. Если бы дело было в этом, то еще задолго до четырех часов стало бы ясно, кто победил. Есть и другая точка зрения, которой, в частности, придерживаются и участники «Консультантов по приключениям». Согласно ей, Холл, уговоривший Хансена⁴ повторно попытаться на Эвересте, хотел во что бы то ни стало довести его до вершины и потому не покинул вовремя «зону смерти».

О том, что случилось с Энди Харрисом и Дугом Хансеном, можно только гадать. Единственным вещественным свидетельством является ледоруб Энди Харриса, найденный 23-го мая участниками ИМАКС-экспедиции между Южной вершиной и ступенью Хиллари. Эта находка позволяет предположить, что Харрис прервал свой спуск и стал возвращаться наверх, чтобы помочь Робу Холлу (или, возможно, Хансену). Не исключено, что на том самом ледовом участке без перил, где несколько часов назад закончился кислород у Кракауэра, Харрис сорвался и погиб. Напомним, что Джона Кракауэра выручил Майк Грум, отдавший ему свой баллон.

Про Дуга Хансена известно, что к ступени Хиллари он спустился вместе с Робом Холлом. К тому моменту, когда Роб оказался на Южной вершине, Хансена с ним уже не было. Где-то между этими двумя точками он бесследно исчез. Роб Холл той ночью несколько раз обменивался радиogramмами с базовым лагерем.

Смерть Ясуко Намбы оказалась наиболее драматичной. Ее спасение, казалось, было так близко. Намбу, безжизненно повисшую на перилах, обнаружил Нил Бейдлман, который с помощью Тима Мадсена дотащил ее до Южной седловины. Там она вместе со своим товарищем по экспедиции Бекон Уитерзом.

⁴ Напомним, что Дуг Хансен участвовал в предыдущей, неудачной экспедиции Роба Холла на Эверест и вершину тогда не покорил (*прим. перев.*),

примкнула к «стае» клиентов «Горного безумия», переживавших непогоду. Ни у нее, ни у Бека не нашлось сил пойти вместе с Майком Грумом (гидом «Консультантов по приключениям»), Бейдлманом, Шенингом и Гаммельгард в четвертый лагерь. Грум сумел прорваться сквозь шторм к палаткам своей экспедиции, но не нашел там никого, кто бы согласился отправиться на помощь к Ясуко и Беку.

Букреев, взяв с собой весь кислород, который сумел найти, отправился сквозь бушующий ураган на выручку к своим клиентам. Эта спасательная операция отняла у него все силы. Вернувшись, он обратился к участникам экспедиции Роба Холла, с просьбой о помощи, но те не откликнулись на его призыв. Никто не отважился выйти на спасение Ясуко Намбы. Вспоминая свое второе возвращение в лагерь, Букреев рассказывал: «Мои последние силы ушли на Сэнди. Больше во мне ничего не осталось. Если бы Тим не смог пойти сам, он бы тоже остался там, на седловине. Я был уже не в состоянии ему помочь».

За время, отделяющее нас от гималайской трагедии 1996-го года, многое было сказано и написано о тех событиях и людях, ставших их участниками. Еще долго драматические обстоятельства этого восхождения будут предметом ожесточенных споров в альпинистской среде и, наверное, не только в ней. Внося свой вклад в освещение этих событий, мы не считаем дискуссию законченной. Однако нам бы хотелось, чтобы наши оппоненты в своих суждениях опирались на реальные факты, а не на слухи или домыслы. Правдивое изложение случившегося окажет неоценимую услугу как альпинизму вообще, так и будущим коммерческим экспедициям в частности.

Эпилог

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЭВЕРЕСТ

Вскоре после церемонии прощания со Скоттом Фишером Букреев получил известие о смерти матери. В августе 96-го года Анатолий покинул Соединенные Штаты и вернулся в свой отчий дом, на Урал.

Я был сыт по горло бесконечными спорами по поводу нашей трагедии. Мне хотелось вернуться домой, к своим близким, туда, где еще жила память о моей матери. Только там я мог на время забыть и обрести покой. Потом я отправился домой, в Казахстан, и вскоре меня опять потянуло в горы. Нигде больше на этой земле я не находил себе места. Я посвятил свою жизнь восхождениям на восьмитысячники и не мог остановиться. Я сам избрал для себя эту странную жизнь, жизнь одиночки. Кому-то такой выбор мог показаться неразумным, но горы стали для меня домом, работой.

Вернувшись в Непал 25-го сентября 1996-го года, Букреев в одиночку совершил бескислородное восхождение на пик Чо-Ойю (8201 м), а 9-го октября — на Шиша-Пангму (Северную вершину, 8008 м).

В Катманду Букреев навестил своего друга, шерпу Анга Черинга из «Азиатского треккинга». Черинг предложил Анатолию весной следующего года поработать консультантом в индонезийской экспедиции на Эверест. Восхождение планировалось провести по юго-восточному гребню, то есть по тому же самому маршруту, по которому годом раньше прошла экспедиция Фишера. После долгих колебаний Букреев все же дал согласие.

Предложение возглавить экспедицию на Эверест привлекло меня по двум причинам. Во-первых, я чувствовал, что моя миссия на горе не завершена. Я считал, что обязан вернуться туда, где прошлой весной на нашу долю выпало столько испытаний. Я собирался предать достойному погребению тела Скотта Фишера и Ясуко Намбы. Что еще я мог сделать для них теперь, когда их уже было не вернуть? Несмотря на все наши усилия, спасти их тогда так и не удалось.

Я надеялся, что новая работа будет в большей степени, чем предыдущая, соответствовать моим представлениям о том, как должна быть организо-

вана альпинистская экспедиция. Вместе с тем, я был рад случаю подзаработать, поскольку не знал, как сложатся мои дела в дальнейшем. Я собирался встретиться с будущими работодателями и подробнейшим образом обсудить с ними, что должно входить в круг моих обязанностей как тренера и руководителя альпинистской программы.

Я не менее раним, чем другие люди, и потому злобная и несправедливая критика, обрушившаяся на меня со страниц американской прессы, чуть было не довела меня до отчаянья. Не знаю даже, как бы я справился с этим, если бы не поддержка моих европейских коллег, особенно Рольфа Доджзовица и Рейнхольда Месснера.

Встретившись в конце ноября с организаторами индонезийской экспедиции, я вылетел из Катманду в Джакарту для встречи с ее руководителем, генералом Прабово Субьянто. Я честно объявил ему о шансах его подопечных на успех. С моей точки зрения, вероятность того, что хоть один из них сумеет добраться до вершины, не превышала и тридцати процентов, в то время как шансы погибнуть были куда выше — процентов пятьдесят, не меньше. Меня лично такая арифметика не устраивала. Я предложил провести предварительную подготовку в течение года, постепенно наращивая высоту покоряемых вершин. От подобного варианта генерал категорически отказался.

Альпинизм, безусловно — опасный вид спорта, но все же это не русская рулетка, и я не привык подвергать людей опасности понапрасну. Гибель участника полностью перечеркивает самые замечательные достижения остальной группы. На высоте свыше 8 000 метров жизнь любого непрофессионала, пусть даже самого подготовленного, подвергается огромной опасности, причем с каждой дополнительной минутой, проведенной здесь, эта опасность стремительно возрастает. Я в принципе не мог гарантировать безопасное восхождение на Эверест группы неопытных участников. Индонезийцы могли заплатить за мою квалификацию, за мои советы, за подготовку мной альпинистской части экспедиции, за мое участие в возможной спасательной операции, но за желание возвести на вершину неподготовленных людей им предстояло отвечать самим. Генерал Прабово заверил меня, что все участники его команды находились в хорошей физической форме и имели перед собой лишь одну цель — покорить вершину. В случае необходимости, по словам генерала, они были готовы отдать ради этого свои жизни. Мне было дико это слышать, но, по крайней мере, я получил честный ответ.

Я разработал план, который, во-первых, с максимальной пользой для команды использовал мои возможности, а во-вторых, развивал в индонезийцах самостоятельность при нахождении на высоте. В конечном счете, при штурме

ме вершины альпинист должен отвечать сам за себя. Здесь невозможно все предусмотреть заранее, и каждый может оказаться в критическом положении.

Генерал согласился на проведение предэкспедиционной подготовки своей команды. Я прекрасно понимал, что в качестве консультантов мне потребуются высококлассные альпинисты, с большим опытом. Они должны, были стать тренерами для участников во время акклиматизации и подготовительных выходов, а также потенциальными спасателями при восхождении. Наличие такого «спасотряда», на мой взгляд, было необходимо, и я неоднократно подчеркивал наше значение именно в этом качестве. В своих беседах с генералом я говорил, что не собираюсь добиваться успеха любой ценой.

Я заявил, что возьму на себя руководство экспедицией, только если все решения в день штурма буду принимать сам. Генералу пришлось смириться. Если погода или состояние его команды будут серьезно угрожать безопасности клиентов, то восхождение будет отменено. Решение об этом принимать буду я. Я также поставил генерала в известность о том, что даже наличие спасательного отряда на восьмитысячной высоте не может быть гарантией благополучного исхода. Я со своей стороны обещал, если понадобится, не щадить своей жизни ради спасения участников. Все вышеперечисленное злегло в основу нашего контракта.

Теперь можно было приступать к тренировкам. Предстоящей зимой мы планировали приучить вновь набранную команду к длительному пребыванию на холоде и сильном ветру; дать им попробовать себя в суровых условиях высоты примерно шести тысяч метров. Нам предстояло выработать в участниках физическую и психологическую выносливость, познакомить с обстановкой, в которой им придется работать на Эвересте. Наши сборы начались 15 декабря в Непале.

В начальный состав команды вошло тридцать четыре участника. Среди них были как гражданские лица, имевшие небольшой альпинистский опыт, так и военные, отлично дисциплинированные и физически подготовленные, но альпинизмом никогда прежде не занимавшиеся. Для предстоящей экспедиции нам нужно было определить лучших из них. Основными критериями при отборе служили здоровье, выносливость, способность работать на высоте, а также отношение к делу. За время сборов команде предстояло попрактиковаться в передвижении по перилам и лестницам¹, научиться обращаться с веревками и овладеть основными альпинистскими навыками.

¹Имеются в виду горизонтальные или вертикальные металлические лестницы используемые при преодолении ледовых трещин, в частности, при пересечении ледника Кхумбу (прим. перев.).

В прошлом году «Горное безумие» испытывало большие сложности со связью. Увы, я слишком поздно осознал всю важность этого вопроса. Препятствием к слаженным действиям тогда послужил не только языковой барьер, но и плохо продуманная система радиосвязи между группами. На этот раз у каждого участника финального штурма должна была быть личная рация. Я посоветовал организаторам обеспечить альпинистам прямую связь с базовым лагерем с выходом на радиостанцию в Катманду. Также я потребовал ежедневно сообщать нам прогнозы погоды, распространяемые метеослужбой аэропорта Катманду. При этом сильно пригодились военные связи индонезийцев, была даже достигнута соответствующая договоренность со штабом непальской армии в Катманду. Прикомандированный к нашей экспедиции офицер Монти Соронган хорошо говорил по-английски. Ему предстояло стать нашим представителем в Катманду: через него планировалось осуществлять связь между передовым отрядом экспедиции и группой поддержки в непальской столице. Было решено, что «языком международного общения» в нашей экспедиции будет английский. Однако в отношениях с тренерским составом экспедиции я хотел полностью исключить возможность недопонимания и несогласованности действий, часто возникающих из-за разницы языков.

Став руководителем экспедиции, я был заинтересован в надежных высококвалифицированных гидах, которые при случае могли стать высотными спасателями или оказать медицинскую помощь. Мне хотелось, чтобы на восхождении рядом со мной были люди, которым я доверял, которые понимали бы меня с полуслова, которые могли бы поддержать меня словом и советом. Короче, я искал единомышленников. Также я нуждался в людях, способных создать доброжелательную атмосферу в команде, что мне, с моим непростым характером, могло оказаться не под силу. Обязательными требованиями были богатый опыт восхождений, а также умение работать на высоте как с кислородом, так и без него. Словом, мне были нужны люди, на которых я мог бы целиком положиться даже в экстремальных условиях Эвереста. И я нашел их. Это были два замечательных русских высотника Владимир Башкиров и Евгений Виноградский. Владимир Башкиров из своих сорока пяти лет последние пятнадцать посвятил проведению альпинистских экспедиций в отдаленные районы. У него был огромный опыт прохождения технических маршрутов на Памире и Кавказе, шесть раз он поднимался на восьмимысячники (из них дважды — на Эверест). Для нашей экспедиции такой гид был просто находкой. Владимир отлично владел английским, и, в отличие от меня, был очень дипломатичен в обращении с окружающими. Я не

сомневался, что у него не возникнет проблем при общении с участниками, и полагался на взвешенность его решений. К тому же, он был одним из наиболее известных в России высотных кинооператоров и фотографов. Ему предстояло снимать на видеопленку ход экспедиции. Пятидесятилетний врач Евгений Виноградский был семикратным чемпионом Советского Союза по альпинизму, у него был более чем двадцатипятилетний инструкторский стаж и огромный практический опыт в спортивной медицине. Мы оба участвовали в траверсе Канченджанги в 1989-м году, и я считал его своим другом. Его мягкий юмор и спокойствие не изменяли ему даже в самых сложных ситуациях, я сам был тому свидетелем. Я в шутку называл его старым орлом. Он покорил более двадцати семитысячников, восемь восьмитысячников, дважды поднимался на Эверест, причем один раз — в качестве гида.

Анг Черинг из «Азиатского треккинга» занимался вопросами снабжения нашей экспедиции. В его ведении находился и подбор шерпов. Нам повезло с альпинистским сирдаром: им оказался тридцатисемилетний Апа Шерна из Тхамы, семикратный покоритель Эвереста. Экспедиционные шерпы должны были подчиняться Ангу Черингу и нашему индонезийскому персоналу. Им предстояло, как обычно, обустроить базовый лагерь, провесить перилами участки маршрута выше ледника Кхумбу, установить и обеспечить всем необходимым промежуточные высотные лагеря, а также доставить наверх вспомогательный кислород для участников заключительного штурма. Подобное распределение обязанностей давало нам возможность сконцентрироваться на подготовке участников.

6 декабря я вылетел из Ажакарты в Америку. Там мне предстояла встреча с врачами, которые должны были оценить последствия моей недавней травмы.. Аело в том, что в октябре я попал в автомобильную катастрофу², в результате чего повредил лицо и глаз. Башкиров и Виноградский остались в горах для проведения тренировочных сборов, которые начались 15-го декабря в Ганешских Гималаях, у пика Палдор. Тридцать четыре человека, половина из которых не имела никакой альпинистской подготовки, предприняли попытку штурма пика Палдор (5 900 м), и семнадцать из них взойшли на вершину. В течение трех недель они постепенно адаптировались к непростым условиям гималайской зимы..

² В конце октября 1996-го года Букреев возвращался домой после покорения Шиша-Пангмы. В Ташкенте его предложила подвести команда казахских альпинистов, отправлявшаяся в Алма-Ату на своем автобусе. Ночью шофер заснул за рулем, и в бок автобуса врезался тяжелый грузовик. Удар пришелся на левую сторону автобуса: ту самую, где сидел Букреев. В результате аварии водитель остался без левой руки, а молодой альпинист, сидевший прямо перед Букреевым, погиб.

10-го января в Катманду я встретился с Ангом Черингом, Башкировым и Виноградским. Нашей целью было скоординировать дальнейшие планы и начать отбор команды для восхождения на Эверест. Башкиров и Виноградский излишнего оптимизма не испытывали, — по их мнению, никого, кроме тех семнадцати человек, которым удалось покорить пик Палмор, в окончательный состав брать не имело смысла. Тем самым отбор уже начался.

Нам было необходимо снаряжение. Много снаряжения. Ни у кого из участников ничего своего не было; закупки амуниции откладывать было нельзя. Монти Соронгану и военному атташе капитану Рочади было поручено отправиться в Солт-Лейк-Сити (штат Юта) для встречи с поставщиками снаряжения. В их задачу входило своевременно купить и доставить в Гималаи все необходимое. Нам очень помогли американские компании «Sierra Designs» и «Mountain Hardware». Им пришлось приложить немало усилий, чтобы, точно и в срок выполнить наш заказ. Симоне Моро, итальянский альпинист, помог нам с закупкой высотных ботинок «One Sport». Мне хотелось не только уберечь всех участников от гибели, но и вернуть их на родину целыми и невредимыми, со здоровыми ногами и руками, поэтому вопросы одежды и личного снаряжения имели огромное значение. В прошлом году я на своем опыте убедился, какие преимущества дает восходителям современная экипировка. На этот раз мы принимали во внимание все, что могло повысить безопасность нашей экспедиции. Закупленное снаряжение было доставлено в Катманду «Тайскими авиалиниями». В этой компании с недавних пор появилось специальное подразделение, которое занимается обслуживанием экспедиций и их грузов. Снаряжение должно было прибыть в Катманду 6-го марта, а 12-го марта нам предстояло отправиться в базовый лагерь.

В январе и феврале все тридцать четыре возможных участника экспедиции участвовали во вторых тренировочных сборах под пиком Айленд (6 189 м). До вершины дошли шестнадцать человек, причем все они были из числа покоривших Палдор. Все претенденты провели в горах двадцать дней. Температура тогда опускалась до минус сорока градусов, дул сильнейший ветер. В течение трех суток, проведенных в тяжелейших условиях на более чем шестикилометровой высоте, каждый должен был ежедневно совершать километровый подъем и спуск, затратив на это не более пяти часов. Лучшего способа подготовить команду к штурму Эвереста у нас не было. Глядя теперь на наш график восхождений — пик Палдор, пик Айленд, Эверест, — я не верю своим глазам. Да, такую программу акклиматизации я не порекомендовал бы никому.

Вернувшись в Катманду, Башкиров и Виноградский подготовили предназначенный для начальства список участников. В нем все шестнадцать восходителей на пики Палдор и Айленд были расположены по мере убывания основных показателей, — таких как общее здоровье, скорость передвижения в горах, способность адаптироваться к высоте, а также отношение к делу. Армейские участники хотя и не имели альпинистского опыта, были более целеустремленными и дисциплинированными, лучше действовали в критических ситуациях. После очередного отсева в группе осталось десять военных и шесть гражданских участников. Мы советовали индонезийцам идти на восхождение только с южной стороны, но они решили по-своему. Они наняли Ричарда Павловского для проведения параллельной экспедиции по северному маршруту³. В результате десять человек должны были отправиться в базовый лагерь с нами, а шестеро уходило с Павловским в Тибет. После подъема на пик Айленд участники в течение 26 дней должны были отдыхать и набираться сил. У подножия Кхумбу мы планировали появиться раньше других команд. Мне хотелось, чтобы мы первыми в сезоне прибыли в базовый лагерь и первыми предприняли штурм вершины. Я не имел ни малейшего желания в день восхождения делить маршрут с кем-то еще.

12 марта российский вертолет вырвал нас из густого смога, окутавшего Катманду, и доставил в Ауклу. Десять индонезийских участников, трое русских консультантов и шестнадцать шерпов высадились на посадочной площадке на высоте 2 850 метров. Наш путь лежал в базовый лагерь, а потом — к высочайшей точке планеты. В честолюбии нам было не отказать!

В Ауклу я всегда возвращаюсь с легким сердцем. Я люблю горы, только здесь я ощущаю себя дома. Это чувство не объяснить словами. Чтобы его понять, нужно самому оказаться ранним утром на маленькой площадке среди огромных гор, врезающихся пиками в синеву небосвода. Пораженный величием гор, невольно ощущаешь себя крошечной песчинкой в этом хрустально чистом мире. В такие минуты я особенно остро ощущаю, что только здесь по-настоящему живу.

Через несколько дней мы планировали прибыть в базовый лагерь. В этом году там должны были расположиться семнадцать экспедиций. Мне стоило больших сил уберечь свою команду от участия в привычной уже борьбе за право прокладки маршрута через ледник Кхумбу. Обычно установкой лестниц и провешиванием перил занимаются шерпы из одной или двух экспедиций, получая за это небольшую плату от своих руководителей. (Колониа-

³ Эта попытка восхождения не состоялась из-за суровых погодных условий с северной стороны.

лизм умирает, но не сдается.) Все остальные экспедиции (чьи шерпы не участвовали в обработке маршрута) пользуются уже проложенным путем, покупая право пройти по нему у руководителей первой в сезоне экспедиции. На этот раз шерпы из Пангбоча пытались объединиться в «профсоюз», требуя повысить расценки. Однако конкуренция слишком велика, и за десять-двадцать тысяч долларов всегда можно найти человека со стороны. В итоге лакомый кусок достался Генри Тодду и Мак Дафу, которые спешно принялись за обработку маршрута.

Предвижу времена, когда команда шерпов станет заранее провешивать перилами путь до вершины. Все экспедиции будут подниматься по этому маршруту, выплачивая коренному населению материальную компенсацию. Сомнений нет, что когда-нибудь непальцы возьмут эту гору под столь же жесткий контроль, как американцы — Мак-Кинли. Хотя, конечно, при этом не обойдется без протестов и интриг со стороны тех, кто сейчас платит местным жителям мизерные деньги за тяжкий и опасный труд.

В базовый лагерь мы прибыли 19-го марта. Благодаря интенсивным предварительным тренировкам привыкать к этой высоте нам не потребовалось. Перед нами лежал ледник Кхумбу. Его преодоление — всегда важный этап психологической подготовки к восхождению. Отсюда начинается путешествие в неизвестность, ведь ледник совершенно непредсказуем. Пересекая его, альпинисты учатся справляться с собственным страхом, они приучаются концентрироваться на тех мельчайших деталях, которые обеспечивают их безопасность. Несколько часов приходится передвигаться под нависающими ледяными глыбами, перебираясь через глубокие трещины по связанным между собой шатким алюминиевым лестницам. Наконец, 22-го мая наша экспедиция добралась до первого лагеря, где была запланирована первая акклиматизационная ночевка. Участники чувствовали себя хорошо. Первоначальная робость прошла, и при повторном выходе на ледник все они шли спокойно и в хорошем темпе.

Привыкнув к леднику, мы стали совершать акклиматизационные выходы наверх, чередуя их с отдыхом. 26-го марта, после двухдневной передышки в базовом лагере, мы вновь поднялись на высоту 6 000 метров, к первому лагерю. Переночевав там, на следующий день мы дошли до второго лагеря на высоте 6 500 метров. Там мы провели две ночевки, днем совершив вылазку до высоты 6 800 метров. После такой активной акклиматизации 29-го марта мы вернулись в базовый лагерь. Ни у кого из участников на тот момент проблем со здоровьем не возникло. После трех дней отдыха 1-го апреля начался наш третий акклиматизационный выход наверх. За восемь часов мы

достигли второго лагеря. Там мы провели две ночи. 4-го апреля мы дошли до высоты. 7 000 метров и потом вернулись во второй лагерь. Отдохнув там еще день, 6-го апреля мы отправились к третьему лагерю, расположенному на высоте 7 300 метров. Перила к третьему лагерю протянули Апа и его шерпы. Они занимались этим, пока мы совершали один за другим свои акклиматизационные выходы. 7-го апреля в третьем высотном лагере был день отдыха.

Именно там мы столкнулись с первыми организационными проблемами. Шерпы подчинялись не мне. При заключении договора круг их обязанностей был четко очерчен: провешивание перил, установка лагерей и снабжение их всем необходимым. Наша экспедиция первой появилась у подножия Эвереста, поэтому нашим шерпам пришлось самостоятельно справляться с огромной нагрузкой, которую, приди мы, сюда позже, они бы разделили с шерпами из других экспедиций. Апа уже и не рад был, что связался со мной. Наши шерпы были не в состоянии выполнить все, что требовалось для дальнейшего продвижения экспедиции наверх. Конечно, я понимал, что требую от Апы очень многого, но дело осложнялось еще и недостатком навыков и малым опытом его шерпов, что замедляло весь ход экспедиции. Я твердо намеревался провести акклиматизационный выход с ночевкой на Южной седловине и последующим подъемом до 8 200 метров. Также я планировал установить пятый высотный лагерь на высоте 8 500 метров, чтобы подстраховаться на случай, если возникнут сложности при спуске или испортится погода. Из-за небольшого восстания, устроенного шерпами, от этих планов временно пришлось отказаться. Чтобы достичь компромисса, я помог Апе с обработкой маршрута, провесив перилами участок от третьего лагеря до Желтого пояса (7 500 м). 8 апреля мы вместе с восемью участниками поднялись до Желтого пояса, затем спустились в третий лагерь. На следующий день мы вернулись в базовый лагерь.

Все заметней становилась разница в подготовке и физическом состоянии индонезийских участников. Высота и большие нагрузки сыграли роль естественного отбора. Гражданские участники оказались менее целеустремленными и собранными, чем армейцы. Несмотря на недостаток опыта, военные становились главными кандидатами на вхождение в окончательный состав группы. Они неплохо шли на подъеме и спокойно переносили высоту. Они рвались к вершине. На спуске ухудшилось состояние еще нескольких участников, так что в итоге лишь трое индонезийцев без особых проблем преодолели путь от третьего лагеря к базовому. Это были Мизириин Серджан (тридцать один год), Асмуджино Праджурит (двадцать пять лет) и Иван Сетьяван Аетнан (двадцать девять лет). Они и вошли в окончательный сое-

тав экспедиции. Башкиров и Виноградский, как и я, ощущали, что помощь шерпов постепенно сходит на нет. Итак, было решено: на восхождение отправятся трое индонезийцев, трое гидов и все шерпы, которые будут здоровы и окажутся в состоянии выйти с нами.

9 апреля мы спустились вниз для недельного отдыха. Я твердо убежден, что перед заключительным штурмом вершины всем без исключения участникам необходимо восстановиться на малой высоте. Аля этого все мы спустились в деревню Дебоч (3 770 м), расположенную в лесной зоне. Шум зеленой листвы, легкий ветерок и воздух, богатый кислородом, как нельзя лучше способствуют психологическому и физическому восстановлению организма. Здесь мы, наконец-то смогли отдохнуть от ледяного безмолвия, окружавшего нас в базовом лагере.

Я сообщил капитану Рочади о том, что нам необходимо установить пятый высотный лагерь из двух палаток, где бы были коврики, спальники и десять баллонов кислорода. Я ожидал, что он переговорит с Апой, и тот со своими шерпами возьмется за дело, пока мы будем отдыхать внизу. Апа — замечательный человек, исключительно трудолюбивый, но на тот момент в его команде из шестнадцати человек осталось лишь восемь мало-мальски работоспособных. А в одиночку обслужить целую экспедицию оказалось делом нереальным. Раньше Апа работал в составе сильной команды. В этот раз шерпов подбирал он сам, и поэтому в команду вошли в основном его друзья и родственники, многие из которых были не в состоянии справиться с порученной работой. Так и вышло, что из шестнадцати шерпов реальную помощь нам могли оказать только восемь. Именно здесь был допущен основной просчет при организации нашей экспедиции. К сожалению, индонезийские руководители невнимательно следили за теми, кого наняли в помощь, и в результате под угрозой оказался и график восхождения, и заранее разработанные меры безопасности.

Я никого не виню. Из опыта других экспедиций мне хорошо известно, что для создания сильной и ровной по составу команды шерпов необходимы долгие годы и постоянные денежные вложения.

Мы стояли перед выбором: либо объединиться с другими экспедициями, либо выйти на маршрут раньше всех, чтобы иметь гору полностью в своем распоряжении. После прошлогодней трагедии у меня не было ни малейшего желания толпиться в очереди за несчастьем. Нам с головой хватало своих ошибок, зачем нам еще и чужие. Нехватка рабочих рук, конечно, сильно осложняла ситуацию, но игра еще не была проиграна. Апа трудился без устали, всегда взваливая на себя большую часть обязанностей.

В Дебоचे мне пришлось на пять дней оставить экспедицию и вернуться в Катманду. У меня разболелся зуб, требовалась срочная медицинская помощь. Только этого еще не хватало. И так слишком многое меня тревожило: воспоминания о пережитой трагедии, волнение по поводу недавней травмы, боязнь, что ее последствия скажутся при пребывании на высоте, а тут еще и проблема с зубом. Все это лишало меня внутреннего спокойствия отнимало силы.

Поездка в Катманду выбила меня из колеи. По глупости я забыл в лагерь: свой пропуск, и, чтобы выбраться из Сагарматхского⁴ национального парка, мне пришлось ночью перелезть через забор, иначе я опоздал бы на вертолет в Луклу. К счастью, мне удалось попасть на прием к стоматологу американского посольства. Я очень благодарен ему за проявленное внимание и оперативность.

21-го апреля участники экспедиции, отдохнувшие и готовые к восхождению, собрались в базовом лагере для церемонии молитвы и напутственного благословения. Индонезийцы никогда не забывают о Боге, в чем они схожи с шерпами, которые каждое утро обращают свои взоры к горам. Их благоговейный настрой вызвал у меня большое уважение. Во время этой прощальной церемонии участники были сосредоточены и серьезны. Оставшуюся часть дня мы посвятили личным делам. Это напряженное время исполнено ожидания. Обычно в такие минуты я ощущаю созерцательное спокойствие и мысленно нахожусь уже там, на горе.

Пятый лагерь так и не был установлен. Апа заверил меня, что все необходимое будет доставлено туда в день штурма вершины. Участники российской экспедиции на Ахоцзе, с которыми мы договорились заранее, были готовы при необходимости прийти к нам на помощь. Их команда находилась тогда на акклиматизационном выходе в третьем лагере. Индонезийцы и шерпы, не вошедшие в штурмовую группу, находились ниже, во втором лагере, и в экстренном случае также должны были оказать нам поддержку. Рации на восхождение брали с собой Башикиров, Виноградский, Апа и я. Предполагалось, что с каждым из участников все время будет находиться кто-то из гидов. На Южной седловине мы оставляли двух шерпов с рацией. Радиосообщение мы планировали поддерживать с русскими в третьем лагере, с индонезийцами — во втором и со своим базовым лагерем.

⁴ Сагарматхой непальцы называют Эверест.

Анатолий Букреев в первом лагере под Аннапурной

Анатолий Букреев и Рейнхольд Месснер
(на заднем плане Северная стена пика Хан-Тенгри)
Фото В. Седельникова

Все фотографии на вклейке (кроме 2 и 22) из личного архива Анатолия Букреева

Анатолий Букреев

Экспедиция "Горного безумия"

Обед в базовом лагере

Анатолий Букреев на леднике Кхумбу

Ледник Кхумбу

Второй высотный лагерь

Скотт Фишер поднимается по перилам

Лин Гаммельгард и Сэнди Питтман

Нил Бейдлман и Мартиэ Адамс

В штурмовом лагере

Нил Бейдлман

Клев Шенинг, Нил Бейдлман и Скотт Фишер в третьем высотном лагере

На склоне Эвереста

Четвертый высотный лагерь.

Вид на Эверест со стороны Лхоцзе
(снимок сделан с высоты 8100 метров)

Вид на южную седловину с маршрута восхождения: (A) - палатки четвертого высотного лагеря; (B) - место встречи Мартина Адамса и Джона Кракауэра; (C) - стена Кангшунг; (D) - место, где Анатолий Букреев нашел Питтман, Намбу, Фокс и Мадсена; (E) - здесь ранним утром 11 мая был обнаружен лежащий без сознания Бек Уитерз

Массив Лхоцзе

Непогода на Эвересте

Анатолий Букреев на вершине Эвереста

Анатолий Букреев
Фото В. Седельникова

Вылет из Катманду. Анатолий Букреев и Нил Бейдлман

Анатолий Букреев, Нил Бейдлман и родители Скотта Фишера. Поминки

Стена Лхоцзе на закате

В палатке под Аннапурной. За несколько дней до гибели

Из Катманду поступали воодушевляющие прогнозы погоды. Небольшое ненастье подходило к концу, и на следующие пять дней были обещаны стабильные метеоусловия. Стабильность, само собой разумеется, понятие здесь весьма условное. На вершине Эвереста сходятся воздушные потоки сразу из нескольких огромных речных долин, расположенных у его подножья. Анем температура воздуха растет, что приводит к повышенной влажности в предгорных долинах. К вечеру образуются облака, которые начинают медленно подниматься, и на вершине становится облачно и ветрено. Даже небольшие изменения погоды внизу могут привести к буре на восьмикилометровой высоте. Ад, шторма нам не обещали, но и обычные условия на Эвересте были не из простых. Мы знали, что быстро идти мы не сможем. Именно поэтому нами был запланирован еще один, пятый, высотный лагерь на уровне 8 500 метров.

Ровно в полночь 22-го апреля трое русских и шестеро индонезийцев при свете полной луны вышли из базового лагеря наверх. Выносливая индонезийская команда шла хорошо, и за шесть часов мы поднялись сразу во второй лагерь. Весь следующий день, 23-го апреля, мы отдыхали. 24-го апреля, оставив шерпов и второй состав индонезийцев во втором лагере, Башкиров, Виноградский, Мизирин, Асмуджино, Иван и я вышли к третьему лагерю. Индонезийцы были в хорошей форме, шли самостоятельно. Их не нужно было подбадривать или развлекать пустой болтовней. 24-го апреля на Южной седловине было очень ветрено. Я связался по радиции с капитаном Рочади в базовом лагере и через него — с метеослужбой в Катманду. Там нас заверили, что, несмотря на ветер, серьезного ухудшения погоды не предвидилось. На следующие два дня метеорологи обещали уменьшение ветра. Было решено, что все участники останутся в третьем высотном лагере, а шерпы вернутся во второй. На спуске шерпов настоял Ана. Он еще раз заверил меня, что возьмет на себя установку пятого резервного лагеря в день штурма. 24-го апреля мы отдыхали в третьем лагере, а 25-го начали подъем и часа в три, а, может, в пять вечера достигли Южной седловины. Индонезийцы на этом участке использовали кислород. На седловину они поднялись в хорошей форме: в ясном уме, собранные и целеустремленные.

Во время заключительного штурма индонезийцы должны были нести по два баллона с кислородом. Предполагалось расходовать кислород на уровне двух литров в минуту с самого момента выхода из лагеря. Шерпам надлежало внести наверх еще по три баллона для всех участников. Шерпы также шли на кислороде. Условия на горе оказались непростыми: тропежка отнимала очень много сил. На участке от 8 100 до 8 600 метров снега было по

колени, а местами — по пояс. На маршрут мы выходили первыми, и, помимо всего прочего, нам предстояло самим закреплять все перила. Мы с Башкировым и Виноградским решили нести на подъеме по два баллона кислорода и велели шерпам взять еще по два баллона для каждого из нас.

Использовать кислородя решил по трем причинам. Строго говоря, я не то чтобы, категорически против использования вспомогательного кислорода. Хотя, несомненно, в 1996-м году неспособность клиентов и гидов идти без кислородных аппаратов стала одной из главных составляющих трагедии.

Первой причиной, из-за которой я решил идти с кислородом, было мое здоровье. За осень и зиму 1996-го года я взмошел на три восьмитысячника. Январь, февраль, март 1997-го года я провел в интенсивнейших тренировках. Накануне зимнего сезона я попал в аварию, и до сих пор меня не покидали сомнения, смогу ли я теперь адекватно переносить высоту. Мой тренировочный цикл перед началом экспедиции оказался сорван: мне нужно было восстановиться после нескольких операций. К тому же слишком много времени отнимали организационные вопросы, при подготовке экспедиции. Я не ощущал в себе того запаса сил, который был у меня перед экспедицией 1996-го года. В довершение всех неприятностей, за неделю до восхождения у меня вздулся флюс и разболелся зуб, который потом пришлось удалить. Окончательно я выздоровел уже во время штурма вершины.

Вторая причина была связана с графиком акклиматизации нашей экспедиции. В 1996-м году накануне восхождения я успел активно поработать на высоте, участвуя в провешивании перил до самой Южной седловины. На этот раз из-за нехватки рабочей силы мы не провели там даже предварительной ночевки. А ведь это, с моей точки зрения, ключевой этап акклиматизационной программы. Сутки, проведенные на высоте 7 900 метров, дают возможность организму адаптироваться к непростым окружающим условиям. Использование или не использование кислорода непосредственно при штурме вершины, на мой взгляд, не столь существенно. В данной экспедиции у меня не было возможности акклиматизироваться на 7 900 метрах, и я не был уверен в том, что успел привыкнуть к такой высоте.

Третьей причиной стало плохое состояние маршрута. На всем его протяжении глубина снега составляла от шестидесяти до ста сантиметров, в то время как у нас было лишь восемь работоспособных шерпов, которым предстояло устанавливать резервный пятый лагерь. Им было не под силу и тропить, и тащить грузы. В таких условиях тропежка является очень тяжелой, изматывающей работой.

На Южную седловину поднялось восемь шерпов. Лишь двое из них, Апа и Аава, должны были идти с нами дальше, к вершине. Остальным было велено заносить грузы в пятый лагерь на высоте 8 500 метров. Апа по-прежнему убеждал меня, что обустановке резервного лагеря он позаботится сам, и мне об этом не надо беспокоиться. Мы с Башкировым и Виноградским понимали, что нам придется беречь кислород, и были готовы работать без него. Кислорода было в обрез. При умеренном его потреблении расход составляет примерно два литра в минуту, и тогда баллона хватает на шесть часов. Можно, конечно, тратить по одному литру в минуту, и тогда срок удвоится. Нам же предстояло поднимать наверх грузы и прокладывать путь в глубоком снегу. Ясно было, что впереди нас ожидает тяжелая работа.

26-го апреля в полночь мы покинули Южную седловину и отправились наверх. С момента выхода я шел на кислороде, расходуя его по литру в минуту. Я поднимался первым, одновременно прокладывая тропу для остальных. Мне казалось несправедливым заставлять шерпов с их тяжелой поклажей идти первыми. Тропить было тяжело, снегу было чуть ли не по пояс, и поднимались мы медленно. Башкиров и Виноградский пока берегли силы и шли вслед за индонезийцами. Дойдя до 8 300 метров, я понял, что мы идем не быстрее, чем в прошлом году. Я шел первым, Апа держался за мной, но остальные отставали. Я прокладывал путь до высоты 8 600 метров. После девяти часов такого подъема я вышел на Южную вершину, чувствуя, что сильно устал.

Поднимаясь вслед за мной, Апа закрепил перила на крутом участке от 8 600 до 8 700 метров, непосредственно перед Южной вершиной. Все участники поднялись на Южную вершину в одиннадцать утра. Я обсудил с Апой сложившуюся ситуацию. Он предложил поменяться ролями, сказав, что теперь первым пойдет он. Я спросил у него, где веревка. «Веревки больше нет», — ответил он. Я был сильно утомлен тропежкой и не мог продолжать путь, откапывая и связывая концы старых веревок. Работа на такой высоте очень быстро приводит к психологическому и физическому истощению. Поначалу я просто не понял его слов. «Так где же веревка?» Апа ответил, что все, что он взял с собой, ушло на последние сто метров маршрута, которые обычно перилами не провешивают. В этом он, конечно, был прав: снег здесь грозил обвалиться, и поэтому этот участок обязательно нужно было обработать, чтобы обезопасить себя на спуске. На такой высоте всегда приходится балансировать на грани возможного. Вещи, о которых внизу ты едва задумывался, наверху становятся определяющими, от них целиком зависит успех всей экспедиции. Можно отчаяться и опустить руки, а можно попы-

таться справиться и с этими трудностями. Не раз и не два меня внизу заверяли, что со снаряжением у нас полный порядок, а теперь я не знал, что и делать.

Апа предложил спуститься в лагерь и принести веревку. Но было уже слишком поздно. Время шло, и теперь нам предстояло выбирать: либо рискнуть и пойти к вершине, либо возвращаться назад. Тогда Апа, понимая, что допущенная ошибка им ошибка может сорвать всю экспедицию, решился на смелый шаг. Он в одиночестве вышел наверх и обработал маршрут с помощью оставшейся у нас сорокаметровой веревки и выкопанных им из снега обрывков старых перил. Я очень благодарен ему, поскольку за это время успел передохнуть и почувствовал, что силы стали возвращаться ко мне.

Со слов Давы мы поняли, что на 8 500 метров уже доставлены палатка и запас кислорода. Апа закрепил перила до верха ступени Хиллари. Наши участники пока находились в хорошей форме. Чуть позже половины первого Апа поднялся на ступень Хиллари. Изменений в погоде не предвиделось, резервный лагерь уже стоял. Это определило исход дела. Мы с Башкировым и Виноградским все же решились на штурм, хотя и прекрасно понимали, что достичь вершины сумеем лишь часам к трем, не раньше.

Мизирин шел медленно, зато вполне самостоятельно. Асмуджино передвигался нормально, но вид у него был, как у зомби. Его мысли, казалось, витали где-то далеко. Ивану подъем также давался с трудом, координация ухудшалась, но все же он был в состоянии воспринимать происходящее. Мизирин, как мы полагали, был наиболее вероятным кандидатом на успех. Все индонезийцы упрямо шли к цели, каждый из них стремился во что бы то ни стало покорить вершину. Поначалу собирался продолжать восхождение только с одним из них, а остальных повернуть обратно. Но меня уговорили отложить окончательное решение до ступени Хиллари. Асмуджино, чье психическое состояние беспокоило меня больше всего, шел под присмотром Виноградского. Мне хотелось, чтобы с ним рядом был врач.

Первыми шли Башкиров и Мизирин, за ними я с Иваном, последними — Асмуджино и Виноградский. Гребень выглядел иначе, чем в прошлом году: выпало много снега, склон стал круче. Иван шел очень медленно, один раз он упал, едва успев задержаться на старых перильных веревках. Я стал объяснять ему, как правильно держать ледоруб на таком склоне. И тут я вдруг понял, что объясняю это человеку, который впервые увидел снег полгода назад. Первоначально нами планировался подъем по полностью подготовленному маршруту, с хорошими новыми веревками. Ледоруб тогда бы не особенно пригодился. Теперь же мне приходилось прямо на гребне проводить снежно-

ледовые занятия с этим смелым и целеустремленным парнем. Маниакальное упорство индонезийцев так и осталось для меня загадкой. Я спортсмен, но я никогда не считал, что ради восхождения стоит жертвовать жизнью. А эти юные солдаты были прямо противоположного мнения. Для них вершина значила больше, чем жизнь.

Я полностью сконцентрировался на помощи Ивану, и так мы добрались до основания ступени Хиллари. Там я увидел мертвого человека⁵. Он лежал, запутавшись в свисавших со ступени веревках. Его кошки стояли так, будто он собирался идти вверх, чтобы преодолеть этот последний технический участок на пути к вершине. Оpoznать его я не сумел. Окружающие условия были весьма суровы, и с точностью я могу сказать лишь, что на нем была голубая куртка. Ни я, ни остальные участники, к сожалению, не смогли уделить ему внимание. Об этом я говорю с искренним сожалением, поскольку долг всех живущих — оказывать последние почести погибшим. Но я отвечал за трех индонезийцев, в которых едва теплилась жизнь. Шансов на успех у нас оставалось немного.

Я преодолел ступень Хиллари, за мной поднимались Иван и Асмуджино. Я переговорил с Башкировым, — пора было решать, не стоит ли отправить всех индонезийцев, кроме Мизирина, вниз. Апа и Дава уже ушли к вершине. К нам поднялся Виноградский. Он пытался заставить Ивана идти назад, но тот все лез по ступени Хиллари. Никто не хотел признать своего поражения. Я очень боялся, что индонезийцы исчерпают все свои силы на подъеме. Дойти до вершины — это одно, а вот спуститься вниз — совсем другое. Я понимал, что обратно им придется идти самим.

Очень медленно мы прошли еще немного и остановились в ста метрах от вершины. Там я посоветовал Ивану и Асмуджино вернуться. Они отказались.

Мы продолжили подъем. Я шел первым и в тридцати метрах от вершины встретил наших шерпов, Апу и Даву. Я сообщил им, что состояние Асмуджино и Ивана все ухудшалось, — теперь уже они оба шли как зомби. Мне хотелось повернуть их прежде, чем они потеряют способность передвигаться самостоятельно. Я понимал, что нам, скорее всего, предстояла ночевка в пятом лагере. Надо было как можно быстрее начинать спускаться. Было уже три часа дня, слишком поздно. Погода была спокойной, но вдалеке я заметил тонкую дымку облаков, окутывавших склоны. Индонезийцы шли так: сначала тяжело ступали одной ногой, потом с минуту отдыхали и лишь затем

⁵ Букреев обнаружил труп Брюса Хирола, участника экспедиции газеты «Санди Тайме» из Йоханнесбурга (ЮАР), пропавшего без вести в 1996-м году.

делали следующий шаг. В таком темпе до вершины было идти не меньше полчаса. Я взошел на вершину, в тридцати метрах от меня поднимались Башкиров и Мизири. На моих глазах обессиленный Мизири свалился в снег. Неожиданно мимо него прошел Асмуджино и медленно, но верно направился к вершине. Дойдя до украшенного вымпелами треножника — «официальной» наивысшей точке земли, — он надел вместо альпинистской шапки военный берет и водрузил флаг родной страны.. Я был поражен.

Решимость этого человека принесла успех всей индонезийской экспедиции. Все, дело было сделано, настала пора как можно быстрее спускаться отсюда.

Еще раз я оценил свое состояние. Я чувствовал себя неплохо, силы на спуск у меня еще оставались. Башкиров и Виноградский тоже были в норме. Мы втроем сохраняли способность трезво оценивать ситуацию и могли принимать обдуманные решения. Индонезийцы шли на автопилоте. В любой момент могло произойти непоправимое.

Я сфотографировал Асмуджино на вершине. Было уже полчетвертого — очень поздно. Башкиров поднялся на вершину, вслед за ним возвратился Апа, уже здесь побывавший. Его я немедленно отправил вниз для установки палатки в пятом лагере. Виноградскому оставалось несколько метров до вершины, когда я велел всем спускаться. Он развернулся и пошел назад, туда, где в восьмидесяти метрах от вершины находился Иван. Я подошел к Мизирину, который упал в тридцати метрах от заветной цели. Опустившись на колени, я сказал ему, что он покорил вершину. К моему удивлению, Мизири встал и, собравшись с силами, начал спуск. Виноградского с Иваном мы нагнали в ста метрах ниже вершины. Не спорю, обидно было поворачивать их назад, когда они почти уже дошли, но на этот раз я был настроен решительно. Каждая минута была на вес золота. Нам непременно было нужно успеть в пятый лагерь засветло, иначе шансов на благополучный исход оставалось мало.

Вниз мы шли мучительно медленно и на Южную вершину добрались только к пяти часам вечера. Спуск шел по старым перилам, которые для нас выкопал и связал Апа. Я шел последним. На Южной вершине нас ждал Ава. По пути Мизири несколько раз падал, с трудом поднимался и, пошатываясь, брел дальше. Иван шел на кислороде Виноградского. Отстегнувшись от перил при перестежке, он сорвался, и если бы не схвативший его Виноградский, пролетел бы большие сотни метров вниз. Асмуджино шел хорошо и спускался вместе с шерпами. Наступили сумерки, и я пошел первым, освещая путь своим налобным фонарем. В половине восьмого вечера я с индонезий-

цами вышел к пятому лагерю. Башкиров и Виноградский подоспели часом позже. На этот момент кислородом пользовались только индонезийцы. Сняв с участников кошки, я помог им забраться в палатку. В каркасе не хватало двух секций стоек, так что наше жилище больше напоминало мешок. В палатке обнаружались следующие предметы: горелка, газ, кастрюльки и два баллона кислорода. Это было не совсем то, чего я ожидал от резервного лагеря. Мы вшестером набились в палатку. Заметно похолодало, и мы были рады, что у нас есть где спрятаться. Слава Богу, что не было ветра! На этот раз Эверест оказался снисходителен к нам. Апа хотел спуститься вместе с Давой. Я их отпустил, велел завтра утром связаться со мной по радию.

И началось. Дипломатичный Башкиров впоследствии назвал это «драматическими событиями той ночи». Евгению Виноградскому выдался еще один случай показать, на что он способен. Едва спустившись с Эвереста, он сразу принялся кипятить для нас воду и продолжал делать это всю ночь. Мы с Башкировым попеременно подключали индонезийцев к кислороду, стараясь расходовать его как можно экономнее. Когда кто-то из индонезийцев слишком долго оставался без живительного газа, он начинал кричать или молиться. Подменяя друг друга, мы провели в таком режиме всю ночь⁶. Одному тут было не справиться.

Рассвет оказался на редкость красивым. Ветра не было. Мы вылезли из палатки, чтобы полюбоваться видами на Ахоцзе, Макалу и Канченджангу к югу и востоку от нас и на сияющую под лучами утреннего солнца громаду Эвереста. Теперь, при должной аккуратности на спуске, мы были спасены. Успешным наше восхождение можно будет назвать лишь после того, как все участники окажутся в базовом лагере.

Мы в последний раз вскипятили воду и дали каждому напиток. Индонезийцы психологически уже были готовы к выходу. Обморожений ни у кого из участников не было. Баллоны были пусты, но долгая ночь в пятом лагере ослабила зависимость индонезийцев от кислорода. Пусть медленно, но все-таки они шли. Мы знали, что навстречу нам из Южной седловины отправился Апа с шерпами. Сияющий мир раскинулся сейчас у наших ног. Сагарматха отпустила нас. Мы выжили и спускались теперь вниз, целые и невредимые, не чувствуя на себе страшного груза утрат.

⁶ Башкиров и Виноградский перестали использовать кислород на спуске в пятый лагерь, а Букреев — по приходе туда. Ночью, как рассказывал Букреев, «консультанты кислородом не пользовались... Для нас это было несложно, ведь мы же не тратили энергии. К тому же ночью не было ни особого холода, ни ветра».

Почувствовав, что наше положение тревоги больше не вызывало и остальные участники дойдут до лагеря и бег меня, я решил заняться своими делами. На высоте 8 400 метров я стал искать тело Скотта. Оказалось, что на подъеме мы прошли всего в тридцати метрах от него. Еще тогда я попытался найти его, но в темноте мне это не удалось. Я нес с собой флаг, чтобы накрыть им Скотта. Его жена и друзья написали там слова прощания. Надеюсь, Аженни узнает, что я сделал все, что было в моих силах, для исполнения этой печальной миссии. Флаг я оставил на вершине Эвереста, потому что тогда у меня не было никакой уверенности в состоянии наших участников. Я не знал, будет ли у меня возможность отыскать Скотта на спуске. Теперь, когда самое плохое было позади, я хотел исполнить свой долг. Я попросил Женю Виноградского помочь мне. Скотт почти полностью был засыпан снегом. Мы обложили его тело камнями. Чтобы могилу можно было найти, мы закрепили на ней древко от ледоруба, найденное нами неподалеку. Я отдал дань памяти человеку, которого считал лучшим и талантливейшим из американцев. Я часто вспоминаю его дружелюбие, его светлую искреннюю улыбку. Сам я человек непростой в общении, но я надеюсь, что встреча со Скоттом пусть ненадолго, но все же изменила меня к лучшему. Его флаг развевается теперь на вершине Эвереста.

В полдень мы с Евгением пришли на Южную седловину. Мизири, Иван и Асмуджино на Балконе получили по полному баллону кислорода, и только теперь, на седловине, они окончательно уверились в своем спасении. Выпив чаю, мы стали готовиться к ночевке.

Утром 28-го апреля я пересек Южную седловину в направлении стены Кангшунг. Я шел туда, где оставил Ясуко Намбу той страшной ночью в прошлом году. Она лежала все там же, покрытая снегом и льдом. Рюкзака рядом с ней уже не было, а его содержимое разбросало ветром. Я подобрал несколько мелких вещичек для ее семьи. Потом я укрыл ее тело камнями и отметил место двумя ледорубами, которые нашел рядом в камнях. Я тяжело переживал смерть Скотта Фишера и Ясуко Намбы, и это было все, что я мог сделать для их семей.

Мне было о чем подумать: и том, как Мизири, Иван и Асмуджино шли к вершине, готовые умереть ради нее, и о том, какое горе приходит в дом с гибелью любимого человека, и о том, что пример индонезийцев может оказаться заразительным для многих. Если бы я умел зарабатывать на жизнь другим способом! Я спортсмен, и много еще на свете гор, где я не побывал, много целей, на которые я еще не успел замахнуться. Как всякий, достигший в своем деле определенных высот, я хотел бы, чтобы именно это ремесло и

давало мне средства к существованию. Для меня уже слишком поздно пытаться изменить свою жизнь, увы, почти наверняка мне придется вновь вести в горы совершенно неподготовленных людей. Трагичность ситуации в том, что я не хочу называться гидом, не хочу быть посредником в споре между чужими амбициями и чужой жизнью. Каждый должен сам отвечать за себя. Уж если на то пошло, я предпочел бы выступать в роли консультанта, а не гида. Наверное, кому-то это различие покажется смешным, но только так я могу выразить свой протест против общепринятой практики. Я не могу гарантировать безопасность в горах. Я могу быть тренером, консультантом, могу работать спасателем. Но я не могу гарантировать успех, не могу гарантировать безопасность кому бы то ни было в страшных условиях высокогорья, когда кислородное голодание превращает человека в малого ребенка. Я понимаю, что могу погибнуть в горах.

Мизирина, Иван, Асмуджино, Апа, Дава, Башкиров, Виноградский и я спустились вниз победителями. Многие внесли свою лепту в наше общее дело, и, кроме того, нам сильно повезло. Воспоминания об этой экспедиции не будут болью отзываться в моем сердце.

ПОСТСКРИПТУМ

Покорив Эверест, Букреев вместе с индонезийской командой и русскими коллегами спустился в Катманду, чтобы отпраздновать там успех экспедиции и завершить необходимые формальности. К середине мая он окончательно расстался с индонезийцами и вместе со своим другом вернулся в Луклу. Он вновь собирался в базовый лагерь у подножья Эвереста Там Анатолий хотел оценить погодные условия, состояние маршрута и понять, насколько реально совершить траверс Лхоцзе — Эверест¹.

Выйдя из Намче Базара, Букреев отправился по тропе, извивающейся вдоль крутых склонов ущелья Дудх Коси, сплошь усыпанных цветущими рододендронами. Там ему встретилась Ингрид Хант, экспедиционный врач «Горного безумия». Она приехала в Гималаи, чтобы установить бронзовую мемориальную доску в память о Скотте Фишере. Они немного поговорили, и доктор Хант со слезами на глазах сказала Анатолию, что решила никогда больше не возвращаться в Гималаи.

Попрощавшись с ней, Букреев продолжил свой путь к Эвересту. По дороге он внимательно глядывался в идущих навстречу альпинистов, надеясь увидеть кого-нибудь из японцев. Японская экспедиция не так давно отказалась от восхождения на Эверест и теперь должна была спускаться вниз. Букреев нес с собой амулеты и другие небольшие вещи, найденные им около тела Ясуко Намбы. Анатолий тогда соорудил из камней какое-то подобие надгробия. Теперь он хотел передать эти вещи японцам, чтобы те отвезли их семье Ясуко.

Переночевав в Пангбоче, Букреев и его спутник на рассвете отправились дальше. В Горак Шеп они прибыли около трех часов пополудни. Там в небольшой гостинице, под сенью снежной пирамиды Пумори они решили перекусить. И тут во дворике показался японец. Букреев спросил его, не мог ли он забрать вещи Ясуко Намбы в Токио, чтобы передать их там ее родственникам. Уяснив вопрос, собеседник Букреева, известный японский альпинист Мунео

¹ Букреев вышел на траверс вместе с итальянцем Симоном Моро, однако вскоре им пришлось прервать свою попытку. 26-го мая они вззошли на вершину Лхоцзе вместе с российской командой из восьми человек, среди которых был и Владимир Башкиров. Башкиров был близким другом Букреева; несколько месяцев назад он помог Анатолию возвести на Эверест национальную команду Индонезии. Башкиров вышел на Лхоцзе без кислорода. Вскоре после покорения вершины с ним случился приступ горной болезни: Башкирову стало плохо, и силы оставили его. Букреев сообщил о случившемся в верхний лагерь российской экспедиции. Оттуда немедленно вышли двое альпинистов с кислородом для Башкирова. Но было уже поздно (*прим. перев.*).

Нукита, указал ему на человека метрах в пятидесяти от них. Это был Кеничи Намба, муж Ясуко Намбы. Он приехал в Непал в надежде снять тело Ясуко с Южной седловины.

За чаем Букреев и Кеничи начали свою беседу; Мунео Нукита помог им, выступив в роли переводчика. Срывающимся голосом, то и дело останавливаясь, подбирая нужные слова, Букреев пытался объяснить Кеничи, что же произошло здесь годом раньше. Анатолий попросил прощения, многократно повторяя, что сожалеет о том, что не удалось спасти Ясуко. Слезы показались у него на глазах. Анатолий говорил, что ощущает личную вину в том, что произошло. Он не сумел помочь Ясуко так же, как помог Шарлотте Фокс и Сэнди Хилл Питтман. Анатолий ошибся, понадеявшись на помощь, которая так и не пришла

Кеничи Намба, не говоря ни слова, внимательно выслушал Букреева. Потом, когда Анатолию уже нечего было добавить, Кеничи сказал, что в случившемся он никого не винит. «Моя жена была альпинисткой, — сказал Намба — Она мечтала взойти на Эверест — и она взошла на него». Кеничи поблагодарил Букреева за помощь, оказанную тогда другим альпинистам, и за то внимание, которое он уделил Ясуко в этом году, оказав ей последние почести и похоронив ее. Намба собирался сделать это сам, но не сумел. Они проговорили еще часа два, а потом, распрощавшись с Кеничи Намбой, Букреев продолжил свой путь к белоснежным вершинам, освещенным закатным солнцем.

В ПАМЯТЬ ОБ АНАТОЛИИ

*Горы имеют власть звать нас в свои края
Там навсегда остались лежать наши с вами друзья
Тянутся к высоте люди большой души
Не забывайте тех, кто не пришел с вершин...*

*С уважением и наилучшими пожеланиями
для фирмы «BASK»,
Володе и Сергею Богдановым.
17.11.97 Анатолий Букреев*

6 декабря 1997-го года Американский альпинистский клуб принял решение о присуждении Анатолию Букрееву медали имени Дэвида Соулса. Эта награда относится к числу наиболее уважаемых среди высотников: ее вручают только тем, кто «рискуя собственной жизнью, пришел на помощь к своим товарищам». Букрееву медаль была присуждена единогласным решением наградного комитета. Особо были отмечены «целеустремленность и настойчивость, проявленные им при поисках и спасении товарищей по экспедиции, застигнутых ураганом на Южной седловине Эвереста». Также подчеркивались его героические усилия, когда «рискуя жизнью, невзирая на возобновившийся шторм, Букреев решился на еще один подъем, чтобы попытаться спасти жизнь своего друга — руководителя экспедиции Скотта Фишера».

Награждение состоялось на ежегодном собрании клуба в Сиэтле (штат Вашингтон). Решение наградной комиссии было встречено продолжительными аплодисментами аудитории. Уже более года альпинисты-профессионалы обсуждали трагедию на Эвересте, этого времени хватило и на выяснение деталей, и на обсуждение действий участников. Общее мнение было однозначным: Букреев заслуживает награды за проявленный героизм.

Букреев на торжественной церемонии не присутствовал — за две недели до этого он вылетел из США в Непал. Собранным (их было более 400 человек) было зачитано его краткое обращение. Как всегда сдержанный и немногословный, Букреев выражал свою признательность: «Я благодарен членам вашего клуба за понимание и терпимость по отношению к человеку другой культуры».

¹ Дарственная надпись на экземпляре книги «Восхождение», сделанная Анатолием Букреевым за пять недель до своей гибели на Аннапурне (*прим. перев.*).

В Непале Букреев собирался встретиться с Симоне Моро — одним из наиболее выдающихся итальянских высотников. Вместе с Букреевым они планировали осуществить восхождение по южной стене Аннапурны I (8078 метров). Впоследствии Моро рассказывал, что, когда они встретились в Катманду, Букреев находился в отличной форме и был счастлив вернуться в Гималаи, туда, где он вновь мог стать самим собой. Незадолго до отъезда в Непал Букреев дал интервью журналисту из Казахстана. На вопрос, не страшно ли ему в горах, Анатолий ответил: «Честно говоря, я не помню, чтобы я испытывал страх в горах. Наоборот, я чувствую себя как птица, которая перед полетом расправляет крылья. Я всей душой ощущаю свободу, которую дарит людям высота. Но стоит мне спуститься вниз, к жизни на равнине, как тяжесть окружающего мира вновь опускается мне на плечи».

1 декабря Анатолий Букреев, Симоне Моро и Дмитрий Соболев, кинооператор из Казахстана, на вертолете были доставлены в базовый лагерь под Аннапурной. Предполагалось, что Соболев будет снимать ход экспедиции на пленку. Участники надеялись на успех, но были сдержаны в своих оценках. Из-за обилия свежеевыпавшего снега им пришлось отклониться от первоначального маршрута. Однако погода налаживалась, и это внушало оптимизм.

Три недели Букреев, Моро и Соболев занимались установкой первого высотного лагеря на высоте 5 200 метров. Часто им приходилось прокладывать себе дорогу, проваливаясь в снег по грудь. От лагеря они собирались протянуть перильные веревки до гребня, начинавшегося на высоте 6000 метров. По этому гребню альпинисты планировали выйти к вершине. Подобный маршрут требовал существенно большего времени и сил по сравнению с исходным. Восходители остановили свой выбор на нем как на менее лавиноподобном. Идя по гребню, они меньшее время находились на снежных склонах Аннапурны.

Рождественским утром 25 декабря 1997-го года на рассвете Букреев, Моро и Соболев проснулись в первом высотном лагере. По словам Моро, Анатолий был в отличном настроении, шутил, никакой напряженности не ощущалось. Все утро альпинисты провешивали перила, постепенно поднимаясь к гребню. В 12:27 Моро вышел на высоту 5950 метров; чуть ниже него по кулуару поднимались Букреев и Соболев. Букреев нес бухту веревки, предназначенную для последнего, заканчивающегося на гребне, тридцатиметрового участка перил.

Затянув свой рюкзак, Моро выпрямился, и тут раздался страшный грохот. Оглянувшись, он увидел, как на него летит огромная, размером с дом, глыба льда.

Это обвалился незаметный снизу ледовый карниз. Его падение вызвало сход лавины. За те несколько секунд, пока лавина не смела Моро, он успел крикнуть вниз лишь одно слово: «Анатолий!»

Букреев в этот момент находился на высоте примерно 5 650 метров, следом за ним шел Соболев. Обернувшись на крик, они увидели приближающуюся к ним стену из снега и льда Моро сказал, что Анатолий поймал его взгляд и стал быстро, но спокойно выбираться из кулуара.

Лавина с силой товарного состава налетела на Моро, протащила вниз по склону и выбросила чуть выше их палатки в первом высотном лагере. Когда лавина прошла, он был без сознания, к тому же наполовину засыпан снегом. Однако спустя несколько минут Моро пришел в себя и сумел выбраться из завала. Минут двадцать он ходил по лавинному выбросу, пытаясь отыскать Анатолия или Дмитрия, но никто не отозвался на его крики.

Кожа на ладонях Моро была содрана веревкой до сухожилий, поэтому он зашел в палатку за запасными перчатками. Затем последовал мучительный шестичасовой спуск к базовому лагерю. К счастью, шерпа, которому разрешили покинуть этот лагерь, еще оставался на месте. Был вызван вертолет, который и забрал Моро в Катманду для оказания срочной медицинской помощи. Перед тем как отправиться к хирургу, Симоне позвонил в Соединенные Штаты.

Печальное известие дошло до Санта Фе поздним вечером 26-го декабря. Оно потрясло нас, хотя мы и отнеслись к нему с недоверием. Накануне мы с Линдой Уайли и Дианой Тейлор² отметили Рождество, взойдя на пик Аталайя в северной части штата Нью-Мексико. Сама по себе эта гора весьма несложная, однако во время подъема разыгралась метель. Тем не менее, все наши мысли в тот день были обращены к Непалу. Мы обсуждали вопрос о том, когда Симоне и Анатолий решатся на штурм вершины. Нам казалось, что они постараются дождаться полнолуния.

28 декабря Линда вылетела в Непал для участия в поисках Анатолия и Дмитрия. Была надежда, что им удалось выбраться из-под снега и вернуться к первому лагерю, который лавина обошла стороной. Там оставались еда, горелки, газ, теплые вещи — словом, все необходимое для того, чтобы выжить и спокойно дождаться прихода спасателей.

В последних числах декабря группа спасателей несколько раз пыталась пробиться к первому лагерю на вертолете, но всякий раз погода препятствовала их успешной высадке. Тем временем журналисты по обе стороны океана

² Кинооператор, участвовавшая в печально известной женской экспедиции на Аннапурну, закончившейся гибелью двух участниц.

увлеченно обсуждали судьбу пропавших альпинистов. Мне, в частности, позвонил репортер издания «U.S. News & World Report», чтобы, как он выразился, «сверить детали». В следующем номере журнала должна была появиться статья, рассказывающая о гибели Букреева, и звонивший хотел, чтобы я проверил, нет ли в тексте фактических неточностей. Неприятно удивленный тем, что журнал собирается сообщить о смерти Анатолия и Дмитрия прежде, чем окончательно будет выяснена их судьба, я все же согласился прослушать текст статьи и дать свою оценку ее достоверности. Первая же фраза звучала примерно так: «В памяти людей Букреев наверняка останется как главный отрицательный герой бестселлера Кракауэра "В разреженном воздухе"». На этих словах я был вынужден прервать своего собеседника. Я сказал ему: «Нет, это не так. Если Анатолий погиб, то он останется в памяти друзей, прежде всего, превосходным альпинистом и исключительно отважным человеком».

Наконец 3-го января 1998-го года команде казахских альпинистов во главе с Ринатом Хайбулиным и несколькими шерпам удалось высадиться около первого высотного лагеря. Они обследовали лавинный вынос и палатку, в которой Анатолий ночевал в ночь накануне Рождества. Никаких следов найти не удалось — после того как здесь побывал Моро, ничего в палатке не изменилось. Линда Уайли написала мне из Катманду: «Это конец... Больше надеяться не на что».

Я получил это сообщение дома. В глубине души я все же надеялся, что Дмитрию и Анатолию удалось добраться до палатки, что их найдут живыми. Едва ли кому-нибудь удавалось спастись в такой ситуации, но мне казалось, что «белая ворона» (так в шутку называли Анатолия казахские друзья, подчеркивая его исключительность) может выжить и при таких обстоятельствах. Я живо представлял себе, как Ринат, приятель Букреева, открывает полог палатки и видит там Анатолия с кружкой горячего чая в руках. «Ну и где тебя до сих пор носило?» — насмешливо спросил бы он у Рината.

Положив трубку, я посмотрел на небольшой машинописный листок, который когда-то повесил над письменным столом. Там были слова великого русского кинорежиссера Андрея Тарковского:

Более всего меня интересует тип человека, готового пожертвовать собой или тем, к чему он привык... Его поведение нам часто кажется абсурдным и непрактичным. Но вопреки — или даже благодаря этому — только таким, как он, и под силу менять кардинально жизнь других людей или даже ход самой истории.

По-моему, эти слова можно в полной мере отнести к Анатолию Николаевичу Букрееву. Я счастлив, что мне довелось работать с ним. Не нахожу слов, чтобы выразить как все мы, друзья Анатолия, его соратники-альпинисты, все, кто был с ним близок, скорбим об этой утрате.

Дмитрий Соболев, Анатолий Букреев — навсегда в наших сердцах.

Вестон Де Уолт,
Блэк Маунтин,
Северная Каролина,
10-е мая 1998-го года

Приложение 1

Наш ответ Кракауэру

Я понимаю, что Вы столкнулись с серьезной проблемой: ...приведенные мною факты шли вразрез с Вашим взглядом на события.

*Анатолий Букреев,
старший гид экспедиции
«Горное безумие».
(Из письма Ажону Кракауэру
от 6 августа 1996-го года).*

В течение несколько месяцев после трагедии на Эвересте я практически ежедневно встречался с Анатолием Букреевым, обсуждая с ним нашу будущую книгу. Наши встречи начинались обычно рано утром, поскольку во второй половине дня Анатолий бегал кроссы или тренировался в горах Сангре-де-Кристо на севере штата Нью-Мексико. В один из таких дней мы сидели на кухне у него дома. На столе лежал горячий, только что испеченный хлеб, рядом стояла баночка с непальским медом. Ожидая, когда остынет хлеб, мы пили чай и обсуждали свои планы на будущее.

Анатолий готовился к отъезду на Чо-Ойю и Шиша-Пангму, поэтому нам предстояло распределить, что каждый из нас должен написать, пока Анатолий будет в отъезде. Зачитывая вслух свои записи, я помечал галочкой то, что Толя согласился сделать самостоятельно. Дойдя до конца, я поднял глаза на Анатолия. Медленно поднося кружку ко рту, он смотрел на меня и в то же время словно меня и не видел. Решив, что он не все сумел разобрать в моих словах, я снова прочел ему весь список, на этот раз более медленно. Несколько секунд Анатолий сидел молча, глядя мне в глаза. Наконец он очнулся, поставил чашку на стол и сказал самым обычным своим тоном: «Если я вернусь, то, конечно, сделаю, что ты мне велел. Но если нет, то тебе придется все сделать самому».

За время написания «Восхождения» Анатолий трижды уезжал из Санта Фе в различные экспедиции. Всякий раз я обещал ему, что если он не вернется, то я допишу книгу до конца.

Наконец, в конце октября 1997-го года «Восхождение» было опубликовано. Вскоре после выхода книги мы с Анатолием отправились в большое турне, организованное нашим издательством «Мартин Пресс». Наш рабочий день

тогда начинался в шесть утра и заканчивался поздно вечером. Анатолий был недоволен таким расписанием, поскольку тем самым срывался график его тренировок, но он терпеливо переносил все неприятности. Для него это была такая же работа, как и когда-то в горах, он относился к ней со всей серьезностью и жаловаться не любил.

Воскресным вечером 9-го ноября мы приехали в Денвер, усталые и проголодавшиеся с дороги. В гостинице нас ждало письмо, присланное нашим нью-йоркским другом по факсу. Там были выдержки из газетных сообщений. Анатолий спросил меня, о чем пишут. Я напомнил ему, что как раз в тот вечер должен был состояться показ по телевидению экранизации книги Джона Кракауэра «В разреженном воздухе». В присланном сообщении содержалось несколько рецензий на этот фильм.

«Ну и что за фильм?» — спросил Анатолий. Я зачитал ему первое сообщение, и Анатолий попросил меня повторить один абзац еще раз. Там было написано следующее:

«В фильме нет ничего выдуманного, — писал Софронский¹. — Сценарий полностью соответствует книге Джона Кракауэра Джон лично приехал в Альпы и оказал нам колоссальную поддержку... Во время съемок различных эпизодов он помогал нам представить, как все было на самом деле, какие чувства испытывали альпинисты, что ощущает человек, оставшись на высоте без кислорода Каждый кадр нашего фильма на 100 процентов реален».

— На 100 процентов реален? Что это значит? Они хотят сказать, что в фильме все правда? — спросил Анатолий.

— Да.

— А это на самом деле так?

— Не думаю.

— Почему?

— Так мне кажется. Понимаешь, есть много способов...

— Посмотрим этот фильм, ладно?

— Если тебе так хочется...

— Обязательно посмотрим.

Позже, сидя за ужином в своем номере, мы с Анатолием переключились на канал Эй-Би-Си, по которому должны были передавать этот фильм. С нами в тот вечер был друг Анатолия Лев. Уехав из России в Америку, он стал процветающим денверским коммерсантом.

Начало фильма показалось Анатолию очень смешным. Его забавляли нелепое снаряжение участников и их бестолковые диалоги. Появление на экране

¹Бернард Софронский — режиссер-постановщик экранизации книги Кракауэра.

членов экспедиции «Горного безумия» привело его в восторг, и вместе со Львом они стали подыскивать английское слово, наиболее точно соответствующее увиденному.

- Пьеса?—подсказывал Лев, пытаясь догадаться, что имел в виду Анатолий.
- Нет, не пьеса.
- Драма?
- И не драма.
- Беллетристика?
- Что-то вроде этого, но не совсем.
- Мультфильм?
- Да, да! Точно. Горный мультик.

Всякий раз, когда на экране появлялся актер, игравший Букреева, Анатолий заливался смехом. Воинственный и угрюмый, настоящий вышибала—таким был его двойник в фильме. «Ему еще бы валенки и ушанку со звездой».

Однако по мере того как разворачивалось действие фильма, Анатолий смеялся все меньше. Наконец он глубоко задумался. Пересев поближе к телевизору, он не отрываясь смотрел на экран. Там потерявшие дорогу альпинисты пытались пробиться сквозь снежную бурю к четвертому лагерю. Увидев хрупкую фигурку в красной куртке, Анатолий, ни к кому не обращаясь, сказал: «Ясуко»².

Когда экранный Букреев склонился над безжизненным телом Скотта Фишера, эмоции окончательно захлестнули Анатолия. Мы со Львом переглянулись, не зная, что и делать. Фильм закончился, сменившись рекламой, а Анатолий по-прежнему сидел перед телевизором. Наконец, он повернулся к нам, на лице его было отвращение. Он сказал: «Они, как стервятники, слетаются на запах смерти; им нужна падаль»³.

Через четыре дня мы с Толей прибыли в Сиэтл, где нам предстояло выступить в ведущем магазине компании РЕЙ⁴. Анатолий очень серьезно отнесся

Ясуко Намба была участницей «Консультантов по приключениям». Она погибла, брошенная всеми, на Южной седловине. Анатолий часто вспоминал о ней в наших беседах. Он с горечью говорил, что до спасения ей оставалось «совсем чуть-чуть», ведь до палатки она не дошла каких-то пятьсот метров. В 1997-м году, поднявшись на Эверест в качестве руководителя национальной индонезийской экспедиции, Анатолий прикрыл ее тело камнями. «Отдавая дань памяти», как сказал он мне.

² «Репортаж из морга под старомодную музыку», — так отозвался об этом фильме журналист газеты «Детройт Ньюс». Впрочем, альпинисты были еще более категоричны в своих оценках.

РЕЙ (REI — Recreational equipment, снаряжение для активного отдыха) — крупнейший поставщик туристического и альпинистского снаряжения в США. Значительная часть продаж компании осуществляется через интернет (*прим. перев.*).

к поездке в Сиэтл. Он понимал., что едет в родной город Скотта Фишера, которого здесь все знали и чью смерть оплакивали все без исключения жители. Сотрудник небольшой конторы, куда мы зашли, чтобы снять ксерокопии с необходимых материалов, узнал Букреева Он столь восторженно принялся благодарить Анатолия за его попытку спасти Фишера, что Анатолий просто не знал, куда ему деться от смущения. «Это моя работа», — только и сказал он.

Следующим вечером после презентации книги в РЕИ до Букреева дошли приятные новости. Джим Уиквайер, один из наиболее авторитетных американских альпинистов, пока что в частном порядке сообщил Анатолию о решении наградной комиссии Американского альпинистского клуба Все пятеро ее членов одобрили предложение вручить Букрееву за проявленное мужество и героизм самую престижную награду своего клуба. Для Анатолия подобный поворот событий оказался полной неожиданностью, и, конечно, он и представить себе не мог, что за этим последует.

Поздним вечером 14-го ноября мы простились с Букреевым в фойе нашей гостиницы в Сиэтле. Анатолий улетал в Непал для совершения зимнего восхождения на Аннапурну, а я отправлялся к себе домой. Мы договорились встретиться следующей весной, после его возвращения в Санта Фе. Однако увидеться нам было не суждено.

6 декабря 1997-го года я приехал в Сиэтл, чтобы принять участие в ежегодном заседании Американского альпинистского клуба, которое проходило в Сиэтла Белвью. В этот день Уиквайер официально объявил, что Анатолию Букрееву, Тодду Бурлесону и Питеру («Питу») Этансу присуждена высшая награда клуба — медаль имени Дэвида Соулса. Поводом для награждения послужило героическое поведение всех троих во время трагических гималайских событий 1996-ого года Уиквайер, председатель наградной комиссии, сказал: «Все лауреаты этого года являются профессиональными гидами, и потому к ним были предъявлены повышенные требования»⁵.

Объявив имена награжденных, Уиквайер зачитал краткое послание, написанное Букреевым перед вылетом в Непал. В нем Анатолий благодарил Американский альпинистский клуб за оказанную честь, особенно подчеркнув то понимание и поддержку, с которым американские альпинисты отнеслись к нему как представителю другой культуры.

⁵ Позднее Уиквайер сказал также, что комиссия «приняла во внимание всю имевшуюся в ее распоряжении информацию... При рассмотрении кандидатуры Анатолия Букреева мы учли и его отказ от использования кислорода, и быстрый спуск впереди основной группы «Горного безумия». Однако, как сказал Уиквайер, после детального разбора всех обстоятельств у членов комиссии не осталось малейших сомнений в правильности действий Букреева.

Через два дня Джон Кракауэр, также присутствовавший на церемонии в Сиэтле, написал бессвязное обличительное письмо, адресованное Джеду Уильямсону, бывшему президенту клуба, и одному из пяти участников наградной комиссии. Это письмо, копии которого были отправлены в различные альпинистские организации и печатные издания, представляло собой длинный список обвинений в адрес Анатолия Букреева, его соавтора, то есть меня, и нашей совместной книги «Восхождение». Среди прочих прегрешений нам вменялось следующее:

1. При написании «Восхождения» Вестон Де Уолт не удосужился взять интервью у Нила Бейдлмана (второго гида экспедиции «Горного безумия»).
2. Вестон ДеУолт «никогда не связывался» с Эдом Вистурсом, участником ИМАКС-экспедиции, и не узнавал его мнения. Между тем, интервью с ним могло бы пролить свет на многое, так и оставшееся необъясненным.
3. «Почти все шерпы, участники тех событий, обвиняли в случившемся лично Букреева».

Поскольку Анатолий уже находился в базовом лагере под Аннапурной и связаться с ним не представлялось возможным, то всю переписку с адресатами этого письма мне пришлось взять на себя. 16 декабря 1997-го года я разослал им письмо, в котором последовательно отвечал на все обвинения в наш адрес. Копия письма была отправлена самому Джону Кракауэру.

В ответ на голословное утверждение о том, что я не предпринимал попыток взять интервью у Бейдлмана, были предоставлены письменные доказательства обратного. Опровергнуть это обвинение не составляло труда, поскольку, прежде чем опубликовать «Восхождение», я:

1. Отправил Бейдлману по факсу часть расшифровки магнитофонной записи⁶, сделанной участниками экспедиции «Горного безумия» во время разбора восхождения. В этом фрагменте Нил Бейдлман одобрял решение Букреева спуститься в четвертый лагерь раньше клиентов «Горного безумия».
2. Обсудил с Бейдлманом эту тему по телефону.

⁶ Эта запись, сделанная 15-го мая 1996-го года в базовом лагере под Эверестом, упоминается во введении (см. «От автора») и частично приводится в конце книги (см. главу «Разбор восхождения»).

3. В том же телефонном разговоре предложил Бейдлману дать интервью с записью на магнитофонную пленку⁷, но получил отказ.

На обвинение в том, что я «никогда не связывался» с Эдом Вистурсом из ИМАКС-экспедиции и не брал у него интервью, я написал: «Следует отметить, что Эд Вистурс любезно согласился дать мне интервью. Наша беседа состоялась в Солт-Лейк-Сити (штат Юта) в январе 1997-го года. Имеются аудиозапись и печатный вариант этого интервью. Цитаты из нашего разговора с Вистурсом приводятся⁸ на с. 119—120 "Восхождения"».

По поводу же слов относительно «почти всех шерпов» остается лишь развести руками. Это утверждение столь же несправедливо, сколь и смехотворно. Приведу лишь комментарий на данную тему известного писателя, альпиниста и фотографа Галена Ровелла.

За неделю до гибели Букреева Ровелл писал Кракауэру: «⁹... Являясь рецензентом "Восхождения", я прочел Ваше недавнее письмо, содержащее в себе критику данной книги. Относясь к тому редкому типу писателей, для которых дела важнее слов, я попытался сопоставить Ваше утверждение о том, что "почти все шерпы, участники тех событий, обвиняли в случившемся лично Букреева", с достоверными фактами. Всем известно, что клиенты Букреева спустились вниз живыми и практически здоровыми, без серьезных повреждений, а погибли и пострадали именно участники вашей экспедиции. Встает вопрос, почему, несмотря на Ваши многочисленные претензии к Анатолию как к гиду, все его клиенты выжили, а многие Ваши товарищи погибли или получили увечья»¹⁰.

⁷ Я сказал тогда Бейдлману, что хотел бы расспросить его о подробностях восхождения на Эверест, в частности, о времени выхода на вершину. Мне также хотелось, чтобы Нил прокомментировал некоторые свои высказывания во время разбора восхождения 15-го мая 1996-го года. Учитывая важность и деликатность затрагиваемых вопросов, я хотел записать беседу на пленку. По моему глубокому убеждению, каждый человек (если, конечно, его жизни и здоровью ничто не угрожает) должен нести ответственность за свои слова, и, как правило, я стараюсь записывать свои интервью.

⁸ Здесь номера страниц указаны по первому изданию книги «Восхождение» (в твердой обложке), выпущенному «Мартин Пресс» в ноябре 1997-го года.

⁹ Письмо Кракауэра пришло к Галену Ровеллу в момент написания им рецензии на книгу «Восхождение» для издания «American Alpine Journal». С разрешения Галена Ровелла и Американского альпинистского клуба текст рецензии приводится в настоящем издании книги.

¹⁰ Весной 1998-го года Гален Ровелл отправился в Непал, где совершил путешествие к базовому лагерю у подножия Эвереста. На пути, в том числе и пересекая Кхумбу, Ровелл беседовал с более чем тридцатью шерпами, многие из которых были на Эвересте в мае 1996-го

В феврале 1998-го друзья Анатолия, альпинисты и не только они, съехались со всего света в Колорадо, чтобы почтить его память. Прощание проходило в Денвере и Боулдере. Из России и Казахстана приехали друзья Букреева, в том числе и Ринат Хайбуллин¹¹, руководитель спасательного отряда под Аннапурной. Альпинисты вспоминали о сильном и смелом человеке, которому даже развал великой страны не сумел преградить путь в горы. На прощальную церемонию прибыли родители Скотта Фишера и его сестра, которые своим состраданием пытались утешить тех, для кого утрата казалась невыносимой. Джек Роббинс, архитектор из Беркли, с глубокой признательностью отзывался о терпеливом русском, который помог ему в шестьдесят с лишним лет покорить вершину Денали. Попрощаться с Букреевым приехали и участники экспедиции «Горного безумия», в том числе Сэнди Питтман, которую он спас на Эвересте. Для них он остался человеком, чей дух был выше слепой мощи стихии, его погубившей.

Как и многие другие друзья Анатолия, я ожидал, что после его трагической гибели споры о событиях 1996-го года затихнут. Мы надеялись, что дискуссия станет более цивилизованной и объективной. Казалось, что присуждение Анатолию почетной награды должно обуздать пыл Кракауэра. В последнее время, как замечали многие, Джон Кракауэр стал проявлять какой-то нездоровый интерес к этой теме, становясь все менее разборчивым в средствах.

Тем не менее, спустя пять месяцев, то есть почти через два года после выхода статьи Кракауэра в журнале «Аутсайд», полемика развернулась с новой силой. На этот раз ее инициатором стал Стив Вайнберг, исполнительный редактор «ИРЕ»—издания, известного своими журналистскими расследованиями.

Статья Вайнберга «Почему в книгах столько ошибок» появилась в июльском номере «Columbia Journalism Review». Обращаясь к читателям книги «В разреженном воздухе», автор призывал их задуматься над вопросом: «Если оценка действий Букреева, данная Кракауэром, верна, то вполне возможно, что кто-то из клиентов "Горного безумия" пострадал бы меньше, будь их гид более внимательным и менее самоуверенным. Но если обвинения в адрес Букреева содержат преувеличения или же попросту являются вымышленными, то это гораздо большая оплошность, чем рядовая неаккуратность в обращении с фактами. Ведь под сомнение была поставлена репутация человека».

года. Ни один из них не считал Букреева виновным в той трагедии и даже не знал шерпов, разделивших такое мнение. Ровелл обнаружил, что шерпы были глубоко огорчены известием о гибели Анатолия Букреева и Дмитрия Соболева на Аннапурне в Рождество 1997-го года

Воспоминания известного казахского альпиниста Рината Хайбуллина приводятся в конце русского издания нашей книги (*прим. перев.*).

Затронутая тема показалась важной Двайту Гарнеру, старшему редактору интернет-журнала «Салон», и на первых страницах этого издания появилась его статья «На спуске»¹². Несмотря на излишне самоуверенный подзаголовок («правдивый взгляд на трагические гималайские события двухлетней давности»), статья, тем не менее, вполне объективна и содержит в себе интересный взгляд на истинные причины противостояния Кракауэр — Букреев¹³.

После публикации статьи Гарнера мы с Кракауэром обменялись письмами на интернет-странице журнала «Салон», и я было решил, что на этом вопрос исчерпан. Мне казалось, что спор окончен, и пора предоставить слово другим. Однако я ошибался.

В ноябре 1998-го года вышло новое иллюстрированное издание книги «В разреженном воздухе» с пространным послесловием. Оставаясь столь же критичным в оценке действий Букреева на Эвересте, как и ранее, Кракауэр все же отдавал должное его альпинистским способностям, вкратце упомянув и о спасении им клиентов «Горного безумия». Кракауэр писал: «Вне всякого сомнения, именно Букреев спас Сэнди Питтман и Шарлотту Фокс. Он рисковал своей жизнью ради них — кстати, об этом я неоднократно упоминал ранее». О присвоении Букрееву награды Американского альпинистского клуба, о том, что награжден он был именно за героические действия на Эвересте в 1996 году, в послесловии не говорилось ни слова¹⁴.

¹² Этот журнал можно найти по адресу <http://www.salon.com>.

¹³ В своей статье Гарнер размышлял и на другую тему, на мой взгляд, не менее важную, чем толкование Кракауэром действий Букреева на Эвересте. Под вопросом оказывалась правдивость автора «В разреженном воздухе». Двайт Гарнер отмечал противоречивые, если не сказать — взаимоисключающие отзывы Джона Кракауэра и Бека Уитерза об их встрече при спуске с Эвереста. Тогда Кракауэр наткнулся на ослепшего Уитерза. К тому времени Бек уже много часов подряд ждал Холла, надеясь, что тот поможет ему спуститься.

Гарнер приводил в своей статье отрывки из книги «В разреженном воздухе». Кракауэр, по его словам, «заклинал» Уитерза идти вместе с ним. «Я стану твоими глазами, твоей опорой, я спущу тебя вниз, не бойся». Тем временем сам Бек Уитерз по-другому описывал их встречу (имеется магнитофонная запись его рассказа). Уитерз утверждал, что первым делом объяснил Джону, сколь плохи были его (Бека) дела: «Понимаешь, Джон, я не могу здесь больше оставаться. Роб и сам должен был это понять, но становится слишком поздно. Мне нужен кто-то, кто бы шел со мной. Это несложно, нужно просто показывать мне дорогу. Только иди чуточку медленнее... Но Джон был не в восторге от моих слов. Это и так; было ясно... а потом он сказал: «Бек, ведь я же не гид».

¹⁴ За три месяца до публикации этого «Послесловия» в статье Двайта Гарнера в «Салоне» цитировались высказывания Кракауэра о спасении Букреевым Сэнди Питтман и Шарлотты Фокс. «Да, возможно он бесстрашен. Но он сам довел дело до этого». «Если бы Букреев поменьше пил чай, пока люди гибли на горе, — писал Кракауэр, — то всего этого героизма и не потребовалось бы». В той же статье приводился отзыв Кракауэра о членах наградной комиссии. Он назвал их «аристократами от альпинизма», обвинив в неприязни к чужакам и, в частности, к себе лично.

Как мне кажется, Кракауэр приписал это послесловие, желая выкрутиться из ситуации, в которую сам себя загнал. Честно признаться в своей неправоте он не хотел, но в то же время боялся быть обвиненным в откровенной клевете. К тому же попытки Джона Кракауэра с помощью все тех же старых и уже когда-то опровергнутых обвинений дискредитировать книгу «Восхождение» слишком явно выдают его основную цель: защитить от нападков себя и свою книгу.

Моим первым желанием было не обращать внимания на это «Послесловие». Однако, перечитав его несколько раз, я ощутил, с какой настойчивостью стремился Кракауэр утвердить в сознании читателя созданный им в книге образ Букреева, образ, по моему глубокому убеждению, абсолютно не соответствующий действительности. Мое молчание в подобной ситуации означало бы предательство. Я обещал Анатолию сделать все, что потребуется, если однажды он уйдет в горы и не вернется. Итак, ответить Кракауэру было моим долгом.

Ответ

Уверен, что есть по крайней мере надличностный критерий для определения того, хороша ли данная трактовка в том смысле, в каком мы уверены, что... Марко Поло не видел носорогов на самом деле.

*Умберто Эко,
«Прозрения: Язык и Безумство»*

Начало противостоянию Букреева и Кракауэра было положено в сентябре 1996-го года, когда в журнале «Аутсайд» была опубликована статья «В разреженном воздухе»¹⁵. В ней Джон Кракауэр критически отзывался о решении Букреева спуститься раньше своих клиентов:

«Букреев вернулся в четвертый лагерь в половине пятого вечера, прежде чем на маршрут обрушился ураган, — писал Кракауэр. — Сломая голову, он помчался вниз с горы, не дожидаясь своих клиентов. Поведение для гида, мягко говоря, странное». Далее Кракауэр упоминает о том, что ранний спуск

¹⁵ Один из бывших работников «Аутсайда» вспоминал, что выход в свет сентябрьского номера был ускорен, так что первые экземпляры появились в продаже уже в конце июля.

Букреева «скорее всего, объяснялся тем, что у него не было с собой кислорода, да и одежда на нем была не такая теплая, как у остальных».

31-го июля Анатолий Букреев послал свои комментарии по поводу статьи в редакцию журнала «Аутсайд». Он повторил объяснения, данные им Кракауэру еще на момент написания материала:

1. Скотт Фишер лично одобрил решение Букреева спуститься в четвертый высотный лагерь, не дожидаясь клиентов.

2. Букреев и Фишер считали, что такой спуск необходим для того, чтобы Букреев подготовился к возможному выходу наверх для оказания помощи альпинистам.

Несмотря на то, что Букреев видел существенные упущения в статье Кракауэра, он не стремился нагнетать страсти, призывая окружающих к спокойствию и объективности. Он писал: «Уверен, что господин Кракауэр, как и я, скорбит о погибших и тяжело переживает эту утрату. Нам обоим хотелось бы, чтобы в тот день все произошло по-другому. Необходимо как следует разобраться в произошедшей трагедии. Надеюсь, что наш горький опыт послужит уроком для тех, кто вслед за нами примет вызов гор. Я всецело приветствую стремление господина Кракауэра докопаться до правды и готов всячески помогать ему в этом».

В открытом ответном письме¹⁶ Кракауэр оставался столь же резок в оценке самого Букреева и предпринятых им действий. Он обвинил Букреева в самонадеянности и нежелании признавать свои ошибки. О том факте, что решение Букреева о раннем спуске было одобрено Фишером, Кракауэр умалчивал, причем уже во второй раз.

Прочитав это письмо, Букреев сказал: «Что происходит? Я ничего не понимаю». Запальчивый тон Кракауэра, нежелание выслушать объяснения — все это казалось странным. «Чего он добивается?» — думал Букреев.

В течение полутора лет статьи и книга Джона Кракауэра являлись, по сути, главным источником информации о трагедии на Эвересте, и большинстве публикуемых в то время материалов — в той или иной мере — основывалось на его видении событий. Словом, произошло то, что французский социолог Пьер Бурдьё назвал «круговоротом информации»¹⁷. История, рассказанная Кракауэ-

¹⁶ Письмо, написанное 24 августа 1996-го года, появилось в интернет-журнале «Аутсайд Онлайн». Это сетевое информационное издание имеет партнерские отношения с журналом «Аутсайд».

¹⁷ P. Bourdieu. *On Television* — NY: The New Press, 1998.

эром, была растиражирована средствами массовой информации и превратилась в реальность для обывателя. Созданный Джоном Кракауэром образ Букреева постепенно утверждался в общественном сознании. Гид сомнительной репутации — вывод напрашивался сам собой.

Невзирая на все сложности, Букреев сохранял спокойствие, он был уверен, что рано или поздно его тоже услышат. Анатолий много работал над книгой «Восхождение». Ему было трудно писать на чужом языке, трудно работать со мной, своим соавтором, трудно совмещать работу над книгой с тренировками. Понимая, сколь сложны и запутаны были обстоятельства той трагедии, Анатолий настаивал на том, чтобы в книге не было поисков виновных. Его целью было честно рассказать об увиденном и пережитом весной 1996-го года¹⁸.

Наконец, во второй половине октября 1997-го года «Восхождение» вышло в свет. Спустя несколько недель состоялась последняя встреча Букреева и Кракауэра, Поводом послужил ежегодный фестиваль горного кино и горной литературы в Банфе, куда мы с Анатолием были приглашены для участия в открытых дебатах. На одном из таких обсуждений собралось чрезвычайно много народу. Как мне кажется, отчасти это было связано с тем, что за последние полтора года Букреев почти не показывался на публике¹⁹.

Анатолий придавал большое значение этому событию. В августе 96-го, после выхода статьи Кракауэра в журнале «Аутсайд», Букреев присутствовал на аналогичных дебатах и слушал выступление Джона Анатолию тогда было что возразить, однако он не стал выступать с критикой, полагая, что подобные мероприятия — не лучшее место для личной конфронтации. Букреев полагал, что и Кракауэр придерживался того же мнения²⁰.

В своем выступлении²¹ Букреев эмоционально говорил о необходимости

¹⁸ Букреев не мог не заметить, что в своих публикациях Кракауэр уделял куда больше внимания экспедиции «Горного безумия», нежели «Консультантам по приключениям», хотя, будучи участником экспедиции Холла, он мог бы попытаться объяснить причины столь многочисленных потерь в его команде.

¹⁹ Общение Букреева с окружающими затруднялось из-за языкового барьера. Он часто чувствовал себя неловко, будучи не в силах точно сформулировать свои мысли на чужом языке.

²⁰ В своем письме Джону Кракауэру от 6-го марта 1996-го года Букреев предлагает встретиться и обсудить возникшие расхождения. «Я слышал, — писал Букреев, — что Вы планируете посетить Солт-Лейк-Сити и принять участие в дискуссии, организованной редакцией журнала "Аутсайд". Я также собираюсь там быть и был бы рад встретиться с Вами. Надеюсь, что, несмотря на насыщенный график мероприятий, у нас найдется время, чтобы увидеться и поговорить».

²¹ Вместе с Букреевым выступала его подруга Линда Уайли, которая и зачитывала текст его обращения.

большей аккуратности в освещении событий и проблем высотного альпинизма²². Он также дал понять, что не в восторге от большинства публикаций, посвященных трагедии 96-го года. Когда настало время вопросов из зала, первым у микрофона оказался Кракауэр. Не предъявляя никаких доказательств, он заявил, что книга «Восхождение» написана «нечестно», и вдобавок еще обвинил Анатолия в желании навязать всем свое мнение. Ведущий спросил четверых оппонентов, не хочет ли кто-нибудь из них прокомментировать заявление Кракауэра. Желающих не нашлось.

Под конец обсуждения слово взял Дэвид Робертс, который, как и Кракауэр, являлся консультантом журнала «Аутсайд». Он заявил, что «Восхождение» написано «в угоду личным интересам» автора.

Все участники дебатов были неприятно удивлены. В зале даже начали свистеть. Тут вмешался ведущий, и вскоре порядок был восстановлен. Вечером того же дня, когда мы с Толей ужинали вместе с друзьями в ресторане, к нам подсел один из ответственных сотрудников Канадского альпинистского клуба и от имени своей организации принес извинения за случившееся. «Мы не думали, что дело дойдет до такого», — сказал он. Один английский альпинист, свидетель выступлений Кракауэра и Робертса, мрачно улыбаясь, сказал, что все это «напоминало фарс». После ужина Толя сказал: «То, что произошло на Эвересте, было настоящей трагедией». Теперь же, как казалось Букрееву, сами по себе события тех дней стали чем-то второстепенным²³.

²² Анатолий имел в виду конкретную ситуацию, с которой столкнулся весной 1997-го года. У подножья ступени Хиллари участники его экспедиции наткнулись на тело погибшего альпиниста, и стоило Букрееву сообщить об этом в базовый лагерь, как известие было немедленно опубликовано в Интернете. Букреев не сумел тогда с точностью опознать погибшего (позже выяснилось, что это был Брюс Хирод, пропавший без вести годом ранее). Анатолий считал, что публиковать подобные сведения, не выяснив достоверно, кто же это был, и не получив согласия семьи, никак нельзя.

²³ В своем «Послесловии» Джон Кракауэр пишет, что сразу после скандала на фестивале в Банфе у него состоялся короткий разговор с Букреевым. По словам Кракауэра, «в одном *мы* сошлись—наши позиции непримиримы». Присутствовавшая при их встрече Линда Уайли замечает, что такая интерпретация случившегося, мягко говоря, неточна. Букреев, как рассказывала Линда, был изумлен агрессивной выходкой Кракауэра и его злобными нападка. «Джон и здесь остался самим собой», — сказала Линда.

«Обвинения»

Человек воспроизводит себя в своих поступках.

*Борис Михайлов,
писатель и фотограф,
«Неоконченная диссертация».*

В своем «Послесловии» Кракауэр вновь повторяет многочисленные обвинения и голословные утверждения, впервые обнародованные сразу после публикации «Восхождения» и уже опровергнутые мной и Анатолием. Но поскольку автор «Послесловия» периодически забывает оповестить своих читателей о реакции других в ответ на его заявления, мне придется вкратце напомнить, где и когда обсуждались затрагиваемые здесь вопросы. Я заранее извиняюсь за возможные повторы перед теми, кто внимательно следил за дискуссией Кракауэр-Букреев, но, надеюсь, что и им будет полезно восстановить в своей памяти всю хронологию событий.

«ОШИБКИ»

В первых же строках «Послесловия» Кракауэр критически отзывається о книге «Восхождение», обвиняя ее в недостоверности. Он указывает на ряд «ошибок», о которых, как он пишет, он своевременно известил издательство «Мартин Пресс», выпустившее книгу. По словам Кракауэра, большинство «ошибок» так и не было исправлено в массовом издании²⁴ 1998-го года. В действительности же ошибочным или неточным он называет те эпизоды книги, которые его по тем или иным причинам не устраивают. Вместе с издательством «Мартин Пресс» мы тщательно изучили все претензии Джона Кракауэра, и, как мне кажется, все его конструктивные замечания в массовом издании книги были учтены²⁵.

²⁴ Массовое издание было выпущено в мягкой обложке в августе 1998-го года (издательство «Мартин Пресс»).

²⁵ Кракауэр был прав, заявив, что в самом первом издании «Восхождения» нами было неверно названо место, где был найден ледоруб Энди Харриса. Мы с Букреевым, зная о том, что ИМАКС-экспедиция нашла ледорубы и Харриса, и Дуга Хансена между ступенью Хиллари и Южной вершиной, перепутали их взаимное расположение. Эта непреднамеренная ошибка была исправлена, и во всех последующих изданиях «Восхождения» неверная подпись к фотографии была удалена.

ИНТЕРВЬЮ

В «Послесловии» Кракауэр указывает на то, что ни я, ни Анатолий не беседовали с некоторыми участниками трагедии на Эвересте. В их числе был назван и Майк Грум из «Консультантов по приключениям», показания которого Кракауэр почему-то считает крайне важными. Ставя нам это в вину, автор «Послесловия» прекрасно знал, что Букреев и его соавтор вовсе не пытались сделать из «Восхождения» своего рода «энциклопедию». Букреев не претендовал на всезнание и менее всего собирался изрекать истину в последней инстанции. В «Восхождении» представлена личная точка зрения авторов.

Кракауэр также укоряет нас за несостоявшиеся интервью с двумя участниками экспедиции «Горного безумия»: Нилом Бейдлманом, вторым гидом «Горного безумия», и Лопсангом Янгбу, высотным сирдаром экспедиции. При этом подразумевается, что мы и не стремились побеседовать с этими людьми — более чем странное подозрение.

Я уже писал о том, что 16 декабря 1997-го года, за восемь месяцев до написания «Послесловия», я проинформировал Кракауэра о моем разговоре с Бейдлманом и его отказе дать интервью с записью на пленку.

О том, что при написании «Восхождения» не был опрошен Лопсанг Янгбу, Кракауэр говорит не впервые. Этот аргумент неоднократно упоминался им со времени начала противостояния Букреев-Кракауэр. Если говорить о хронологии, то все было так

8 декабря 1997-го года: Кракауэр пишет письмо члену Американского альпинистского клуба Джеду Уильямсону, в котором, в частности, говорит о том, что мы не взяли интервью у Лопсанга Янгбу.

16 декабря 1997-го года: в моем письме к Джеду Уильямсону (копия послана Кракауэру) я ответил на это следующее: «Как мне ни хотелось побеседовать с Лопсангом, я не решился беспокоить его на церемонии прощания со Скоттом Фишером, смерть которого он тяжело переживал. А спустя несколько месяцев Лопсанг и сам погиб, и мне так и не удалось опросить его».

7 августа 1998-го года: в своем письме в интернет-издание «Салон» Кракауэр пишет: «Непостижимо, почему Де Уолт не удосужился опросить Лопсанга Янгбу, высотного сирдара экспедиции Фишера... О причинах столь явного профессионального промаха можно только догадываться».

13 августа 1998-го года: в ответе, адресованном тому же изданию, я даю объяснение этому факту: «В мои планы входило побеседовать с Лопсангом в Непале зимой 1997-го года (о чем были оповещены мои издатели). Однако, как известно, Лопсанг погиб в лавине незадолго до этого срока».

14 августа 1998-го года: Кракауэр, комментируя в «Салоне» мои слова, пишет: «Я был искренне рад узнать, что Де Уолт собирался взять интервью у Лопсанга, и как досадно, что кончина Янгбу воспрепятствовала этому».

Ноябрь 1998-го года: в «Послесловии» к книге «В разреженном воздухе» (иллюстрированное издание) Кракауэр сообщает, что «непостижимо, почему Де Уолт не удосужился взять интервью у Лопсанга Янгбу, высотного сирдара экспедиции Фишера. Известно, что Лопсанг являлся одним из главных действующих лиц той трагедии, и его поведение было более чем противоречивым. О причинах столь явного профессионального промаха можно только догадываться».

Зачем Кракауэр раз за разом задавал один и тот же вопрос, на который давно уже был получен ответ, думаю и догадываться не придется.

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ РАЗБОРА ВОСХОЖДЕНИЯ

В книге «Восхождение» мы часто цитируем отрывки из магнитофонной записи, сделанной через несколько дней после трагедии. 15-го мая 1996-года участники «Горного безумия» собрались в базовом лагере под Эверестом и провели разбор восхождения, записав все на магнитофонную пленку. Эта запись²⁶ помогла лучше разобраться в хронологии событий и выявить некоторые обстоятельства, приведшие в конце концов к трагическому финалу.

В «Послесловии» Кракауэр упрекает меня в том, что я «не привел доказательств достоверности» цитируемых мной высказываний. Это обвинение поставило меня в тупик. Что имеется в виду под «доказательством достоверности»: уточнить место в записи или доказать подлинность? Отвечу вопросом на вопрос: «Что именно нужно подтвердить?»

Участники разбора событий искренне и абсолютно добровольно решили изложить известные им факты о тех событиях. Их взаимная договоренность подразумевала полную откровенность, и поэтому ни Букреев, ни я не видели смысла искать каких-то дополнительных доказательств.

Кракауэр пишет, что двое участников экспедиции «Горного безумия», Клев Шенинг и Нил Бейдлман, жаловались ему на то, что в книге «Восхождение» их слова были «вырваны из контекста» и «неправильно истолкованы». Это совсем странно, потому что перед публикацией массового издания «Восхождения» в июле 98-го года я специально связался с ними обоими, чтобы

²⁶ Запись была сделана Сэнди Хилл Питтман, участницей экспедиции «Горного безумия». Сэнди предоставила копию пленки Анатолию Букрееву.

узнать их мнение — не требуется ли внести какие-то изменения. Ни Бейдлман, ни Шенинг уточнений не высказали и поправок не предложили²⁷.

Вместо того чтобы изучать соответствие всех цитат Бейдлмана и Шенинга контексту, мы решили в данном издании опубликовать соответствующие части расшифровки магнитофонной записи целиком²⁸ (см. главу «Разбор восхождения»).

ПРОВЕРКА ФАКТОВ

В «Послесловии» Кракауэр называет необоснованной критику Букреева относительно публикации непроверенных данных. Напомним, Анатолий считал, что еще до выхода статьи Кракауэра редакции журнала «Аутсайд» необходимо было связаться с ним и уточнить все сведения. Кракауэр пространно объясняет, почему, как ему кажется, сверять факты в данном случае было необязательно. Допустим, Кракауэр прав, но как же быть с ошибками, которые просто бросались в глаза? Среди прочего в своей статье Кракауэр писал, что одежда Букреева «была не такая теплая, как у остальных». На фотографии, предоставленной редакции журнала «Аутсайд» до публикации статьи, отлично видно, что Анатолий был экипирован самым лучшим образом.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИСЛОРОДА

Меня ничуть не беспокоило то, что часть наших гидов и шерпов шли без кислорода Их высотного опыта было достаточно, чтобы трезво оценить свои возможности. Они были профессионалами самого высшего класса.

*Шарлотта Фокс,
клиент «Торного безумия»,
«Время жить и время умирать»,
American Alpine Journal, 1997*

²⁷ В «Послесловии» Кракауэр ссылается также на недовольство Бейдлмана тем, что книга написана «нечестно». Это обвинение тем более озадачивает, что Бейдлман не дал никакого ответа на мое предложение внести изменения в текст книги перед публикацией массового издания «Восхождения».

²⁸ Надо сказать, что Букреев был согласен с публикацией расшифровки записи еще в первом издании «Восхождения», но от данного предложения пришлось тогда отказаться, так как в этом случае сильно увеличивался объем книги.

С моей точки зрения, поступи Анатолий в тот день хоть в чем-то по-другому, ...то и результат был бы другим. Все его решения тогда принимались исключительно в интересах клиентов... Кислород — это, конечно, замечательно, но когда он кончается, ты оказываешься загнанным в тупик.

*Сэнди Хилл Питтман,
клиент «Торного безумия»,
цитируется по статье
Двайта Гарнера
«На спуске», Salon, 3 августа 1998-го года.*

При умеренном расходе кислорода (порядка двух литров в минуту) одного баллона хватает на пять-шесть часов. К четырем или пяти часам вечера кислород у всех участников должен был закончиться... и риск гибели стремительно возрастал.

*Джон Кракауэр,
клиент «Консультантов по приключениям»,
«Вразреженном воздухе»,*

Кракауэр был первым, кто подверг Букреева критике за отказ от использования кислорода при восхождении. С тех пор он упорно настаивал на том, что Анатолий должен был взять с собой кислород. Особенно настойчив он в своем «Послесловии», где доказывает, что именно это обстоятельство «предопределило» решение Букреева «оставить клиентов на предвершинном гребне и быстро пойти вниз». В качестве решающего аргумента Кракауэр приводит следующее утверждение, возводя его в ранг аксиомы: «Без вспомогательного кислорода ни один человек, каким бы сильным он ни был, не может долго находиться вблизи вершины Эвереста».

Но есть и другая аксиома, которую Кракауэр упустил из виду: «Если альпинист на большой высоте использует кислород, то, *каким бы сильным он ни был*, он рискует попасть в еще большую беду, когда кислород закончится. Ему грозит смерть, если не удастся вовремя пополнить запасы кислорода»²⁹.

²⁹ В своей статье «Кислородные иллюзии», опубликованной в «Американском альпинистском журнале» в 1997-м году, Букреев подробно описывает, с какими проблемами могут столкнуться те, кто рассчитывает, что вспомогательный кислород поможет им взойти на вершину.

Особенно неприятным Букрееву казалось то, что Кракауэр считал бескислородное восхождение Анатолия и его быстрый спуск звеньями одной цепи. Джон и слышать не желал о том, что этот спуск, осуществленный, кстати, с ведома Фишера, был обусловлен пониманием приведенной выше второй «кислородной аксиомы». Клиенты «Горного безумия» могли истратить свой кислород еще до возвращения в четвертый лагерь. И, пользуясь терминологией Кракауэра, в этом случае «риск гибели стремительно возрастал»³⁰.

Букреев снова и снова втолковывал Кракауэру, что вниз он спустился не из-за отсутствия кислорода у него самого, а из-за наличия кислорода или, точнее, возможной нехватки его у клиентов.

Еще до начала экспедиции Букреев и Фишер согласились, что Анатолий, в случае, если он нормально акклиматизируется и будет хорошо себя чувствовать, пойдет на восхождение без кислорода. При этом было оговорено, что в день штурма вершины Фишер предоставит каждому клиенту по три баллона³¹ кислорода. По плану клиенты должны были выйти из четвертого лагеря в полночь с 9-го на 10-е мая, подняться на вершину и к шести вечера, пока еще не совсем стемнело и не кончился кислород, вернуться в лагерь. А если возникнут затруднения? Фишер дал понять всем участникам «Горного безумия», что в случае необходимости Букреев мог провести спасательные работы и помочь (принести кислород, горячее питье, оказать физическое содействие) спускающимся клиентам. Если участники не успевали вернуться в лагерь к шести часам, Фишер разыгрывал вариант с Букреевым³².

Что же на самом деле произошло 10-го мая в 14:35, когда Скотт Фишер поднялся на ступень Хиллари? Он увидел там лишь одного своего клиента, Мартина Адамса, в сопровождении Букреева. Где-то наверху находилось еще пятеро клиентов, а также второй гид Нил Бейдлман и высотный сирдар Лопсанг Янмбу. К этому времени у клиентов и Бейдлмана кислорода оставалось еще примерно на три с половиной часа (Причем только в том случае, если ра-

³⁰ Когда 21-го апреля 1997-го года я брал интервью у Кракауэра, он проигнорировал мое замечание, заявив небрежно, что «дело не в кислороде». Прямо противоположного мнения придерживался Эд Вистурс из ИМАКС-экспедиции. Наблюдая из второго лагеря за тем, как в два часа дня участники экспедиции «Горного безумия» еще шли к вершине, он сказал: «И тут я подумал, что скоро у них закончится кислород... Я боялся, что им не хватит не только светлого времени суток, но и кислорода» (см. главу 15).

³¹ Этого количества должно было хватить на 18 часов.

• ^ Необыкновенные возможности Букреева как высотного альпиниста были общеизвестны. В 1995-м году Генри Тодд| организатор многих экспедиций на Эверест, нанял Букреева именно с целью застраховаться «на случай, если что-нибудь не заладится». (Цитируется по обзорной статье Поля Дигана в сентябрьском номере журнала «High» за 1998-ой год.)

нее они использовали кислород экономно³³.) Фишер не имел представления, где в тот момент находились эти участники и когда они начнут спуск с вершины³⁴. Что же ему оставалось делать?

Когда Фишер встретился с Адамсом и Букреевым на ступени Хиллари, Анатолий сказал ему: «Я пойду вниз с Мартином». По словам Адамса, никаких возражений со стороны Фишера не последовало. После того, как Фишер, пройдя мимо Мартина Адамса, направился к Букрееву, Мартин подошел к краю ступени и приготовился к спуску. Как не раз объяснял впоследствии Букреев, в этот момент у него состоялся второй разговор с Фишером, в ходе которого было решено, что Анатолию следовало как можно быстрее идти вниз, в четвертый лагерь, и быть там наготове. Букреев и Фишер отлично понимали, что в подобной ситуации кислорода клиентам могло не хватить. Но кого тогда можно призвать на помощь? Словом, Фишеру был необходим свой человек в четвертом лагере.

Кракауэр, верный своему желанию во что бы то ни стало дискредитировать нашу книгу, прибегнул и к такому доводу: «При написании "Восхождения" Де Уолт поручил своему помощнику связаться с доктором медицинских наук Питером Хаккетом, который много занимался изучением негативного влияния высоты на работу мозга и являлся одним из крупнейших специалистов в этой области. Де Уолт хотел узнать мнение профессионала по поводу использования кислорода на высоте. Хаккет сказал тогда, что считает неблагоприятным и опасным для гида, даже столь сильного, как Букреев, идти на Эверест без кислорода. Характерным является то, что, выяснив после долгих расспросов мнение Хаккета, Де Уолт решил не упоминать о нем в книге».

На самом деле, Питер Хаккет помимо процитированных Кракауэром слов сказал и еще кое-что. Его следующая фраза звучала так: «В оправдание Букреева я могу сказать, что существует точка зрения, согласно которой работать без кислорода правильнее, поскольку в таком случае кислород не может закончиться. Я признаю, что такое мнение имеет право на существование, но лично я с ним не согласен. Хотя известны случаи, когда люди, израсходовав весь свой кислород, оказывались в крайне неприятном положении³⁵»

Я хорошо понимаю, почему Кракауэру так хотелось бы, чтобы я включил в книгу слова Хаккета в его, Кракауэра, редакции. Но думаю, что читатели

³³ Нам известно, что Нил Бейдлман и по крайней мере один из клиентов «Горного безумия» время от времени увеличивали себе подачу кислорода.

В действительности Нил Бейдлман и пятеро клиентов, последний из которых взшел на Эверест в половине третьего дня, пробыли на вершине до десяти минут четвертого.

³⁵ Именно в такой *ситуации* и оказались участники обеих экспедиций.

«Восхождения» ничего не потеряли, ведь в нашей книге приводится мнение по кислородному вопросу самого Кракауэра, которое повторяет доводы Хаккета. Впрочем, мне теперь даже жалко, что мы не процитировали в книге ответ Питера Хаккета (безусловно, полностью). Готовность, с которой доктор Хаккет признал существование другого направления, возможно, поколебала бы уверенность Кракауэра в универсальности³⁶ выбранных им «стандартов».

ЗАЯВЛЕНИЕ БРОМЕ

В «Послесловии» Кракауэр пишет о том, что я «подредактировал» слова БROME, и это позволило мне «прийти к ошибочному выводу, что якобы у Фишера имелся заранее продуманный план, согласно которому Букреев должен был сразу после восхождения идти вниз, оставив клиентов почти у самой вершины». Краткий перечень событий покажет нам, насколько обосновано это заявление.

Еще до того, как рукопись «Восхождения» поступила в издательство, я отправился в Сиэтл (штат Вашингтон), чтобы взять интервью у Джейн БROME. Будучи ответственной за связи с общественностью³⁷, она вместе со Скоттом Фишером и основным составом экспедиции принимала участие в путешествии к базовому лагерю, куда участники прибыли 8-го апреля 1996-го года. В мои первоначальные планы входило подробно расспросить ее о подготовке и освещении в прессе экспедиции «Горного безумия», а также побольше узнать о жизни базового лагеря из ее ежедневных записей. Записанное мною на пленку интервью с Джейн длилось более двух часов, притом не раз Джейн заговаривала на темы, которые я сам не решился бы затронуть. Ее откровенность и искренность поразили меня. Было видно, что ей хотелось выговориться, рассказать все.

После окончания интервью, когда я собирался уходить, она нерешительно взяла меня за руку и сказала: «Знаешь, я еще кое-что хотела бы сказать. Не знаю, правда, стоит мне это делать или нет...»

³⁶ В своем письме в «Салон» от 7-го августа 1998-го года я приводил слова прославленного ветерана Эвереста Рейнхольда Месснера: «Не могу с определенностью сказать, что опасней: идти с кислородом или без него». К данной цитате я прибегнул с целью продемонстрировать читателю, что мнения Рейнхольда Месснера и Джона Кракауэра по данному вопросу расходились. Однако Кракауэр в своем «Послесловии» неправильно истолковывает мою ссылку на Месснера. Я вовсе не утверждал, что Рейнхольд Месснер полностью одобрил все без исключения действия, предпринятые тогда Букреевым. Не делал этого и сам Букреев. В книге «Восхождение» (см. «Эпилог»), равно как и в некоторых своих выступлениях, Букреев говорил лишь о «личной поддержке», оказанной ему Месснером.

³⁷ БROME также являлась внештатным корреспондентом интернет-издания «Аутсайд Онлайн».

Тут Джейн замолчала, продолжая сомневаться, нужно ли ей продолжать. Но потом она все-таки решилась, а я, в свою очередь, незамедлительно выспросил все подробности. Между нами произошел следующий диалог:

Броме (*продолжая*): Знаешь, я хотела тебе что-то сказать. Не знаю, следует ли мне говорить на эту тему, но то, что Толя пошел тогда вниз, было в некотором смысле запланировано. Мы на это рассчитывали.

Де Уолт: Что значит: «рассчитывали»?

Броме: Я имею в виду, что когда мы со Скоттом обсуждали возможное... развитие событий, то при неблагоприятном раскладе один из вариантов состоял в следующем: Толя быстро спускается вниз и возвращается на гору с кислородом, горячим питьем и прочим.

Де Уолт: Подожди, то есть ты утверждаешь, что Скотт говорил тебе об этом еще до заключительного штурма?

Броме: Да, в базовом лагере. За несколько дней.

Де Уолт: Правильно ли я понял, что Скотт сам сказал тебе, что, если дела на горе пойдут плохо, он отправит Толю вниз с тем, чтобы тот потом вышел навстречу спускавшимся альпинистам?

Броме: Да, так он сказал.

Де Уолт: Ты говорила об этом Кракауэру, когда он брал у тебя интервью? То, что сейчас сказала мне?

Броме: Да.

Следующим утром, без всякого предупреждения, Джейн появилась в моей гостинице, где я завтракал вместе со своей сотрудницей Терри Ле Мончек. (Терри приехала в Сиэтл, чтобы встретиться с женой Фишера Дженни³⁸.) Чувствуя себя немного растерянной, Джейн извинилась за вторжение и сказала, что она принесла подарок для Анатолия. Достав из сумки несколько пар туристских ботинок, она объяснила, что их прислал спонсор. Разглядывая ботинки и подбирая подходящий для Толи размер, мы с Джейн немного побеседовали. Она сказала мне, что, наверное, вчера рассказала мне слишком многое. Джейн с тревогой думала, какой эффект произведет сообщение о том, что Кракауэр знал о плане Фишера, но ни разу о нем не упомянул. «Знаешь, Джон мой друг, и мне не хотелось бы ставить его в неловкое положение», — пояснила она.

Мы с ней говорили минут двадцать или тридцать, и я пообещал ей, что ее комментарии, не относящиеся непосредственно к трагедии на Эвересте,

³⁸ Анатолий решил написать о том, каким он запомнил Скотта, чтобы потом передать этот текст его жене и детям. Письмо было переведено на английский, и Анатолий попросил нас вручить его лично Дженни, жене Скотта

в книгу не войдут. Но проигнорировать столь важный факт, как разговор Джейн с Фишером, я просто не мог. Я попытался объяснить это Джейн. Если я сочту нужным, то упомяну о нем. Джейн не стала протестовать.

15-го апреля 1997-го года Броне послала мне сообщение по электронной почте, в котором еще раз повторила все сказанное в Сиэтле. «Я знаю, что моя информация крайне существенна для твоей книги, — писала мне она — Скотт действительно планировал возможный спуск Анатолия вниз отдельно от остальной группы». Более того, Джейн добавила, что в случае неприятностей у клиентов Фишер хотел, чтобы Букреев «восстановился» и «набрался сил» в четвертом лагере, после чего был готов прийти на помощь тем, кто оставался на горе.

Через два дня я побеседовал с Джейн по телефону. Она уточнила, что сама знала только то, что сказал ей Фишер, а говорил ли он об этом с Букреевым, ей неизвестно. Я заверил ее, что я именно так и понял. Потом Джейн с недоумением сказала, что не понимает, почему Кракауэр в своей книге умалчивает об этом плане Фишера. «Не знаю, почему он не написал о том, что я ему рассказала?» — сказала Джейн.

Перед публикацией «Восхождения» я несколько раз перечитывал запись нашей беседы. Особенно меня заинтересовал следующий фрагмент:

Де Уолт: Подожди, то есть ты утверждаешь, что Скотт говорил тебе об этом еще до заключительного штурма?

Броне: Да, в базовом лагере. За несколько дней.

Задавая Джейн свой вопрос, я хотел уточнить, когда и где Фишер сообщил ей о своем плане. Она ответила лишь на половину вопроса, теперь я знал, где — в базовом лагере, но Джейн не сказала, когда это произошло. Однако, зная место, можно было догадаться и о времени. Я уже знал (о чем упоминается в рукописи «Восхождения»), что Броне вместе с Фишером и другими участниками экспедиции «Горного безумия» появилась в базовом лагере под Эверестом 8-го апреля 1996-го года, за 4 недели до штурма вершины. Но я подумал, что в интересах своих читателей мог бы уточнить эту дату³⁹.

Я перечитал свои заметки, сделанные во время беседы с Броне, а также текст интервью и ее сообщения, посланные по электронной почте. В одной из своих записей я наткнулся на слова Броне о том, что она покинула базовый лагерь примерно за неделю до штурма вершины. В своем электронном сообщении от 22-го апреля 1997-го года она пишет, что «оставила базовый лагерь

³⁹ Впрочем, меня самого точная дата их беседы не слишком волновала, поскольку я не видел существенной разницы, состоялась ли она, к примеру, 25-го марта в Катманду или 2-го апреля во время путешествия к базовому лагерю.

примерно за десять *[sic!]* дней до восхождения». Точную дату Броне назвать не могла—ей не хотелось перебирать свои записи, чтобы «не переживать все заново».

В том же сообщении Броне объясняла, что ее слова «за несколько дней» означают «за несколько дней до ее отъезда из базового лагеря», но сколько именно дней разделяло эти события, она не помнила. «Дней семь, наверное», — сказала Броне, не в силах сказать точнее.

Слово «несколько», то есть больше, чем два, и меньше, чем «много», очень удобно своей неопределенностью. Но теперь оно не давало мне точно определить, когда именно состоялся разговор Броне с Фишером. Учитывая все сказанное Броне — ее отъезд из базового лагеря за семь-десять дней до штурма и то, что Фишер с ней беседовал «дней за семь» до этого — я решил, что их беседа произошла между 23-им и 26-ым апреля.

Считая, что эти числа недалеко отстоят от самой даты восхождения, я со спокойной душой представил в «Восхождении» наш разговор Броне в следующей форме:

ДеУолг. Подожди, то есть ты утверждаешь, что Скотт говорил тебе об этом еще до заключительного штурма?

Броне: Да, в базовом лагере. За несколько дней [до заключительного штурма 10-го мая 1996-го года].

Мой комментарий был добавлен в квадратных скобках для того, чтобы помочь читателю выстроить цепь событий, и, на мой взгляд, он нес в себе ту информацию, которую можно было почерпнуть из слов Броне: ее беседа с Фишером состоялась за четырнадцать-семнадцать дней до заключительного штурма.

За несколько недель до появления нашей книги на прилавках книжных магазинов в издательство «Мартин Пресс» пришло письмо⁴⁰ от Джейн Броне. Меня поразил сухой и формальный стиль, резко контрастирующий с ее обычной живой манерой общения. В своем письме Броне высказывала недовольство тем, как были приведены в книге ее слова⁴¹. По ее мнению, в таком виде цитата «вводила читателя в заблуждение», ей «придавалось излишне большое значение» — ведь ни с кем больше Фишер этим планом не поделился. Честно говоря, почему Джейн решила отказаться от своих слов, я так и не понял. Ведь

⁴⁰ Письмо, датированное восьмым октября 1997-го года, было получено издательством, когда тираж «Восхождения» был уже отпечатан и разослан по магазинам.

⁴¹ Броне пояснила, что сумела ознакомиться с тем, в каком виде использована эта цитата, прочитав сигнальный образец книги, предоставленный ей «третьим лицом».

совсем недавно она сама говорила о том, что содержание ее разговора с Фишером существенно проясняло картину происходившего на Эвересте,

Спустя три недели после этого письма ко мне пришел факс от Кракауэра. Обильно цитируя письмо Бrome, Кракауэр протестовал против моего использования слов Джейн в «Восхождении». У меня сложилось впечатление, что он был сбит с толку и раздосадован этой публикацией⁴².

В своем «Послесловии» Кракауэр, взяв за основу письмо Бrome, с помощью сомнительных аргументов развил целую теорию с единственной, как мне кажется, целью: убедить читателя в том, что одобрение Фишером решения Букреева о спуске — событие маловероятное, если не невозможное. Привожу доводы Кракауэра и мои возражения:

1. «...ДеУолт предпочитает не замечать тот факт, что единственным подтверждением его гипотезы о наличии заранее продуманного плана служат воспоминания Бrome об одном-единственном разговоре с Фишером». (Кракауэр, *В разреженном воздухе*, «Послесловие», илл. изд.)

Моя уверенность в существовании у Фишера такого «плана» (по выражению Бrome) как «способа достижения цели» (по определению из словаря) основывается, во-первых, на показаниях Бrome и, во-вторых, на словах самого Фишера, сказанных, по крайней мере, четырем различным людям, в правдивости которых я не сомневаюсь. Фишер говорил им, что пригласил Анатолия в экспедицию во многом из-за того, что в случае непредвиденных обстоятельств тот был способен оказать клиентам необходимую помощь.

2. «... было бы неверно истолковывать слова Фишера так, словно бы у него и в самом деле наготове было что-либо, напоминающее настоящий план действий». (Кракауэр, *В разреженном воздухе*, «Послесловие», илл. изд.)

Я никогда не утверждал, что у Фишера был «наготове» окончательный план, но я ни на минуту не сомневаюсь, что он всегда держал эту мысль в голове. В этом убеждает и его беседа с Бrome. Кто действительно оказался у Фишера «наготове», так это Букреев, находившийся в четвертом лагере, где, как выяснилось, он и был больше всего нужен.

⁴² 4-го апреля 1997-го года я по факсу отправил запись нашего разговора с Бrome в редакцию журнала «Аутсайд». Зная, что редакция сочла нужным перед публикацией статьи Кракауэра уточнить у Букреева подробности, я спрашивал в своем письме: «Знал ли кто-нибудь из работников редакции, что еще до публикации статьи "В разреженном воздухе" Джон Кракауэр располагал информацией о спуске Букреева?». Ответа не последовало. Однако вскоре мне позвонил Кракауэр. Разъяренный моим письмом, он сказал тогда, что «сотрет меня в порошок», если я опубликую сообщение Бrome.

3. «Прежде чем "Восхождение" было опубликовано, БROME отправила письмо Де Уолту и издательству "Мартин Пресс", в котором писала, что Де Уолт отредактировал ее слова, существенно изменив их смысл». (Кракауэр, *Вразреженном воздухе*, «Послесловие», илл. изд.)

В своем письме от 8-го октября 1997-го года БROME *нигде* не утверждала, что я неправильно ее процитировал. Она утверждала лишь, что слова «до заключительного штурма 10-го мая 1996-го года», приведенные мной в квадратных скобках, вводили читателя в заблуждение. По ее мнению, они означали, что беседа с Фишером состоялась непосредственно перед началом восхождения. Далее в письме БROME указала дату, которую прежде никак не могла вспомнить. Она пишет, что «покинула базовый лагерь под Эверестом за несколько недель до штурма».

Обсудив этот вопрос с «Мартин Пресс», мы решили, учитывая указанный БROME срок, заменить фразу в скобках на более подходящую. Но какую? БROME в своем письме так и не уточнила ни дату своего отъезда из базового лагеря, ни дату беседы с Фишером.

Я решил еще раз внимательно просмотреть все эпизоды в книге, связанные с БROME, собираясь вставить одно-два уточняющих предложения о дате ее отъезда из базового лагеря.

Каково же было мое удивление, когда я наткнулся на фразу, которую не заметил в своих предыдущих поисках. В десятой главе говорилось⁴³, что БROME выехала из базового лагеря рано утром 22-го апреля (по непальскому времени). Как же я сразу не догадался, что дату отъезда из базового лагеря проще всего было вычислить по времени возвращения БROME в Сиэтл. Вместо того, чтобы попытаться у нее, что происходило в те дни на Эвересте, куда разумнее было попытаться узнать, когда она вернулась в Сиэтл.

Вместе с тем, в этой оплошности я нашел свои плюсы. Кракауэр в «Послесловии» намекал на то, что я снабдил слова БROME комментарием специально, чтобы, руководствуясь какими-то скрытыми мотивами, ввести читателя в заблуждение. Теперь же становилось очевидным, что сделано это было преднамеренно. Иначе странным было, с одной стороны, запутывать читателя туманными фразами, а с другой, — оставлять в тексте книги точное указание даты, обличающее мои «темные намерения».

Теперь этот фрагмент диалога с БROME предстал перед читателем в следующем виде:

⁴³ Изучив свои записи я выяснил, что эту информацию в свое время почерпнул из репортажей БROME для «Аутсайд Онлайн».

ДеУолт: Подожди, то есть ты утверждаешь, что Скотт говорил тебе об этом еще до заключительного штурма?

Броме: Да, в базовом лагере. За несколько дней [до моего отъезда из базового лагеря].

Новое примечание («до моего отъезда из базового лагеря») находилось в полном соответствии с установленной датой отъезда Броме из базового лагеря в Сиэтл: 22 апреля. Это изменение было внесено в третье издание «Восхождения» (в твердой обложке) и было сохранено во всех последующих изданиях

4. «Броме в своем письме к Де Уолту писала, что содержащаяся в «Восхождении» отредактированная версия ее слов «абсолютно неверна». (Кракауэр, *Вразреженном воздухе*, «Послесловие», илл. изд.)

В своем письме в «Мартин Пресс» от 8-го октября Броме называла неправильной мою приписку «до заключительного штурма 10-го мая 1996-го года». Она писала буквально следующее: «В такой редакции из моих слов можно понять, что наша беседа с Фишером состоялась непосредственно перед восхождением. Но это абсолютно неверно!» Вырвав из контекста слова «абсолютно неверно» в своем «Послесловии» Кракауэр приложил их к самой цитате, чтобы убедить читателя в «искажении сути». В действительности же, «суть» разговора Фишера с Броме, равно как и нашего с ней интервью, не менялась. Речь шла только об уточнении даты, факт оставался фактом: Фишер сообщил Джейн Броме о наличии у него «плана» отправить Букреева вниз впереди клиентов.

14-го ноября 1997-го года, через пять недель после появления письма, мы с Броме встретились лично. Это произошло в актовом зале компании РЭЙ. Когда я и Анатолий готовились к нашему выступлению. Народ уже подтягивался в зал, когда она отделилась от толпы и подошла к нам. Извиняющимся тоном она спросила, не очень ли я расстроен ее письмом. «Ты понимаешь, — сказала Броме, — почему я так поступила? Не обижаешься?» Поблагодарив ее за интерес к нашему мероприятию, я ответил: «Да нет, что ты. Джон — твой друг, я прекрасно все понимаю». Джейн ничего не ответила, только улыбнулась и молча отправилась к своему месту в первом ряду. Несмотря на все свои многочисленные дела, Броме присутствовала и на нашем выступлении, и на последующих дебатах, активно участвуя в общей дискуссии и постоянно оказывая поддержку Анатолию.

Я очень благодарен Джейн за тот смелый и даже в чем-то отчаянный шаг, который она совершила, рассказав мне о своем разговоре с Фишером. Лишь

только я о нем услышал, как понял, что это «крайне важный» момент во всей истории восхождения, и поэтому впоследствии включил этот эпизод в нашу книгу.

ШЕРПА, ОСТАВШИЙСЯ В ЛАГЕРЕ

В «Послесловии» Кракауэр приводит слова Дэвида Бришера⁴⁴ из ИМАКС-экспедиции, который, рассуждая о спуске Букреева отдельно от клиентов, недоумевает, зачем тому надо было идти вниз «кипятить чай», когда «для этого на Южной седловине были шерпы». Видимо, Бришер тогда еще не был в курсе: в день штурма Букреев был уверен, что ни шерпов, ни других участников «Горного безумия» в четвертом лагере не было (см. главу 16). Анатолий знал, что Скотт Фишер допустил к штурму всех семерых высотных шерпов и полагал, что все они отправились к вершине. Он не подозревал того, о чем позднее написал в «Разреженном воздухе» Кракауэр: «Нарушив распоряжение Фишера, Лопсанг сам приказал своему двоюродному брату "Большому" Пембе остаться внизу⁴⁵».

СПУСК ВПЕРЕДИ КЛИЕНТОВ

Я знал, что Анатолий уже ушел вниз, и никаких вопросов это у меня не вызвало. Конечно, было бы здорово, если бы он оказался рядом, но я вовсе не уверен, что его присутствие ускорило бы наш спуск. Я не знал тогда, что Скотт дал ему такое указание, но теперь, узнав об этом, только одобряю такое решение. Это была очень разумная мысль. Не спустись

⁴⁴ К чести Бришера надо заметить, что он проявил большое благородство при обсуждении действий Букреева на Эвересте. Когда Бришер вместе с Букреевым участвовал в известной телепередаче Ларри Кинга на Си-Эн-Эн, он сказал так: «Про большую часть событий я знаю только из книг, поэтому мне очень сложно строить какие-то догадки о ситуации, в которой я сам не был».

⁴⁵ Когда при спуске к четвертому лагерю после восхождения на Эверест у альпинистов начались неприятности на маршруте, с Пембой связались из базового лагеря и попросили отнести бедствующим участникам кислород. Пемба отказался, сославшись на угрожающую погоду.

Толя вниз заранее, его спасательные рейды просто не состоялись бы.

*НИЛБЕЙДЛМАН,
Гид экспедиции «Торного безумия».
(Из разбора восхождения от 15 августа 1996-го года.)*

Свои первые интервью я взял у Анатолия в начале июня 1996-го года, через четыре недели после трагедии на Эвересте и примерно за восемь недель до появления статьи Джона Кракауэра в журнале «Аутсайд». За это время я по крайней мере трижды (по разным поводам) просил Анатолия еще раз подробно рассказать мне всю хронологию событий на Эвересте. Всякий раз он в деталях описывал встречу со Скоттом Фишером на ступени Хиллари. Тогда Скотт еще только шел к вершине, а Анатолий уже готовился к спуску. Тогда Букреев и Фишер решили, что Анатолий должен как можно быстрее спуститься в четвертый лагерь, чтобы быть готовым выйти на помощь спускающимся клиентам, если они запоздают или им потребуется какое-то содействие.

Поскольку в своей статье Кракауэр полностью проигнорировал объяснение Букреева и Букреев ему тут же указал на это в своем письме, нас обоих очень интересовало, каким образом события на ступени Хиллари будут отражены теперь уже в книге Кракауэра «В разреженном воздухе», которая вот-вот должна была выйти в свет.

Когда книга появилась в магазинах, я купил себе экземпляр. Открыв его, я прочитал:

«После того, как мы [Кракауэр и Фишер] обменялись любезностями, он [Фишер] кратко переговорил с Мартином Адамсом и Анатолием Букреевым. Они стояли рядом со мной и Харрисом, ожидая своей очереди на спуск со ступени Хиллари. "Эй, Мартин, — обратился к нему Фишер, и здесь не изменяя своей шутливой манере, — ты не забыл, что мы идем на Эверест?" "Привет, Скотт! — ответил Адаме, удивленный, что Фишер его не поздравил. — Я только что оттуда". Потом Фишер перекинулся парой слов с Букреевым. По воспоминаниям Мартина, Букреев сказал Фишеру: "Я пойду с Мартином". Потом Фишер медленно побрел к вершине, а Харрис, Букреев, Адамс и я приступили к спуску со ступени по перилам⁴⁶».

⁴⁶ Здесь сцена встречи представлена так (расположение действующих лиц, временные рамки), что исключается сама возможность подробной беседы Букреева и Фишера. Именно той беседы, в которой Скотт одобрил спуск Букреева и о которой Кракауэр забыл упомянуть как в книге, так и в журнальной версии «Разреженного воздуха».

Это не было похоже на правду. Я еще раз перечитал тексты интервью, которые я брал у Адамса и Букреева. После этого я решил поговорить с первым по телефону. После весьма долгого обсуждения выяснилось следующее:

1. При разговоре Мартина с Фишером («Эй, Мартин, ты не забыл, что мы идем на Эверест?») Кракауэр не присутствовал. Адаме тогда перегнулся через край ступени Хиллари, по которой поднимался Фишер. Кракауэр находился в тот момент вне зоны слышимости (см. главу 16).

2. Букреев действительно сказал Фишеру, что пойдет вниз с Мартином, но Кракауэр этого не слышал.

3. Ни Адамс, ни Кракауэр не были свидетелями еще одного разговора Букреева с Фишером (после фразы Букреева «Я пойду вниз с Мартином»), поскольку Джон Кракауэр и Энди Харрис начали съезжать по перилам, а Мартин смотрел им вслед, ожидая своей очереди.

21-го апреля 1997-го года состоялась моя беседа с Кракауэром. Сначала он не был расположен к откровенности, сказав мне: «Мне сложно говорить с тобой, поскольку ты выступаешь не в роли журналиста, а в роли Толиного адвоката». Когда я ему доступно объяснил, что я вовсе не адвокат, Кракауэр немного смягчился, и я сумел задать ему несколько вопросов. На тот момент меня более всего интересовало участие Кракауэра в событиях на ступени Хиллари.

Сначала Джон заявил, что он лично присутствовал при первом разговоре Букреева и Фишера, когда Толя сказал, что пойдет вниз с Мартином. Вот слова Кракауэра: «Нас там было пятеро. Скотт Фишер и Энди Харрис мертвы. Остались трое свидетелей: Анатолий, Мартин Адамс и я». После того как я сообщил, что, если верить Мартину, Кракауэра при этом не было, он изменил свою позицию. «Я знаю только то, что сказал мне Мартин⁴⁷. С его слов я все и пересказал».

Я расспросил Кракауэра и относительно второй беседы, во время которой Фишер одобрил спуск Букреева—мог ли Джон «навверняка» утверждать, что она не состоялась, и рассказанное Букреевым было неправдой? Кракауэр ответил, что ему кажется, что такого, как пишет Букреев, не было. «Но, — добавил он, — тут я могу ошибаться. Я... меня там уже не было. Я ушел со ступени раньше Анатолия. А сам Скотт... Мне показалось, что их разговор был окончен, но в этом я не вполне уверен. К тому моменту я уже ушел от них».

⁴⁷ Несмотря на эти слова, по прошествии года Кракауэр в своем письме в «Салон» от 14 августа 1998-го года напишет: «...вот что я доподлинно знаю о разговоре Букреева и Фишера на ступени Хиллари. Мы четвером, Энди Харрис, Мартин Адаме, Букреев и я, сидели на ступени, ожидая, когда к нам поднимется Фишер. Мы с Адамсом — единственные на сегодняшний день живые свидетели этой беседы — сохранили одинаковые воспоминания о том, что было сказано...»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непростительно, что при издании книги «В разреженном воздухе» были проигнорированы все обвинения, высказанные в «Восхождении». Как же читателю разобраться, кто прав в развернувшейся полемике?

*СТИВВАЙНБЕРГ,
автор статьи «Почему в книгах
столько ошибок», опубликованной
в июльском номере «Columbia Jour-
nalism Review»; цитаты приведены
по статье «На спуске» Авайта Гар-
нера (см. «Салон» за 3 августа
1998-го года).*

Объясняя, почему он не включил в книгу «В разреженном воздухе» доводы Букреева, Кракауэр писал в «Послесловии», что «счел многое из воспоминаний Букреева совершенно ненадежным». Он не впервые прибегал к подобному аргументу. За восемь месяцев до смерти Анатолия я разговаривал с Кракауэром по телефону. Джон сказал тогда, что у него есть записи интервью Анатолия, в которых тот «сам себе противоречил»: то говорил, что Фишер сам послал его вниз, а то — что тот лишь согласился на уход Букреева вниз.

К тому времени я провел в общей сложности уже больше двухсот часов в беседах с Анатолием и поэтому сразу понял, в чем причина Дело было в языке. Ограниченное знание английского просто не позволяло Букрееву заметить разницу в этих выражениях. Не раз, когда мы с Анатолием обсуждали встречу на ступени Хиллари, он мне повторял: «Скотт сказал мне: хорошо, иди вниз». И тогда, и сейчас я воспринимал это не только как согласие, но и как указание. То есть: «Да, Толя. Хорошо. Иди вниз».

Я сказал Кракауэру, что причиной этой «противоречивости» может быть недостаточное знание языка. «Да, — сказал Кракауэр, — с языком проблема. Это его слабое место и причина многочисленных неудобств». Согласившись с ним, я попросил его дать мне на время эти записи, чтобы вместе с Анатолием просмотреть их и дать возможность Букрееву высказать свое мнение. Но этих текстов мы так и не получили, хотя сам Анатолий очень хотел ответить.

А как же быть с разговором БROME и Фишера, во время которого Скотт рассказал о своем плане послать Анатолия вниз в случае потенциальной опасности для клиентов? Кракауэр предлагает читателю «неопровержимое доказательство» того, что никакого плана не было. Что же это за доказательство?

Кракауэр объясняет, что никто из участников экспедиции «Горного безумия», включая самого Букреева⁴⁸, ничего не знал об этом плане. Видимо, Кракауэр считает, что план может считаться таковым, только если его составитель решит поделиться с кем-нибудь своим замыслом. С подобным мнением я не могу согласиться.

Учитывая рассказ БROME и цели, которые преследовал Фишер, приглашая к себе на работу Букреева, у меня нет ни малейших сомнений, что у Скотта был такой план. Именно его он и пустил в ход, встретив Букреева на ступени Хиллари. Ситуация была сложной — начинало темнеть, а запасы кислорода у клиентов близились к концу. Лингвистические придирки Кракауэра насчет того, что если плана нет «наготове», то его нет вообще, не прибавляют ему авторитета

«Я не знаю, почему он спустился с Южной вершины один, впереди всех остальных, бросив своих клиентов. Как я уже писал в своей статье, мне остается только догадываться».

*АЖОНКРАКАУЭР,
письмо Марку Брайнту и Брэду Вэтилеру (журнал «Аутсайд») от 5-го августа 1996-го года*

«Стоило ли мне в своей книге представлять Букреева в другом свете? Нет, не думаю».

*АЖОНКРАКАУЭР,
«Послесловие», В разрезенном воздухе (илл. изд.), ноябрь 1998.*

Итак, Кракауэр решил проигнорировать сразу два важных аргумента, что, на мой взгляд, совершенно непростительно. Во-первых, это был рассказ Букреева

⁴⁸ Анатолий Букреев никогда и не утверждал, что ему было известно об этом плане Фишера. В 14-ой главе «Восхождения» имеется эпизод, когда Букреев ожидает появления Фишера. Вот о чем он думал тогда: «... у меня возникло много вопросов. Общий план действий мне был известен, но обстоятельства менялись». Букреев, видя, что экспедиция запаздывает, хотел выяснить, что данной ситуации собирался делать Фишер. До встречи с Фишером на ступени Хиллари он этого просто не знал.

ева о разговоре с Фишером, когда Скотт одобрил решение Анатолия о немедленном спуске; во-вторых, разговор Фишера с Броне, в котором тот поделился своим планом послать в случае необходимости Анатолия вниз раньше клиентов. Если Кракауэр сомневался в правдивости Букреева, он должен был привести свои доводы на страницах книги, пока Анатолий был еще жив. Однако Джон Кракауэр предпочел вообще не упоминать о крайне существенных, на мой взгляд, сведениях о трагедии на Эвересте. Кракауэр вынес приговор сам, вместо того чтобы, представив всю необходимую информацию, дать это сделать своим читателям.

Лондон—Лос-Анджелес,
апрель 1999-го года

Г. Вестон Де Уолт

**РЕЦЕНЗИЯ,
ОПУБЛИКОВАННАЯ
«АМЕРИКАНСКИМ АЛЬПИНИСТСКИМ ЖУРНАЛОМ»**

Стоит ли после всего, что было написано о трагедии 1996-го года на Эвересте, вновь возвращаться к этой теме? Средства массовой информации обрушили на читателя поток противоречивых фактов, однако наиболее острые вопросы так и остались без ответа. Это побудило Анатолия Букреева, старшего гида экспедиции «Горного безумия», в соавторстве с Вестоном Де Уолтом изложить свою оценку тех событий. В книге «Восхождение» Букреев рассказывает об одной из наиболее выдающихся спасательных операций, проведенной им в одиночку спустя несколько часов после бескислородного восхождения на Эверест.

В зависимости от источника информации Букреев предстал перед читателем в образе либо злодея, либо героя. Всего через месяц после первой публикации своей книги в ноябре 1997-го года Анатолий погиб при попытке зимнего восхождения по южной стене Аннапурны. Когда Вестона Де Уолта попросили высказать свое мнение по этому поводу в национальной сводке новостей, он с удивлением обнаружил в готовящемся выпуске фразу о том, что Анатолий Букреев «останется в памяти людей как главный отрицательный герой бестселлера Кракауэра "В разреженном воздухе"». Де Уолт, напомнив представителю редакции о том, что на днях Американский альпинистский клуб вручил Букрееву свою главную награду за проявленный героизм, сказал, что, по его глубокому убеждению, Анатолия запомнят как величайшего гималайского восходителя.

После гибели Анатолия на Аннапурне споры вокруг его книги и полученной им награды вспыхнули с новой силой. В сообщении об исчезновении Анатолия газета «Нью-Йорк Тайме» писала следующее: «Господин Кракауэр обвиняет Букреева в том<...> что в угоду своим амбициям он нанес ущерб безопасности клиентов<...> и подверг их риску, выйдя на восхождение без вспомогательного кислорода... Тем не менее, Джон Кракауэр не может отказать Букрееву в мужестве, проявленном им при спасении жизни двух клиентов». Здесь в нескольких фразах сформулирована суть развернувшейся полемики.

Написанная от лица гида книга «Восхождение» стала тем глотком свежего воздуха, который был столь необходим в «разреженной» атмосфере бесплодных поисков виновников трагедии. Из этой книги мы, помимо прочего, узнаем о том, что все клиенты Букреева вернулись домой практически здоро-

выми, без серьезных повреждений, в то время как погибшие или покалеченные альпинисты принадлежали к той же экспедиции, что и Джон Кракауэр. К сожалению, нам не суждено узнать мнения руководителей двух экспедиций. Скотта Фишера и Роба Холла, навеки оставшихся на склонах Эвереста.

Что же заставило этих двух соперничавших лидеров так задержаться на высоте и продолжать вести клиентов к вершине уже после того, как истекли все разумные сроки? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Тем не менее, внимательный читатель не может не ощущать присутствия неких внешних сил, провоцировавших Фишера и Холла на подобное поведение. Ясно, как божий день, что и Фишер, и Холл отчаянно нуждались в доброжелательном отзыве журнала «Аутсайд», чтобы тем самым привлечь к себе новых состоятельных клиентов. Читая книгу, невольно ощущаешь, что присутствие в этой трагедии журналиста популярного издания не было простой случайностью.

Вовсе не «в угоду своим амбициям» Анатолий Букреев в день штурма закрепил перила для клиентов на ступени Хиллари после того, как это не сумели сделать шерпы. Предвидя трудности, ожидавшие клиентов при позднем спуске, и зная, что на горе оставалось еще пятеро гидов, Букреев принял решение спускаться на Южную седловину. Его целью было восстановить там свои силы и подготовиться к возможному выходу наверх навстречу участникам. За свою альпинистскую карьеру Анатолий трижды поднимался на Эверест без использования кислорода. Его высотные достижения, в числе которых были восхождения в экстремальных условиях, а также в одиночку, не имеют аналогов. Достаточно упомянуть покорение Дхаулагири¹ за 17 часов, Макалу² за 46 часов и траверс всех четырех вершин Канченджанги³ за одно восхождение. Узнав о том, что трое альпинистов затерялись где-то среди снежной бури, Букреев совершил несколько ночных выходов для их спасения. Никто из обитателей четвертого лагеря, будь то клиент, гид или шерпа, не сумел найти в себе мужества, чтобы отправиться на поиски вместе с Анатолием, когда он, обходя все палатки, просил о помощи.

Вечером следующего дня Букреев вновь в одиночку отправился наверх в тщетной надежде спасти Фишера. Тот находился на высоте 8 350 метров и, согласно рассказам шерпов, видевших его последними, был уже без сознания. А тем временем в журнале «Тайм» готовилась к выходу сенсационная

¹ Восхождение по северо-восточному гребню осенью 1995-го года (*прим. перев.*).

² Совместное восхождение с Нилом Бейдлманом весной 1994-го года (*прим. перев.*).

³ В составе второй советской гималайской экспедиции весной 1989-го года (*прим. перев.*).

трехстраничная статья о трагических событиях на Эвересте, причем имя Букреева в ней даже не упоминалось.

16-го мая, когда шерпы и участники других экспедиций приступили к эвакуации пострадавших, Букреев после двухдневного отдыха вышел на штурм Лхоцзе. Официальное разрешение на покорение этого восьмитысячника участниками «Горного безумия» было получено Фишером заранее. Анатолий совершил тогда рекордное 21-часовое одиночное восхождение. Если бы Фишеру удалось спуститься с Эвереста целым и невредимым, он наверняка бы принял участие в покорении Лхоцзе перед отправкой вместе клиентами в Катманду.

В своей книге Букреев анализирует события с точки зрения профессионального гида, всячески избегая субъективных оценок. Будучи сдержанным, как многие русские, он не выставляет напоказ свои высотные достижения, не упоминает о своем высшем инженерном образовании, не оправдывается перед теми, кто обвинял его в эгоизме и недостатке внимания к клиентам. Анатолий не скрывает что получил от Скотта Фишера строгий выговор. Букреев пишет о том, как странно ему было узнать, что «болтать с клиентами и развлекать их» оказалось делом ничуть не менее важным, чем разработка детального плана восхождения. В отличие от Кракауэра, Букреев не берет на себя смелость выносить приговор тем, кто мог, но не захотел оказать ему помощь в спасении пострадавших. Он лишь однажды изменяет своему правилу не говорить о себе и признает, что временами его характер тяжел для окружающих.

Несмотря на пылкий стиль прозы Де Уолта и проделанную им редакторскую работу, с литературной точки зрения «Восхождение» уступает книге Кракауэра «В разреженном воздухе», которая стала бестселлером именно благодаря своим беллетристическим достоинствам. «Восхождению» не достает той продуманной сюжетной линии, которая не дает читателю возможности оторваться от книги, пока она не будет дочитана до конца. Однако «Восхождение» заставляет читателя думать самостоятельно вместо того, чтобы с готовностью принимать выводы автора.

В отличие от Кракауэра, Букреев избегает давать развернутые характеристики своим товарищам, считая главным их поведение в горах. Анатолий опускает детальные описания участников, так как с большинством из них читатель уже знаком по книге «В разреженном воздухе» и множеству публикаций в прессе.

Говоря о ком-то, невольно даешь ему оценку, положительную или, наоборот, негативную. Де Уолт и Букреев с уважением относятся к каждому из вое-

ходителей, в то время как Кракауэр уподобляется авторам бульварных листов, чьим главным делом является выставить в смешном и нелепом виде руководство страны. Для автора книги «В разреженном воздухе» не менее важно лишить гималайскую эпопею присущего ей героизма.

Один очень опытный гид однажды рассказал мне в частной беседе, что книга Кракауэра ему очень понравилась и после ее прочтения у него не осталось ни малейших сомнений в правильности выводов автора. Однако, едва начав читать «Восхождение», он понял, что полностью разделяет взгляды Букреева. Этот мой собеседник был одним из участников закулисной полемики о роли гида, о том, какой стратегии стоит придерживаться организаторам: то ли всячески потакать клиентам, стремясь исполнить любую их прихоть, то ли постепенно готовить их к подъему в «зону смерти», где безопасность каждого зависит прежде всего от умения действовать самостоятельно. Де Уолт включил в книгу впечатляющие воспоминания Лоу Кашишке, где тот на трех страницах описывает непростые чувства, которые испытывает альпинист перед тем, как повернуть назад, так и не покорив вершины.

Шумиха вокруг этой трагедии представляется мне типичной для современной Америки. Несчастные случаи происходят в Гималаях не впервые; случалось, что гибло и большее количество альпинистов. Но никогда прежде не погибало столько американцев, заплативших за восхождение по 65 тысяч долларов. Никогда прежде не было ежедневных репортажей в интернете, не было прикомандированного к экспедиции журналиста, не было, наконец, телефонного разговора умирающего альпиниста со своей женой. Все это свело скорбную, исполненную героизма историю гибели пяти альпинистов на Эвересте к уровню базарных пересудов, где каждому досталось по «лестному» отзыву. Нет ничего удивительного, что в процессе информационной «раскрутки» журнала «Аутсайд» справедливость и беспристрастность отступили на второй план. На суд публики были вынесены не отдельные поступки отдельных участников, а высотный альпинизм в целом. Тем более ценной на общем фоне кажется книга Анатолия Букреева.

Мотивация в альпинизме имеет решающее значение. Принимая сторону Кракауэра, мы автоматически соглашаемся и с его заявлением о том, люди, идущие к Эвересту (Кракауэр был столь любезен, что включил в их число и себя), руководствуются весьма сомнительными побуждениями. Если так, то, вне всякого сомнения, наша профессия в большой опасности. Вспомним, однако, слова Эрика Шиптона, произнесенные им еще в 1938-м году после нескольких неудачных попыток покорения Эвереста: «В восхождении на Эверест, равно как и в любом другом человеческом поступке, главным является намерение,

опубликованная «Американским альпинистским журналом»

с которым оно совершается... Так будем же покорять горы... не потому, что это не вышло у других, не потому, что их вершины расположены выше восьмикилометровой отметки, не из патриотических чувств и не в погоне за дешевой популярностью... Не станем брать с собой на восхождение груды техники, чтобы оповещать алчный до сенсаций эфир о каждом нашем шаге к вершине».

Яростный интерес средств массовой информации к трагедии 1996-го года лишний раз доказывает, что в наше время эти мудрые заповеди не соблюдаются.

Гален Ровелл, ©1998

ЭКСПЕДИЦИЯ «ГОРНОГО БЕЗУМИЯ»

РАЗБОР ВОСХОЖДЕНИЯ

РАСШИФРОВКА МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ

К читателю

Ниже приводится частичная расшифровка магнитофонной записи, сделанной участниками экспедиции «Горного безумия» во время разбора восхождения. Эта беседа состоялась 15-го мая 1996-го года—спустя пять дней после гибели руководителя «Горного безумия» Скотта Фишера, а также Роба Холла, Дуга Хансена, Энди Харриса и Ясуко Намбы из «Консультантов по приключениям». В книге публикуются лишь те фрагменты обсуждения, которые имеют непосредственное отношение к тем трагическим событиям и их последствиям. Все прочие комментарии были нами опущены, чтобы не подвергать огласке подробности личной жизни участников.

В разборе восхождения принимали участие: Нил Бейдлман (гид), Анатолий Букреев (старший гид), Лопсанг Янгбу Шерпа (высотный сирдар), Ингрид Хант (экспедиционный врач и начальник базового лагеря), а также шестеро клиентов: Мартин Адаме, Лин Гаммельгард, Тим Мадсен, Сэнди Хилл Питтман, Клев и Пит Шенинги. На разборе отсутствовали Дейл Круз и Шарлотта Фокс. Дейл не принимал участия в заключительном штурме и к тому моменту уже покинул базовый лагерь. Шарлотта получила обморожения и была эвакуирована вертолетом в Катманду где ей была оказана срочная медицинская помощь.

Сэнди: Все готово, диктофон включен. Пленки много, так что...

Ингрид: Может мне начать?

Сэнди: Не думаю.

Клев: Нам нужно вспоминать все подряд, без особого разбора

Нил: Да, но надо с чего-то начать.

Клев: Согласен.

Тим: Ингрид хотела выяснить, во сколько Скотт вышел из четвертого лагеря, так почему бы нам не начать с этого момента?

Сэнди: Да, думаю, что это было бы логично. Основные события начались после выхода из четвертого лагеря. Третий лагерь, согласитесь, большого интереса не представляет.

Нил: Мне кажется, что на некоторых деталях все же стоит остановиться. По моим ощущениям... Это только мои личные ощущения, но я уверен, что так оно и было: Скотт Фишер очень устал при подъеме.

Сэнди: При подъеме из третьего лагеря в четвертый?

Нил: Да, и это уже о чем-то говорит.

Клев: Почему ты решил, что он устал?

Тим: От третьего до четвертого лагеря он шел без кислорода.

Клев: Почему? Кто-нибудь может объяснить, почему он это сделал? Чтобы сэкономить кислород или же из принципа?

Нил: Из упрямства, а не из принципа. Хотя тут все скорее догадки; думаете, нам стоит это записывать на пленку?

Мартин: Нет, давайте ограничимся фактами.

Сэнди: Но это, безусловно, факт.

Мартин: Факт состоит в том, что от третьего до четвертого лагеря Скотт шел без кислорода. Все остальное пусть домысливают другие, если это их так интересует.

Нил: Мартин, у тебя очень правильный подход. Давай начнем с тебя? Ты

лучше других понимаешь, как грамотно провести этот разбор, и нам покажешь. Согласен?

Мартин: Хотя в принципе я не против такого обсуждения, но у меня большие сомнения по поводу записи на магнитофон. Если я буду с чем-то не согласен или захочу вас поправить, то скажу об этом. Но сам я на пленку ничего наговаривать не буду. Извините, но мне есть что терять. Я лучше вас послушаю. Я хотел бы иметь возможность возразить, если что-то будет не так, но не более того.

Нил: Может, нам вообще выключить магнитофон и просто вести запись на бумаге?

Мартин: Разумное предложение.

Клев: А я против.

Мартин: Из-за этой пленки у нас обязательно будут неприятности. Каждое наше слово может быть истолковано самым превратным образом.

Ингрид: По-моему, записав воспоминания на пленку, нам будет гораздо проще увидеть всю картину в целом.

Мартин: Да, если бы мы знали, как все было на самом деле...

Ингрид: Тогда нам придется перенести запись на другое время, потому что мне нужна как можно более полная картина событий.

Клев: А у меня куча вопросов! Знаешь, Мартин, я имел дело с судом, и понимаю твои опасения. Я готов пойти на риск. У нас особая ситуация, и надо с этим смириться. Но я понял, что ты имеешь в виду.

Мартин: Ну да

Клев: Может, я?

Мартин: Нет, пусть лучше кто-нибудь другой.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Клев: В смысле, чтобы кто-то другой был ведущим?

Мартин: Именно.

Клев: Хорошо, пусть ведущим будет Нил.

Мартин: На мой взгляд, самое важное — узнать мнение Лопсанга и Анатолия.

Лин: Да, я согласна Они были в центре событий.

Мартин: Вот с них и начнем. Пусть они расскажут.

Сэнди: То есть не в хронологическом порядке, а сразу с самого главного?

Мартин: Мне кажется, так будет лучше.

Сэнди: Ну почему нам... Почему хотя бы быстро не вспомнить все...

Мартин: По порядку?

Клев: Я думаю, Мартин мог бы высказаться. Он ведь сказал, что готов к этому.

Мартин: Я готов участвовать в обсуждении, но не хочу...

Сэнди: Давайте начнем с выхода из лагеря. Кто был первым, кто за кем шел, кто что видел. Вспомним, во сколько примерно мы проходили те или иные места. Словом, мысленно дойдем до вершины примерно ...

Мартин: Минут за пять.

Сэнди: Пять или десять. А потом подробно обсудим дальнейшее, когда все и началось.

Такой план вас устраивает?

Мартин: Устраивает.

Сэнди: Итак, мы проснулись в десять часов¹.

Нил: Первыми встали шерпы. Ровно в десять они принялись гроыхать снаряжением.

Сэнди: Нил, говори громче.

Нил: А что, магнитофон уже включен?

Сэнди: Да.

Нил: Ладно. Это говорю я, Нил Бейдлман. Ровно в десять вечера я услышал, как снаружи засуетились шерпы. Примерно через пятнадцать минут они принесли нам горячий чай. Еще где-то час с четвертью мы собирались в палатках, а в половине двенадцатого стали выбираться наружу. Это заняло десять-пятнадцать минут, после чего мы стали надевать кошки. Выход был запланирован на двенадцать часов. Помню, как помогал Тиму и Шарлотте разобраться с кошками. Не скажу сейчас, кто шел за ними, помню только, что Шарлотта вышла наверх примерно в двенадцать—двенадцать десять.

Сэнди: Я была первой. Мы вышли вместе с Лопсангом.

Нил: Во сколько?

Сэнди: Не знаю, во сколько. Скотт тогда сказал: «Кто готов? Лопсанг сейчас выходит, и если кто собрался, пусть идет вместе с ним». На тот момент люди Роба Холла были в часе ходьбы от нас. Были видны их фонари, и мы с Лопсангом отправились вслед за ними. Думаю, что мы не меньше чем на десять минут оторвались от нашей основной группы. Кто-нибудь подтвердит мои слова?

Нил: Да, правильно.

Клев: У меня вопрос к Лопсангу. На какое время был запланирован твой выход?

Лопсанг: На двенадцать часов [ночи].

¹ 22:00 9-го мая 1996-го года.

Клев: На двенадцать часов... То есть ты должен был выйти вместе с участниками?

Лопсанг: Да, с участниками.

Клев: Значит, ты должен был выйти вместе...

Нил: Планировалось ли, что кто-то из шерпов выйдет заранее, в десять вечера, чтобы повесить перила?

Лопсанг: Нет.

Клев: Кто должен был провешивать перила?

Лопсанг: Перила там уже были². А после этого он... [неразборчиво³]... Анатолий и Нил их закрепили, потому что в это время мне надо было идти. Мне было плохо, меня рвало⁴.

Клев: Тебе было плохо, рвало, и поэтому ты не смог выйти раньше?

Лопсанг: Нет, я решил идти с клиентами. В последнем лагере меня тоже тошнило, поэтому я подождал... [неразборчиво]... поднялся на вершину, все клиенты поднялись на вершину, и я стал ждать Скотта

Сэнди: Постой, разве не было договоренности, что ты выйдешь раньше, чтобы закрепить перила?

Лопсанг: Перила уже были закреплены... [неразборчиво]... я нес, но обычно я и закреплял. Каждый раз, когда я был в экспедиции, я закреплял их.

² Лопсанг ссылается на информацию, полученную от экспедиции из Черногории (Югославия). Ее участники 9-го мая вышли на восхождение, но потом повернули назад, не дойдя до вершины. Они сообщили Лопсангу о том, что часть перил ими была провешена.

³ Несмотря на хорошее качество записи, часто трудно понять, что сказал Лопсанг Янгбу. Он плохо говорил по-английски. Места, где нельзя разобрать сказанное им или некоторыми другими участниками, мы будем помечать словом «неразборчиво».

⁴ Букреев не раз говорил о том, что, судя по всему, плохое самочувствие Лопсанга было связано с сорванным графиком акклиматизации. Напомним, Лопсангу пришлось эвакуировать на вертолете в Катманду своего дядю, Нгаванга Топше. У Нгаванга была острая форма горной болезни, от чего он впоследствии и скончался.

Клев: Чтобы повесить веревки, нужны было обогнать Роба Холла. Он вышел на час раньше нас. Как мы могли провесить перила до него? Была ли какая-нибудь договоренность с другими шерпами в связи с твоей болезнью?

Лопсанг: Перила там должна была оставить предыдущая экспедиция. Они перед этим не смогли взойти, дошли только до Южной вершины и повернули.

Клев: Кто-нибудь понял, о чем речь?

Тим: Он говорит, что шерпы из экспедиции Роба Холла должны были провесить нижние перила?

Лопсанг: Ну, да. Шерпы Роба Холла шли первыми и должны были все сделать до остальных шерпов. Предыдущая экспедиция дошла только до Южной вершины. Начиная от Южной вершины, перила стали провешивать Анатолий и Нил. Я все время тащил веревки, а наверху отдал их Нилу ⁵.

Нил: Лопсанг, во сколько ты поднялся на вершину? Ты посмотрел на часы?

Лопсанг: Да, я поднялся туда в половине второго [дня].

Сэнди: В половине второго?

Лопсанг: Да. Разве нет?

⁵ За неполные полгода, оставшиеся до его гибели в лавине 25 сентября 1996-го года, Лопсанг еще несколько раз успел объяснить происшедшее. Он утверждал, что:

1) Гид, входивший в состав экспедиции из Черногории, которая безуспешно пыталась покорить Эверест 9 мая 1996-го года, сказал Лопсангу, что они провесили перила вплоть до Южной вершины. Там им пришлось повернуть обратно.

2) «Консультанты по приключениям» вышли на восхождение на сорок пять минут раньше «Горного безумия». В случае необходимости именно они должны были провесить недостающие перила.

3) Недомогание Лопсанга не было связано ни с его отказом от использования кислорода, ни с тем, что он некоторое время помогал Сэнди на восхождении. Тем не менее, плохое самочувствие помешало ему принять участие в провешивании перил, когда выяснилось, что этого не сделали ни черногорские альпинисты, ни «Консультанты по приключениям».

4) Нилу Бейдлману и Анатолию Букрееву следовало быть более активными при закреплении перил на маршруте.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Нил: Нет. Я дошел до вершины где-то в 13:25—13:28, а ты появился там по меньшей мере на два часа позже меня.

Лопсанг: Да, 13:25, так что ...[неразборчиво]

Анатолий: Я был на вершине в час дня. Может быть, в семь минут второго. А потом...

Лопсанг: Потом, когда я вернулся... [неразборчиво]... ну ты понимаешь, на Южную вершину, то... [неразборчиво]... все, кроме Роба Холла и Дуга Хансена, взошли на вершину, а потом и они туда поднялись... [неразборчиво]... когда все взошли, я пошел обратно, ведь я закрепил веревку своим ледорубом. Потом я вытащил ледоруб и стал спускаться ⁶.

Клев: У меня вопрос к Нилу и Анатолию. Это говорит Клев. Кто должен был провешивать перила до прихода основной группы, и как у вас с Робом Холлом были поделены обязанности? Как...

Анатолий: Вот что я... Это говорит Анатолий... Вот что я знал от Скотта о наших планах: в полночь мы выходим на гору; я иду вместе с группой и слежу

⁶ Лопсанг Янгбу взошел на вершину около 14:30 и пробыл там до 15:40, пока, наконец, к нему не поднялся Скотт Фишер. Через пятнадцать минут они начали спуск; первым шел Фишер, а за ним Лопсанг. Чуть ниже вершины Лопсанг остановился, чтобы забрать свой ледоруб. При подъеме он забил его в снег, чтобы закрепить свободный конец веревки. Но тут Лопсанг заметил, что Роб Холл (взошедший на вершину около половины третьего) немного спустился, чтобы помочь выбившемуся из сил Дугу Хансену, своему клиенту. Они оба поднялись по той самой веревке, которую Лопсанг закрепил своим ледорубом. Не желая подвергать их опасности, шерп простоял на жутком холоде до половины пятого. Лишь после того, как Холл и Хансен дошли до вершины и затем вернулись к началу перил, Лопсанг смог вытащить свой ледоруб и отправить вниз. Фишера он сумел нагнать лишь в 17:45, когда у того рке начались серьезные проблемы со здоровьем.

Почему Роб Холл настоял на продолжении Хансеном восхождения, вместо того, чтобы немедленно отправить его вниз, так и осталось неразгаданным. Это, безусловно, одна из главных тайн той трагедии. Роб был широко известен среди альпинистов именно своей ответственностью и пунктуальностью. Опытный гид, всегда старавшийся действовать «согласно инструкции», вдруг нарушает одно из основополагающих правил безопасности и разрешает Дугу Хансену продолжать восхождение. Что побудило обычно осторожного Роба Холла к столь безответственным действиям? Нам остается только догадываться. Но с уверенностью можно сказать, что решение Роба во что бы то ни стало затащить Хансена на вершину самым непосредственным образом повлияло на дальнейшие действия Лопсанга Янгбу и Энди Харриса, гида, «Консультантов по приключениям». Это отвлекло их внимание от других проблем, к тому времени уже возникших на маршруте.

за клиентами, а Нил вместе с шерпами проवेशивает перила Вот, в точности, то, что сказал мне Скотт. А в чем твой вопрос?

Лин: Я сама слышала.. Это говорит Лин. Я сама слышала, как Скотт сказал, что все перила должны быть закреплены заранее, чтобы участникам не приходилось ждать.

Сэнди: Я тоже слышала, что наши шерпы вместе с шерпами Роба Холла должны были провесить веревки заранее. Шерпы должны были выйти в десять вечера, а мы — в полночь. Скотт еще подсмеивался надо мной из-за того, что я слишком медленно шла, и в шутку предлагал мне выйти вместе с шерпами.

Клев: Это Клев. Я согласен с Сэнди. У меня сложилось точно такое же впечатление.

Нил: Это Нил. Я тоже так думаю.

Сэнди: Во сколько... Я думаю, нам не так важно, во сколько мы проходили те или иные места, но давайте вспомним хотя бы вершину. Нил, ты поднялся первым?

Лин: Подождите, я еще хочу кое-что сказать.

Сэнди: Давай.

Лин: Это говорит Лин. Накануне вечером, когда мы поднялись на Южную седловину, дул страшный ветер. Он не стихал очень долго. Лично я сомневалась, стоит ли идти, да и мои соседи по палатке тоже обсуждали, «пойдем мы на вершину или нет»? Мне казалось неразумным идти на восхождение после такой непогоды. Это плохой знак. Плохой, потому что погода еще не устоялась, она в любой момент могла перемениться. Но потом, кажется, примерно в десять вечера, Скотт переговорил с Робом Холлом, и, как я поняла, они решили, что обе группы выйдут на восхождение.

Клев: Это Клев. В это время ветер полностью стих.

Лин: Да, точно.

Клев: В десять вечера⁷.

Лин: Да

Клев: Точнее, к десяти часам вечера.

Нил: До десяти часов вечера,

Лин: Да.

Клев: У меня вопрос относительно того, что было раньше. Меня интересует, сколько у нас всего было кислорода Лопсанг, может быть, ты начнешь? Сколько кислорода у нас было на юго-восточном гребне?

Лопсанг: Ну...

Нил: Лучше начать с четвертого лагеря.

Клев: Да, правильно. Сколько кислорода было в четвертом лагере до прихода основной экспедиции?

Лопсанг: Шерпы принесли двадцать один баллон.

Клев: Двадцать один баллон? Это было в день восхождения? Или еще до нашего прихода?

Лопсанг: Да, в день восхождения шерпы принесли... [неразборчиво]

Клев: Вы понимаете его?

Лин: Сколько баллонов было на Южной седловине в самом начале?

Лопсанг: Баллонов на восхождении?

Лин: Нет, всего.

Клев: Сколько их было до того, как мы поднялись, до начала восхождения?

⁷ В 22:00 9-го мая 1996-го года.

Лопсанг: Шестьдесят два. Шестьдесят два баллона

Клев: Сколько больших и сколько маленьких?

Лопсанг: Девять больших.

Клев: Девять больших для сна...

Лопсанг: Да, а маленьких... сейчас...

Клев: Соответственно, все остальные. Понятно.

Нил: Это Нил. Первоначально планировалось оставить в третьем лагере одиннадцать баллонов. Потом мы нашли около перил еще один баллон, который нас попросили спустить вниз. Так что в третьем лагере было почти двенадцать баллонов. Первоначально предполагалось поднять в четвертый лагерь шестьдесят с чем-то баллонов — по-моему, шестьдесят девять, могу посмотреть в своих записях. То, что их потом оказалось шестьдесят два, нас нисколько не смущало, потому что исходное количество включало в себя кислород для Пита и Дейла⁸. Мы учли и ночной расход кислорода — по полбаллона на участника. Так что шестидесяти двух или шестидесяти пяти баллонов — сколько там сказал Лопсанг? — было более чем достаточно.

Клев: Теперь, Лопсанг, сколько кислорода мы взяли на восхождение и как распределили его?

Лопсанг: Наши шерпы несли двадцать один баллон.

Клев: Двадцать один баллон взяли с собой на восхождение, да?

Лопсанг: Да.

Нил: Сколько из них понадобилось самим шерпам?

Лопсанг: Шерпы использовали два... [неразборчиво]

⁸ Клиенты «Горного безумия» Пит Шенинг и Дейл Круз в восхождении 10-го мая 1996-го года участия не принимали.

Клев: Сколько шерпов было с нами на восхождении?

Лопсанг: Шесть шерпов⁹.

Клев: Шестеро, включая тебя?

Лопсанг: Да, но я не пользовался кислородом. Я нес один баллон и отдал его... [неразборчиво] на вершине¹⁰.

Сэнди: Можешь сказать нам, кто именно из шерпов вышел на гору в тот день?

Лопсанг: Шестеро человек: я, Таши Шеринг, Нгаванг Тенцинг, Нгаванг Сья Кья, Тенцинг и Нгаванг Дорже. Нгаванг Тенцинг и Нгаванг Сья Кья около ступени Хиллари... [неразборчиво] повернули обратно. Нгаванг Тенцинг плохо себя почувствовал и стал спускаться.

Клев: Значит, одному из них стало плохо, и он пошел вниз.

Лопсанг: Двое.

Клев: Двое шерпов пошли вниз?

Лопсанг: Да, один начал спускаться и... [неразборчиво]

Клев: То есть остались четверо?

Нил: Где именно они повернули обратно?

Лопсанг: И четверо шерпов взойшли на вершину: Лопсанг, Таши Шеринг, Тенцинг и Таши Шеринг¹¹.

⁹ Как уже отмечалось ранее (см. главу 16), Фишер распорядился, чтобы все семеро шерпов, поднявшихся в четвертый лагерь, вышли на восхождение. Не сказав ничего ни самому Фишеру, ни остальным участникам экспедиции, Лопсанг одного из шерпов, Пембу, оставил в лагере.

¹⁰ Похоже, Лопсанг здесь хотел сказать, что на высоте 8 820 метров, перед самой вершиной, он отдал имевшийся у него полный баллон Сэнди Питтман.

¹¹ Здесь Лопсанг по ошибке дважды называет имя Таши Шеринга. Четвертым шерпом, покорившим вершину, был Нгаванг Дорже.

Нил: Понятно, а где они повернули назад?

Лопсанг: Двое шерпов отправились... [неразборчиво]

Нил: Да, они пошли вниз, но куда они дошли? До какой высоты?

Лопсанг: Ну... [неразборчиво]

Сэнди: Около 8 800 метров?

Клев: На Южной вершине?

Лопсанг: Да, на Южной вершине, 8 800 метров.

Нил: Я думал, что твой отец, Нгаванг Сья Кья, свернул раньше.

Лин: Нет, я видела его на Южной вершине.

Лопсанг: [неразборчиво]

Нил: Ладно, значит, один шерпа остался на Южной седловине. Это был Пемба, да?

Лопсанг: Да, Пемба.

Клев: Я пока что не все понял. Кто из этих шести шерпов шел с кислородом? Кто из них использовал кислород?

Лопсанг: Они использовали... двенадцать баллонов.

Клев: Те двое шли на кислороде?

Лопсанг: Двенадцать, двенадцать.

Сэнди и Ингрид (одновременно): Двенадцать баллонов?

Лопсанг: Пятеро шерпов шли на кислороде—десять баллонов.

Клев: Пятеро шли на кислороде, и ты один — без?

Лопсанг: Я не использовал кислород.

Клев: Почему?

Лопсанг: Потому что я совершил уже много восхождений. Три раза, а тогда был четвертый раз, когда я поднимался без кислорода. Я пробовал его использовать, но меня еще больше тошнило... [неразборчиво]... и поэтому я... [неразборчиво]... с кислородом.

Ингрид: Значит ли это, что в тот раз ты пробовал идти с кислородом, но тебя от этого тошнило?

Лопсанг: Да, я до этого много раз поднимался, еще до 93-го года. И все время без кислорода

Сэнди: От кислорода его начинало тошнить.

Ингрид: А в других восхождениях ты тоже пробовал идти на кислороде, и тебя тошнило?

Лопсанг: Да, я пользовался кислородом, и меня тошнило. Я не... [неразборчиво]... болела голова. Я поднимался с кислородом.

Клев: В этот раз ты пользовался кислородом?

Лопсанг: Нет.

Клев: Значит, не пользовался.

Нил: Может, в палатке?

Лопсанг: В палатке, да. Мне дали баллон, но в нем уже ничего не было, совсем пустой.

Клев: После восхождения?

Лопсанг: Нет.

Клев: Когда тебе дали пустой кислородный баллон, в ночь перед восхождением?

Лопсанг: Никакого кислорода. А еще один баллон я нес наверх, шерпы не приходили, поэтому надо было прислать еще кислорода. Я дал... [неразборчиво]... на вершине.

Клев: Ладно. Итак, шерпы несли на гору двадцать один баллон кислорода, так?

Лопсанг: Так.

Клев: А где же....

Лопсанг: Несли шерпы и участники.

Нил: Но двенадцать из двадцати одного баллона использовали сами шерпы, да?

Лин: Надо учесть, что каждый нес кислород. Думаю, что шерпы несли также и свой кислород, и...

Лопсанг: Участники несли по два, а шерпы еще на два больше. Шерпы несли по четыре баллона.

Клев: Значит, шерпы несли по четыре баллона каждый?

Лопсанг: Да.

Клев: А остальные участники по два. У Нила и Анатолия тоже было по два баллона?

Анатолий: Нет. Я не пользовался кислородом. Я нес один запасной баллон, который отдал Нилу, когда он стал провешивать перила.

Клев: Анатолий, а почему ты шел без кислорода?

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Анатолий: Я так хожу. Я многое знаю об использовании кислорода. Тот, кто им пользуется, может оказаться в очень сложной ситуации, когда кислород закончится. Мне это не нравится. Я чувствую, что могу нормально работать без кислорода. Если же я пойду на кислороде, то мне будет гораздо тяжелее, когда он закончится. Так устроен человек. Если уж идти на кислороде, то вплоть до самого возвращения в лагерь. Мне не нравилась погода, и я сказал об этом Скотту Фишеру. Я совершенно не был уверен, что в день восхождения погода будет хорошей. С моей точки зрения, в таких условиях идти вообще не стоило. Но у Роба Холла был очень большой опыт, гораздо больший, чем у меня, и...

Клев: Анатолий, ты когда-нибудь использовал кислород?

Анатолий: Где?

Клев: Где-нибудь, хоть на одном восхождении?

Анатолий: Да, при траверсе Канченджанги. При восхождении на Канченджангу я пользовался кислородом¹². Но для меня очень важно, особенно при плохих погодных условиях... идти без кислорода. Если бы я шел на кислороде, а он закончился, мне бы стало гораздо тяжелее. Так реагирует организм на резкое снижение кислорода. Что и случилось со Скоттом.

Клев: А Скотт до этого пользовался кислородом?

Нил: Да. Он поднимался с кислородом на Лхоцзе, и, по-моему, оба его предыдущих восхождения на Эверест также были кислородными.

Анатолий: Для работы без кислорода нужен большой опыт. Это очень... Невозможно просто так взять и пойти на вершину без кислорода, к этому надо готовиться. Если такой опыт есть, то все будет нормально. Если же нет, то... Из соображений безопасности на случай ухудшения самочувствия должны быть запасные баллоны. Я не знаю, сколько их было у шерпов. Меня самого это

¹² В 1989 году Анатолий Букреев был членом сборной команды Советского Союза, осуществившей траверс всех вершин массива Канченджанги. По настоянию тренера Букреев воспользовался тогда вспомогательным кислородом.

интересует. Лопсанг, сколько запасных баллонов для участников принесли шерпы наверх¹³ ?

Лопсанг: Десять баллонов.

Анатолий: Десять баллонов...

Клев: Что-то я не понимаю. Шесть шерпов, у каждого два баллона для себя и два для участников...

Лопсанг: Пять шерпов несли по два баллона для других, вместе десять. Я нес один баллон.

Клев: Потому что ты еще нес веревки?

Лопсанг: Да, все нес... [неразборчиво]

Клев: Кто-нибудь понимает?

Ингрид: Да.

Сэнди: Да.

Тим: Итак, всего одиннадцать баллонов для участников, правильно?

Клев: Одиннадцать баллонов, которые несли шерпы.

Лопсанг: Несли... [неразборчиво]

Клев: Где вы их оставили? Куда положили?

Лопсанг: Мы принесли их на Южную вершину...

Клев: На Южную вершину?

¹³ Букреев был осведомлен, что шерпы должны нести по одному баллону для клиентов, а также оставить резерв для Анатолия. Но сколько баллонов на самом деле было доставлено на гору, Букреев не знал.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Лопсанг: Да

Сэнди: Вы их оставили на Южной вершине? Прямо на земле¹⁴?

Лопсанг: [неразборчиво]... но вниз я их не нес... [неразборчиво]

Клев: Я ничего не понял.

Тим: Он имеет в виду, что не стал нести вниз пустые баллоны.

Клев: А, теперь ясно.

Лопсанг: Я не мог, потому что был со Скоттом... [неразборчиво]... Я сказал ему: «Давай, пожалуйста, пойдём в четвертый лагерь». Он мне ответил: «Я не пойду в четвертый лагерь. Я... [неразборчиво]»

Сэнди: Он забегает вперед.

Анатолий: Можно, я спрошу. Сколько баллонов с кислородом было у Скотта?

¹⁴ Первоначально планировалось, что шерпы «Горного безумия» поднимут на Южную седловину десять баллонов. Из них восемь баллонов должны были забрать на спуске шестеро клиентов, Нил Бейдман и Скот Фишер. Оставшиеся два, видимо, были предназначены Фишером в качестве резерва для Букреева (см. главу 6).

Как и экспедиция «Горного безумия», «Консультанты по приключениям» Роба Холла собирались запасти на Южной вершине кислород для своих участников. Сколько баллонов осталось на Южной вершине после того, как «Консультанты по приключениям» отправились оттуда вниз, достоверно не известно. Майк Грум (гид Холла) и Джон Кракауэр (клиент Холла) приводят различные данные в опубликованных ими статьях об этом восхождении. Кракауэр пишет, что «по меньшей мере шесть» баллонов оставалось на Южной седловине, когда он пришел туда вместе с Энди Харрисом, Майком Грумом, Ясуко Намбой и еще одним клиентом. Майк Грум же рассказывал, что он дал по одному «полному» баллону Харрису, Намбе, Кракауэру, взял один баллон себе, а еще два забрали двое шерпов Холла, спустившиеся перед Робом с Харрисом. Если в начале спуска у «Консультантов по приключениям» было не более шести кислородных баллонов на Южной седловине, и если Грум точен в своих сведениях, то это означает, что к приходу Холла (а, возможно, и Хансена) кислорода на Южной вершине у «Консультантов по приключениям» больше не было. Тем не менее, заметим, что в своей книге Кракауэр упоминает о том, что «в распоряжении Холла» было два полных баллона с кислородом. *(Возможно, данное примечание содержит некоторые неточности. Тем не менее, здесь оно приводится в полном соответствии с английским оригиналом. — Прим. перев.)*

Лопсанг: У него было три баллона.

Анатолий: Три?

Клев: Сколько?

Лопсанг: Сначала у него было два баллона.

Клев: Два баллона...

Лопсанг: Да, еще один ему дал шерп... [неразборчиво]

Анатолий: На вершину Скотт шел на кислороде?

Лопсанг: Да, на кислороде.

Клев: А на Южной вершине он встретил шерпа, который дал ему еще баллон?

Лопсанг: Да.

Клев: То есть у него было два своих, и шерп дал ему третий?

Лопсанг: Да.

Сэнди: А как он расходовал кислород? Кто-нибудь знает? Может, Скотт про это упоминал, или кто-нибудь сам заметил?

Лопсанг: Он плохо себя чувствовал.

Сэнди: Да, но какой расход кислорода он себе выставил, ты не видел?

Лопсанг: Нет, мы не видели. У нас все баллоны были полные... [неразборчиво]... сто пятнадцать, сто двадцать...[неразборчиво]

Клев: Я хочу вернуться... Это говорит Клев. Я хочу вернуться к закреплению перил. Кто-то, не помню, Анатолий или Лопсанг, сказал, что в обязанности Нила входило быть там, наверху. Поскольку сам я шел за Нилом, то...

[ПРОПУСК В ЗАПИСИ¹⁵]

Клев: ...хотя бы какие-нибудь признаки того, что ему полагалось быть наверху. Меня это несколько удивляет, и я хотел бы получить разъяснения.

Нил: Как я полагал, закрепление перил в мои обязанности не входило. Из наших разговоров со Скоттом я понял, что моя роль состояла в том, чтобы идти вместе с нашей основной группой и помогать на подъеме всем, у кого возникнут сложности. Закреплять веревки вдоль юго-восточного гребня я стал по другой причине. Взглянув на часы, я осознал, что мы уже приближаемся к контрольному сроку, предложенному Робом для начала возвращения. Жестко время возврата не оговаривалось, но я понял, что мы стали сильно запаздывать. Впереди еще ничего не было готово, и я взял инициативу в свои руки. Помню, как я подгонял участников на юго-восточном ребре, чтобы они не засиживались там, а шли дальше. Вслед за Лопсангом и Ангом Дорже я поднялся к первому скальному выступу. Клев шел за мной. Мы проторили новую тропу, чуть левее. Там было безопасней, но снегу было по колено. Потом Лопсанг почувствовал себя плохо; его тошнило. Там же я взял три веревки... Или две, но длинных...

Лопсанг: [неразборчиво]

Нил: Да, точно, я взял две веревки у Лопсанга: длинную полипропиленовую и еще метров шестьдесят семимиллиметровой перлоновой веревки. Я не помню, кислород у тебя я брал? Нет? Значит, не брал. Анг Дорже закрепил одну веревку, потом мы поднялись еще выше. Я повесил еще белую пропиленовую веревку и откопал из-под снега старые перила. Если верить моим часам, я поднялся на Южную вершину в 9:58. Это я точно помню, потому что для Южной вершины контрольный срок Холла был десять часов, и я еще подумал: «Боже, как мы опаздываем!» Мартин взошел на Южную вершину вторым, сразу после меня. По-моему, предыдущие полчаса он шел следом за мной. Я провел на Южной вершине около часа, после чего спустился чуть ниже и спрятался там от ветра за скалу. За этой скалой мы все потом и сидели, разглядывая дальней-

¹⁵ На аудиопленке, предоставленной Букрееву, встречается ряд пропусков. Как вспоминал Анатолий, во время беседы по желанию участников запись иногда прерывалась. При прослушивании Букреев уже не мог определить, с чем связан тот или иной пропуск; был ли он сделан специально или возник чисто по техническим причинам (конец кассеты и проч.). Приводя текст разбора, все такие места мы помечаем словами [пропуск в записи].

ший маршрут. наших шерпов не было, а Анг Дорже то ли плохо себя чувствовал и устал, то ли просто не хотел провешивать перила дальше. Я посмотрел на Анатолия...

Клев: Провешивать перила куда?

Нил: К вершине. Я посмотрел на Анатолия и решил, что нам пора начинать. Я крикнул Харрису, гида из экспедиции Роба Холла, чтобы он нам помог¹⁶. Потом мы¹⁷ взяли мой перлоновый шнур, размотали его и пошли вверх по гребню.

Клев: Это Клев. Ты упомянул контрольное время. Меня интересует, к какому решению вы со Скоттом и Анатолием в конце концов пришли.

Нил: После обсуждения со Скоттом было решено, что я иду с основной группой. Как я полагал, Анатолий должен был идти первым, провешивая перила, что он и делал, начиная с Южной вершины. Скотт должен был идти сзади и подбирать отстающих. В случае необходимости ему нужно было решать, кому идти дальше, а кому—возвращаться в лагерь. Это была его обязанность как руководителя. Я чувствовал себя не вправе лишать клиентов вершины, когда они, быть может, считали себя вполне способными продолжать подъем. Поэтому я просто шел вверх, понимая, что пока спуск был вполне возможен и относительно безопасен. Мне не казалось, что мы безнадежно опаздываем. Усталости я не чувствовал. Я знал, что, если понадобится, смогу подниматься быстро. Решать, идем мы дальше или поворачиваем, было не мне. У меня было две возможности: либо прокладывать путь дальше, либо останавливаться и начать всех заворачивать обратно. Не пойдя мы с Толей тогда дальше, никто так и не взшел бы на Эверест. Все бы столпились на Южной вершине, и на этом бы все и закончилось.

[ПРОПУСК В ЗАПИСИ]

Лин: Мой личный подход к восхождению в группе предельно прост: полагайся только на себя. Это я твердила себе всю дорогу. Я ничего не знала насчет

¹⁶ Энди Харрис не стал помогать Бейдлману, а вместо этого пошел наверх вместе со своим клиентом Джоном Кракауэром, которому не давала покоя мысль о том, что кислорода ему может не хватить (см. главу 15).

¹⁷ Бейдлман и Букреев.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

остального. Да... У меня вопрос к гидам: Какого черта.. Я хочу сказать, кто решил взять на гору шерпа, которого всю дорогу рвало? Еще на Южной седловине всем было ясно, что Лопсанг болен. Кто решил выпустить Лопсанга на восхождение вместо того чтобы отправить его вниз? Как это в голову могло прийти? Я бы никогда так не сделала.

Сэнди: За всеми этими разговорами мы забыли о Скотте. Кто-нибудь видел Скотта, где он был? (Я имею в виду тот отрезок пути, который мы уже разобрали.)

Лин: Нет.

Тим: Пройдя половину первых перил, я попал в затор. Насчитав перед собой человек тридцать, идущих наверх, я оглянулся. Мне было интересно, где Скотт. Я подумал тогда, что он, наверное, был на том самом месте, где до этого отдыхал больной Лопсанг.

Сэнди: Лопсанг, ты поднимался вместе со Скоттом? До вершины? Не после, а до?

Анатолий: Нет.

Сэнди: Шел с ним или хотя бы видел его?

Лопсанг: Нет.

Анатолий: Он не мог его видеть, потому что Скотт, как мне кажется, очень сильно отстал. Я Скотта тоже не видел, а он был мне очень нужен. Нужно было что-то решать. Иногда, конечно, обстоятельства сами за тебя решают. Но все эти вопросы — кто закрепляет перила, что со временем, с погодой, с самочувствием — их надо было обсудить. Я несколько раз пытался его дождаться, чтобы все выяснить. Мне многое было непонятно. Может, ему самому стало плохо. Скотт полагался на нас с Нилом, считал, что мы вместе справимся. Нила я встретил выше 8 500 метров, когда он пошел закреплять перила. Когда же я наконец увидел Скотта¹⁸, тот выглядел неплохо. Конечно, Скотт отставал от группы, но я не заметил, чтобы у него были проблемы со здоровьем... Да, перед

¹⁸ Здесь Букреев описывает встречу, которая произошла над ступенью Хиллари. Анатолий спускался, а Скотт еще шел к вершине.

тем, как Нил стал провешивать перила, мы с ним успели переговорить. Нил сказал, что он пойдет с Ангом Дорже, сирдаром экспедиции Роба Холла. Нил шел на кислороде, и я отдал ему свой запасной баллон, потому что ему предстояла тяжелая работа. На Южную вершину мы поднялись примерно... Нил, во сколько мы туда вышли?

Нил: На Южную вершину я поднялся ровно в десять утра.

Анатолий: Никаких перил я там не увидел. Скотт мне говорил, что веревки наверняка закрепят шерпы, потому что это просто. Но никто не проявлял никакой инициативы. Тогда я сказал Нилу: «Подстрахуй меня, я пойду выше». Потом я увидел двух гидов Роба Холла, у которых была длинная веревка. Они пошли за мной.

Нил: На самом деле только один из них был гидом — Энди Харрис. Второй, Джон Кракауэр, был клиентом.

Анатолий: Но оба, как мне показалось, были сильными альпинистами.

Нил: Да.

Анатолий: А на очень простом участке мы не повесили перила, поскольку я решил, что это сделают те, кто шел следом. Мы быстро прошли это место и направились к более сложному. Еще один небольшой крутой участок был после ступени Хиллари, но в кошках и с ледорубом он тоже особой проблемы не представлял. Веревки у нас кончились, мы пошли к вершине и...

Нил: Толя, подожди. Здесь я остановился и взял веревку у Кракауэра, потому что из-за поднявшегося ветра я решил обработать этот участок.

Анатолий: Да, поднялся ветер.

Нил: Энди Харрис и Джон Кракауэр спросили, можно ли им обойти меня и пойти дальше. У них был на исходе кислород¹⁹. «Хорошо», — сказал я и стал

¹⁹ У Энди Харриса и Джона Кракауэра (оба — из «Консультантов по приключениям»), точно так же, как и у Бейдлмана, Фишера и всех клиентов «Горного безумия», было выделено на это восхождение по три баллона с кислородом. Этого хватало примерно на восемнадцать часов. К моменту разговора с Бейдлманом (около полудня) они расходовали кислород двенадцать с половиной часов.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

разматывать веревку. Она была ужасно длинная, метров сто, наверное. Мартин стоял ниже меня по склону. Я попросил его помочь мне и закрепить один конец веревки на станции, что он и сделал. Потом я стал подниматься вверх, но не успел я пройти и десяти метров, как веревка запуталась в камнях. Пришлось немного вернуться и подождать, пока Мартин не поможет мне ее распрямить. Дойдя до фирнового крюка, я пропустил через него веревку и пошел еще выше. На оставшихся сорока или даже пятидесяти метрах мне не удалось найти ни одной точки, где можно было закрепить веревку. Никаких крючьев у меня с собой не было, потому что мы были уверены, что все сделают шерпы. Раньше я считал, что в мои обязанности не входила забота о промежуточных станциях. Размотав веревку до конца, я стал думать, что делать дальше. Закреплять веревку на своем ледорубе мне не хотелось. Склон там был довольно крутым, и ледоруб мне мог пригодиться, если бы я поскользнулся на льду. Станции для страховки рядом тоже не было, поэтому я сбросил оставшиеся сорок метров веревки с гребня на Тибетскую сторону, чтобы кто-нибудь случайно не пристегнулся к свободному концу и не стал нагружать его. Потом я продолжил подъем и примерно в 13:25—13:30 вышел к вершине.

Сэнди: Давайте уточним, кто во сколько поднялся на вершину.

Анатолий: Я был там в семь минут второго.

Сэнди: Так, Анатолий в семь минут второго. Думаю, что я достигла вершины около четверти третьего.

Нил: Я поднялся между 13:25 и 13:30.

Лин: Думаю, что я поднялась около половины третьего.

Сэнди: Значит, Лин поднялась на вершину в половину третьего...

Мартин: Я был с Нилом. Время не помню.

Сэнди: Мартин с Нилом...

Клев: Это Клев. Я поднялся на вершину примерно через полчаса после Нила

Ингрид: Значит, около двух дня.

Тим: Это Тим. Полагаю, что мы с Шарлоттой поднялись на вершину примерно в 14:20-14:25.

Сэнди: Но вы же поднялись раньше меня. Так что либо я ошиблась, либо...

Тим: Мы поднялись с разницей в пять минут.

Сэнди: Вы шли в десяти минутах от меня.

Тим: Скажем так: мне кажется, что мы вчетвером поднялись на вершину в интервале между 14:15 и 14:30.

Сэнди: Годится. Лопсанг, во сколько ты поднялся?

Лопсанг: Тогда же.

Сэнди: Мы поднялись вместе.

Лопсанг: Тогда же... [неразборчиво]

Тим: Ты шел впереди нас.

Лин: Мне казалось, что все мы шли буквально друг за другом. Он прав.

Лопсанг: Надо было спускаться с вершины, поэтому в половине пятого... [неразборчиво]

Лин: Да.

Клев: Это Клев. Небольшая поправка: я отставал от Нила на пятнадцать минут. У меня вопрос к Анатолию. Когда ты вышел из четвертого лагеря?

Анатолий: Из четвертого лагеря?

Клев: Да.

Анатолий: В полночь.

Клев: А рядом с кем ты шел после этого по юго-восточному гребню?

Анатолий: Сначала с Мартином, потом он пошел...

Клев: Значит, по юго-восточному гребню ты поднимался вместе с Мартином?

Анатолий: Да

Лин: Я видела Анатолия. Он был то сзади, то впереди.

Анатолий: Мне надо было видеть участников. Для надежности... [неразборчиво]

Клев: Давайте обсудим наши рации и связь на горе.

Сэнди: Отличная мысль.

Клев: У кого были рации?

Сэнди: У кого? У тебя, Лопсанг, была рация?

Лопсанг: Да, маленькая такая.

Ингрид: Маленькая желтая?

Клев: Какого цвета?

Лопсанг: Желтая.

Сэнди: У тебя была моя... одна из моих желтых раций?

Лопсанг: Да, да., [неразборчиво] только у Скотта.

Клев: А у Скотта тоже была маленькая желтая рация?

Сэнди: Да, у Скотта тоже.

Клев: И у тебя была?

Ингрид: А как же ты...

Лопсанг: Я тебе дал? ... [неразборчиво]

Сэнди: Да.

Ингрид: Как же ты разговаривал с Пембой?

Лин: Были ли рации у других гидов? Были ли какие-нибудь договоренности с другими экспедициями?

Нил: У меня рации не было. Первоначально планировалось, что мы со Скоттом будем с рациями, но никто мне рации не дал. У нас должна была быть одна рация в голове группы, у Лопсанга, а вторая в хвосте, у Скотта. Когда я уже на высоте обошел Лопсанга, мне не пришлось в голову забрать у него рацию.

Ингрид: Таким образом, у тебя, Лопсанг, было две рации: желтая и черная?

Лопсанг: Да., [неразборчиво]

Ингрид: А когда ты говорил со мной с вершины, ты пользовался черной?

Лопсанг: Да, черной.

Сэнди: Черная рация была только у него?

Лопсанг: Что у меня было... у другого шерпа., [неразборчиво]

Сэнди: Анатолий, у тебя не было рации?

Анатолий: Нет.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Ингрид: Итак, у вас была только одна черная рация, с помощью которой можно было связываться с промежуточными лагерями²⁰? Ясно.

Клев: Вернемся к провешиванию перил. Лопсанг, ты нес веревки. Были ли у тебя еще ледобуры, петли и все остальное?

Лопсанг: Каждый год мы носим только веревки. Мы несем их, находим старые...

Клев: Ты и все остальные шерпы не брали с собой ни ледобуров, ни петель, ничего прочего для станций страховки?

Анатолий: Клев, на этом маршруте ледобуры не нужны.

Лопсанг: Нам для подъема ледобуры не нужны.

Анатолий: Там никогда—я говорил с Робом Холлом—там никогда не использовали ледобуры.

Клев: Никогда не использовали ледобуры...

Лопсанг: Поэтому мы несли...

Клев: Нил, а ты думал, что у шерпов они были?

Нил: Ну, я... Не знаю. Я просто считал, что шерпы должны знать маршрут и... и позаботиться о необходимом снаряжении.

Клев: Угу.

Нил: Состояние маршрута меняется от года к году, в разные сезоны оно разное. Если перед тобой прошли другие группы, то большая часть маршрута может оказаться уже обработанной. Конечно, если ты идешь первым или перед тобой в этом сезоне проходили только одиночки, то придется серьезно

²⁰ Ингрид Хант хотела подтвердить, что у Лопсанга была черная рация, настроенная на частоту всех приемников в четвертом, втором и базовом лагерях. «Маленькие желтые» рации, упоминавшиеся до этого, были гораздо менее мощные и не могли обеспечить связь с базовым лагерем в день восхождения.

поработать. Так что, как мне кажется, шерпы должны были разузнать, кто там уже был, что сделано, и взять необходимое снаряжение.

Лин: Лопсанг, ты утверждаешь, что во все предыдущие годы, когда вы поднимались на Эверест, никто не брал с собой фирновых крючьев? Только веревки?

Лопсанг: Да, каждый раз мы несли только веревки. А потом мы находили вкопанные фирновые крючья и закрепляли перила И в этом году мы не несли ни крючьев, ни буров, потому что там уже были люди до нас. Нам не нужны веревки, все веревки закрепили... [неразборчиво]... Так что перила уже проведены. Они нам сказали, что все уже есть. Мы спросили, они ответили.

Клев: Кто-нибудь понимает, что он говорит?

Лин: Кто именно сказал тебе, что маршрут обработан вплоть до самой вершины?

Лопсанг: Какая группа вернулась? Вернулась девятого числа с Южной вершины?

Анатолий: Наверное, это были югославы. Я тоже слышал, что кто-то дошел до Южной вершины.

Сэнди: Югославы сказали, что маршрут проведён перилами вплоть до самой вершины?

Лин: До Южной вершины.

Лопсанг: Югославский гид мне сказал, что... [неразборчиво]... уже закреплены, что ничего не нужно.

Лин: Понятно.

Лопсанг: И мы взяли с собой еще сто пятьдесят метров веревки. Две веревки я отдал Нилу, когда у нас возникли затруднения на подъеме. А одну я оставил у себя в рюкзаке на всякий случай; Скотту потребовалось бы много веревки на спуске.

Сэнди: Хорошо. Переходим к обсуждению спуска... Кто видел Скотта на вершине?

Тим: Я видел его примерно... Шарлотта, Нил и я начали спуск одновременно. Не знаю, сколько тогда было времени²¹. Скотта мы увидели в пяти минутах от вершины²².

Нил: Увидели его на спуске. Да, прошло около пяти минут. И ему оставалось минут пять до вершины.

Сэнди: Точно, я его тоже тогда увидела.

Тим: Он был между ступенью Хиллари и вершиной.

Сэнди: Правильно, я тогда еще приветствовала его поднятым вверх большим пальцем. Но это было пять минут моего хода вниз, а ему до вершины еще оставалось примерно полчаса. Это правильные расчеты? Кто-нибудь может подтвердить?

Лин: Я видела Скотта на спуске, на радостях обняла его. Он поздравил меня с вершиной, и я сказала...

Сэнди: Ты встретила его, когда сама спускалась или когда он спускался?

Лин: Когда я спускалась. «Я устала», — сказала я ему. «Если бы ты знала, как я устал», — ответил он мне. Потом я поскорее пошла вниз, потому что мне вовсе не хотелось оказаться одной на этой горе. Дальше мы шли одной группой с Шарлоттой, Тимом и Нилом.

Клев: Мне кажется, что я встретил Скотта над ступенью Хиллари примерно в половине третьего. Это согласуется...?

Сэнди: Да, похоже.

²¹ По словам Нила Бейдлмана, он вместе с четырьмя клиентами «Горного безумия» начал спуск с вершины в 15:10.

²² Скотт Фишер поднялся на ступень Хиллари в 14:35. До вершины он добрался через час с небольшим, примерно в 15:40.

Анатолий: Я тоже...

Сэнди: Значит, 14:30. Так как я взошла в 14:15, а потом пошла вниз, то все сходится.

Анатолий: Я встретил Скотта, когда подошел к ступени Хиллари и ждал, пока освободятся перила для спуска

Клев: Как я помню, Скотт был в маске. Он шел в кислородной маске.

Анатолий: Да, но...

Клев: Оставался ли у него при этом кислород, неизвестно.

Лин: Что сообщил тебе Скотт при встрече? Мне он сказал одно, тебе мог сказать что-то другое.

Анатолий: Сначала я увидел Роба Холла, он опережал Скотта минут на пятнадцать-двадцать, точнее не помню. Я спросил Роба, как он себя чувствовал. «Все в порядке, особых проблем нет, — ответил он. — Спасибо за перила». — «Тебе нужна помощь на восхождении?» — «Нет». Тогда я пошел дальше и встретил Скотта Фишера. Он шел довольно медленно, на нем была кислородная маска, но я не знаю, дышал он тогда кислородом или просто прикрывал маской лицо от ветра Мы немного поговорили с ним. Скотт в ответ на мой вопрос сказал, что он устал. Возможно, у него уже начались неприятности со здоровьем, но сам он этого еще не осознавал. Я сказал ему, что планировал идти вниз. Только я спустился с вершины, как начался очень сильный ветер, стало совсем холодно. На вершине я провел около часа. Сильно похолодало, и, с моей точки зрения, лучше было... [неразборчиво]... и подождать. Я спросил Скотта, что делать. «Сейчас все идет нормально, — ответил он. — У нас еще есть время для спуска. Еще немного, и я тоже поднимусь на вершину». Про дальнейшие планы Скотт сказал: «Тебе надо спуститься в четвертый лагерь, восстановить там свои силы и приготовить чай». Мне тоже казалось, что это правильно. Нам нужен был какой-то резерв, ведь шерпов я уже давно не видел. Тем более что после вершины они будут усталые, почти без кислорода. Если кислород закончится, нам придется тяжело. Я не понимал, что за шерпы были тогда на Южной седловине и насколько они были способны к выходу наверх. Мы еще немного обсудили это со Скоттом. Мы говорили с ним минут десять-

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

пятнадцать, после чего я пошел вниз, к Южной седловине. Что я²³...

Клев: Когда я стоял на вершине, — это говорит Клев, — то я не заметил никаких признаков ухудшения погоды. А вот Нил говорил потом, что он что-то разглядел. И ты, Анатолий, тоже заметил неладное?

Анатолий: Что?

Клев: Стоя на вершине, ты понял, что погода портится? Ты почувствовал приближение урагана?

Анатолий: Поднялся сильный ветер. Перед этим было солнце, потом вокруг побелело, и начался сильный и холодный ветер. Вот это я и почувствовал

Клев: Когда я находился на вершине, там был сильный ветер. Мне не показалось, что он усиливался. Ни снега, ни признаков ухудшения погоды я не заметил.

Сэнди: Я тоже. Приближения непогоды не ощущалось. Куда больше меня тревожило то, что мы сильно опаздывали.

²³ После трагедии на Эвересте Букреев рассказывал своему соавтору, Де Уолту, что Фишер во время их встречи выглядел уставшим, но явных признаков недомогания Анатолий не заметил. Возможно, предполагал Букреев, Фишеру уже тогда нездоровилось, но он недооценивал всю серьезность положения. В беседе над ступенью Хиллари Анатолий сообщил Скотту, что клиенты чувствуют себя нормально. Тогда же Анатолий выразил опасение, что у участников могут возникнуть сложности из-за резкого похолодания и недостатка кислорода. Фишер счел, что на тот момент все шло «нормально», сам он собирался вскоре подняться на вершину. Скотт надеялся, что если все будет идти по плану, то до темноты вся экспедиция «Горного безумия» успеет спуститься в четвертый лагерь. Тем не менее, учитывая сильное отставание от графика и позднее время, они решили, что Анатолию лучше быть в лагере на седловине. В случае, если у клиентов возникнут затруднения на спуске или они слишком задержатся, Букреев мог бы оказать им помощь, выйдя наверх из лагеря. Сам Анатолий считал данное решение наиболее разумным и потому был рад, что Фишер придерживался того же мнения.

Когда его спуск в отрыве от основной группы был вынесен на обсуждение средствами массовой информации, Букреев еще раз все как следует обдумал. Существовал ли лучший выход из той ситуации? После долгих размышлений Анатолий пришел к выводу, что с учетом имевшейся на тот момент информации они с Фишером все же были правы. Если бы, встретив Фишера над ступенью Хиллари, Букреев знал, что тому нездоровится, а Лопсанг Янгбу не может помочь, поскольку дожидается возвращения Роба Холла, то Анатолий, без всякого сомнения, не стал бы так быстро спускаться в четвертый лагерь.

Клев: Да.

Сэнди: У нас не было никакого контрольного срока, поэтому я могла полагаться только на рассказы тех, кто был здесь раньше. Они называли мне примерное время, когда нужно поворачивать назад. Мне было страшно именно из-за того, что мы отставали от графика, а о погоде я почти и не думала.

Лин: Это говорит Лин. Перед спуском к ступени Хиллари, я заметила, что снизу, из долин, поднималась какая-то белесая мгла, а ветер на вершине усиливался.

Анатолий: Это были лишь намеки. Сложно сказать наверняка. Но когда я кого-то спросил... Клев, сколько ты был на вершине?

Клев: Сколько времени я там провел?

Анатолий: Да.

Клев: Думаю, что около двадцати-двадцати пяти минут.

Анатолий: Да, я там пробыл дольше и успел обратить внимание.

Клев: Ты был там, конечно, намного дольше.

Анатолий: Больше часа.

Клев: Да.

Анатолий: Я обратил внимание на то, что ветер усилился. Не так чтобы очень... Сложно предсказать наступление непогоды. Здесь обычно полагаешься на интуицию. Стало ветреней и холодней. Я попросил кого-то сделать несколько снимков. Никому не хотелось фотографировать, потому что стало холодно, совсем холодно.

Клев: Итак, Анатолий говорит, что во время их встречи на горе Скотт велел ему немедленно спускаться вниз и готовить чай. Тогда у меня вопрос к Лопсангу: кто из шерпов остался в лагере?

Лопсанг: Пемба

Клев: Пемба? Один шерпа, Пемба, был оставлен в лагере. Так?

Лопсанг: Да.

Клев: А какие были даны ему указания? Зачем его там оставили?

Лопсанг: Чай приготовить, и там...

Сэнди: Прервитесь на минутку, я заменю пленку.

Сэнди: Это пленка номер два, разбор восхождения на Эверест. Пятнадцатое мая 1996-го года.

Последний вопрос звучал так: «В чем заключались обязанности шерпа, оставшегося в базовом лагере?» Имеется в виду лагерь на Южной седловине. Знали ли он...

Лопсанг: Пемба Шерпа.

Сэнди: Уточняю, шерпа звали Пемба.

Ингрид: Он входил в число высотных шерпов? Он мог идти на вершину? Какая у него была квалификация?

Лопсанг: Да, у него был опыт, он участвовал в восхождении... [неразборчиво]... так что нужно было... [неразборчиво]

Ингрид: Значит, ты оставил сильного шерпа на седловине?

Лопсанг: Мы оставили его на седловине.

Ингрид: Ясно.

Анатолий: Лопсанг, а какой высотный опыт у Пембы? Он ведь твой брат...

Лопсанг: Он ходил на Эверест шесть раз.

Анатолий: Шесть раз?!

Лопсанг: Да, но на вершину он не поднимался, сворачивал раньше.

Анатолий: Он там чай готовил?

Лопсанг: Он ходил со мной на Канченджангу, поднимался на 8 300 метров... [неразборчиво]... японцы... [неразборчиво].

Анатолий: У него был опыт... [неразборчиво]?

Лопсанг: [неразборчиво]

Анатолий: Но он выглядел гораздо...

Лопсанг: Он поднимался на десять или одиннадцать гор. Он мой ровесник. Выглядит моложе, но лет столько же. Он кипятил воду и готовил чай. Двое шерпов вернулись, он помогал им, потом тебе.

Клев: Это Клев. У Пембы была рация?

Лопсанг: Да, была.

Клев: Черная рация, для связи с базовым лагерем?

Лопсанг: Да, черная. Четвертый высотный лагерь.

Сэнди: Давайте разберемся с хронологией нашего спуска. Мартин, ты шел первым? Или ты, Анатолий?

Анатолий: Сначала Мартин. Потом я его обошел и стал быстро спускаться по перилам. Вербки были старые, и я опасался, что они не выдержат двоих. Между 8 700 и 8 500 метрами разыгрался ветер и пошел снег.

Сэнди: Как раз тогда начался ураган?

Анатолий: Да, тогда

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Сэнди: Что это за место, какие-нибудь ориентиры были?

Анатолий: Не знаю, нулевая видимость.

Сэнди: Это было ниже юго-восточного гребня?

Клев: Наверное, на полпути между Южной вершиной и юго-восточным гребнем?

Сэнди: Это там, где мы...

Лин: Это примерно там, где начинается спуск по скальным плитам, ледовый склон и куча старых веревок.

Сэнди: Ты шел первым?

Анатолий: Да. А в четвертый лагерь я спустился в пять или в половине шестого.

Сэнди: Уже мело, но еще что-то было видно?

Анатолий: Да. Пурга, никакой видимости. Я увидел... Пемба принес мне чай, и мы с ним немножко поговорили. Потом я заметил шерпов, поднимающихся из третьего лагеря. Еще одна экспедиция шла в четвертый лагерь. Я выпил чаю и немного передохнул. Рядом уже никого не было, никто больше не пришел, и началась снежная буря. Я спросил у Пембы про остальных шерпов²⁴. Их нигде не было видно, а что им было положено делать тогда, я не знал. Я сказал Пембе, что мне понадобится кислород. Взяв три баллона, я вышел наверх к перилам. Уже темнело, но никто так и не спустился с горы.

Тим: Ты дошел до перил?

Анатолий: Поднялся сильный ветер, а я к тому же допустил ошибку: забрал левее, чем надо было, и вышел на открытый крутой лед. Перила мне тогда

²⁴ Спустившись в четвертый лагерь и наткнувшись на Пембу, Букреев еще не знал, что тот весь день провел в лагере. Он считал, что Пемба участвовал в восхождении, но был вынужден вернуться. Не знал Букреев и о том, что двое других шерпов «Горного безумия» вернулись в лагерь с Южной вершины и в тот момент уже сидели в палатке.

найти не удалось. Из базового лагеря²⁵ кто-то светил спускавшимся. По этому свету и по палаткам четвертого лагеря, которые мне иногда удавалось увидеть, я пытался сориентироваться и выйти к перилам. В этих поисках я провел часа три с половиной, но успеха не добился. Ветер стал дуть со страшной силой, да и я устал. Тогда я надел маску, подключил кислород и попробовал подняться выше. Мне стало легче, но видимость не улучшилась. Идти дальше было опасно, можно было сорваться на южную стену. Я решил вернуться в лагерь. Когда я вошел в свою палатку, было сорок семь минут десятого. Все это время я пытался найти хоть кого-нибудь из спускавшихся.

Клев: Мартин, когда ты спустился?

Мартин: Около девяти.

Ингрид: Раньше говорилось, что Мартин пришел в половине девятого.

Лин: Было столько всего...

Анатолий: Нет, нет. Я вернулся за час до Мартина²⁶.

Мужской голос [неопознан]: Я думал, что это было в шесть.

Анатолий: Возможно, в половине одиннадцатого.

Ингрид: Нет. Тогда уже совсем стемнело, значит, было семь с чем-то. Помню, что когда я в очередной раз пришла в лагерь Роба Холла, то спросила у двух женщин, которые пришли туда (по-моему, они из-за меня пришли), когда именно они спустились. Это было важно, потому что как раз тогда пришло сообщение по рации. Они записывали время и потому могли точно сказать, что это было между 20:00 и 20:30.

Анатолий: Не может быть.

²⁵ Здесь Букреев имеет в виду четвертый высотный лагерь, а не базовый лагерь у подножья Эвереста.

²⁶ Описывая свою первую попытку спасти затерявшихся альпинистов «Горного безумия», Букреев упоминал (см. главу 17), что потерял тогда счет времени. Прослушав позднее запись разбора, Анатолий сказал, что время возвращения Мартина Адамса он все же помнил. Тем не менее, поскольку сам Букреев не вел записей, он решил согласиться с воспоминаниями Мартина.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Ингрид: Как раз тогда мы получили сообщение о том, что Мартин спустился.

Нил: Ингрид, расскажи нам, у кого были рации, как передавались сообщения.

Ингрид: Хорошо. Основная трудность состояла в том, что во время восхождения рации²⁷ были только у непальцев. У меня не было никакой уверенности, что моя информация (на английском) при передаче по цепочке не исказится. Поэтому я воспользовалась помощью Нгимы²⁸. В результате, чтобы связаться с Пембой, я должна была передать свое сообщение Нгиме [сирдару базового лагеря], тот диктовал его на непальском Гяльцену [шерпу из второго лагеря], и только потом оно попадало к Пембе [в четвертый лагерь]. Точно так же, если Пембе нужно было что-то передать вниз, все опять шло по цепочке через Гяльцена и Нгиму, пока не попадало ко мне. Нгима же очень странно доводил до меня поступающую информацию. Я часто бегала в лагерь Роба Холла. У Роба Холла дела со связью были поставлены лучше, поэтому там я могла узнать гораздо больше. Но все равно я постоянно связывалась по рации с Нгимой и спрашивала его: «Ну как там? Есть новости?» Каждый раз, услышав в эфире непальскую речь, я вызывала по рации Нгиму, надеясь получить от него новые сведения. Приведу один пример в доказательство его халатности. Без четверти одиннадцать вечера я, услышав на связи непальскую речь, позвонила²⁹ Нгиме и спросила: «Что нового?» «Ничего», — ответил он. «А с кем ты разговаривал?» — удивилась я. «А, это я с Пембой», — ответил Нгима. Ему только что сообщили, что Скотт, Лопсанг, Макалу, трое тайваньских шерпов и один из экспедиции Роба Холла находились недалеко от Южной седловины. «Ты же знаешь, Нгима, — сказала я ему, — насколько для меня важны все эти новости! Ты должен сообщать мне о них». Позднее, в час ночи (11-го мая 1996-го года), Нгима опять выходил на связь с Гяльценом, который перед тем разговаривал с Лопсангом. Лопсанг Янгбу тогда еще не вернулся в четвертый лагерь, а Гяльцен про него сказал, что тот «кашлял и был в плохом состоянии». Услышав об этом (про кашель я смогла разобрать и на непальском), я со всех ног побежала из

²⁷ Здесь Хант имела в виду черные *рации*, которыми Фишер снабдил экспедицию. Эти рации работали на частоте базового лагеря (см. также главу 7).

²⁸ Нгима (Нима) был сирдаром «Горного безумия», ответственным за работу базового лагеря.

²⁹ Спутниковым телефоном в день восхождения члены экспедиции не пользовались. Говоря «позвонила», доктор Хант подразумевает связь по рации.

лагеря Роба Холла к себе, чтобы успеть на связь. Но Нгима уже дал отбой. Им и в голову не пришло, что если человек «кашляет и в плохом состоянии», то ему нужно посоветоваться с врачом! Они как будто забыли, что в базовом лагере имелся экспедиционный врач, всегда готовый дать консультацию. Потом последовало шестичасовое молчание. Такая уж была у нас связь. Но я аккуратно записывала все полученные сообщения, начиная с момента выхода из четвертого лагеря. С самим Скоттом я в последний раз разговаривала 8-го мая, в восемь часов. Это было еще до штурма вершины. Я бы хотела рассказать об этом подробнее. Но когда? Может, прямо сейчас?

Сэнди: Хорошо.

Лин: Почему бы нет?

Ингрид: Тогда обо всем по порядку. В восемь часов утра восьмого мая я беседовала по рации со Скоттом. Он сообщил что все чувствуют себя хорошо, и экспедиция направляется в третий лагерь. Вначале планировалось выйти рано утром, но из-за поднявшегося ветра участникам пришлось немного задержаться. С полудня до четырех часов вечера я несколько раз связывалась по рации с шерпом Гяльценом. Гяльцен тогда работал во втором лагере. Он выходил на связь с Фишером и передавал сообщения. Я пыталась поговорить с самим Скоттом, но у меня ничего не вышло. Гяльцен сказал, что Фишер поднимается по маршруту. Позднее (около четырех часов дня) Скотт передал, что все благополучно добрались до третьего лагеря, особо подчеркнув, что Шарлотта и Тим нормально себя чувствуют. В тот день сообщений больше не поступало. 9-го мая я пыталась выйти на связь с восходителями в наше обычное время: в 8:00, 12:00 и 18:00. Безрезультатно. Сообщения поступали ко мне от Гяльцена; иногда напрямую, иногда через Нгиму. Из них можно было понять, что в четвертый лагерь все поднялись между четырьмя и пятью часами вечера, причем Сэнди, Скотт и Нил немного отстали от остальных. Во всех сообщениях рефреном повторялось: «все чувствуют себя хорошо, все идет по плану». Мне казалось, что мои собеседники просто выполняют распоряжение Скотта: «Скажите Ингрид, что все в порядке». Не исключено, конечно, что эти слова добавлялись к сообщению в процессе его передачи, — ведь все понимали, что именно это я хотела услышать. Вечером Нгима говорил напрямую со Скоттом. Моя рация была включена, но то ли из-за того, что я работала в связной палатке, то ли по какой-то другой причине, я ничего не услышала. Этот сеанс я пропустила. Потом я выпросила все у Нгимы, заменила батарейки в своей рации и даже

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

поменялась с ним рациями. Нгима рассказал, что, по словам Скотта, у экспедиции все было в порядке. Особо подчеркну тот факт, что мне ничего не было сказано ни о болезни Лопсанга, ни о том, что он не пойдет провешивать перила заранее. О плохом самочувствии Скотта я также ничего слышала.

Давайте на минутку вернемся назад. Когда вы все были во втором лагере, Скотту пришлось ночевать здесь, внизу, потому что он помогал Дейлу спуститься в базовый лагерь. Многие говорили, что он целых пять дней был болен, но я не заметила тогда никаких симптомов. Он...

Пит: Он шутил, пил пиво...

Ингрид: Да, он оставался самым собой.

Пит: Еще Дейла пивом угощал.

Ингрид: И ушел он как обычно, со мной игриво распрощался, как всегда. Не было ни малейшего намека на то, что он болен.

Лин: Кто сказал, что ему пять дней было плохо?

Ингрид: Мартин.

Анатолий: Высотной болезни у него не было. Только после четвертого лагеря.

Ингрид: Итак, после той связи в восемь утра был еще один выход в эфир—в день восхождения, в шесть утра. Шерп, оставшийся на Южной седловине, Пемба, сообщил Гяльцену и Нгиме, что у альпинистов все в порядке и они подходят к Южной вершине. Ясно, что здесь тоже какое-то несоответствие. Мы услышали об этом за шесть часов до того, как вы на самом деле туда поднялись³⁰. Предыдущим вечером Скотт велел Нгиме передать мне, что очередной сеанс связи состоится на следующий день в восемь утра. Я попыталась в это время связаться со Скоттом, но ничего не вышло. Это меня несколько не удивило, ведь он уже был на маршруте. Затем в восемь утра я получила повторное сообщение о том, что все альпинисты поднялись на Южную вершину. Потом информация поступать перестала, а я была вынуждена время от времени заглядывать в лагерь Холла, чтобы разузнать что-нибудь у них. Я там была

³⁰ По словам Нила Бейдлмана, он поднялся на Южную вершину в 9:58.

с половины второго дня до половины третьего, и где-то в два двадцать с ними связался Роб Холл. Он сказал, что на вершину взойшли все, кроме Дуга, который вот-вот должен тоже туда подняться³¹. В полтретьего я вернулась к себе. Нгима сказал мне, что разговаривал с Лопсангом и что все наши участники взойшли на Эверест. Около трех часов дня я кратко переговорила со Скоттом. Он подтвердил, что все покорили вершину. Я его поздравила «Боже, как я устал», — сказал Скотт. «Немедленно вниз», — ответила я ему³². Потом рацию снова взял Лопсанг. Мы с ним назначили следующий сеанс связи на шесть вечера. В полпятого к нам пришли люди из лагеря Холла и сказали: «Нам нужно отправить кислород на гору. Кто-то из ваших клиентов лежит без сил на ступени Хиллари. С ним сейчас Роб Холл». Они сделали такой вывод из слов Холла «я с этим парнем» и «он без сил на ступени Хиллари». Мы пытались, насколько это было в наших силах, доставить кислород наверх. В том числе вызывали по рации Пембу и просили его связаться с Лопсангом или с кем-нибудь из участников восхождения. Я спросила Пембу, не мог ли он сам выйти наверх. Пемба, сославшись на плохую погоду, сказал, что идти не хочет. В 17:45 мы узнали, что Лопсанг и Скотт находились чуть ниже Южной вершины. У них кончился кислород, и сам Скотт был очень плох³³. Никаких подробностей не было. Я потребовала от Нгимы подробностей. Узнав о сложившейся ситуации, я сразу стала думать, что делать дальше. Мне как врачу нужно было переговорить со Скоттом, дать ему совет. Я хотела передать сообщение через шерпов с рациями, но ничего не получилось. Мы без конца пытались связаться с теми, кто был на горе, через Гяльцена, Пембу. Так прошло пять часов. Все это время я прекрасно понимала, что Скотт наверху теряет последние силы. Ума не приложу, почему с Пембой так сложно было связаться. Он знал, что Скотт Фишер и Роб Холл находились в критической ситуации, но не смог им передать никакой информации. Только в 22:46 к нам поступило сообщение от Пембы о том, что вся группа в составе Лопсанга, Скотта, Макалу, трех шерпов из тайваньской и одного из новозеландской экспедиции находятся уже около Южной седловины. «Мы светим Лопсангу из лагеря и видим свет его фонаря, — сказал Пемба. — Чтобы помочь им сориентироваться, мы гремим пустыми баллонами». К тому времени от людей из лагеря Роба Холла я знала, что всю гору заволокло снеж-

³¹ Впоследствии выяснилось, что Дуг не взойшел на вершину и к четырем часам дня.

³² Этот сеанс связи состоялся в 15:45 (см. главу 17). В связи с тем, что с вершины Скотт говорил по черной рации Лопсанга, а сам до этого на связь не выходил, высказывалось предположение, что его рация вышла из строя.

³³ Лопсанг сказал (см. далее), что кислород у Фишера не закончился, так как он взял третий баллон на Южной вершине. Но по неизвестным причинам Скотт не смог или не захотел им воспользоваться.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

ной пеленой, и не понимала, как Лопсанг мог сигналить фонариком. Но все же... Это давало надежду.

Сэнди: Вы сигналили налобными фонарями?

Лопсанг: Фонарями?... [неразборчиво]... Мы не видели, куда идти.

Анатолий: При таком ветре это невозможно.

Лопсанг: Ветер, да, и снег, все обледенело. Там нужен был кислород и свет, но мы не могли...

Ингрид: Ты видел, как Пемба сигналил?

Анатолий: Из лагеря Роба Холла светили очень мощным фонарем. Но разглядеть свет налобного фонаря было невозможно. Вокруг белая, как молоко, пелена и сильный ветер. Я пытался подняться выше по склону, но не сумел.

Ингрид: То есть...

Лин: К тому же с фонарем могли идти другие: на горе в то время находилось человек двадцать.

Ингрид: Конечно, поэтому я и удивилась, когда мне сказали, что фонари Скотта и Лопсанга видны из лагеря. Это было около часа ночи...

Лопсанг: [Неразборчиво]... Я включил рацию... [неразборчиво]... Анатолий уже шел с кислородом и чаем вверх... [неразборчиво]... ждал.

Ингрид: Ты ждал?

Лопсанг: Да

Ингрид: Понятно.

Лопсанг: Мы ждали, но никто так и не пришел. Скотт не шел сам... [неразборчиво]... Скотт сказал: «Мне нужен вертолет. Мне уже не спуститься самому, нужен вертолет»... [неразборчиво]... Я ему говорил: «Пожалуйста, ну давай

потихоньку пойдём в четвёртый лагерь. У меня веревка, я помогу. Ты будешь жить». А он отвечал: «Нет, я не могу. Нужен вертолёт»... [неразборчиво]

Сэнди: Лопсанг, в каком именно месте вы со Скоттом остановились?

Лопсанг: Знаешь, там, где этот подъём... [неразборчиво]... на сто метров выше.

Сэнди: И ты спускался вместе со Скоттом с самой...

Лопсанг: Да, у меня было очень много веревки. Много веревки для спуска.

Сэнди: Ты шел вместе со Скоттом с самой вершины?

Лопсанг: [Неразборчиво]... с вершины я пропустил Скотта вперед.

Сэнди: И ты связался одной веревкой со Скоттом, потому что он плохо себя чувствовал?

Лопсанг: После последнего привала., [неразборчиво]... у меня было много, много веревки. Он не шел, поэтому... [неразборчиво]... как на лыжах.

Клев: Он собирался глиссировать?

Лопсанг: Да, и по другому пути.

Лин: По неправильному пути ³⁴.

Лопсанг: Там часто спускаются. Так проще.

Сэнди: Он в шутку сказал: «Я поеду, как на лыжах»?

Лопсанг: Да Он так и сделал. Он подумал, что так ему будет проще... [неразборчиво]

³⁴ На высоте около 8 650 метров Фишер подошел к перилам. Спуск по ним требовал определенных усилий. Уставший Фишер не мог с этим справиться без помощи Лопсанга, а тому пришлось задержаться у вершины. Поэтому Скотт предпочел спуститься глиссером по снежному склону. Склон заканчивался в ста метрах сбоку от основного маршрута.

Клев: Тим, ты видел, как Скотт спускался глассером. Где это было?

Тим: Это было... у Южной вершины.

Лопсанг: Да, да, у Южной вершины.

Тим: Это у самого верха первых перил, над юго-восточным гребнем, там, где начинаются скалы.

Лопсанг: Он спускался, а я подстраховывал его веревкой. Мы шли долго, я шел с веревкой восемь часов....

Сэнди: Он шутил? Ему все это казалось смешным?

Лопсанг: Он сказал: «Передай ей, что я болен, я... [неразборчиво]... болен». [Неразборчиво]... еще не все кончено. [Неразборчиво]... и я счистил лед, снял перчатки и стал согревать его, но...

Ингрид: После того, как у него закончился кислород, он выбросил свой баллон?

Лопсанг: [Неразборчиво]... около пятидесяти фунтов, такое давление. Кислород еще оставался, но он им не пользовался.

Сэнди: Он отключил кислород?

Лопсанг: Нет. Скотт сказал мне: «Лопсанг, со мной все кончено. Лучше я спрыгну прямо во второй лагерь, закрепи здесь веревку».

Клев: Когда ты связался с ним одной веревкой?

Лопсанг: На последнем привале.

Клев: Где, где?

Нил: На юго-восточном гребне.

Клев: На гребне?

Лопсанг: Да Там часто спускаются, и он хотел... [неразборчиво]... глиссером.

Сэнди: Он смеялся при этом? Его это забавляло?

Лопсанг: Не смеялся.

Сэнди: Точно?

Лопсанг: Он не смеялся.

Сэнди: Почему ты решил, "что он болен?"

Лопсанг (изображая стоны и речь Фишера): «Как мне плохо».

Сэнди: Значит, с головой у него все было в порядке.

Лопсанг: Тогда я проверил давление в баллонах...

Клев: Давление было пять фунтов, но он снял маску?

Лопсанг: Да, Скотт не пользовался кислородом.

Клев: Он отказался от кислорода.

Лопсанг: Я поднялся на вершину, дал ему чай, сок. «Спускайся, пожалуйста, ты не очень здоров. Я пойду последним, потому что... [неразборчиво]». Метров десять веревки... [неразборчиво]... мой ледоруб, Все спустились, а Роб и Дуг взойшли на вершину. Потом я смог забрать ледоруб и быстро пошел вниз. Гид из команды Роба сказал мне³⁵: «Лопсанг, я тебе дам пятьсот долларов. Отнеси, пожалуйста, кислород на ступень Хиллари». «Извини, — сказал я ему, — наш командир Скотт Фишер болен, и мне надо идти с ним. Я не могу вернуться. Я не могу его бросить». На спуске Скотт стал глиссировать по неправильному пути. Все шли по другому пути, а он съехал сбоку. Когда я прошел, то освободил веревку... [неразборчиво]... Роб прошел вниз. А потом... [неразборчиво]... «Лоп-

³⁵ Энди Харрис, гид «Консультантов по приключениям», предложил Лопсангу пятьсот долларов за то, чтобы он поднялся на ступень Хиллари и отнес кислород находившимся там Робу Холлу и Дугу Хансену.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

санг, мне не нужна веревка. Не могу больше идти, я спрыгну», — сказал Скотт. «Я очень плох, я лучше спрыгну, Лопсанг». [Здесь Лопсанг воспроизводит стоны Скотта]. Я ему отвечал: «Не волнуйся, я с тобой. У меня много веревки, все будет в порядке. Я буду ее закреплять, когда нужно, и мы потихоньку дойдем до четвертого лагеря». Две минуты шли, одну отдыхали. Пятнадцать шли, десять отдыхали. Мы все спускались и спускались... У меня было две батарейки, мы не видели... [неразборчиво]... «ты подожди, а я спущусь»... [неразборчиво]... Скотт сказал: «Мне отсюда не выбраться»... [неразборчиво]... «Пойдем в четвертый лагерь, ну, пожалуйста. Всего двадцать минут». — «Нет, час... или больше». «Десять, двадцать минут, — убеждал я его. «Нет, я не могу, — сказал Скотт, — мне нужен вертолет». Уже стемнело, ветер, пурга, ничего не видно. Наш путь... наш маршрут уже не было видно. Ничего не видно. «Хорошо, останься здесь. Я выкопаю тебе пещеру в снегу, только дождись. Я пришлю шерпов с чаем и кислородом». [Лопсанг подражает срывающемуся голосу Фишера] «Иди, иди вниз. Вниз, только вниз». Я был с ним час и... [неразборчиво]...несмотря на все... [Лопсанг пытается воспроизвести дрожь в голосе Фишера]. Он мне сказал: «Вниз. Вниз иди». Я очень замерз от всего этого, я... [неразборчиво]... «Хорошо, Скотт, только никуда не уходи. Жди меня здесь, я пришлю шерпов и Анатолия. Они принесут чай и кислород». Утром я послал к нему шерпов, они принесли чай, кислород, горячий бульон, но было уже поздно. Что я мог сделать? Я дал... [неразборчиво]... только для Макалу и Скотта... [неразборчиво]... но Макалу выжил, а Скотт — нет.

Сэнди: Когда к вам присоединился Макалу³⁶?

Лопсанг: Макалу и двое его шерпов, я...

Сэнди: Когда Макалу подошел к вам?

Лопсанг: Макалу нас увидел уже после, после того...

Сэнди: Он заметил вас после того, как ты... [неразборчиво]... снежную пещеру?

Лопсанг: Да, после. Я все шел и шел вниз вместе со Скоттом, а потом подошел Макалу... [неразборчиво]

³⁶ Мин Хо Гау «Макалу» был руководителем национальной сборной Тайваня, которая уже заплатила за ту злосчастную попытку восхождения жизнью своего участника Чень Ю Яна.

Клев: Сам Макалу?

Лопсанг: Да, он и двое шерпов.

Клев: С ним были двое шерпов?

Лопсанг: С ним были двое шерпов. Когда он не смог идти, они ушли... [неразборчиво]... я остался с ними.

Лин: Макалу и Скотт были вместе в твоей пещере?

Лопсанг: Да. Когда Макалу пришел, он сразу весь сник. [Неразборчиво]... так что мне пришлось только со Скоттом... [неразборчиво]. А потом Макалу... [неразборчиво], я им сказал: «Подождите здесь... [неразборчиво]. Я пришлю шерпов, пришлю Анатолия. Я пришлю кислород и чай». Утром я послал шерпов с кислородом, чаем...

Лин: Да, да

Лопсанг: Но Макалу выжил, а Скотт умер. Что я мог сделать? Я... [неразборчиво]. Он так там и остался. Я ему сказал: «Никуда не уходи. Не волнуйся, я пришлю сильных шерпов. Своего отца и Таши Шерпу». Но Макалу... [неразборчиво], а у Скотта куртка была расстегнута, он был без перчатки. Потом двое шерпов включили кислород на полную, на три часа, но... [неразборчиво], ничего не помогло. Он умер. Что еще? Мы пытались. Ужасная погода.

Анатолий: Да, очень, очень плохая погода.

Лопсанг: В этот день... [неразборчиво]... много людей погибло... [неразборчиво].

Клев: Ты или Анатолий выходили на связь той ночью?

Анатолий: У меня не было рации. Думаю, что Пемба и...

Лопсанг: Да, у него не было. Я слушал, когда...

Ингрид: Но ты ведь общался с Пембой, у которого была рация?

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Лопсанг: Я слышал, когда они передавали, что Анатолий с тремя баллонами и чаем уже вышел наверх. Пемба из базового лагеря³⁷ связывался со вторым лагерем, а я слушал. У меня была., [неразборчиво]... новая рация, но эта., [неразборчиво]... не соединяла³⁸.

Лин: Ты мог поменять батарейки.

Лопсанг: Мог поменять... Но она не соединяла.

Ингрид: Следующий сеанс связи состоялся в час ночи одиннадцатого мая. По-моему, я уже рассказывала, что тогда Гяльцен передал Нгима сообщение от Лопсанга, добавив, что тот плох и кашляет. В 1:35 Нгима опять говорил с Гяльценем, который сказал, что в четвертый лагерь вернулись четверо. Среди них была Лин. Имена остальных Нгима обещал сообщить позже...

[ПРОПУСК В ЗАПИСИ]

Ингрид: ...В три часа ночи из четвертого лагеря Стюарт³⁹ сообщил, что нашел двух наших участников. По его словам, это были Анатолий и Лопсанг, которых он и проводил в наш лагерь. В пять утра у новозеландцев состоялся сеанс связи с Робом Холлом, который был на Южной вершине.

Сэнди: Надо все же вернуться назад и сказать, что в три часа Анатолий и Лопсанг никак не могли быть в лагере. Мы точно знаем, что тогда они были в других местах.

Ингрид: Конечно. Потом вплоть до 7:15 мы пытались связаться по рации с четвертым лагерем. На тот момент мы уже уговорили участников южно-африканской экспедиции подняться к вам и принести свой передатчик или хотя

³⁷ Четвертого высотного лагеря.

³⁸ Лопсанг, видимо, имел в виду, что его черная рация (с помощью которой он поддерживал связь с остальными шерпами «Горного безумия») иногда давала сбои и работала только на прием. Во время одного из таких сеансов он и услышал сообщение Пембы Гяльцену (из четвертого лагеря во второй) о том, что Анатолий вышел на гору с тремя баллонами кислорода и термосом.

³⁹ Стюарт Хатчисон, клиент экспедиции «Консультанты по приключениям».

бы просто посмотреть, что происходит. Ян Вудал⁴⁰ попытался к вам пробиться, но ему пришлось вернуться. Мы обошли базовые лагеря других экспедиций, чтобы отыскать каких-нибудь альпинистов или шерпов, которые могли бы как можно более точно описать местонахождение вашего лагеря. Всю имевшуюся информацию мы переправили южно-африканской экспедиции. Они собирались вновь отправить одного из своих альпинистов в четвертый лагерь «Горного безумия». Вскоре из четвертого лагеря во второй, а потом и нам передали, что вернулись все, кроме Скотта

Сэнди: Это было в пять утра?

Ингрид: Нет, в восемь. В восемь часов мы получили сообщение от Гяльцена. В 9:20 в лагере Роба Холла мы узнали, что двое шерпов вышли на поиски Макалу. В 9:50 нам сказали, что трое шерпов из новозеландской экспедиции вышли на помощь к Робу Холлу. В это время Брюс Хирод⁴¹ из южно-африканской экспедиции и Нил⁴² из новозеландской экспедиции ходили по четвертому лагерю, пытаясь оценить потери личного состава. Остальные известия касались, в основном, спуска и особого интереса для нас сейчас не представляют.

Тим: Лопсанг, когда ты пришел в четвертый лагерь?

Лопсанг: Не знаю, но мне сказали, что около трех ночи.

Сэнди: Ты думаешь, что пришел в четвертый лагерь в три часа?

Лопсанг: Да, так сказали... [неразборчиво].

⁴⁰ Ян Вудал был руководителем экспедиции газеты «Санди Тайме» из Йоханнесбурга (ЮАР).

⁴¹ Брюс Хирод был фотографом и заместителем руководителя экспедиции газеты «Санди Таймс». 25-го мая он вышел на восхождение и в 5:15 сообщил по радиации, что взойшел на вершину Эвереста. Это было последнее известие о нем. В четвертый лагерь он так никогда и не вернулся. Почти год потребовался на то, чтобы его участь прояснилась. 27-го апреля 1997-го года Букреев вел национальную экспедицию Индонезии на Эверест. У основания ступени Хиллари он нашел мертвого Брюса Хирода, запутавшегося в перильных веревках.

⁴² В экспедиции «Консультантов по приключениям» из Новой Зеландии не было участника по имени Нил или Нейл. Вероятно, Ингрид Хант имеет в виду Нейла Лафтона из «Гималайских гидов» — шотландской коммерческой экспедиции, возглавляемой Генри Тоддом. Участница этой экспедиции, Бриджит Муар, вечером 10-го мая вместе с Лафтоном была на Южной седловине. Она рассказывала, что Лафтону вызвал по радиосвязи Генри Тодд и попросил пере считать выживших «по головам». (См. Brigitte Muir, «The Wind in My Hair»).

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Лин: Я помню, как к нам пришел Лопсанг. По-моему, ты принес горячее питье.

Лопсанг: Нет.

Лин: Нет?

Лопсанг: Нет.

Лин: Ты зашел и стал...

Лопсанг: Я пришел... [неразборчиво]... в вашу палатку...

Лин: Точно, ты еще сказал мне, что Скотт остался в первом лагере, на юго-восточном гребне.

Лопсанг: Да

Лин: И было, я думаю, как раз около трех.

Лопсанг: Я стал просить Анатолия: «Пожалуйста, иди наверх. Скотт просил тебя подняться к нему⁴³».

Лин: Да

Лопсанг: Ты видела меня? У меня все лицо обледенело.

Лин: Я видела тебя, Лопсанг. Я все помню.

Тим: Итак, когда ты пришел в четвертый лагерь, Анатолия там не было? Он тогда искал нас?

Анатолий: Что?

Тим: Когда Лопсанг вернулся в четвертый лагерь, ты уже отправился нас искать?

⁴³ В течение нескольких часов Лопсанг пытался помочь Фишеру спуститься с горы. Вернувшись, он хотел отправить к Фишеру Букреева. Но Анатолий был занят спасением клиентов. Он объяснил Лопсангу, как обстоят дела и попросил отправить наверх шерпов.

Анатолий: Да.

Сэнди: Как ты узнал, что мы потерялись?

Анатолий: Что?

Сэнди: Как ты узнал, что мы потерялись? Только из того, что мы еще не вернулись?

Анатолий: Как я вас нашел?

Сэнди: Нет, почему ты вообще решил, что нас надо искать? Тебе кто-нибудь об этом сказал?

Анатолий: Никто не сказал. Никакой информации не поступало. Я уже рассказывал, что между шестью и десятью вечера я пытался подняться по склону. Конечно, я понимаю, это была глупая затея — видимость нулевая, за просто можно было провалиться в трещину или сбиться с пути и выйти на стену Кангшунг. Назад мне пришлось идти на кислороде. Потом в десять — пол-одиннадцатого вечера пришел Мартин. Я был ему очень рад и стал расспрашивать об остальных. Мартин ничего не знал. Я опять вышел наверх. Это было ошибкой, гораздо лучше было переждать и попытаться разглядеть во тьме свет фонариков. Так я потом и сделал. Я собрался, надел ботинки, кошки, приготовил три баллона кислорода и стал ждать. В час ночи пришел Нил с участниками, с Клевом и Лин. Они мне сказали: «Сэнди, Тим и Шарлотта остались там. Толя, им нужна помощь. Для тебя до них минут пятнадцать ходу». Но идти пришлось гораздо дольше. В свой первый выход на седловину я их не нашел. Я был совсем рядом, буквально в тридцати метрах, но ничего не было видно. Вокруг была снежная буря, все заволокло снегом, и стало очень холодно. Я пытался их отыскать и хотел подняться выше. Клев сказал мне: «Кошки не понадобятся», вот я их и не взял. Но без них я не мог подняться. Тогда я решил вернуться и уточнить у Клева еще раз, не ошибся ли он. Обрато я шел, полагаясь на интуицию, видимости вообще никакой не было. Насчет времени точно не скажу, но в лагерь я пришел между двумя и тремя часами ночи. Я стал выпрашивать, как найти на седловине оставшихся участников. Мне сказали: «Толя, иди по ровному месту, только по ровному. Наверх не надо. Там, ближе к китайской стороне, ты их увидишь». Я уже немного устал. Я не спал и не отдыхал с момента выхода на восхождение. Мне были нужны помощники. Я опять

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

пошел к шерпам. Пемба дал мне немного чая. Я поговорил с Лопсангом. «Нам надо им помочь, им сейчас очень плохо, — сказал я ему. — Прошло уже больше пятнадцати часов, все три баллона у них закончились. Без кислорода они не смогут двигаться, не смогут бороться за жизнь. Это очень опасно». Для меня это было очевидно. Я зашел в «Гималайский отель»⁴⁴ и поговорил с шерпами. Я отлично понимал, что шерпы очень устали после восхождения, но я также знал, что только четверо или пятеро из них взошли на вершину⁴⁵. Я пытался найти среди них кого-нибудь со свежими силами, чтобы он помог мне тащить людей. Делать это одному было бы слишком трудно, даже если участники находились где-то рядом. Зайдя внутрь, я увидел, что шерпы спали и спали с кислородом. У них не осталось сил, потому что все это очень тяжело; и мне тяжело, и шерпам. Все это понятно. Приходилось рисковать жизнью. Шерпы за это не отвечают. За это отвечают гиды. Но я видел Нила: он уже ничего не мог. Он и так сделал слишком много. Только благодаря тому, что он добрался до лагеря, я сумел найти остальных. Это очень важно, и это сделал Нил. Иначе бы я никого не нашел. Нил вернулся совсем окоченевший от холода, без сил, и сразу стал дышать кислородом. Он очень много времени провел на горе. Мне тоже было нелегко. У меня большой высотный опыт, но пятнадцать, а потом и двадцать четыре часа без отдыха — это слишком. К трем часам ночи прошли уже сутки, как мы не отдыхали. На такой высоте это уже на грани жизни и смерти. Я понимал, что шерпы не смогут выйти наверх.

Сэнди: Да, так.

Анатолий: «Найди хоть кого-нибудь», — сказал я Пембе. «Попробую», — ответил он. Я тоже стал всех упрашивать⁴⁶.

Сэнди: Сам Пемба отказался?

Анатолий: Он ничего не ответил. По-моему, я его спросил, а он промолчал в ответ. Я спросил Лопсанга, надеясь на его силу, но он мне сказал, что ему плохо. «Иди к Скотту, иди наверх», — вот все, что он отвечал. Конечно, я понимал,

⁴⁴ Палатка, в которой жили шерпы.

⁴⁵ На тот момент Букреев уже знал, что часть шерпов «Горного безумия» повернула обратно, не дойдя до вершины. Анатолий надеялся, что у них осталось больше сил, чем у остальных.

⁴⁶ После разговора с шерпами «Горного безумия» Букреев отправился к палаткам «Консултантов по приключениям» и тайваньской национальной экспедиции. Никто не откликнулся на его призыв выйти на помощь к участникам.

что Скотту нужна была помощь, но я полагался на его выносливость. Существует много случаев, когда люди переносили холодную ночевку и у самой вершины Эвереста. Я помнил об этом. Мне казалось, что клиенты больше нуждались в помощи, чем Скотт. Так подсказывал мой опыт, и я сказал об этом Лопсангу. Надо было, чтобы кто-нибудь пошел со мной к нашим клиентам. За их жизнь я боялся больше всего. Кто-то, по-моему, Лин, сказала мне, что Сэнди чуть жива, что она умирает. А еще надо было идти наверх к Скотту, на это тоже нужны были силы. Если бы с нами были такие сильные шерпы, как в прошлой экспедиции, например, Лхакпа [Лхакпа Гяльген] из «Гималайских гидов», то было бы с кем идти наверх. Но теперь... Когда становится опасно, шерпов наверх не затащить. Это точно. Обычное дело для Гималаев. Такую работу должны делать гиды. Я принял решение идти к клиентам в одиночку⁴⁷. В свой второй выход я снова взял термос, кислород... Не только кислород: я не знал, остались ли у вас еще маски, шланги, поэтому хотел взять полный комплект. На это тоже ушло время. Но я очень спешил. Я спросил Лопсанга, нашел маску и все прочее, взял полный баллон и пошел наверх. Я снова попытался позвать с собой кого-нибудь из соседних лагерей, из экспедиции Холла, кого-нибудь из шерпов. Бесполезно. Я пошел по тому же пути, что в прошлый раз, и потом увидел свет. Это был фонарь Тима. Потом я услышал их голоса: похоже, они заметили мой фонарь. Тим чувствовал себя гораздо лучше, чем Шарлотта и ты⁴⁸. Там было четверо участников: с вами была еще та японка⁴⁹. Когда я вас увидел, было... Было, наверное, около половины четвертого. А может, и три часа, не знаю. Время меня тогда уже мало интересовало. Я оставил вам кислород, забрал Шарлотту и повел ее к лагерю. В лагере я помог ей забраться в палатку, а там уж о ней позаботился Нил. Он дал ей кислород, помог согреться. Пемба приготовил чай. На это требовалось время. Снаружи бушевал ураган, ничего не было видно. Я оценил ситуацию. Тим сказал мне, что та японка была из экспедиции Роба Холла. Я пошел искать кого-нибудь из шерпов Роба и встретил Лхакпу [Лхакпу Шхири]. Я ему объяснил, что надо помочь японской девушке. «Сможешь?» — спросил я Лхакпу. Всего час времени; дать кислород, чай, и она будет спасена. Сам я ее не знал, она была из соседнего лагеря. Но уверен, что

⁴⁷ Букреев оказался перед мучительным выбором: наверху в беду попал Скотт, а рядом, на Южной седловине, замерзали клиенты. Анатолий, посчитав, что Скотт, будучи опытным альпинистом, сумеет лучше справиться с ситуацией, первым делом занялся клиентами.

⁴⁸ Букреев обращается к Сэнди Питтман.

⁴⁹ Из рассказа Букреева можно заключить, что во время его прорыва к замерзающим на Южной седловине клиентам он застал там только четверых участников: Сэнди Хилл Питтман, Шарлотту Фокс, Тима Мадсена и Ясуко Намбу. Букреев слышал, что среди них должен быть еще один человек, Бек Уитерз (клиент экспедиции Роба Холла), но его Анатолий там не встретил.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

все из экспедиции Холла знали, что с ней случилось. Я попробовал отыскать шерпов из «Горного безумия» или тайваньской экспедиции, опять просил Лопсанга помочь мне. Никто не согласился. Я взял чай, кислород и снова пошел один. Баллон я отдал Тиму. Потом я нашел тебя, и мы пошли к лагерю. У Тима еще оставались силы, и он мог идти сам. Было около пяти часов, возможно, десять минут шестого, начинало светать. Между четырьмя и пятью часами утра ветер стих и немного развиднелось. В лагере я передал тебя Нилу. Я снова разговаривал с шерпами, с Пембой. Пемба не спал. Он много работал ночью, но только в лагере. Пемба боялся за свою жизнь. Его можно понять. «Пемба, — сказал я ему, — у меня больше нет сил. Я не могу идти ни с кислородом, ни без него. Я не спал две ночи и больше вообще ничего не могу. Сейчас пять часов; пошли двух шерпов к Скотту. Пусть они отнесут ему кислород. Пемба, ну попроси кого-нибудь!» А он... Он просто промолчал. Наверное, он понимал, что никто не пойдет. Это очень тяжело — идти наверх, особенно после восхождения на Эверест. Потом, потом мне надо было согреться, и я пошел к Лин. [Участники смеются, Анатолий после некоторой паузы тоже]. Не к Лин, а в нашу палатку, где уже спала Лин. Да, перед этим мне еще Пемба дал чая. Я проспал два часа, а потом спросил Пембу: «Кто понес кислород Скотту?» «Никто», — ответил мне Пемба. Наконец около девяти или десяти часов утра кто-то вышел с кислородом наверх. По-моему, Лопсанг, это были твой отец и Таши Шерпа. Но я...

Лопсанг: [Неразборчиво].

Анатолий: Лопсанг, это было невозможно. Тридцать пять часов без отдыха; у меня никаких сил не осталось.

Лопсанг: Но я всю ночь был со Скоттом, а потом еще спуск в четвертый лагерь.

Анатолий: Понимаю.

Лопсанг: Я думал, что все участники уже в четвертом лагере, я не знал...

Анатолий: Но я же тебе ясно сказал...

Лопсанг: Я плохо соображал, я был не в себе от всего этого. Мой друг Скотт остался там. Он сказал мне: «Отправь Анатолия наверх». Тогда я спустился на

седловину. Мне казалось, что все наши уже в лагере, а только Скотт еще не вернулся. Но когда я пришел, я... [неразборчиво]... и только утром Пемба рассказал мне про участников. Он говорил ночью об Анатолии, делал ему чай. Я думал: «Анатолий сильный, с кислородом он сможет подняться туда». Утром я спросил другого шерпа «Анатолий вышел наверх?» «Нет», — сказали мне, и тогда я отправил туда двух сильных шерпов. Я дал каждому по десять тысяч рупий, лишь бы они спустили Скотта вниз. Это были сильные шерпы. Но было уже поздно.

Клев: У меня вопрос к Нилу. Как было сказано, Скотт велел Анатолию идти вниз, сделать чай и приготовиться к выходу. Давал ли он тебе какие-то инструкции?

Нил: Нет. Когда мы встретились на тропе, я просто сказал: «Привет, как дела?» Похлопал его по плечу. Честно говоря, все мое внимание было сконцентрировано на спуске: надо было организовать всех участников, проследить за ними. Приходилось кричать на Шарлотту, объяснять Лин, что пора кончать фотографировать и немедленно начинать спускаться. Сэнди тоже пыталась заставить их идти за мной. Так что я больше смотрел назад, на наших участников, чем на Скотта. Ему уже совсем чуть-чуть оставалось до вершины. Мы с ним много вместе ходили по горам и отлично понимали друг друга. Достаточно просто обменяться взглядами, чтобы понять, как идут дела. Скотту нужно было залезть на вершину и быстрее валить оттуда вниз. Я считал, что он нагонит нас на спуске. Никакого беспокойства за него я тогда не испытывал.

Сэнди: Нил, расскажи нам немного о спуске. Ты же вел нас четверых.

Нил: Хорошо, вот как мне все это запомнилось. С вершины мы вышли в состоянии легкой эйфории, которая продолжалась, пока не закончился первый снежный участок. Конечно, все были очень рады покорению Эвереста. Навстречу нам поднимались другие люди, готовые отпраздновать свою победу, и, мне кажется, не все осознавали серьезность положения. Но я... Я очень нервничал и беспокоился. Мне хотелось спуститься вниз гораздо раньше, еще с Мартином и Клевом. Но только я собирался идти вниз, как на горизонте появился еще кто-то, еще одна группа, идущая к вершине. Среди них были и наши клиенты. Меня это сильно удивляло. Я-то думал, что они давно уже повернули в лагерь, либо по своей воле, либо по приказу руководителей. Мне казалось, что я не могу покидать вершину, не дождавшись их всех. Они были так

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

близко. Я знал, что Анатолий ушел вниз, и никаких вопросов у меня его уход не вызывал. Конечно, было бы здорово, окажись он рядом, но я вовсе не уверен, что его присутствие могло ускорить наш спуск. Я не знал тогда, что Скотт лично дал ему такое указание, но теперь, узнав обо всем, я только поддерживаю такое решение. Это была очень разумная мысль. В противном случае, все то, что сделал Толя, разыскивая нас внизу, было бы невозможным. Когда мы добрались до ступени Хиллари, я шел за Сэнди. Из всей нашей компании она была в худшем состоянии. За мной шли Шарлотта, Тим и Лин. Вниз со ступени свисала целая паутина веревок и обрывков репшнуров. Сэнди никак не могла понять, куда ей пристегиваться, она и ноги-то переставляла с трудом. Сначала мы попробовали отправить ее вниз по перилам на спусковом устройстве, но ветер так переплел все веревки, что мы были вынуждены отказаться от этой идеи. Тогда ей пришлось с нашей помощью «съехать» вниз, держась рукой за перила. Она добралась до конца гребня, и тогда я оглянулся назад. Остальные участники спускались нормально, и я за них не очень беспокоился. На скале у Южной вершины расположился Клев Шенинг. Он проверял кислородные баллоны. Кислорода почему-то осталось сильно меньше положенного. Был только один полный или почти полный баллон. Мы нашли еще несколько полупустых баллонов⁵⁰. Клев, я сейчас рассказываю о том, как мне это запомнилось. У меня тогда кислорода то ли уже не было, то ли он подходил к концу; у других участников тоже. Клев, может, ты подскажешь, как мы тогда распределили баллоны? У меня какие-то смутные воспоминания. Сам я взял один баллон с давлением три или пять фунтов, в моем старом баллоне тоже оставалось то ли пять, то ли три. Полный баллон, насколько я помню, мы дали Лин...

Лин: Да, точно.

Нил: Постепенно подтягивались остальные, а Клев все сидел там. Мимо прошла Шарлотта, потом Тим. Они направлялись к Южной вершине. Я кричал на Сэнди, чтобы она встала, и тогда она тоже пошла дальше. Не помню, когда начал спуск Клев и где он шел: сзади или впереди нас.

⁵⁰ Работая над книгой, Букреев был озадачен тем, как мало баллонов осталось на Южной вершине. Лопсанг четко сказал, сколько полных баллонов с кислородом принесли туда шерпы: ровно десять, не считая того, который нес лично Лопсанг. (Перед самой вершиной он отдал этот баллон Сэнди Питтман.) Даже если учесть, что некоторые, если не все, клиенты «Горного безумия» использовали на подъеме баллон, предназначенный для спуска, там еще должно было остаться по меньшей мере еще три полных. Один из них — третий баллон Нила Бейдлмана, которым он не воспользовался, потому что ему свой запасной баллон отдал Букреев. Еще два составили тот резерв, который был занесен на Южную вершину для Букреева. Куда делся тот кислород, до сих пор не ясно.

Клев: Можно, теперь я? Подходя к Южной вершине со стороны ступени Хиллари, я увидел Джона Кракауэра. Ему было плохо, поэтому я остановился рядом. Помочь ему я никак не мог, у меня для этого ничего не было. Но я решил подождать, пока им не займутся, потому что знал, что один из гидов экспедиции Холла шел спереди, а второй—сзади от него⁵⁰. Когда Нил пришел на Южную вершину, он взглянул на меня и сказал: «Что ты тут расселся? Немедленно вниз». Мне кажется, как раз тогда Бейдлман осознал, насколько опасным становилось наше положение. Возможно, что он уже заметил и надвигающуюся непогоду. Тогда я понял, что земля подо мной горит, и стал торопиться изо всех сил. По-моему, я отправился вниз сразу после появления Бейдлмана. Нил, твои слова прибавили мне решимости.

Сэнди: Пора менять пленку, но я хочу сначала прослушать, как все записалось.

Нил:... Во сколько обошлась ему его экипировка: в сотню или сотню тысяч долларов. Какая разница? Подобные вопросы...

Сэнди: Это пленка номер три, разбор восхождения на Эверест. Запись сделана 15-го мая 1996-го года. Мы прервались, когда Нил описывал наш спуск и...

Лин: Только не надо говорить за других.

Сэнди: ...спуск четверых из нас: Нила, Шарлотты, Тима и меня.

Нил: Лин, я не понял. К чему относится твое замечание?

Лин: Сэнди сказала «наш спуск», а я поправила, чтобы она не говорила за меня.

Сэнди: Я уточнила, что речь идет про четверых: Нила, Шарлотту, Тима и меня. А вы с Клевым шли не совсем с нами. Тем не менее, Нил рассказывал о спуске, и мне бы хотелось, чтобы он договорил до конца, Нил, ты продолжишь?

Нил: Да, конечно. Я просто задумался об одном обстоятельстве, которое

⁵¹ Этими гидами были Энди Харрис и Майк Грум— альпинисты из экспедиции Роба Холла. В итоге из всех покоривших вершину клиентов этой экспедиции выжил один Джон Кракауэр. Дуг Хансен и Ясуко Намба скончались на спуске.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

меня очень расстраивает. Ну, ладно. Не помню, на чем я кончил на прошлой пленке. По-моему, я тогда говорил про Южную вершину. Там все мое внимание было приковано к Сэнди. Ей тогда было труднее всех. Перейдя через Южную вершину, я начал спуск по перилам. Тут я увидел Шарлотту, которая, как-то странно улыбаясь, склонилась над Сэнди. В руке у нее был пустой шприц, которым она размахивала, чтобы привлечь мое внимание... Я спустился к ней. Шарлотта сказала, что только что ввела ⁵² Сэнди дексаметазон, потому что Сэнди стала терять сознание. Где находились тогда остальные участники, сейчас сказать не могу, помню лишь, в каком порядке они начинали свой спуск с Южной вершины, но об этом я уже говорил. Мы стали соображать, как поставить Сэнди на ноги. Потом произошло два события, но не помню, какое из них было первым. Может, кто-нибудь мне подскажет? Первое: я понял, что нам придется постоянно помогать Сэнди. Я встал перед ней и пристегнулся к перилам. Мы находились тогда в том месте, где можно отойти чуть левее и спуститься глиссером. Я взял Сэнди за обвязку и объяснил ей, как мы будем спускаться. Я так делал до этого сто раз, так что никаких проблем не должно было возникнуть. Сначала я подталкивал ее вниз, а сам съезжал по перилам метров на пять, а иногда и на пятнадцать, в зависимости от крутизны склона. Сэнди в это время сидя съезжала по склону. Даже если она теряла контроль, то снег, который она сдвигала ногами, упирался в меня и ее останавливал. Потом можно было начинать все сначала. Второе событие (повторюсь, их порядка я не помню): давление в кислородном баллоне Сэнди сильно упало. Зная, что у Лин был полный баллон, я попросил ее поменяться с Сэнди, чтобы та могла спускаться быстрее. Лин согласилась, и мы заменили баллоны. Опять-таки я не могу вспомнить, когда именно это было: до спуска по перилам или после.

Сэнди: Я не помню.

Тим: Мне кажется, это произошло примерно тогда же, когда Шарлотта сделала Сэнди укол.

Нил: Тогда же?

Тим: Примерно тогда же.

Лин: Да, да Я ведь шла прямо за ними... [неразборчиво].

Позднее Сэнди Питтман объяснила, что это было сделано по ее личной просьбе.

Сэнди: Думаю, что это так, поскольку через пятнадцать минут я ощутила приток сил. У меня словно открылось второе дыхание.

Нил: Мы, или я сам, выставили на новом баллоне Питтман подачу кислорода на уровне трех-трех с половиной литров в минуту. Я хотел, чтобы она как можно быстрее ожила. Применив тот же прием, что и перед этим, мы добрались до конца верхней нитки перил. Там, у их основания, был один из самых сложных участков, который полагалось проходить траверсом. Тогда мне пришлось схватить Сэнди за обвязку и пару раз протащить ее справа по снежному склону. Так мы выбрались на плоское место. Дальше перил не было, но поскольку Сэнди уже пришла в сознание и хорошо себя контролировала, то я убавил ей подачу кислорода до минимума. Так его должно было хватить на весь спуск. Слева от меня прошла Лин. На вид с ней все было в порядке. За нее я тогда не волновался. Она осознавала серьезность положения и старалась идти как можно быстрее. Тим и Шарлотта находились выше меня по склону. Они спускались вместе, и за них я тоже не очень переживал. Одной плотной группой мы аккуратно пересекли открытый участок между двумя нитками перил, двигаясь по направлению к юго-восточной вершине. С юго-восточной вершины Клев и Лин решили отделиться от нас. Они хотели дойти до перил, которые начинались метрах в двадцати от юго-восточной вершины, по немного другому пути. Свежевыпавший снег давал возможность вместо довольно опасного траверса по скалам просто съехать по центру склона

Клев: Прости, здесь я тебя перебыю. Это говорит Клев. Ты рассказываешь про место чуть ниже юго-восточного гребня?

Нил: Да, чуть ниже юго-восточного гребня.

Клев: Спустившись с юго-восточного гребня, мы с Лин оказались, как я полагаю, у тех самых перил, по которым проходил наш подъем в начале.

Лин: Да.

Клев: Это точно, Лин?

Лин: Да, конечно. Поэтому Нил так и говорит. Вместо того чтобы траверсировать скалы, мы съехали по снегу справа. Он был мягкий, и мы легко оставались.

Клев: Да, правильно.

Нил: На спуске, где-то после первой нитки перил, у меня закончился кислород. Пройдя совсем немного, я стал спотыкаться на каждом шагу. Тогда я попросил шерпа Таши переключить в моем рюкзаке шланг от старого баллона к тому, который я подобрал на седловине. Не знаю, вытащил он пустой баллон или я так и шел дальше с двумя баллонами. Я попросил его выставить самую малую подачу кислорода, пол-литра в минуту. Потом я отправился дальше. На юго-восточной вершине мы собрались вместе, за исключением Клева и Лин, которые ушли перед самым моим приходом. Тим и Шарлотта выглядели неплохо. Помню, как Шарлотта приводила себя в порядок. Она открыла рюкзак, достала то ли налобный фонарь, то ли что-то поесть. Деталей не помню, но и Тим, и Шарлотта чувствовали себя явно неплохо. Сэнди тоже было гораздо лучше, но шла она медленно.

Клев: Сколько было времени? Хотя бы примерно? Мне очень интересно, когда...

Сэнди: Уже темнело.

Нил: Да, в это время я уже...

Тим: Шесть часов вечера.

Лин: Клев, я помню, что мы оттуда ушли в шесть. Да, в шесть часов мы пошли вниз.

Нил: Я не смотрел на часы. Мне кажется, что в долинах внизу было уже темно, а у нас свет оставался только из-за большой высоты, из-за отблесков солнца на вершинах. Шел снег, но ветер был еще не слишком сильным. Можно было разглядеть... Иногда сквозь снег и туман я видел мерцание огней в нашем базовом лагере. Я знал, что мы близко и что у нас оставалось время в запасе. Меня очень тревожил дальнейший спуск, но я был рад, что мы уже преодолели самый опасный и незащищенный участок ниже Южной вершины. Потом, на следующих перилах, мы спускались точно так же. Я съехал сидя, потом следом за мной и остальные. Все шло хорошо. Помню, что где-то вдалеке в одной связке шли двое. Как потом выяснилось, это были...

Сэнди: Бек Уитерз.

Нил: Бек Уитерз шел первым, а за ним Майк⁵³, не помню фамилии, гид из экспедиции Роба Холла. Они шли очень медленно, но, узнав Майка по его куртке, я счел, что с ним все в порядке. Он контролировал ситуацию. От нижнего конца вторых перил спуск несколько сотен метров проходит по весьма сложному сланцевому склону, который тогда был покрыт снегом. В принципе, можно было отыскать тропу, но мы пошли по следам впереди идущих. Иногда кто-то из наших отставал, и мне несколько раз приходилось останавливаться, чтобы их подождать. Клев и Лин шли впереди. Я мог различить их силуэты, две маленькие движущиеся фигурки. Сейчас я не вспомню, какое расстояние нас тогда разделяло. Наконец мы добрались до скальных полок, по которым прошли к последним перилам. Я пристегнулся к ним и немного подождал, наблюдая за приближающимися Тимом, Шарлоттой и Сэнди. Заметив, что они шли хорошо, я стал спускаться по перилам. Не пройдя и трети, я наткнулся на какого-то человека. Он сидел, пристегнувшись к спусковой веревке. Голова его была безвольно опущена. Он то ли вообще не шевелился, то ли двигался, но очень медленно. На склоне помимо нас были еще люди, так что это мог оказаться Бек Уитерз или Майк, гид «Консультантов по приключениям». А возможно, это были Лин или Клев. Обойдя неподвижную фигуру, я принял ее за Лин и стал кричать на нее, чтобы заставить подняться, но она не шевелилась. Тогда, чтобы добиться ответа, я приподнял ее кислородную маску и понял, что это была не Лин Гаммельгард, а японка⁵⁴ из экспедиции Роба Холла. Она вообще не двигалась, скорее всего, из-за недостатка кислорода. Я принялся объяснять ей, как надо быстро спускаться по перилам. Вскоре мне стало ясно, что она то ли плохо понимает по-английски, то ли уже не в состоянии соображать. Тогда я схватил ее за обвязку и стал спускаться вместе с ней то стоя, то скатываясь вниз в зависимости от рельефа. Несколько раз она упиралась в меня ногами, и кошки, раздирая пуховку, царапали мне спину. По-моему, она все же понимала, что происходит, но была не в состоянии хоть как-то помочь. Вскоре нас догнали Тим и Шарлотта. Теперь мы спускались большой группой. Возможно, с нами еще шли двое шерпов, — не помню, кто именно. Тим предложил мне свою помощь, я запомнил его голос.

Путь до конца перил дался нам с трудом. Несколько раз мы проваливались в трещины, пересекавшие маршрут спуска. Переpravлять через них японку оказалось делом нелегким. Она, похоже, была напугана Тимом несколько раз

⁵³ Майк Грум.

⁵⁴ Ясуко Намба.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

помогал мне поднять ее, перебросить, подтолкнуть, перетащить через эти трещины. Когда мы спустились к концу перил, погода окончательно испортилась. Дул очень сильный ветер. Время от времени были видны огоньки в четвертом лагере. Во время одного из таких проблесков я запомнил направление на палатки. Больше четвертый лагерь мы не видели. Было темно. Темно, а вокруг бушевала метель. Нас просто заваливало снегом. Разговаривать было практически невозможно. Чтобы сказать что-то другому, приходилось кричать изо всех сил и обязательно по ветру. Иначе ничего невозможно было услышать. Насколько я помню, у меня не получалось даже голову повернуть против ветра, не то что крикнуть в ту сторону. Мой налобный фонарь все еще был в рюкзаке. Достать его я не мог, потому что тащил эту японку [Ясуко Намбу]. Мне приходилось все время придерживать ее или вести за руку. С нами тогда шли еще двое шерпов. Лин и Клев, кажется, уже отправились к четвертому лагерю, подумав, что они знают дорогу. Они шли не очень далеко от нас, но в таких условиях...

[ПРОПУСК В ЗАПИСИ]

Клев: Присоединившись к вашей группе, мы уже больше никуда не отходили. С вами были двое шерпов, и мы надеялись, что хоть они знают, куда нужно идти.

Нил: Все правильно, Клев, но... Я смутно помню, что вскоре после последней нитки перил мы увидели, как вы возвращаетесь к нам откуда-то снизу или справа. Поэтому мне показалось, что вы по направлению к четвертому лагерю прошли минуту, не больше.

Клев: Мы с Лин шли впереди вас. Думаю, что мы с вами спускались по разным веревкам. Мы спустились на двести или триста метров правее. Дойдя до конца перил, мы поняли, что один из налобных фонарей у нас разбился, и тогда мы сразу траверсом пошли к вам.

Нил: Да, похоже. Мне тоже казалось, что... Что едва мы начали спускаться, как появились вы.

Клев: Теперь опять немножко назад. Очень может быть, что мы с вами спускались по одним и тем же перилам, но, тем не менее, мы сильно вас обогнали. Вы, когда дошли до конца перил, тут же свернули налево. Вот здесь-то

наши пути и разошлись, Тим, я вижу, ты качаешь головой. Или, наоборот, киваешь? Как ты себе это представляешь? Я почти уверен, что так все и было.

Нил: Понятно. Разумнее, когда кто-то один ведет за собой группу, а остальные следуют за ним, но тогда мне этого добиться не удалось, Ветер сбивал нас с ног, а участники шли за тем, у кого оказывался включенным налобный фонарь. Я пытался докричаться до остальных, убедить их, что должен быть только один руководитель и фонарь должен быть только у него, иначе мы так и будем ходить по кругу. Я считал, что не нужно идти к четвертому лагерю напрямик, хотя какое-то время я и помнил направление. Еще до непогоды я посмотрел на рельеф сверху и понял, что в случае ухудшения видимости главное — не подходить близко к стене Лхоцзе. Я слышал, что там не раз гибли альпинисты. Друзья предупреждали меня, что надо идти очень, очень аккуратно, чтобы случайно не сойти в ту ложбину. Вначале она кажется плоской, но потом ты все дальше отходишь вбок и оказываешься на краю обрыва. Я продолжал идти, таща на себе японку. Сзади шли, как мне кажется, Сэнди, Шарлотта и Тим. Майк Грум и Бек Уитерз находились чуть впереди. Наиболее подвижными из нас были тогда двое шерпов, и они метались то туда, то сюда, постоянно меняя направление нашего движения. Я пытался запомнить дорогу, пытался выйти на склон. Не крутой, а пологий, выводящий прямо на седловину. Я искал скалу: Южную седловину пересекает скальный пояс, на вершине которого стоит такая приметная скала. Надо было только отыскать ее. Как идти дальше, я помнил: сначала пройти немного вправо, спуститься вдоль скал, а потом мы либо вышли бы прямо к палаткам, либо к Женевскому отрогу и перилам на нем, либо наткнулись на мусор вокруг лагеря и сумели бы сориентироваться. Такой у меня тогда был план действий, вернее, набросок плана. Вокруг бушевал ветер, все участники брели неизвестно куда, а я не мог идти первым с японкой на руках. Да и фонаря на мне все еще не было. Мы слишком долго плутали по склону. В конце концов я совершенно запутался и уже не понимал, куда нам идти. Нам не встретилось ничего, что могло бы подсказать дорогу.

Мы шли одной группой. Не знаю точно, сколько времени это длилось, но думаю, что довольно долго. Кто-то вырывался вперед, кто-то падал сзади, но все же мы изо всех сил старались держаться вместе. Я отчетливо понимал, что если кто-нибудь решит идти к лагерю сам или просто отстанет, то он почти наверняка погибнет. Шансы найти лагерь в одиночку были ничтожны. Скорее всего, во время наших блужданий мы незаметно для себя свернули и вышли на тибетскую сторону Южной седловины. Возможно, я уже тогда это понял, но кислород в моем баллоне давно уже кончился, и обдумать происходящее у ме-

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

ня не получалось. Я мучительно пытался осознать то, что удавалось увидеть, сориентироваться по направлению ветра или чему-нибудь еще. У меня было чувство, что я оказался внутри бутылки с кефиром, которую все время взбалтывали. Я спрашивал окружающих, откуда дует ветер. Он дул отовсюду, со скоростью метров двадцать в секунду с порывами до сорока метров, не меньше. Словом, этим ветром нас все время сбивало с ног. К концу наших блужданий — а может, и не к концу, примерно час спустя — участники сильно замерзли, лица у всех обледенели. Кажется, у кого-то погас фонарь... Мы очутились на очень сложном участке льда со скальными выходами. Впереди был небольшой пологий подъем. Я поднялся по нему и посмотрел вниз. Не могу точно сказать, увидел ли я там что-нибудь или просто почувствовал. Зато я отлично понял, что нам туда идти нельзя. Там было очень опасно. Таких мест поблизости от обычного маршрута быть не должно. С помощью Тима и Клева я принялся убеждать остальных, что нам совершенно необходимо держаться вместе. Что я только ни делал, чтобы заставить их всех остановиться и переждать: я и упраскивал, и кричал, и даже рычал на них. Я считал, что погода могла наладиться, ведь в прошлую ночь тоже был очень сильный ветер, но к десяти часам, времени нашего выхода, он полностью стих. Моим главным доводом было то, что если небо хоть на миг прояснится, мы сможем увидеть звезды или вершины и сориентироваться по ним. Тогда станет ясно, куда нужно идти. А сейчас я не понимал даже, что это за обрыв — стена Кангшунг, стена Лхоцзе или что-то еще.

Итак, мы остановились и сбились в кружок, повернувшись спинами к ветру. Одни уселись на свои рюкзаки, другие примостились на коленях у первых. Мы постоянно окликали друг друга, хлопали по спинам. Каждый следил за своим соседом, чтобы тот не заснул. Это был наш общий подвиг. Каждый не только стремился выжить сам, но и проверял, не задремал и не замерз ли его товарищ. Не знаю, сколько мы так просидели. Видимо, не очень долго, потому что, едва мы остановились, я начал замерзать. Мы проверяли пальцы друг у друга⁵⁵, проверяли наличие сознания. Мы старались все время находиться в движении. Задача была не из легких: глаза слипались сами собой, но мы понимали, что, раз заснув, мы уже никогда не проснемся. Иногда я ощущал, как по всему телу разливалась волна тепла. Что это было, гипотермия или гипоксия — кто его разберет. Думаю, и то, и другое. Помню только, как тяжело было перекрикивать ветер; помню, как все мы кричали, переминались с ноги на ногу, без конца хлопали друг друга, чтобы согреться и остаться в живых. Я все время смотрел на часы, надеясь, что непогода скоро кончится.

⁵⁵ Как правило, первыми от обморожения страдают пальцы на руках и ногах. Необходима экстренная медицинская помощь, иначе дело может дойти до ампутации (*прим. перев.*).

Ветер так и не стих, зато несколько раз переставал идти снег. В один из таких моментов я поднял голову и с трудом различил на небе несколько звезд. У меня появилась надежда. Помню, что вместе с Тимом и Клевом мы стали обсуждать, чем бы нам это могло помочь. Мы пытались осознать, что нам делать, если удастся разглядеть звезды или силуэты гор. Когда небо вновь прояснилось, я крикнул, что вижу Большую Медведицу и Полярную Звезду. «А вот и Эверест», — сказал Тим, а может, и Клев. Я посмотрел туда с недоумением. Я даже не мог понять, Эверест это или Лхоцзе. Клев взял инициативу в свои руки, он был совершенно уверен в своей правоте. У него не было ни малейших сомнений в том, где находится четвертый лагерь. Он это вычислил. И мы приняли решение. Деталей не помню; все вышло само собой, никто не возражал. Теперь нам нужно было поставить всех участников на ноги. Насколько я помню, японка все еще висела у меня на руке. Мне было тяжело передвигаться и даже смотреть по сторонам. Я, как и все, кто был в состоянии встать самостоятельно, пытался помочь остальным. Единственной, кого я тогда опознал, была Сэнди; на ней была пуховка яркого цвета. Все прочие были для меня как тени: я различал их очертания, слышал голоса, но не узнавал их. Когда все наконец поднялись, мы отправились в путь. Был включен один налобный фонарь, не помню чей, кого-то из шедших в голове группы. Я старался идти, таща за собой японку и еще кого-то, кто вцепился в мою правую руку. Даже не знаю, кто это был. Я все время спрашивал Клева; «Точно туда? Ты уверен?» У него не было никаких сомнений. Казалось, Клев совершенно четко понимал, где какая гора и как именно нам надо идти. А шли мы в сторону, прямо противоположную той, куда мы двигались до этого. Мы стали подниматься вверх, и тут я тоже понял, что мы идем правильно. Вскоре группе пришлось разделиться. Кто-то еще мог идти, а кому-то это было уже не под силу. Перед нами встал выбор: остаться здесь или же сделать рывок в надежде пробиться к лагерю. Не знаю, по крайней мере, так мне тогда казалось.

Клев: Это снова я. Давай вернемся к моменту, когда наша «стая» разделилась. Пока все еще были вместе, мы с Нилом и Тимом обсуждали наше положение. Все было, как ты только что рассказывал. Мы поставили всех на ноги — с тем, чтобы идти дальше. Надо было двигаться в нужном направлении. Некоторые участники, как правильно сказал Нил, не могли встать самостоятельно. Мы помогли им размять ноги, чтобы они поднялись с земли. С нами в «стае» еще были Бек Уитерз и Майк Грум, по-моему, мы их забыли упомянуть.

Мужской голос [неопознан]: И двое шерпов.

Клев: Двое шерпов? Кто именно?

Сэнди: Таши и Нгаванг Дорже. Через две секунды пленка закончится.

Сэнди: Это пленка номер четыре, разбор восхождения на Эверест. Запись сделана 15-го мая 1996-го года

Клев: Я перебиваю Нила, чтобы уточнить, что было, когда наша «стая» разделилась. Мы встали сами и помогли размять ноги тем, кто не мог подняться. Стало ясно, что Шарлотта, Сэнди и эта японка были не в состоянии передвигаться. У них еще получалось стоять, но для ходьбы их нужно было поддерживать. Поэтому мы стали им помогать; они опирались на наши руки. Помню, что сначала я повел и японку, и Шарлотту, но долго идти так было невозможно. Я все время оказывался на коленях, ставя на ноги то одну, то другую. Потом... Жаль, что нет Тима⁵⁶.

Нил: Остановись здесь.

Сэнди: Остановись.

[ПРОПУСК В ЗАПИСИ]

Клев: Взяв их под руки, мы прошли несколько метров, а потом стали меняться и пробовать разные варианты, чтобы хоть как-то продвигаться вперед. Мне пришлось оставить японку, и, по-моему, тогда же Тим взял на себя Шарлотту. Лин и я шли вместе.

Нил: Я вел Сэнди. Почему-то на тебе не было перчаток, и ты просила меня надеть их на тебя. Я обхватил тебя рукой и попытался вести вперед, но ты сказала, что не можешь идти. Помню, что крикнул тебе, чтобы ты ползла, если идти не можешь. Потом, вскоре, у нас был разговор с Клевым и, может, еще и Тимом... Нет, Тима не помню. Мы с Клевым решили, что...

Клев: Там была еще Лин.

Лин: Да, я с вами была.

⁵⁶ Тим Мадсен в тот момент на разборе не присутствовал.

Нил: Решили, что либо нам надо прорываться за помощью, либо...

Клев: Сбиться в кучу.

Нил: Сбиться в кучу и ничего не делать. Нас подгонял страх, и, когда ненадолго развиднелось, мы наконец решились. Спотыкаясь и то и дело падая, мы шли, бежали или ползли, не знаю, какое слово здесь больше подходит, но мы рвались вверх по склону. И нам повезло. Мы увидели в отдалении слабый огонек. Мы пошли на его свет. Это оказался Голин фонарик. Толя и кто-то еще, не помню, кто это был, стояли у наших палаток.

Лин: Пемба

Нил: Дойдя до палаток, мы все упали. Анатолий помог нам снять кошки, распахал по палаткам, помог забраться в них.

Клев: К этому моменту мы прошли триста — триста пятьдесят метров при сильнейшем ветре, и, думаю, у всех уже была снежная слепота

Нил: Все были обморожены, лица обледенели.

Клев: Мы все полностью ослепли. Лин, разве нет?

Лин: Не было у меня снежной слепоты. И никакого страха не было. Я вообще не считала, что нам всем предстоит умереть. Ничего такого я не испытывала.

Клев: Я помню... Хочу сейчас отдать должное Тиму. Помню, как он два или три раза надевал перчатки на Сэнди. Уж не знаю, почему [Клев смеется], но ты, Сэнди, с маниакальным упорством их все время стягивала, а Тим вновь и вновь надевал их на тебя. Думаю, что ты ему обязана своими...

Сэнди: Эти перчатки фирмы [название компании удалено] оказались не слишком хорошими.

Клев: И Нил пару раз их на тебя надевал. Думаю, что эти ребята спасли твои пальчики, я точно тебе говорю.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Нил: Да, я должен извиниться за свое высказывание, что всех подгонял страх. [Клев смеется.] Меня лично подгонял. Я не понимал тогда, что Лин полностью себя контролировала.

Лин: Да, Нил, я полностью себя контролировала.

Нил: Рад за тебя.

Лин: Я тоже.

Сэнди: Рассказ Нила полностью согласуется с моими воспоминаниями. Он мне сказал: «Нам нужно сматывать отсюда. У нас остался последний шанс. Сейчас затишье, и если не можешь идти — ползи». Что я и сделала

Клев: Насчет того, что ветер затих, мне не верится. Немного прояснилось, но ветер не стихал.

Сэнди: Да, конечно. Я имела в виду улучшение видимости. Короче, так я и сделала. Встала на четвереньки и поползла. Это была классная идея, ведь, когда я стояла, меня все время сбивало с ног ветром. Потом... Потом было что-то странное, какая-то фигура металась впереди без фонаря. Наверное, это был Бек.

Ингрид: Или человек с мандолиной⁵⁷ ?

Сэнди: Нет, не человек с мандолиной. Это было еще до появления галлюцинаций. Но все равно я ползла за группой. Когда они поднялись на холм, я отстала и потеряла их из виду. Я понимала, что если и была для меня надежда спастись, то только вместе с остальными участниками. Я увидела свет фонарика и закричала из последних сил: «Эй, эй!» Это был Тим. Он не узнал моего голоса, но ответил. Так я присоединилась к ним с Шарлоттой.

Тим: Это было так. Я взваливал Шарлотту к себе на плечо, на спину, пробовал по-всякому, но не мог разобрать, куда надо идти. К тому же до лагеря я бы ее все равно не дотащил. Она отказывалась идти дальше. Поэтому мы при-

⁵⁷ До начала разбора восхождения Сэнди Питтман рассказывала, что, когда участники, сбившись в стаю, остановились, у нее начались галлюцинации. В частности, ей привиделся человек, играющий на мандолине.

сели на минутку, и тут я услышал, что метрах в пяти от нас кто-то стонал. Это была японка. Я вернулся, подобрал ее, подтащил к Шарлотте. Рядом оказался Майк Грум в связке с Бекком Уитерзом. Майку было очень тяжело передвигаться вместе с Бекком. Видя, что сам Майк еще мог идти, я сказал ему, чтобы он отправлялся в лагерь один... за помощью⁵⁸. Наверняка, он и был той темной фигурой, которую видела Питтман. Я собирался сидеть там и ждать, пока кто-нибудь не придет за нами. Потом появилась Сэнди, и нас стало пятеро: я, Сэнди, Шарлотта, японка и Бек⁵⁹. Мы старались вести себя так же, как и раньше: сбились в кучу, не давали друг Другу заснуть или замерзнуть. Не имею ни малейшего понятия, сколько тогда было времени. Но совершенно точно, что информация о нас дошла до Анатолия, и после одной или двух неудачных попыток он все же нашел нас. Потом, как Анатолий уже рассказывал, он дал кислородный баллон Сэнди и потащил Шарлотту в лагерь. Потом он пришел еще раз, с горячим чаем и еще одним баллоном. На этот раз он забрал Сэнди, а я пошел следом. В общем... Мне кажется, что я был последним, кто возвратился в четвертый лагерь.

Клев: Нил, как ты думаешь, насколько далеко мы были от четвертого лагеря? Тогда, когда еще сидели все вместе.

Нил: Когда развиднелось?

Клев: Нет, сколько мы на самом деле прошли от стоянки до лагеря?

Нил: Думаю, что около четырехсот метров. Это подтверждается и тем, где на следующий день нашли японку и остатки нашего снаряжения.

⁵⁸ Майк Грум рассказывал, как он в одиночку в кромешной тьме пробирался сквозь бушующую пургу к лагерю. Ветер бросал ему в лицо снег и ледовое крошево. «Я не знал, куда идти», — вспоминал Майк. Проблуждав, как ему показалось, несколько часов, Майк стал понемногу засыпать. Его окутывала теплая дремота — верный признак замерзания. В краткое затишье перед Майком на мгновение открылся вид на четвертый лагерь. Едва дотащившись до заветной цели, Майк подошел к палатке Стюарта Хатчисона и Джона Кракауэра. С трудом выговаривая слова, он рассказал своим товарищам о случившемся, объяснил, что требуется срочная помощь, и описал, куда именно нужно идти. «Не помню точно своих слов, — рассказывал позднее Майк, — но думаю, что я вполне точно описал местонахождение Бека, Ясуко и остальных и объяснил, как их найти. Я был уверен, что после нашего разговора кто-нибудь отправится наверх на помощь к Беку и Ясуко». По словам Майка, Хатчисон вышел было наверх, но был остановлен штормом. (См. Michael Groom, «Sheer Will»).

⁵⁹ Видимо, Бек Уитерз отбился от «стаи» еще до прихода Букреева, потому что к приходу Анатолия там оставалось лишь четверо человек.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Тим: Я помню, что когда Толя пришел в первый раз, он сказал, что идти нужно минут двадцать — двадцать пять. Меня это не слишком обнадежило, но оказалось, что на самом деле лагерь ближе.

Сэнди: Мне кажется, что мы были гораздо ближе. Даже когда я шла с посторонней помощью, это заняло гораздо меньше двадцати-тридцати минут. Думаю, там было от силы десять минут ходу⁶⁰

Тим: Возможно, что разница в оценках объясняется тем, что мы шли разными путями. К нам Анатолий шел гораздо дольше.

Нил: Цифру в четыреста метров подтвердили следующим утром те, кто ходили за нашими рюкзаками. Еще они сказали, что до стены Кангшунг осталось метров десять-пятнадцать.

[Мы опускаем краткое обсуждение того, куда положить диктофон]

Сэнди:... Но на следующий день Анатолий вышел на поиски Скотта

Ингрид: Сначала туда отправились шерпы.

Сэнди: Ты точно это знаешь? Они выходили с тобой на связь?

Ингрид: Да. По связи мне сказали, что они вышли в 9:50.

Нил: Я лично видел, как Нгаванг [Сья Кья] и Таши пошли на гору. Старший Нгаванг⁶¹ подошел ко мне и, ударив себя в грудь, сказал: «Я несу кислород. Я иду искать Скотта». Я пожелал ему удачи и посмотрел вверх на гору. Там над участком открытого льда можно было различить еще двух человек. В тот момент они были немного правее начала первых перильных веревок. Я решил, что это были двое других шерпов. Мне говорили, что их тоже послали наверх⁶¹.

⁶⁰ Букреев здесь расходится в своих воспоминаниях с Питтман. Перечитывая разбор восхождения, Анатолий отметил, что сопровождение Сэнди к четвертому лагерю заняло у него больше десяти минут.

⁶¹ Отец Лопсанга Янгбу.

⁶² Два высотных шерпа Роба Холла, Анг Дорже и Лхакпа Ширри (которого Букреев пытался призвать на помощь Ясуко), предприняли тогда отважную попытку добраться до Холла и спасти его, однако их усилия к успеху не привели.

Ингрид: Ты их как-нибудь проинструктировал, перед выходом?

Нил: Нет. Мне и так было ясно, что они сделают все, что смогут. У них был кислород. Их целью было найти Скотта и спустить его вниз.

Ингрид: В четыре часа дня к нам поступило сообщение от тайваньской экспедиции. Они сообщили, что Макалу вернулся. Его нашли и спустили. А Скотт умер. Многие в базовом лагере никак не могли поверить, что Макалу выжил, а Скотт — нет. Когда мы стали расспрашивать шерпов более подробно, они сказали, что «да, он еще дышал». Именно тогда, как мне кажется, Толя решил идти к нему. Он говорил по радиации с Каролиной⁶³, доктором из экспедиции Роба Холла, и она его проинструктировала по поводу лекарств. Анатолий сейчас сам расскажет, как он ходил наверх к Скотту.

Анатолий: На следующий после той страшной ночи день я узнал, что наши шерпы вышли с кислородом наверх. Мне надо было разобраться в ситуации. Посмотрев на наших участников, я понял, что с ними, в принципе, все в порядке. Теперь я больше всего беспокоился не за них, а за Скотта. Я все же верил в его опыт, в его выносливость. Одетый в пуховку, в ботинках One Sport⁶⁴, он вполне мог выжить в ту ночь. Может, немного обморозиться, но выжить. Я знал случаи, когда люди выбирались из аналогичных ситуаций даже без серьезных обморожений. Наши шерпы несли ему кислород, и я следил за всем происходящим. Кто-то⁶⁵ попросил меня помочь ему на спуске. Но я принял решение остаться в четвертом лагере, пока не станет ясно, что со Скоттом. Да, это Клев просил о помощи. Клев, извини, но я переговорил с Нилом, я считал что важнее было остаться. У Скотта могло быть... Скотт мог сильно устать, но выжить.

Сэнди: Какая была погода на следующий день? Утром и днем. Можешь рассказать?

Анатолий: Не такая уж и плохая. Нормальная погода. Хорошая видимость

⁶³ Доктор Каролина Мак-Кензи была врачом базового лагеря «Консультантов по приключениям».

⁶⁴ One Sport — название одной из самых теплых моделей высотных ботинок (прим. перев.).

⁶⁵ Это был Клев Шенинг, у которого начались проблемы со зрением. Клев попросил Букреева сопроводить его на спуске, но Анатолий, посоветовавшись с Нилом, сказал, что пока не прояснится ситуация со Скоттом, он будет находиться в четвертом лагере.

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

при не очень сильном ветре. Ветер дул, но не так сильно. Правда, было холодно. Может, конечно, я сам мерз. Когда все наши участники ушли, я продолжал отслеживать ситуацию. Кто-то поднимался, кто-то спускался по склону Эвереста. Они ходили в том кулуаре, где были натянуты желтые перила. Я несколько часов поспал, немного поел, передохнул, но сил еще не было. Ни вверх, ни вниз. Потом, после ухода участников, я еще отдохнул, и стало полегче. Я ждал сведений от шерпов. В час или два дня я еще ничего не знал. Не исключено, что Лопсанг выходил на связь, но мне ничего не было известно. Я просто ждал. Я обсудил наше положение с Тодом Бурлесоном и Питом Этансом⁶⁶. Они были готовы мне помочь. Мы вместе прикинули, что можно было сделать в нашей непростой ситуации. Скотт остался один и целиком зависел от окружающих. Мы ждали, что скажут шерпы. Во второй половине дня я увидел, как кто-то спускался с горы. Это был Таши. Таши был гораздо сильнее отца Лопсанга. Потом кто-то, по-моему, Тодд, сказал, что один из тайваньцев, Макалу Го, спустился вниз. Всю ночь он был рядом со Скоттом. Я стал расспрашивать Макалу. Тот был обморожен, стонал, но мог разговаривать. «О, — сказал он мне, — Скотт великий человек. Он не спал, всю ночь говорил со мной, подбадривал». Так я понял его слова.

Ингрид: Извини, Толя, я не разобралась. Макалу сказал тебе, что Скотт всю ночь с ним разговаривал?

Анатолий: Да, всю ночь. И тогда я подумал... Скотту тяжело, но он выживет. Таши, Лопсанг и отец Лопсанга сказали, что Скотт уже не мог идти. Они нашли его без движения на каменных выступах близ скалы. Шерпы сказали, что ему уже невозможно было помочь. Видимо, у него произошел отек мозга. Скотт не мог говорить, ему было очень плохо, но... Но вдруг его еще можно было спасти? В три часа дня снова пошел снег, ветер усилился. Я взял чай, кислород и приготовился к выходу. Мне все говорили: «Толя, ему уже не помочь. Шерпы сказали, что у него отек мозга; все бесполезно». Я понимал это, но должен был увидеть все своими глазами. Я взял два баллона кислорода. Их еще пришлось поискать, потому что запасы кислорода почти закончились. Тогда я заглянул в палатку к шерпам: они пользовались кислородом. Я забрал у них баллоны. Это было не так-то просто. [Букреев смеется] Шерпам тоже был не по

⁶⁶ Тодд Бурлесон был гидом и руководителем международной экспедиции «Альпийских восхождений». Пит Этане работал гидом у Тодда- Как и Букрееву, этим двум альпинистам в декабре 1997-го года Американским Альпинистским Клубом была присуждена почетная награда имени Дэвида Соула за героизм, проявленный ими в 1996-м году на Эвересте.

душе мой выход наверх. «Ничего уже не сделать», — говорили они. Так и оказалось. Я пришел слишком поздно. Вверх я поднимался на кислороде, это заняло у меня два часа. Сначала желтые перила, потом белые: набор высоты около двухсот метров. Между 8 200 и 8 300 метров я и нашел Скотта. Он был без всяких... Как это по-английски...

Ингрид: Без признаков жизни.

Анатолий: Да, без признаков жизни. Веки сомкнуты, я не смог их раскрыть. Весь замерзший. Лицо мертвенного цвета Пуховка расстегнута, одна рука снаружи, рукавиц нет. Кислород у него иссяк. В семь вечера, как раз, когда я был рядом с ним, поднялся очень сильный ветер. Повалил снег, и ничего не стало видно. У меня есть горький опыт, и я понял, что со Скоттом все кончено. Его уже нельзя было вернуть к жизни. Я прикрыл мертвое тело рюкзаком, кислородными баллонами, обвязал веревкой. Стало темнеть, и я поспешил вниз. Я взял ледоруб Скотта, мелкие личные вещи для его семьи и стал спускаться. После первых же перил видимость совершенно пропала. Погода была просто ужасная, как предыдущей ночью. Вслепую я пробивался к четвертому лагерю. Это было очень сложно. Все шерпы спали, и мне никто не светил. Никто.

Клев: Шерп упал? С тобой был шерп⁶⁷ ?

Ингрид: Шерпы спали и не светили Анатолию из лагеря.

Клев: А, *спали*. Извини, я ослышался.

Анатолий: Никаких огней. Перед тем как подняться к Скотту, я встретил того парня из экспедиции Холла Он спустился сам, выжил. Ему потом ампутировали половину фаланг на руках, но он выжил⁶⁸ .

Клев: Ты про Бека?

Ингрид: Да

⁶⁷ Клев Шенинг неправильно расслышал Анатолия, вместо слова «slept» (спали) ему почудилось «slipped» (соскользнули) (*прим. перев.*).

⁶⁸ Букреев рассказывает о своей встрече с Беком Уитерзом при выходе из четвертого лагеря. Она произошла 11-го мая, когда Анатолий шел к Фишеру (см. главу 20).

Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)

Анатолий: Перед тем как идти дальше наверх, я спросил его: «Ты не видел Скотта?» Но он меня не понимал, он был не в себе. Я надеялся спасти Скотта. Спускаясь, я полагался только на интуицию, а потом услышал голос этого человека⁶⁹. Так я нашел лагерь. Было очень холодно. Я ужасно замерз и устал. Потом была ночь на Южной седловине. Я пережил это, что тут еще рассказывать.

⁶⁹ Здесь Букреев вспоминает о том, как стоны несчастного Бека Уитерза помогли ему найти дорогу в четвертый лагерь, когда он сквозь шторм возвращался после своей неудачной попытки спасти Фишера.

Толя Букреев

С Толей я близко познакомился во время подготовки к экспедиции на Канченджангу. Это было трудное и интересное время. В течение двух лет мы находились в состоянии «перманентного отбора», который включал в себя соревнования на скалах и на льду, «забеги» на Эльбрусе и пике Коммунизма, медико-биологические испытания в барокамере и на высоте Памирского фирнового плато. Толя показал, что он настоящий спортсмен, он везде хотел быть первым. В то же время в любых ситуациях его не покидало чувство юмора. Часто он шутил: «Я лучший альпинист среди лыжников и лучший лыжник среди альпинистов». Во время его первой встречи с Гималаями стало ясно, что он прирожденный «высотник». Без использования кислорода он совершил восхождение на Среднюю Канченджангу. Хотел без кислорода идти и на траверс, но чувство ответственности за исход экспедиции взяло верх над честолюбивыми замыслами, и Толя отказался от этой идеи. У Толи было очень развито чувство справедливости. Когда, пройдя траверс, мы ликовали на Южной вершине, Толя взял рацию и передал: «Это победа всех членов экспедиции, которые в течение двух месяцев самоотверженно работали на склонах Канченджанги и обеспечили достижение желанной цели». Несмотря на то, что Толя был целеустремленным спортсменом, в душе он оставался романтиком. Часто он брал в руки гитару и пел прекрасные душевные песни. По пути на свою родину — деревню Коркино — Букреев останавливался в моем доме, и мы с ним просиживали до утра, говоря обо всем на свете и строя планы новых экспедиций. Он всегда привозил рюкзак яблок из своего сада под Алма-Атой.

Толя был отчаянно смелым восходителем. Во время восхождения на Шиша-Пангму (1996 г.) была страшная непогода, ураганный ветер четверо суток не давал нам двинуться с высоты 7 400 м. Толя совершал восхождение в одиночку, но непогода вынудила его отсиживаться вместе с нами. И вот, кажется, ветер немного стих. Мы сделали попытку выйти на штурм, но смогли пройти только 100 метров и повернули назад к спасительной палатке. А Букреев сумел один взойти на вершину и благополучно спуститься.

Володя Башкиров

С Володей Башкировым я познакомился на «отборках» в первую Советскую Гималайскую экспедицию. Великолепный «технарь», ярко выраженный лидер в альпинизме. Он не мог примириться с проявлениями необъективности

судейства на чемпионатах страны и перестал «играть в эти игры». Когда Гималаи открылись для наших альпинистов, Володя стал ведущим «Гималайцем». Ярко проявился его талант организатора экспедиций. Он очень хорошо знал Гималаи, его голова была полна идей. Наши пути все время пересекались, в 1996 году мы вместе совершили «дубль» — восхождение на Чо-Ойю и Шиша-Пангму.

И вот судьба снова свела нас в Гималаях. Мы работали с индонезийской экспедицией. Букреев занимался переговорами с руководством, закупкой снаряжения, мотался из Америки в Индонезию, а мы с Володей планировали акклиматизационные и тренировочные сборы, проводили «селекцию», комплектовали команду для восхождения на Эверест. Пять месяцев мы с Володей были неразлучны. Новый 1997 год мы встретили в штурмовом лагере на высоте 5 000 м при восхождении на пик Палдор. Светит луна, блестит лед, воздух звенит от мороза Мы выпили с ним по традиции по 30 граммов медицинского спирта из аптечки... Это был последний Новый год Володи Башкирова. Заключительный этап восхождения на Эверест был весьма драматичным. Учитывая трагический опыт экспедиций на Эверест 1996 года, мы установили аварийный лагерь на высоте 8 500 м, и это помогло нам избежать потерь. Уже в темноте мы залезли в палатку. На трех смертельно уставших индонезийцев у нас было лишь два кислородных баллона, и мы занимались тем, что перекидывали маску на того, кто начинал «отключаться». Мы пережили эту ночь без кислорода, первыми из россиян на такой высоте.

Володя и Толя при всей их непохожести имели очень много общего. Оба сильнейшие альпинисты, они считали использование кислорода неспортивным и при малейшей возможности отказывались от него, иногда, на мой взгляд, неоправданно... В тот трагический год они оба часто говорили о смерти, как будто предчувствовали... Но не могли свернуть с выбранного пути.

Е. Виноградский

Анатолий Букреев

Мое знакомство с Букой произошло на перемычке Хан-Тенгри, где мы отбывали «повинность»—дежурство при массовом лете иностранцев. Обычно это занимало две недели. За это время можно было решить многие теоретические вопросы. Я был «ерохинец» и на Памире, и на Тянь-Шане. Чтобы попасть в команду Ерохина, надо было иметь минимум 2-й разряд по лыжам, у Мышляева—1-й.

Скоростные восхождения. Что это? Почему мы на перемычке? Да потому, что дойти до перемычки из лагеря до обеда не вопрос. Мы сошлись на мнении, что скоростные восхождения — это придумки. Это должно быть нормой. Эта норма должна распространяться на всех. Другой вопрос, как этого достигнуть. Здесь мы были единодушны. Мы были КМС по лыжам, имели 1-е разряды по легкой атлетике. Альпинизм не сезонный вид спорта, а продолжение круглогодичной тренировки спортсмена. Коэффициент запаса спортсмена-всесезонника — четыре, а то и пять.

Бука в сезоне 1989 г. совершил 5 восхождений на восьмитысячники. Сезонники из той же экспедиции — ни одного. Альпинистская биография Буки — яркий пример всего сказанного.

Второй вопрос, который мы обсуждали—дилетанты в альпинизме. Это бедствие мирового масштаба—дискредитация альпинизма. Человек, далекий от альпинизма и даже спорта, но с большим кошельком похвастается своими восхождениями на самые высокие и сложные вершины — правда, с помощью первоклассных гидов.

Третий вопрос: одиночные восхождения. В советское время «одиночников» ловили всем инструкторским составом лагеря. О прибытии «одиночника» в район извещалось по радио, после чего его отлавливали инструкторы. Одиночные восхождения категорически запрещались правилами. В СССР не было «свободы самоубийства». В то же время в группах явно выделялись лидеры, и тащить на себе сезонников не каждому хотелось. Как только были разрешены «двойки», появился соблазн ходить в одиночку. Уже в начале 70-х годов я совершал соло-восхождения на семитысячники.

Бука полностью соглашался с такой позицией и говорил, что проявить себя в альпинизме (именно как в виде спорта) можно именно с помощью одиночного восхождения. Порой одиночное восхождение дает гораздо большее удовлетворение, чем восхождение в двойке, а тем более в группе. Одиночное

восхождение позволяет не оглядываться на партнера. Все проблемы решает сам одиночка, ему и все лавры. Где риск больше: в одиночке, в двойке, в группе...

Мое лучшее время на Хане — 10 часов 40 минут — его обрадовало. Он пообещал, что покажет на Победе лучшее время. Он был уверен в себе, знал, что и как надо делать при подготовке и что пятнадцати часов ему будет достаточно. Вообще альпинистский мир всегда высоко оценивал технические скоростные восхождения — не меньше, чем бескислородные в Гималаях. Именно в этом заключена спортивная жила альпинизма. Этими качествами обладал и увековечил свое имя Анатолий Букреев — один из плеяды титанов мирового альпинизма.

Б.С. Коршунов,
МСМК, 51 официальное восхождение
на семитысячники СССР.

Владимир Баширов

На протяжении десятилетий советского альпинизма не было ни малейшего представления о том, как мы выглядим в сравнении со звездами мирового альпинизма. Мы с восхищением читали о прохождении восьмитысячников, о прохождении отвесных стен в Альпах. И только в шестидесятые годы начались совместные восхождения с иностранцами.

В 1960 г. я совершил ряд восхождений с выдающимся альпинистом из Бельгии Георгием Атоиасовым по кличке «Паук».

В 1963 г. мы с Мишей Хергиани выиграли крупные международные соревнования с прохождением маршрутов 6-ой (высшей) категории трудности.

В 1965 г. советские альпинисты впервые прошли эталонный маршрут 6-ой категории трудности — Гранд Капуцин по пути Бонатти. После этого восхождения я сделал вывод, что наши альпинисты и альпинизм в целом несколько не уступают западному, а в отношении массовой поэтапной подготовки альпинистов аналогов советскому альпинизму в мировой практике нет и, к сожалению, уже никогда не будет.

В 1982 году состоялась первая советская экспедиция в Гималаи. Результат потрясающий. На высшую точку планеты — пик Эверест (8 848 м) по новому маршруту поднялись 11 человек.

О наших альпинистах узнал весь мир. Об одном из таких выдающихся альпинистов — Володе Башкирове — рассказывает автор этой книги.

В 1975 г. в московский «Спартак» пришла группа студентов МФТИ. То, что лидером этой группы являлся Володя Башкиров, было видно невооруженным глазом.

После первой поездки в горы этой группы я получил хорошие отзывы обо всех ребятах. Особенно выделяли В. Башкирова Отличный скалолаз, надежно организует страховку, пользуется авторитетом у товарищей.

В 1977 году Володя Башкиров был заявлен в основной состав на первенство СССР по альпинизму.

После прохождения заявленного маршрута (по стене пика Лукницкого) стало ясно, что Володя созрел и как мастер, и как руководитель любого альпинистского восхождения.

В 1978 г. во время первовосхождения в рамках чемпионата СССР Володя получил серьезную травму головы. Мы его спустили и отправили в Хорог

в больницу, а сами вернулись на заявленный маршрут. Через два дня нам сообщили по радию, что Башкиров сбежал из больницы и рвется на восхождение.

В этом же году на стенде «Трапедии» (Западный Кавказ) к нам в палатку пожаловала шаровая молния. От непосредственных контактов с этим фосфорическим шариком погиб Олег Коровин, а остальные с многочисленными ожогами 4-й степени попали во Всесоюзный ожоговый центр. Нам предложили оформить инвалидность, но мы решили, что это не для нас и начали готовиться к следующему сезону.

Володя прочно занял лидирующее место в «Спартаке», но, как все альпинисты, он мечтал о Гималаях. В первую гималайскую экспедицию Володя не попал. Он не терял надежды, много ходил в горы и успешно тренировался.

И вот 26 октября 1991 г. Володя поднялся на свой первый восьмитысячник — пик Аннапурна (8091 м) по Южной стене.

16 мая 1993 года Володя на высшей точке планеты — на вершине Эвереста (8 848 м). Это и все последующие восхождения он совершил без применения кислорода

14 мая 1995 г. Володя на вершине Дхаулагири (8 167 м).

А то, что происходит дальше, не имеет аналогов в мировой практике альпинизма

Посмотрите на плотность восхождения на восьмитысячники:

23 мая 1996 г. — Макалу (8463 м) по северо-западному гребню;

23 сентября 1996 г. — Чо Ойю (8201 м), северо-западный склон;

10 октября 1996 г. — Шиша Пангма (8 013 м), с севера;

26 апреля 1997 г. — Эверест (8 848 м), с Южного седла;

26 мая 1997 г. — Лхоцзе (8 516 м), с ледника Кхумбу.

Вдумайтесь, от мая 1996 г. до мая 1997 года — пять восьмитысячников, и все без кислорода.

Никто в мире не совершал еще ничего подобного, и вряд ли этот рекорд будет повторен. Во время восхождения на восьмитысячник, кроме преодоления технических сложностей, необходимо заставить организм активно работать при колоссальном кислородном голодании. Для этого нужна огромная сила воли.

У Володи желание и сила воли были настолько велики, что наконец сердце просто не выдержало такой нагрузки — на спуске с вершины Лхоцзе оно остановилось.

За высокие спортивные достижения, за верность и преданность альпинизму Владимир Башкиров награжден орденом «Эдельвейс» первой степени. Каждый год в мае проводятся соревнования по скалолазанию памяти Володи Башкирова, его именем назвали клуб скалолазов в Королеве. Его знают, помнят и любят!

Он всегда был и остается с нами!

В.Д. Кавуненко

МСМК по альпинизму,
Заслуженный спасатель РФ,
Заслуженный тренер РСФСР.

Как это было...

Каждый раз, когда Андрюшка (Андрей Целищев) приезжал в Алма-Аты, мы в компании с нашим доктором Валентином Макаровым, загрузившись в мою старенькую «Волгу», направлялись к Анатолию Букрееву в «Горный Садовод». Ночь песен с финальной «Зойкой» и дискуссиями под соусом альпинистских воспоминаний заряжал нас хорошим настроением до следующих встреч. Эта традиция зародилась после нашего восхождения на Дхаулагири по западной стене. Зная, насколько рискованно наше увлечение экстремальными восхождениями, меньше всего ожидаешь трагических случаев для себя и друзей.

Известие о трагедии докатилось до нашего города через три дня после схода лавины на Анатолия Букреева и Дмитрия Соболева при восхождении на вершину Аннапурна

Председатель ЦСКА Казахстана Новиков П. М. и старший тренер Казахстана по альпинизму Ильинский Е.Т. приняли решение отправить группу казахстанских альпинистов на место аварии.

Была определена группа в следующем составе: Ринат Хайбуллин — руководитель, Дмитрий Муравьев, Сергей Овчаренко и Андрей Молотов. Полтора дня было потрачено на оформление виз, и 30 декабря в ночь мы выехали на машине в Ташкент, откуда транзитом через Дели вылетели в Катманду.

До ташкентского аэропорта мы добрались за полчаса до вылета самолета. При помощи Шабанова и Радика Бакаева мы прошли таможду и погрузились на борт самолета.

В Дели мест на Катманду не оказалось, и ближайший рейс был только рано утром. Пролежав остаток новогодней ночи в гостинице, рейсом Непальских авиалиний мы прибыли в Катманду и направились в гостиницу Гаури Шанкар, где нас ожидала Линда Уайли, близкий друг Анатолия.

Вылетая из Алма-Аты, мы абсолютно не представляли, где будем искать группу, так как после сильных снегопадов команда изменила первоначальный план восхождения. Мы надеялись получить информацию от Линды, но она смогла сообщить лишь приблизительный маршрут восхождения, о котором знала со слов Симоне Моро, напарника Анатолия, чудом оставшегося в живых после падения с восьмисот метров. К тому моменту Симоне уже переправили в Италию на лечение. Связавшись с ним по телефону, мы получили дополнительную информацию для поиска Анатолия Букреева и Дмитрия Соболева.

2-го января, согласно разработанному плану, я вместе с полковником непальской военной авиации вылетел на четырехместном вертолете в направле-

нии Аннапурны. Через два часа полета мы оказались в центре скально-ледового цирка массива Аннапурны. Гигантский хребет окружает ледник, и нашей задачей было найти палатку, в которой альпинисты провели ночь перед трагедией. После почти получасового кружения над цирком я начал было терять надежду, но тут пилот заметил точку, приблизившись к которой, мы поняли, что это палатка. Высадив меня в базовом лагере на 4 100 м, вертолет отправился назад в Катманду. На следующий день к восьми утра прибыл вертолет Ми-8 МТБ, пилотируемый нашим другом Сергеем Даниловым, с остальными спасателями на борту. Под шум лопастей я стал объяснять, где находилась палатка, установленная на стене примерно на высоте 5 900 м. Отлично понимая, что у нас не было никаких шансов добраться до места аварии пешком (отсутствие акклиматизации плюс накопившаяся усталость), я надеялся только на мастерство Сергея Данилова. Сделав несколько кругов над местом схода лавины, Сергей стал подыскивать участок, где бы можно было нас посадить. Учитывая сложность рельефа, возможность повторного схода лавины, а также высоту посадки, Сергей завис над склоном в двух метрах. Спрыгнув, я помахал остальным, призывая следовать за мной. Вертолет ушел вниз, в долину.

Планируя наш вылет, мы надеялись на чудо — Анатолий и Дмитрий сумели выбраться из лавины и ждали прихода спасателей. Однако, добравшись до палатки, мы нашли там лишь вещи, оставленные восходителями.

Все кончено—мелькнула мысль в голове — лавина площадью больше сотни квадратных метров нам не по силам.

Мы, распределившись по склону, начали поиски каких-либо вещей, которые помогли бы уточнить местонахождение ребят. После нескольких часов безрезультатных поисков, глядя на уходящее солнце, я понял, что необходимо принять решение. Продолжать поиски, то есть ночевать на шеститысячной высоте, без акклиматизации, не зная маршрута спуска, было, несомненно, рискованно. Тем более, что не было никакого спасотряда, который мог бы подстраховать нашу четверку. Было принято решение спускаться. Загрузив в рюкзаки часть личных вещей Анатолия и Дмитрия, наша группа начала движение вниз. Разбившись на две двойки, мы отправились в направлении базового лагеря. Одна из сошедших лавин накрыла нашу двойку, к счастью, без последствий. Лавинные склоны вокруг создавали определенный риск для группы, к тому же мы устали. Уже в глубокой темноте мы вышли на безопасный ледник.

Спустя месяц Линда организовала в Колорадо день памяти, посвященный Анатолию Букрееву. Это были не поминки, а встреча друзей Анатолия, там показывали слайды и звучала «Зойка». Там я встретил Симоне, который уже оправился от полученных травм. Мы решили повторить выезд на место аварии

следующей весной, когда пройдет таяние снегов. Мы все еще надеялись найти Анатолия и Дмитрия.

В марте Линда, Симоне и я встретились в Катманду. Вертолет забросил нас к месту схода лавины. Новые лавины не оставили никаких следов от палатки, служившей нам в январе ориентиром. Мы начали спуск. И тут еще одна лавина срывает Симоне, а затем и меня. Через десяток метров мне удалось задержаться, Симоне повис на моей веревке. Сильная боль в колене ноги, застрявшей в плотном снегу... Нет, на этот раз обошлось. Мы с удвоенной осторожностью спускаемся до ледника Видно, Анатолию суждено навеки остаться в этих снегах.

Р. Хайбуллин

О ком умолчал колокол...

С тех пор прошло уже почти 20 лет, а события за давностью времени не стираются из памяти, будоражат воспоминания, мысли роятся в голове. На некоторые вопросы ответы так и не получены...

1982 год. Команда альпинистов Среднеазиатского военного округа Вооруженных Сил СССР готовится к новому спортивному сезону. В планах ведущей команды высотников первое по-настоящему стенное восхождение на пик Победы по северной стене. Еще не забыты драмы восхождений на этот коварный семитысячник, который по количеству жертв иногда сравнивают с восьмитысячником Нанга-Парбат. Предстоит серьезное и опасное восхождение. Состав команды сильный, двое из восходителей — Вадим Смирнов и Виктор Шкарбан — проходили горнило отбора в экспедицию на Эверест.

В разгар подготовки к этим большим делам узнаю, что в составе сборов появился новый спортсмен с великолепными данными для высотного альпинизма, Анатолий Букреев. На тот момент ему не хватало технической подготовки, на что было рекомендовано обратить внимание при восхождениях. Пришел в альпинизм из лыжников-гонщиков, занимается тренерской работой в поселке «Горный гигант» близ Алма-Аты. «Из лыж — это хорошо, — подумал тогда я, — найдем общий язык». Что такое лыжные гонки, знаю не на словах, а на собственном горбу...

Лев Мышляев, Анатолий Овчинников, Игорь Ерохин, Борис Романов, Андрей Снесарев и множество альпинистов «Труда» и «Буревестника» связывали свою подготовленность к горвосхождениям с этим видом спорта.

В 1974 году, когда альпинисты 12-го Спортивного клуба армии САВО в полный голос заявили о себе на всесоюзной арене великолепными достижениями на Тянь-Шане (первовосхождение на пик Пржевальского, 6 350 м по северо-западной стене, траверс вершин Хан-Тенгри — Мраморная стена), Букреев делал свои первые шаги в высотном альпинизме.

В 1982 году он вплотную подошел к столь серьезному делу, как восхождение на пик Победы, имея в багаже высотные восхождения на пики Ленина и Коммунизма. Но его имя не значилось в списках команды по одной простой причине — будучи всего лишь перворазрядником, он не мог быть допущен к чемпионату СССР.

Окрыленные успехами старших товарищей на Эвересте, «молодые» успешно прошли так называемый «доллар» северной стены Победы, и на чемпионате им «светило» золото в высотном классе. В лагере на морене ледника

Северный Иныльчек под пиком Горького царила умиротворенная атмосфера. Установилась хорошая тянь-шаньская погода Экспедиция не спешила покидать район. Единственное, беспокоили братья-белорусы, у которых кончалась третья неделя выяснения отношений с Победой и которых, по большому счету, надо было подстраховать...

Вот тогда-то Анатолий и выступил с предложением — он намеревался совершить скоростное соло-восхождение на главную вершину Победы по классике, через Вазу. Промежуточные лагеря в порядке, в базовом сидит первоклассный спасотряд, время есть — почему бы не попробовать?! «Старики» забеспокоились — «молодой» бросал вызов. Команда собралась на совет. Мудрый Смирнов опасался, что неудачное соло может отразиться на результатах чемпионата «Да и вообще Буке (так прозвали Анатолия в экспедиции) еще рано думать о таких делах, и не было еще такого. В нашем, советском альпинизме в одиночку не ходят!» Последовал отказ, причем, отказ не выпускающего или начспаса, а отказ команды...

В результате образовалась трещина между откалывающимся айсбергом и основным шельфом, которая после Канченджанги стала пропастью. Позднее, в августе 1990 года, Анатолий, совершив первое скоростное восхождение-соло на главную вершину Победы за 36 часов, доказал, что его намерения в 1982 были вполне осуществимы. В этом же сезоне он осуществил скоростное восхождение на пик Хан-Тенгри. И тем не менее, когда в 1997 году после успешной казахстанской экспедиции на Эверест встал вопрос о награждении Букрева государственной наградой, последовал ответ: «Да, он четырежды побывал на Эвересте, но не был тогда в составе нашей команды...» (!?)

На Канченджанге, в составе сборной команды СССР, Анатолий зарабатывает себе «политический капитал» и начинает работать на семи- и восьмитысячниках. 1990-ый год стал годом его становления как профессионального гида-высотника. Он уезжает на Аляску и работает помощником гида (а это значит, что вся черная работа сваливается на него!), обслуживая группы восходителей на суровый Мак-Кинли, 6193 м. Там же совершает в одиночку классное скоростное восхождение на эту вершину за один день, от ледника до вершины за 10 час 30 мин. К нему приходит известность в альпинистском мире.

Его энергии выдающегося высотника (и лыжника!) так не хватало, например, Валерию Хрищатому при исполнении фантастического траверса Победа— Хан-Тенгри в 1991 году: после прохождения Победы на перевале Чон-Терен сходит с маршрута Олег Маликов, команда остается впятером, решая извечное гамлетовское «быть или не быть»,—чувствуется нехватка физической мощи лыжника-марафонца..

И пошло-поехало... Скоростные одиночные восхождения на главные вершины Гималаев и Каракорума. Как и Рейнхольд Месснер, Букреев предпочитает одиночное общение с горами. Вообще, эти два альпиниста очень близки друг к другу по духу. После трагедии 1996 года на Эвересте, когда американская пресса с подачи журналиста Джона Кракауэра обрушилась на Букреева, первым, кто протянул руку помощи, поддержал Анатолия, был Рейнхольд. Он позвонил Букрееву и сказал, что считает его действия на Эвересте абсолютно правильными. Позднее, просмотрев американский видеофильм «Смерть на Эвересте», я понял, сколь отвратительны могут быть люди в моей родной альпинистской среде, как они искажают всех и вся, как они переворачивают события с ног на голову. Встретив такого в горах, не только бы руки не подал, но и ударил бы, наверное... Признание заслуг Букреева в той трагической экспедиции на Эверест произошло по инициативе сената США, наградившего его медалью и предложившего принять американское гражданство. Нам, гражданам СНГ, всю жесточайшую правду той страшной гималайской ночи поведала журналистка «Комсомольской правды» Елена Рерих в своей статье «Смерть на Эвересте стоимостью 60 тысяч долларов», а тема применения кислорода при штурме восьмитысячников обсуждалась в журнале «GEO» (№9 за 1998 год).

Они были очень дружны, эти два великих восходителя. Летом 1997 года они встретились на леднике Северный Иньльчек под пиком Хан-Тенгри. Здесь, в окружении горных гигантов, в мире, не отягощенном ложью завистников, они проговорили не меньше четырех часов. Они могли бы еще долго обсуждать свои переживания, но Анатолию надо было идти на восхождение. Его группа уже подходила к первому лагерю на классическом маршруте на вершину Хан-Тенгри, а он все не мог расстаться с Рейнхольдом в базовом лагере, чувствуя, что больше встретиться им не доведется...

Трудно найти достойное определение действиям человека, шагнувшего за грань возможного и готового пожертвовать собой ради спасения товарища. Приведу два примера

Май 1994 года.

Нетрудно понять, почему иностранные альпинистские экспедиции так жаждали видеть Букреева в своем составе. На тот момент он уже имеет за плечами восхождения на Канченджангу (траверс 4-х вершин), Дхаулагири, К-2 (Чогори) и Эверест. Появление в коммерческой команде сильного и опытного профессионала резко увеличивает шансы экспедиции на успех. Именно поэто-

му американская фирма *Condor Adventure* пригласила Букреева принять участие в экспедиции на гималайский восьмитысячник Макалу. Из всей международной команды, в которую, помимо Букреева, вошли 10 американцев, один англичанин и индеец из Боливии, один лишь Анатолий обладал достаточным опытом для восхождения такого уровня. И потому практически вся техническая работа на маршруте (вспомните нетехнаря Букреева в 1982 году!) легла на его плечи. Львиную долю работы по установке лагерей и подъему снаряжения также выполнил Анатолий. Он работал в паре с боливийцем Бернардо Гуарачи. Индеец, родившийся и большую часть жизни проживший в Андах на высоте 4000 метров, прекрасно себя чувствовал в условиях Гималаев, не испытывая ни малейшего дискомфорта от высоты. Бернардо был вынослив и трудолюбив, однако недостаток технической подготовки не мог не сказываться, и на крутых скальных и ледовых участках маршрута от него было мало толку. А технической работы было предостаточно.

Первый лагерь был установлен на высоте 6 500 м. Члены команды были не в состоянии помочь в переноске снаряжения из-за горной болезни. Второй лагерь предполагалось установить за перевалом Макалу-Ла на высоте 7 400 м, пройдя сильно разорванный ледопад. Крутизна некоторых участков льда порой достигала 50~60 градусов. Тем не менее, Анатолий быстро и безошибочно проложил путь. Они с Гуарачи навесили 20 шестидесяток... И тут неожиданная страшная находка заставила их вздрогнуть. На высоте 7500 м, у скального выступа сидел наполовину занесенный снегом человек. Порванная, выцветшая одежда, свинцовое безжизненное лицо, показавшееся Анатолию знакомым. Он знал этого австрийского альпиниста. Дул ледяной ветер, тело засыпало снегом. Это было как предупреждение...

Сколько еще несчастных придется Анатолию встретить на своем пути... Его снимки останков погибших на Эвересте опубликует позднее журнал *LIFE*. На высоте 7800 м установили третий лагерь. Анатолий почувствовал, что напряженная работа не прошла для него бесследно. Навалилась сильная усталость — ведь работал-то он постоянно первым, без подмены. Давила на психику и обоюдная «немота» альпинистов: Букреев не знал испанского, а индеец — ни английского, ни, естественно, русского. При такой тяжелой работе отсутствие общения угнетает. Однако, несмотря ни на что, оба как-то поняли друг друга и решили из третьего лагеря достичь вершины. Остальные участники восхождения давно отстали и растянулись по всему маршруту, не выдержав темпа лидеров.

Преодолев ледопад, Букреев вышел на крутые скалы, ведущие к вершинной башне. Эти последние скалы вершинного бастиона оказались особенно

сложными. Организм, измотанный кислородным голоданием и бессонницей, перестал подчиняться, и преодолевать последний участок маршрута было невероятно тяжело. И все же в середине дня Анатолий и Бернардо стояли на первой вершинной башне Макалу, 8 460 м.

Когда все 13 восходителей собрались в базовом лагере, выяснилось, что на вершине побывали лишь двое — Бернардо и Анатолий. Как оказалось, у большинства желание идти вверх пропало при виде того самого погибшего австрийца. Двое американцев поднялись до высоты 8 356 метров. За неудачу одного из них, Нила Бейдлмана, Анатолий переживал особо — они были друзьями. Когда же после неудачи вся команда принялась за сворачивание экспедиции, Анатолий, видя, как расстроен Нил, сделал совершенно сумасшедшее предложение: повторить попытку штурма вдвоем, в скоростном режиме. До предела вымотанный и истощенный организм требовал отдыха и только отдыха. Вместо этого его испытывают на выживаемость еще раз...

Оценив свои силы и силы друга, Анатолий понял, что они смогут то, что задумали. Ни у одного из спортсменов по другим видам спорта, например, фехтовальщика или футболиста (бывают среди альпинистов и такие), Букреев не встречал большей выносливости, чем у Нила — бегуна-марафонца. В компании с лыжником этот бегун-стайер был способен на многое. Остальные члены экспедиции к затее отнеслись скептически (слава богу, хоть не мешали и не бойкотировали...).

Выйдя еще ночью, Анатолий с Нилом за 11 часов дошли до второго высотного лагеря за перевалом Макалу-Ла Вот где сказалась подготовка лыжников-марафонцев... На прохождение следующих 400 метров по вертикали у связки ушло всего полтора часа. Некоторым альпинистам с фехтовальной подготовкой такое было бы не под силу. В третьем лагере ветер перевернул и сломал палатку. На восстановление лагеря ушло около трех часов времени и много усилий, необходимых для следующего броска. После нескольких часов отдыха Анатолий и Нил вышли на вершину утром следующего дня...

В связи с этим случаем я вспоминаю один из проектов Анатолия: привлечение лыжников экстра-класса, заканчивающих спортивную карьеру, к занятиям альпинизмом. Одна из таких задумок существовала вполне реально: знаменитый казахстанский лыжник Владимир Смирнов заканчивал свои выступления и хотел готовиться к восхождению на Эверест (!).

Я представляю себе мощь команды, в которой находились бы эти два спортсмена.

И каких дел могли бы натворить, подключись к ним неувыдающий московский альпинист-лыжник Борис Коршунов, недавно взошедший на Эверест!

Эти спортсмены от бога много чего смогли бы сделать незаурядного в мире третьих полюсов. Но жизнь внесла свои коррективы...

Май 1996 года, Гималаи, Эверест.

Две хорошо оснащенные экспедиции, американская и новозеландская, одновременно выходят на штурм Эвереста. В американской экспедиции «Горное безумие» Букреев работает высотным гидом. Вершины достигают несколько человек из обеих групп, в том числе Анатолий Букреев и журналист Кракауэр, впоследствии возглавивший травлю Букреева в американской прессе. Во второй половине дня в районе Эвереста разражается жестокий шторм и те, кто не успел спуститься в лагерь на Южной седловине, оказываются заложниками стихии и терпят бедствие. Узнав о случившемся, Анатолий, отдохавший в четвертом лагере, бросается на помощь. Он раз за разом будет уходить в ночь и блуждать в «зоне смерти», находить и спасать клиентов экспедиции Скотта Фишера, застрявших на склонах Эвереста выше Южного седла. И ничем не сможет помочь японской альпинистке из экспедиции Роба Холла... А тем временем журналист Кракауэр, не обмороженный и вполне здоровый, и пальцем не пошевелит в ответ на просьбы шерпов о помощи, так и оставшись отсыпаться в своей палатке.

Наши ребята так просто не сдаются. К середине следующего дня, когда уляжется непогода, Анатолий доберется до Скотта (высота около 8 500!) и убедится, что он мертв.

Он будет спускаться, а грусть так навсегда и останется в его глазах, и никогда на забыть ему лица той японской альпинистки...

Трагедия на Эвересте разыгралась 10 мая, а уже 17 мая Анатолий будет стоять на вершине соседнего с Эверестом восьмитысячника Лхоцзе. И прежде чем спуститься с Южного седла, он пойдет под южный гребень Эвереста и попрощается со своей болью...

Анатолий Николаевич БУКРЕЕВ — Бука**ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

Родился 16 января 1958 года

Окончил Челябинский педагогический институт, специальность — преподаватель физики.

Параллельно получил диплом тренера-преподавателя по лыжным гонкам.

1970 год.

Начало альпинистских восхождений и тренировок по скалолазанию в горах Урала.

1974 год.

Альпинистские восхождения до высоты 5 000 метров.

1980 год.

Первые восхождения на семитысячники (пик Ленина, 7134 м, пик Коммунизма, 7295 м — Памир).

1981-1993 годы.

В составе сборных команд Казахстана и СССР совершил свыше тридцати успешных восхождений по разным маршрутам на семитысячники Советского Союза

1987 год.

Первое в истории отечественного альпинизма скоростное восхождение на пик Ленина,

7134 м (в команде) по северному склону. Подъем из лагеря 4 200 до вершины — 8 часов, и сразу спуск до базового лагеря на «луковой поляне» — 6 часов.

Первое место в отборочных соревнованиях во вторую гималайскую экспедицию СССР при восхождении на пик Коммунизма, Памир. Время подъема с высоты 6 700 до 7 400 м — 1 час 25 минут. Показывает лучший результат при таких же восхождениях на вершину Эльбрус, Кавказ: время подъема с высоты 4200 до 5 350 м — 1 час 07 минут.

1988 год.

Траверс пик Победы (Западная вершина, 6918 м— Главная вершина, 7439 м— Восточная вершина, 7060 м) — пик Военных топографов, 6873 м, Центральный Тянь-Шань. В составе национальной сборной команды СССР. Траверс пройден впервые.

1989 год.

Вершина Эльбрус, Кавказ. Первое место в соревнованиях по скоростному подъему от «Приюта одиннадцати», 4 200 м, до Восточной вершины, 5 621 м. Результат 1 час 40 мин.

17 апреля. *Бескислородное* восхождение на вершину Канченджанга Средняя, 8478 м, Гималаи. Пройден новый маршрут по центральному кулачу с юга. В составе группы второй гималайской экспедиции СССР.

30 апреля — 2 мая. Траверс, проходящий на высоте выше 8000 метров, четырех вершин третьего по высоте восьмитысячника Канченджанга, Гималаи. В составе сборной команды СССР. Восхождение признано лучшим командным восхождением в Гималаях в сезоне 1989 года *По приказу начальника экспедиции все участники траверса гили с использованием кислорода.*

За достижения на Канченджанге присвоено звание «Мастер спорта СССР международного класса» и звание «Заслуженный мастер спорта СССР». Награжден правительственным орденом «За личное мужество».

1990 год.

Участие в международных соревнованиях «Скоростное восхождение на Эльбрус, Кавказ» (от «Приюта одиннадцати», 4 200 м, до Восточной вершины, 5 621 м). Снова первое место.

Февраль. Пик Победы 40 высоты 7 400 м, Тянь-Шань. Первое зимнее восхождение на Главную вершину по маршруту В. Аболакова. В составе одной из групп экспедиции казахстанского Госкомспорта.

Апрель. Вершина Мак-Кинли, 6193 м, Аляска. Гид американской экспедиции «Fantasy Ridge Mountain Guides». Первое в истории вершины совместное прохождение гидов с клиентами маршрута Кассина.

Май. Западное ребро вершины Мак-Кинли, 6 193 м, Аляска. Первое скоростное одиночное восхождение от ледника до вершины за 10 часов 30 мин (результат без спуска).

Август. Пик Победы, Тянь-Шань. Первое скоростное одиночное восхождение от ледника Южный Иньльчек через пик Важа Пшавела до Главной вершины (7439 м) за 36 часов (результат без спуска).

Август. Пик Хан-Тенгри, 6 995 м, Тянь-Шань. Скоростное одиночное восхождение.

1991 год.

10 мая. Вершина Дхаулагири, 8 176 м, Гималаи. *Бескислородное* прохождение нового маршрута по западной стене в составе первой гималайской казахстанской экспедиции. Лучшее командное восхождение в Гималаях в сезоне.

7 октября. Вершина Эверест, 8 848 м. В составе первой русско-американской экспедиции в Гималаях.

1993 год.

14 мая. В качестве гида Букреев сопровождал самого старого восходителя на вершину Мак-Кинли, 6 193 м, Аляска — семидесятилетнего Джека Робинса.

30 июля. Вершина К-2 (Чогори), 8 611 м, Каракорум. Бескислородное восхождение в составе немецкой международной экспедиции «Северное сияние».

1994 год.

29 апреля. Вершина Макалу, Гималаи. Гид международной американской экспедиции «Condor Adventures» (Приключения кондора), Денвер, Колорадо. Совместно с Бернардо Гуарачи (первый альпинист из Южной Америки, Боливия, побывавший на восьмьютысячнике) достигает *без кислорода* первой вершинной башни, 8 460 м.

15 мая. Вершина Макалу, Гималаи. В этой же экспедиции совершает скоростное *бескислородное* восхождение с американским альпинистом Нилом Бэйдлманом из базового лагеря (5 300 м) до Главной вершины (8 476 м) за 46 часов.

1995 год.

17 мая. Вершина Эверест, 8 848 м, Гималаи. Высотный гид и лидер на маршруте английской международной экспедиции «Гималайские гиды», Эдинбург, Шотландия. *Бескислородное* восхождение совершено по классическому маршруту с севера.

30 июня. Пик Абая, 4 010 м, Заилийский Алатау, Тянь-Шань. Персональный гид президента Республики Казахстан при юбилейном восхождении на пик.

8 октября. Вершина Дхаулагири, 8176 м, Гималаи. Одинокое скоростное *бескислородное* восхождение от базового лагеря (4 700 м) до вершины, результат 17 часов 15 мин. Время *со спуском* — 24 часа 30 мин.

8 декабря. Вершина Манаслу, 8156 м, Гималаи. Третье успешное зимнее восхождение на эту вершину. Восхождение совершено *без применения кислорода*.

За 12 месяцев (с 17мая 1995г. по 17мая 1996 г.) совершены восхождения на пять (!) восьмитысячников без применения кислорода!

1996 год.

10 мая. Вершина Эверест, 8 848 м, Гималаи. Высотный гид американской экспедиции «Горное безумие», Сиэтл, штат Вашингтон. *Бескислородное* восхождение в составе экспедиции по классическому маршруту с юга.

17 мая. Вершина Лхоцзе, 8 505 м, Гималаи. Одинокое скоростное восхождение *без применения кислорода* от базового лагеря на леднике Кхумбу через Южное седло по кулуару Ройса до вершины за 21 час 16 мин.

25 сентября. Вершина Чо-Ойю, 8 201 м, Гималаи. Одинокое *бескислородное* восхождение без какой-либо поддержки носильщиков и высотных шерпов. Восхождение совершено в течение пяти дней (включая акклиматизацию) со дня прибытия в базовый лагерь. Штурм с высоты 7 000 м.

9 октября. Северная вершина Шиша-Пангмы, 8 008 м, Гималаи. Одинокое *бескислородное* восхождение. Штурм с высоты 7 000 м. Первое восхождение на эту вершину в осеннем сезоне этого года

В ежегоднике «Американский альпинистский журнал» публикует статью «Дороги, которые мы выбираем» о восхождении казахстанской команды в 1996 году на восьмитысячник Манаслу в Гималаях.

1997 год.

26 апреля. Вершина Эверест, 8 848 м, Гималаи. Консультант и главный тренер первой национальной индонезийской военной экспедиции, лидер на восхождении. При восхождении по классическому маршруту через Южное седло использовал кислород выше седла, расход 1л в минуту. Первое восхождение на вершину в летнем сезоне этого года.

26 мая. Вершина Лхоцзе, 8 505 м, Гималаи. *Бескислородное* восхождение с Южного седла в двойке с итальянским альпинистом Симоне Моро. Штурмовой лагерь на высоте 7 200 м.

Альпинисты отказываются от попытки траверса Лхоцзе — Эверест из-за плохой погоды и недостаточно хорошего самочувствия.

7 июля. Броуд пик, 8 047 м, Каракорум. Одинокое скоростное *бескислородное* восхождение базовый лагерь — вершина за 36 часов. Первое восхождение на восьмитысячник в Каракоруме в сезоне 1997 года.

14 июля. Вершина Гашербрум II, 8035 м, Каракорум. Одинокое *бескислородное* скоростное восхождение по классическому маршруту от передового базового лагеря (ABC) на высоте 5 800 до вершины за 9 часов 37 минут. Общее время подъема и спуска — 13 часов.

Впервые в истории мирового альпинизма совершены четыре восхождения на восьмитысячники за 80 дней. Два последних восхождения совершены за 7 дней!

8 ежегоднике «Американский альпинистский журнал» Букреев публикует статью «Кислородные иллюзии» о проблемах восхождений на восьмитысячники с применением кислорода

В соавторстве с Вестоном Де Уолтом готовит к изданию книгу «Восхождение». В США ее публикует издательство «Мартин Пресс».

Алма-Ата, 2001

В. Седельников
заслуженный тренер СССР,
мастер спорта СССР международного класса

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателей	6
Предисловие переводчика	
Предисловие к русскому изданию	8
В знак благодарности	15
От автора	16
Пролог	17
Глава 1 ГОРНОЕ БЕЗУМИЕ	27
Глава 2 ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЭВЕРЕСТ	37
Глава 3 ПРИГОТОВЛЕНИЯ	47
Глава 4 КЛИЕНТЫ	55
Глава 5 ПУТЬ К ЭВЕРЕСТУ	60
Глава 6 В СУЕТЕ	67
Глава 7 БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ	74

Глава 8 ОТ КХУМБУ КО ВТОРОМУ ЛАГЕРЮ	79
Глава 9 ВО ВТОРОМ ЛАГЕРЕ	90
Глава 10 ПЕРВЫЕ ЗАДЕРЖКИ	97
Глава 11 ГОТОВЯСЬ К ШТУРМУ	107
Глава 12 ПЕРЕД СТАРТОМ	116
Глава 13 В ЗОНУ СМЕРТИ	126
Глава 14 К ЮЖНОЙ ВЕРШИНЕ	135
Глава 15 ПОСЛЕДНИЕ СТО МЕТРОВ	143
Глава 16 СПУСК	150
Глава 17 СНЕЖНАЯ СЛЕПОТА	158
Глава 18 НЕ МОЖЕШЬ ИДТИ – ПОЛЗИ	166
Глава 19 ХРОНИКА СПАСЕНИЯ	175
Глава 20 ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА	188

ОГЛАВЛЕНИЕ	375
Глава 21	
ИНФОРМАЦИОННОЕ БЕЗУМИЕ	194
Послесловие	210
Эпилог	
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЭВЕРЕСТ	214
Постскриптум	234
В память об Анатолии	236
Приложение 1	
Наш ответ Кракауэру	241
Приложение 2	
Рецензия, опубликованная «Американским альпинистским журналом»	273
Приложение 3	
Экспедиция «Горного безумия»	
Разбор восхождения (расшифровка магнитофонной записи)	278
Приложение 4	
Толя Букреев/Володя Башкиров	352
Приложение 5	
Анатолий Букреев	354
Приложение 6	
Владимир Башкиров	357
Приложение 7	
Как это было	359
Приложение 8	
О ком умолчал колокол...	362

Анатолий Букреев, Г. Вестон Де Уолт
Восхождение

Редактор П. Кузнецова
Корректоры А. Немзер, С. Твардовская
Верстка А. Шамшурина
Художник А. Самохина

Издательство Московского Центра
непрерывного математического образования

Лицензия ИД № 01335 от 24.03.2000 г.
Подписано в печать 03.07.2002 г. Формат 70X100¹/₁₆ Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Печатных листов 23,5+1. Тираж 3000 экз. Заказ 6871.

МЦНМО
121002, Москва, Большой Власьевский пер., 11

Отпечатано в ФГУИПП «Янтарный сказ».
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

Горы имеют власть звать нас в свои края
Там навсегда остались лежать наши с вами друзья
Тянутся к высоте люди большой души
Не забывайте тех, кто не пришел с вершин...

Анатолий Букреев

